94708
A-787

947.08
A787

18 ОКТ 1924
13 ДЕК 192
9 ФЕВ 19
ФЕВ 1926
7 МАР 1926
3 МАР 1926
23 МАР 1926

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач

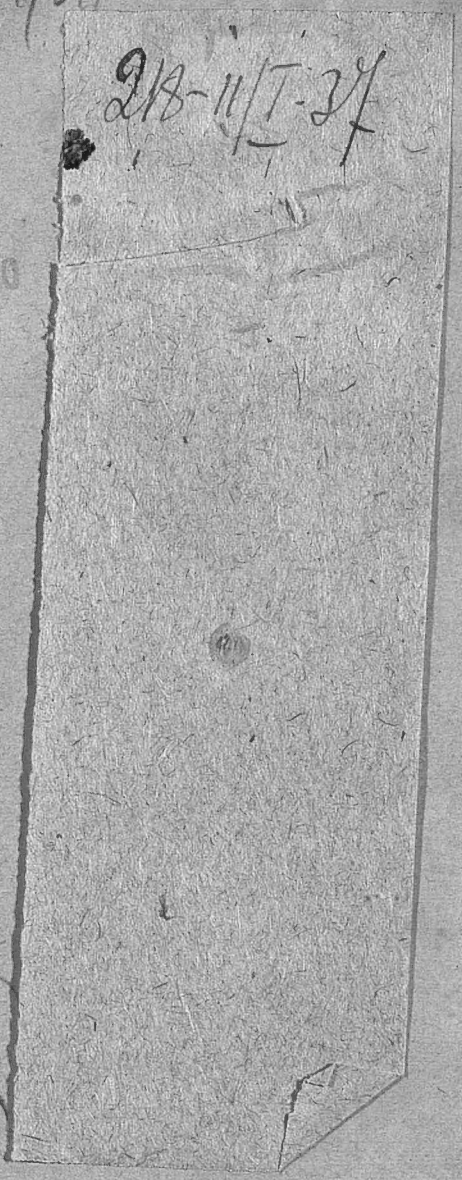
зак. 1159

ВЫШЛИ
1) „Наше царс
2) „Ледникъ“.
3) „Дикій лѣс
4) „Царствен
5) „На высот
6) „Предъ ли
7) „Опасный

Цѣна

А. Н
РУ
МА
СЕ
ПР
ИС
ПО
ч.
л.
д.

25 ЯНВ 1920
18 ЯНВ 1920
16 МАР 1920
25 МАР 1920
10 МАЙ 1920



ко

В. А. Апушкинъ.

9К

Русско-Японская война 1904—1905 г.

947.08
А787

—

3 портрета. Съ рисунками 7 и планами. 2.

1884

947.08
А787
~~261479~~
Нар. Образование

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
имени А. С. ПУШКИНА.

МОСКВА—1910.
Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Мыльниковъ пер., собств. домъ.
Телефонъ 18-35.

Центральное книгохранилище
Моск. Обл. библиотеки

Центральное книгохранилище
Моск. Обл. Библиотеки

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О минувшей русско-японской войнѣ, со времени ея окончанія, создалась уже обширная мемуаристическая литература, чрезвычайно цѣнная для ознакомленія съ отдѣльными ея эпизодами и для характеристики отдѣльныхъ ея дѣятелей и различныхъ сторонъ состоянія нашего военнаго дѣла, — но цѣльной картины ея, написанной не для спеціалистовъ-военныхъ, а для широкаго круга интеллигентныхъ читателей, все еще нѣтъ. Имѣя въ виду подъемъ общественнаго интереса къ вопросамъ нашей государственной обороны, созданный небывалымъ въ нашей исторіи крушеніемъ нашего военно-политическаго могущества,—памятуя тотъ интересъ, который проявило русское общество въ тяжелую годину войны къ ея событіямъ и причинамъ ихъ,—интересъ, скудно удовлетворявшійся отрывочными корреспонденціями съ театра войны, проходившими сквозь строгую двойную военную цензуру, — сознавая, наконецъ, что этотъ интересъ къ событіямъ, послужившимъ рѣшительнымъ толчкомъ къ обновленію государственнаго строя Россіи и могущимъ еще имѣть свое кровавое продолженіе,—не заглохъ, редакція книгоиздательскаго товарищества «Образованіе» просила меня составить популярный (однако не въ смыслѣ широкой народной массы) очеркъ русско-японской войны для издаваемой ею серіи книгъ подъ названіемъ «Русская Быль».

Я выполнилъ это симпатичное въ идеѣ порученіе, какъ могъ и сумѣлъ въ предѣлахъ даннаго мнѣ времени, размѣра книги и того матеріала, которымъ можетъ располагать отдѣльное частное лицо. Если читатель приметъ еще во вниманіе, что въ нашей литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ работъ, посвященныхъ военно-историческимъ событіямъ въ смыслѣ освѣщенія и изученія ихъ не съ спеціальной точки зрѣнія, а

съ широкой, обще-исторической, и, стало быть, мнѣ впервые пришлось устанавливать рамки общественнаго интереса и пониманія въ столь спеціальной области, какъ военная исторія,— то, быть можетъ, онъ снисходительно отнесется къ возможнымъ недостаткамъ моей книги. Центръ тяжести ея лежитъ не въ томъ, гдѣ какой корпусъ, дивизія или полкъ стояли и какъ во всѣхъ подробностяхъ сраженія происходили, а въ томъ, какъ послѣднія подготовлялись и что вліяло на исходъ ихъ—въ смыслѣ побѣды или пораженія. Словомъ, я удѣлилъ болѣе вниманія и мѣста не вопросамъ тактики, а болѣе широкимъ, понятнымъ и интереснымъ вопросамъ стратегіи,—не исполнителямъ боевыхъ диспозицій, а тѣмъ, кто давалъ для нихъ директивы, чей разумъ и воля направляли ходъ войны.

Соотвѣтственно основному характеру книги даны въ ней и рисунки, представляющіе снимки съ батальныхъ картинъ нашихъ художниковъ, являющіеся также отраженіемъ общественнаго вниманія и интереса къ минувшей войнѣ.

В. А.

18 февраля 1910 г.
С. П. Б.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Прошлое русско-японскихъ отношеній.

Отношенія Россіи и Японіи между собою никогда не были хорошими. Ихъ всегда омрачала боязливая подозрительность маленькой, замкнутой въ себѣ островной державы къ гиганту-государству, распростершемуся на двухъ материкахъ. Эта враждебность впервые проявилась въ Японіи въ концѣ XVIII вѣка. Къ этому времени наши дальне-восточныя владѣнія равнялись уже 72.000 кв. миль, включая въ себя о-ва Курильскіе, Командорскіе, Алеутскіе, Шумачинскіе, Евдокіевскіе, Кадьякъ, Ситха, Прибылова, Гвоздевы, Св. Матѳея и колонію Россъ на берегахъ Новой Калифорніи. Для использованія этихъ обширныхъ владѣній, обладавшихъ населеніемъ въ 100.000 чел. и всевозможными дарами природы, въ 1779 г., подъ покровительствомъ нашего правительства, образовалась Россійско-Американская Компанія, которой были предоставлены исключительныя права не только въ отношеніи пушныхъ, рыбныхъ, горныхъ промысловъ и торговли, но и по управленію этими о-вами и колоніями.

Едва Компанія эта успѣла проявить свою дѣятельность, какъ въ 1790 г. появляется въ Японіи первый политическій памфлетъ, указывающій на захватную политику Россіи на Д. Востокѣ. Когда же въ 1806 г. на о-вѣ Сахалинѣ появляются впервые русскіе форпосты въ видѣ нѣсколькихъ казармъ, долженствовавшихъ скорѣе быть пріютомъ русскихъ промышленниковъ, чѣмъ солдатъ, японцы переходятъ отъ словъ къ дѣлу. Толпы японцевъ-колонистовъ появляются на о-вѣ и занимаютъ наиболѣе важные въ промышленномъ и стратегическомъ отношеніяхъ пункты.

Въ Японіи давно и хорошо знали о неисчислимыхъ естественныхъ богатствахъ Сахалина. На Сахалинъ ѣздили, какъ за «золотымъ руномъ» — за сельдянымъ тукомъ, удобрявшимъ скудную почву японскихъ о-вовъ, за цѣнными породами рыбы — кэты и лосося, за китовымъ усомъ, за жиромъ кита и моржа, за мѣхомъ котика и бобра, за золотомъ, за лѣсомъ, но, вывозя все это оттуда, японцы ранѣе не обнаруживали намѣренія колонизовать Сахалинъ... Очевидно, что колони-

зація его въ 1806 г. была дѣломъ не экономической необходимости, а политической демонстраціей... Но Россійско-Американская Компанія отнеслась къ ней сперва вполнѣ благодушно и предложила Японіи заключить съ ней торговый договоръ.

Японія отвѣтила отказомъ. Не допуская иностранцевъ на свои о-ва, она и здѣсь хотѣла примѣнить политику закрытыхъ дверей... Но на Сахалинъ суверенныхъ правъ у Японіи еще не было, не было даже и права первенства въ колонизаціи его, и естественно, что этотъ высокомѣрный отказъ возмутилъ представителя Компаніи, камергера Рязанова. Онъ захотѣлъ «проучить» японцевъ и приказалъ командиру фрегата «Юнона», лейт. Хвостову истребить находившіяся у Сахалина японскія суда, уничтожить японскіе магазины, сооруженные на о-вѣ для храненія рыбы и припасовъ, захватить японцевъ и «вообще произвести погромъ, достаточно внушительный, чтобы отбить у нихъ навсегда охоту селиться на о-вѣ»...

Хвостовъ очень ретиво выполнилъ это порученіе осенью 1806 года, а весною 1807 года повторилъ этотъ погромъ, при чемъ у береговъ о-ва Іезо захватилъ 4 японскихъ коммерческихъ судна. Хотя за свои самовольныя на этотъ разъ дѣйствія лейт. Хвостовъ по прибытіи въ Охотскъ и былъ арестованъ и отданъ подъ судъ, но произведенные имъ «погромы» произвели сильное впечатлѣніе на правителя Японіи, и онъ принялъ рядъ мѣръ для защиты о-вовъ Японскаго архипелага отъ русскаго нашествія: по берегамъ Японіи приказано было строить крѣпости «противъ русскихъ»; на о-въ Іезо послано 3 тыс. солдатъ для защиты его «отъ русскихъ», губернаторамъ о-вовъ велѣно быть въ постоянной готовности противодѣйствовать высадкѣ «русскихъ». Долго ждали японцы этого нашествія и, наконецъ, усмотрѣли его въ экспедиціи лейт. Головнина, которому на шлюпѣ «Діана» поручено было описать принадлежавшіе намъ Курильскіе о-ва и Охотское море... Въ іюлѣ 1811 года Головнинъ съ частью экипажа своего судна былъ захваченъ японцами въ плѣнъ и освобожденъ только осенью 1813 года послѣ продолжительныхъ и настойчивыхъ увѣреній, что русское правительство не принимало участія въ дѣйствіяхъ лейт. Хвостова.

Во избѣжаніе повторенія подобныхъ инцидентовъ, со стороны Россіи, въ теченіе трехъ лѣтъ—1815, 1816 и 1817 годовъ — дѣлались попытки войти съ Японіей въ правильныя международныя отношенія. Но Японія упорно ихъ отклоняла и вынудила, наконецъ, сибирское начальство воспретить всякое повтореніе этихъ попытокъ. Въ теченіе сорока лѣтъ всякія сношенія Россіи съ Японіей были прерваны.

Это обстоятельство не могло, конечно, остановить исторически слагавшейся эволюціи нашей государственной жизни, искавшей для себя новыхъ путей и естественныхъ границъ... Открывъ въ 1848 году устья Амура, Россія естественно желала обладать и верховьями его.

Употребивъ всѣ усилія къ установленію добрососѣдскихъ отношеній съ Китаемъ, мы получили по Айгунскому договору съ нимъ въ 1858 г. всѣ земли Уссурійскаго края и право безраздѣльнаго владѣнія Амуромъ. Въ то же время на о-вѣ Сахалинѣ были заняты нами въ 1852 г. посты Дуэ и Анива. Здѣсь мы снова встрѣтились съ японцами... На этотъ разъ дѣло обошлось безъ ссоры. Островъ представлялъ собою какъ бы безхозяйную землю; аборигены его—айны—не могли отстаивать его самостоятельности, и потому японское правительство, хорошо сознавая шаткость своего единоличнаго права на обладаніе о-вомъ, не стало препятствовать заселенію его русскими людьми. Да и политическая обстановка этому не благопріятствовала. Въ томъ же 1852 г. правительство Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ отправило въ Японію экспедицію коммадора Биддля съ порученіемъ завязать, наконецъ, сношенія съ этою нелюдимою страною. Биддлю было сказано отъ имени правителя Японіи, что, соблюдая завѣтъ своихъ предковъ, японскій народъ избѣгаетъ всякаго общенія съ иностранцами и отъ этого завѣта отступить не можетъ... Отвѣтъ этотъ вызвалъ бурю протестовъ въ Америкѣ. Печать, клубы, конгрессъ въ Вашингтонѣ, всѣ потребовали внушительной морской демонстраціи противъ Японіи. И вотъ, въ февралѣ 1854 года, девять сильныхъ американскихъ военныхъ пароходовъ стали на якорь противъ Канагавы (Іокагама). Подъ жерлами ихъ пушекъ японскому пр-ству пришлось подписать Канагавскій договоръ, положившій начало цѣлому ряду сходныхъ съ нимъ трактатовъ, заключенныхъ съ Японіей другими державами, въ силу которыхъ европейцы и американцы получили право селиться въ портахъ Хакодате, Канагава, Нагасаки, Хіого и Ніагата, пріобрѣтать въ нихъ дома, строить церкви, торговать и т. д.

26-го января 1855 г., въ Симодѣ, подобный же договоръ впервые заключила съ Японіей и Россія. Согласно ему, граница была проведена между о-вами Итурупъ и Урупъ, Сахалинъ же оставался въ общемъ неразграниченномъ владѣніи, такъ какъ онъ самъ по себѣ не представлялъ какой либо опредѣленной политической величины, населеніе его не выработало никакой формы государственности и жило на началахъ родового быта; посѣщался онъ одинаково русскими и японцами и не было вообще никакихъ доказательствъ его принадлежности какой-либо странѣ. Для закрѣпленія нейтральнаго характера Сахалина, вслѣдъ за подписаніемъ Симодскаго договора, былъ снятъ нашъ постъ на южной оконечности о-ва. Мы хотѣли этимъ фактомъ убѣдить японцевъ въ нашемъ миролюбіи. Но не убѣдили въ немъ. Не такой былъ моментъ. Японскій народъ былъ потрясенъ происшедшими событіями и оскорбленъ въ своемъ національномъ самолюбіи вынужденною необходимостью отказаться отъ завѣтовъ предковъ и войти въ сношенія съ иноземцами. Среди него образовалась «лига патріотовъ», которая поставила своею задачею бороться съ нашест-

віемъ «заморскихъ чертей»—иностранцевъ на Японію. И среди послѣднихъ на первомъ мѣстѣ поставлена была ближайшая сосѣдка Японіи — Россія. Стоявшій во главѣ этой лиги популярный въ странѣ поэтъ Фуджита въ рядѣ политическихъ поэмъ указывалъ на постепенное расширеніе территоріи Россіи за счетъ Китая и на мечты ея присоединить къ своимъ владѣніямъ и архипелагъ Японскихъ о-вовъ... Патріотизмъ лиги, ея тревоги и подозрѣнія сообщились и японской прессѣ. Она зорко слѣдила за поступательнымъ движеніемъ Россіи съ сѣвера Сахалина къ южной его оконечности, отдѣленной отъ Японіи узкимъ проливомъ Лаперуза, и указывала народу, что Россія стремится завладѣть Сахалиномъ не только съ цѣлью монополизировать рыбныя его богатства, но и съ тѣмъ, чтобы создать изъ него операціонную базу для завоевательной экспедиціи въ Японію.

Стихи Фуджита и статьи Гаяши возымѣли свое дѣйствіе. Послѣ того какъ лига патріотовъ посѣтила Сахалинъ и убѣдилась въ преобладаніи на немъ русскаго вліянія надъ японскимъ, правительство японское признало необходимымъ размежеваться. Въ 1862 году съ этою цѣлью въ Петербургъ впервые явилось японское посольство. Переговоры не имѣли успѣха, такъ какъ японскіе делегаты желали, чтобы сѣверной границей ихъ владѣній считалась 51-я параллель... Желаніе это не было уважено нашимъ правительствомъ... Японія же не желала отказаться отъ обладанія Сахалиномъ... Однако отсутствіе естественной границы все болѣе и болѣе вело къ взаимнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ... Сознавая, что сама она не въ состояніи отстоять свои требованія, Японія въ 1875 г. признала, наконецъ, себя вынужденной уступить Россіи Сахалинъ полностью, взявъ себѣ въ вознагражденіе за отказъ отъ него Курильскіе о-ва.

Японскій народъ, лишившійся теперь возможности безданно, безпошлинно добывать на Сахалинѣ сельдяной тукъ, лѣсъ, рыбу, каменный уголь, остался крайне недоволенъ этой сдѣлкой,—и печать объявила Россію «коварнымъ врагомъ» Японіи, «жестокимъ ея притѣснителемъ» и т. п. И хотя Россія не участвовала ни въ одной изъ военныхъ демонстрацій, имѣвшихъ цѣлью открыть свободный доступъ въ Японію иноземцамъ и устроенныхъ въ 1854 г.—американцами, а въ 1864 году—англичанами, французами и голландцами;—хотя она ни разу не пыталась воздѣйствовать на Корею въ пользу христіанъ посылкою своей эскадры, какъ это сдѣлали въ 1866 году французы, а въ 1871 г.—американцы;—хотя, наконецъ, она всѣ свои дѣла съ Китаемъ вела также совершенно мирнымъ путемъ, не слѣдуя примѣру англичанъ, бомбардировавшихъ въ 1856 г. форты къ югу отъ Кантона и повторившихъ на другой годъ эту военную демонстрацію вмѣстѣ съ французскимъ флотомъ,—тѣмъ не менѣе именно Россія казалась Японіи опаснѣйшимъ ея врагомъ и каждое ея мѣропріятіе разсматривалась какъ угроза независимости и развитію Японіи.

Конечно, здѣсь не обошлось безъ постороннихъ вліяній,—вліяній нашихъ европейскихъ недруговъ...

Со всѣмъ этимъ надлежало считаться и бороться... Но гордые своею прошлой славой, своею международною репутаціею «сѣвернаго колосса», мы считали «неотъемлемымъ добытое вѣками право обосноваться на тихо-океанскомъ по бережьѣ» и, пренебрегая косыми взглядми на насъ японцевъ, предоставляли событіямъ идти и развиваться своимъ чередомъ... Мы словно не замѣчали лихорадочнаго возбужденія, съ которымъ въ это время происходило въ Японіи обновленіе всей ея государственной жизни. Реформы слѣдовали одна за другою—и въ теченіе двухъ десятилѣтій (1870—1890 гг.) Японія совершенно преобразилась: феодальный строй уничтоженъ, столица перенесена изъ Кіото въ Іедо (Токіо), проведены желѣзныя дороги, введена золотая валюта, развилась промышленность, торговля, страна покрылась сѣтью кредитныхъ учрежденій, образованіе сдѣлано всеобщимъ и обязательнымъ, изданъ сводъ законовъ, реорганизованы на европейскій ладъ армія и флотъ, численность которыхъ значительно увеличена, и, наконецъ, странѣ дарована конституція...

На Дальнемъ Востокѣ несомнѣнно возникала новая сила... А мы попрежнему жили не спѣша, довольствуясь въ отношеніи дальневосточной окраины полумѣрами... Такъ, въ 1855 г. мы начали колонизовать берега и низовья Амура... Но туда никто не шелъ изъ центральной Россіи, и ясно почему: въ воздухѣ уже чуялось паденіе крѣпостного права, подавались адреса, созывались комитеты и комиссіи —и крестьянство ждало разрѣшенія жгучаго вопроса на родной землѣ... Тогда явилась мысль о принудительномъ заселеніи этого края штрафованными солдатами изъ Забайкалья, а Сахалина—преступниками со всей Россіи... Конечно, и изъ этихъ мѣропріятій ничего не вышло... Сахалинскія природныя богатства не были вовсе использованы, а Приамурье такъ и осталось незаселеннымъ, некультурнымъ краемъ...

Въ 1860 году для закрѣпленія нашего владычества на Д. Востокѣ созданъ былъ Владивостокъ, какъ административный центръ края, какъ крѣпость и портъ. Послѣдній былъ обширенъ, но замерзалъ... И только черезъ 35 лѣтъ мы начали искать другой, незамерзающій портъ для обезпеченія свободы дѣйствій нашего тихо-океанскаго флота. Но для обезпеченія его углемъ мы не сдѣлали за все это время ничего и, когда грянула война, нашъ флотъ не имѣлъ нигдѣ, ни въ Атлантическомъ, ни въ Индѣйскомъ, ни въ Тихомъ океанахъ ни одной собственной угольной станціи.

Наконецъ, начавъ въ 1891 году строить желѣзную дорогу черезъ всю Сибирь, мы ничего не измѣнили ни въ темпѣ работъ, ни въ расчетахъ ея провозоспособности не только послѣ событій 1894—1895 гг., когда отношенія къ намъ японскаго народа достигли апогея враждебности, но и послѣ событій 1900 г., указывавшихъ на развитіе

чувства протеста противъ европейскаго нашествія на Азію въ исконныхъ ея обитателяхъ.

Наша дипломатія словно не замѣчала, что каждому новому нашему шагу на Д. Востокѣ, какъ бы скроменъ и робокъ онъ ни былъ, соотвѣтствуетъ и шагъ Японіи, долженствующій уравновѣсить ея шансы на успѣхъ въ возможной борьбѣ съ нами.

Въ 1875 г. Японія уступила намъ весь Сахалинъ. Въ слѣдующемъ же году она возмѣщаетъ эту потерю договоромъ съ Кореей объ открытіи ей порта Фузанъ и оккупаціей о-ва Ліу-Кіу. Ступивъ однажды на территорію Кореи, Японія быстро расширяетъ здѣсь сферу своего вліянія. Въ 1880 г. она получаетъ уже доступъ въ порты Гензанъ и Чемульпо, а въ 1881 году содѣйствуетъ свергнутому регенту захватить короля Кореи. Потерпѣвъ въ лицѣ этого регента, захваченнаго китайскими властями, неудачу, Японія въ 1885 г., уже за свой счетъ и страхъ, не прячась болѣе ни за чьи спины, производитъ въ Кореѣ дворцовую революцію, во время которой японскіе солдаты захватываютъ въ плѣнъ корейскаго короля. Корея постепенно, все болѣе и болѣе выходитъ изъ-подъ власти и вліянія своего суверена-Китая и подчиняется вліянію Японіи. Японцы навязали ей никкелевую монету, изгнанную изъ Японіи; для своихъ стратегическихъ цѣлей они провели въ странѣ телеграфъ, построили желѣзную дорогу Фузанъ—Сеулъ, организовали переселеніе въ Корею японскихъ эмигрантовъ и для охраны ихъ ввели въ страну японскія войска. Только послѣднее обстоятельство обратило вниманіе нашего правительства на усиленіе Японіи въ Кореѣ, но, будучи настроено миролюбиво, оно быстро удовлетворилось отвѣтомъ, что увеличеніе японскихъ войскъ въ Кореѣ незначительно.

Между тѣмъ здѣсь все уже было подготовлено къ окончательному переходу Кореи изъ-подъ протектората Китая подъ покровительство Японіи. Нуженъ былъ только внѣшній поводъ для войны съ Китаемъ. Къ ней усиленно готовились и въ этой подготовкѣ крупную и дѣятельную роль сыгралъ первый же парламентъ Японіи, созванный въ 1890 г. Именно съ этого времени замѣчается ускоренное развитіе численности вооруженныхъ силъ Японіи и усиленіе ихъ боевой готовности всѣми усовершенствованіями новѣйшей военной техники.

Въ 1894 г. бывшій регентъ Кореи, не разъ уже пытавшійся свергнуть законное правительство страны, вернулся на родину изъ китайскаго плѣна и снова поднялъ знамя возстанія... Основываясь на конвенціи своей съ Китаемъ 1885-го года, предоставлявшей обоимъ этимъ государствамъ, при возникновеніи въ Кореѣ смуты, немедленно же высаживать свои войска на полуостровъ для возстановленія порядка, Японія заявила Китаю о своемъ намѣреніи воспользоваться этимъ правомъ... Китай, ссылаясь на свои верховныя права надъ Кореей и понимая расчеты японцевъ, искавшихъ только случая увеличить еще болѣе

свои войска въ Кореѣ, отказалъ имъ въ совмѣстной оккупаціи Кореи, какъ излишней мѣрѣ, не отвѣчающей размѣрамъ смуты... Японія не подчинилась этому отказу, усилила свои войска въ Кореѣ и предъявила корейскому правительству рядъ требованій относительно реформъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни... Получивъ уклончивый отвѣтъ отъ корейскаго правительства, а отъ китайскаго — требованіе вывести свои войска изъ Кореи, Японія, безъ объявленія войны, заняла Сеулъ, овладѣла особой короля и открыла военныя дѣйствія какъ на морѣ, такъ и на сушѣ внезапными нападеніями на китайскія войска и суда.

Начавшаяся такимъ образомъ война окончена была Японіею вполнѣ успѣшно, и при заключеніи мира она потребовала отъ Китая уплаты контрибуціи, признанія независимости Кореи и уступки ей Ляодунскаго полуострова вмѣстѣ съ П.-Артуромъ, взятымъ штурмомъ. Противъ послѣдняго требованія заявили протестъ Германія, Франція и Россія, — и Японія со злобой въ сердцѣ должна была ему подчиниться. По Симоносекскому договору 5-го апрѣля 1895 г. Ляодунъ и П.-Артуръ остались во власти Китая.

Японскій народъ былъ возмущенъ этимъ вмѣшательствомъ европейцевъ въ дѣла Азіи: его національное самолюбіе было оскорблено, его тщеславію «побѣдителя» былъ нанесенъ ударъ, сознанію силы были поставлены границы... Однако проповѣдь принципа «Азія для азіатовъ» не встрѣтила сочувствія и поддержки въ правящихъ и интеллигентныхъ сферахъ японскаго народа. Ими ясно сознавалось, что собственными средствами отомстить не скоро удастся... А мщенія требуетъ душа народа... Кому же мстить? Франція и Германія непосредственно не соприкасаются съ Японіей и не внушаютъ опасенія въ томъ смыслѣ, что для округленія своихъ владѣній они вдругъ пожелаютъ присоединить къ себѣ архипелагъ Японскихъ острововъ... Другое дѣло—Россія!.. Ей все твердятъ: «Ты третій Римъ! Ты третій Римъ!»... И она охотно это слушаетъ, охотно вѣритъ въ свое особое міровое назначеніе и, дѣйствительно, ширится, растетъ, катится огромною волною по великому азіатскому материку. Она ближе всѣхъ другихъ державъ къ Японіи и этою своею близостью она опаснѣе всѣхъ другихъ... И потому на нее именно обрушилось всего сильнѣе, всего полнѣе негодованіе Японіи за симоносекскую обиду.

Казалось бы, къ этому шуму японской печати, къ этимъ страстнымъ рѣчамъ ненависти, раздававшимся въ Японіи съ трибунъ парламента и политическихъ клубовъ, намъ надлежало прислушаться и такъ или иначе съ нимъ считаться... Но мы и на этотъ разъ остались и слѣпы, и глухи къ тому, что происходило на Японскихъ островахъ... Мы жили словно зачарованные горделивыми тютчевскими стихами:

Не вѣрь въ Святую Русь кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой—

И Богъ побѣды не отсрочитъ
Въ угоду трусости людской:
То, что обѣщано судьбою
Ужъ съ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей...
. . . . . .
Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить!
Всемірную судьбу Россіи,
Нѣтъ, вамъ ее не запрудить!..

И мы вѣрили, что «за насъ Провидѣніе», что «все, что мы дѣлаемъ,—предопредѣлено свыше» и, что «никто не посмѣетъ»...

Совершенно не считаясь съ настроеніемъ Японіи, созданнымъ Симоносекскимъ договоромъ, пожалуй, даже считая себя ея благодѣтелями, такъ какъ взялись гарантировать ей исправный платежъ Китаемъ контрибуціи, мы какъ разъ въ это именно время сдѣлали рядъ шаговъ, свидѣтельствовавшихъ, что послѣ долгихъ лѣтъ бездѣйствія на Д. Востокѣ мы желаемъ играть на немъ дѣятельную роль.

Въ концѣ того же года, когда былъ заключенъ Симоносекскій миръ, а именно 10 декабря 1895 г., наше правительство разрѣшило учрежденіе акціонернаго общества для производства торговыхъ операцій въ странахъ Восточной Азіи подъ названіемъ «Русско-Китайскій Банкъ». Новому обществу предоставлено было право, независимо отъ производства обычныхъ банковскихъ операцій, пріобрѣтать у Китайскаго пр-ства также концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ въ предѣлахъ Китая и на проведеніе телеграфныхъ линій...

Въ силу этого права правленіе Р.-К. Банка уже 27 августа 1896 г. заключило съ китайскимъ пр-ствомъ договоръ, предоставлявшій Банку право образовать «Общество Китайской Восточной жел. дороги», которое, въ связи съ постройкою жел.-дорожнаго пути или независимо отъ нея, могло еще разрабатывать угольныя копи и эксплоатировать въ Китаѣ другія торговыя и промышленныя предпріятія... Ни для кого тогда уже не составляло секрета, что Р.-К. Банкъ и Общество Вост.-Кит. ж. д. суть учрежденія офиціозныя: возникли по идеѣ, если не самого русскаго пр-ства, то во всякомъ случаѣ лицъ, вліятельныхъ въ русскихъ правящихъ сферахъ, пользуются ихъ покровительствомъ и финансовой поддержкой.

Конечно, это дѣлалось не безкорыстно: не ради только того, чтобы платить дивидендъ Китайскому Императорскому правительству, внесшему въ складочный капиталъ Банка 5,000,000 ланъ или 7,125,000 руб.;—не ради только увеличенія доходовъ китайскихъ купцовъ и выгоднаго помѣщенія капиталовъ русской знати и русскихъ промышленниковъ. Учрежденія эти преслѣдовали несомнѣнно русскія государственныя цѣли.

Прежде всего они облегчали возможность провести часть магистрали великаго Сибирскаго пути по владѣніямъ Китая, чѣмъ сокращался путь, сберегались средства нашего государственнаго казначейства и понижался провозной тарифъ. Во-вторыхъ, дѣятельность Банка и Правленія дороги, направленная къ развитію торговли и промысловъ, несомнѣнно должна была поднять доходность великаго Сибирскаго пути, оживить глухой край и повлечь за собой его колонизацію. И въ-третьихъ, участіе китайскаго пр-ства въ капиталахъ Банка обезпечивало намъ принятое на себя предъ Японіей поручительство по выплатѣ Китаемъ контрибуціи...

Считая задачу свою обосноваться на материкѣ не достигнутою войною съ Китаемъ и сознавая, что отнынѣ интересы послѣдняго тѣсно сплетены съ интересами Россіи, Японія не могла, конечно, оставаться спокойной предъ фактами учрежденія Рус.-Кит. Банка и Вост.-Кит. ж. дороги. Враждебное настроеніе противъ русскихъ все росло и выдвинуло на очередь новый вопросъ. До этого времени наша тихоокеанская эскадра спокойно, безъ всякихъ опасеній, пользовалась рейдами и бухтами Японіи для зимнихъ своихъ стоянокъ. Теперь пребываніе въ нихъ было уже не только непріятно, но и небезопасно... Являлась необходимость найти портъ внѣ японскихъ территоріальныхъ водъ для пребыванія въ немъ нашихъ судовъ на то время, когда владивостокскій рейдъ замерзаетъ. Выборъ палъ на бухту Кіао-Чао, и китайское пр-ство, «во вниманіе къ дружбѣ обоихъ государствъ», дало уже Россіи свое согласіе на зимовку въ ней русской эскадры... Но Кіао-Чао давно уже интересовалась Германія... Ей также нужна была въ Тихомъ океанѣ собственная угольная станція. Такъ какъ Китай уже неоднократно отклонялъ домогательства Германіи относительно Кіао-Чао, то послѣдняя самовольно заняла эту бухту въ ноябрѣ 1897 года. Мы не вмѣшивались, а Китай не смѣлъ сопротивляться—и захватъ былъ оформленъ арендным договоромъ на 99 лѣтъ. Это было такъ же неожиданно для Японіи, какъ и для насъ, но она отнеслась къ совершившемуся факту сдержанно, возложивъ отвѣтственность за него... на Россію.—«Россіи—разсуждала японская печать,—китайское пр-ство предоставило пользоваться Кіао-Чаоской бухтой; стало быть, съ согласія Россіи Германія заняла эту бухту, Россія же имѣетъ-де въ виду Ляодунскій полуостровъ, и Японіи надлежитъ принять мѣры къ обезпеченію своихъ интересовъ».

Если авторъ перваго политическаго памфлета въ Японіи противъ Россіи поплатился за изданіе его тюрьмою, то съ теченіемъ времени отношеніе Японскаго правительства къ этой темѣ рѣзко измѣнилось и теперь оно охотно пользовалось услугами печати для возбужденія въ народѣ шовинизма и усиленія съ его согласія вооруженныхъ силъ страны. И японская печать сдѣлала свое дѣло. Общественное мнѣніе страны было доведено до сильнѣйшаго возбужденія противъ Россіи—

и парламентъ постановилъ: удвоить армію и флотъ и выполнить эту задачу къ 1906 году. Средствами для этого должна была служить военная контрибуція, взятая съ Китая, въ исправномъ платежѣ которой поручилась... Россія! Такъ мы сами помогали Японіи вооружаться противъ насъ. Велико же было наше политическое ослѣпленіе!

Какъ добросовѣстно исполняли мы принятое на себя предъ Японіей обязательство и какъ дѣятельно, энергично работали японскія военныя сферы, доказывается тѣмъ, что военная программа Японіи была выполнена ею на два года ранѣе назначеннаго срока,—къ 1904 году.

Понятно, что при такихъ условіяхъ пребываніе нашей эскадры зимою 1896 — 1897 г.г. въ Нагасаки и другихъ японскихъ портахъ только укрѣпило мысль о необходимости для Россіи имѣть свой незамерзающій портъ... Подумывали о Фузанѣ, въ Кореѣ, но, зная, что этотъ портъ давно служитъ предметомъ вожделѣнія Японіи, въ цѣляхъ сохраненія съ нею мира, отказались отъ его пріобрѣтенія... Между тѣмъ китайское пр-ство, отъ имени богдыхана, объявило нашему посланнику 27-го ноября 1897 года, что для нашихъ военныхъ судовъ открыты впредь всѣ безъ исключенія порты Китая. Тогда Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы отрядъ нашей тихоокеанской эскадры отправился для временной стоянки въ П.-Артуръ, на что китайское пр-ство изъявило полное свое согласіе.

1-го декабря 1897 года отрядъ этотъ (2 крейсера и 1 канонерская лодка) прибылъ на рейдъ П.-Артура... А слѣдомъ за нимъ явился изъ Чифу англійскій соглядатай,—крейсеръ «Дафнэ»... Несмотря на сдѣланный ему сигналъ «вамъ входъ воспрещается», «Дафнэ» вошелъ во внутренній рейдъ и пробылъ на немъ нѣсколько часовъ... Черезъ нѣсколько дней англійскій консулъ въ Тянь-Цзинѣ запросилъ мѣстныя китайскія власти о причинахъ, въ силу которыхъ русскія суда были допущены въ П.-Артуръ. Китайцы отвѣтили:—«для защиты интересовъ Китая». Отвѣтъ этотъ, конечно, не могъ удовлетворить Англію, и надлежало ожидать съ ея стороны новыхъ запросовъ, новыхъ самовольныхъ заходовъ англійскихъ судовъ въ П.-Артуръ и т. п. демонстрацій, противодѣйствовать которымъ Китай былъ безсиленъ. Поэтому Россія предложила китайскому пр-ству оформить пользованіе ею П.-Артуромъ письменнымъ соглашеніемъ, подобно тому, который заключенъ съ Германіей относительно Кіао-Чао.

Китай изъявилъ согласіе—и въ результатѣ происходившихъ по этому вопросу переговоровъ, 15-го (27-го) марта 1898 г. въ Пекинѣ было подписано уполномоченными Россіи и Китая соглашеніе о предоставленіи первой въ арендное пользованіе портовъ Артура и Таліенваня на 25 лѣтъ, съ правомъ продленія этого срока. Первый, какъ исключительно военный портъ, предоставленъ былъ въ пользованіе только русскимъ и китайскимъ судамъ, а второй, какъ портъ тор-

говый, открывался для коммерческихъ судовъ всѣхъ націй. Въ теченіе всего аренднаго срока военная и гражданская власть на арендованной территоріи предоставлялась Россіи. Концессія, данная въ 1896 г. китайскимъ пр-ствомъ Обществу Вост. Кит. ж. д., была этимъ же соглашеніемъ распространена въ томъ смыслѣ, что Общество получило право построить отъ магистрали вѣтки на Таліенванъ—Артуръ и къ р. Ялу.

Переговоры по этимъ вопросамъ и послѣдовавшее по нимъ соглашеніе Россіи съ Китаемъ, конечно, сильно волновали японское правительство, японское общественное мнѣніе и японскую печать. Послѣдняя представляла изъ себя въ это время сплошной потокъ ругательствъ, клеветъ, инсинуацій и угрозъ по адресу нашего отечества. Первое пыталось всячески противодѣйствовать этому соглашенію. Такъ, Японія усилила свои требованія объ уплатѣ ей Китаемъ контрибуціи, а Англія, будущая ея союзница, отказала Китаю въ займѣ на удовлетвореніе этого требованія... Когда же Россія устроила этотъ заемъ Китаю и, вслѣдствіе обезпеченія имъ уплаты военной контрибуціи, потребовала, въ силу Симоносекскаго договора, очищенія Японіей китайской крѣпости Вей-ха-вей, послѣднюю пожелала занять Англія...

Для отвѣта былъ назначенъ 4-хъ дневный срокъ съ угрозою, что въ случаѣ отказа Англія возьметъ его открытой силой. При такой постановкѣ требованія, Китай, конечно, подчинился ему—и важный боевой пунктъ въ Желтомъ морѣ перешелъ изъ японскихъ рукъ въ дружественныя имъ,—англійскія...

Ярко выразившееся въ этотъ періодъ враждебное къ Россіи настроеніе Японіи побудило наше правительство изыскать мѣры противъ ея агрессивныхъ дѣйствій въ отношеніи насъ. Къ сожалѣнію, оно остановилось на способѣ дѣйствій, уже осужденномъ исторіей въ лицѣ Россійско-Американской Компаніи, который, какъ всякая полумѣра, послужилъ намъ только во вредъ. Я говорю о роли и дѣятельности «Лѣсопромышленнаго товарищества» на Ялу.

Плачевное финансовое положеніе Кореи и политическое ея безсиліе повели къ тому, что послѣ японо-китайской войны 1894—1895 г.г. отъ ея политической независимости осталась только тѣнь... Въ то время какъ Россія, вѣрная буквѣ соглашенія ея съ Японіей въ 1896 г. о независимости Кореи, считала неудобнымъ имѣть тамъ даже такихъ своихъ представителей, какъ организатора восточной школы въ Сеулѣ или агента Министерства Финансовъ, Японія не останавливалась ни передъ чѣмъ для подчиненія себѣ Кореи. Она не остановилась даже передъ убійствомъ руками своихъ солдатъ супруги корейскаго короля, сопротивлявшейся всю жизнь японскому вліянію. И скоро все государственное хозяйство Кореи, вся ея жизнь очутились въ рукахъ иноземцевъ. Всѣ коммерческія сношенія Кореи

съ иностранными рынками велись только при посредствѣ японскихъ банковъ; японцы же обслуживали желѣзныя дороги и порты Кореи своимъ торговымъ флотомъ; они же строили въ Кореѣ новые желѣзнодорожные пути и эксплоатировали золотоносныя земли, водворивъ для этихъ работъ въ странѣ цѣлую армію японскихъ рабочихъ... Англичане владѣли таможнями и лучшими золотыми рудниками... Американцы—трамваями въ Сеулѣ. Каждый день на международный рынокъ выносилась какая-нибудь новая корейская цѣнность. Появилась среди нихъ иконцессія на эксплоатацію лѣсовъ Сѣверной Кореи. Можно было опасаться, что и ее пріобрѣтетъ Японія и тогда, подъ видомъ работниковъ, водворитъ на границѣ русско-манчжурской территоріи новую японскую армію.

Явилась мысль создать между нами—въ Манчжуріи и японцами—въ Кореѣ нейтральную полосу земли частнаго пользованія. Полагали, что съ нея можно будетъ заблаговременно усмотрѣть движеніе японскихъ войскъ къ границамъ нашихъ владѣній.

Въ 1897 г. эта концессія была пріобрѣтена однимъ владивостокскимъ купцомъ, который, не приступая къ ея эксплоатаціи, въ 1899 г., съ согласія корейскаго пр-ства, передалъ ея «Лѣсопромышленному Товариществу». Организаторы и руководители операцій Т-ва, повидимому, не обладали ни спеціальной подготовкой для веденія промышленныхъ предпріятій, ни знаніемъ жизни Д. Востока, ни пониманіемъ политической обстановки, ни дипломатическимъ тактомъ. За то они проявили огромный коммерческій аппетитъ. Быстро позабывъ, что цѣлью проектированныхъ на Ялу операцій является не коммерческая выгода, а закрѣпленіе за русскими людьми права пребыванія у самыхъ границъ японскаго вліянія въ Кореѣ, и что лѣсная концессія на Ялу,—это лишь политическій наблюдательный пунктъ, а не источникъ наживы частнаго общества, да еще за счетъ чужихъ капиталовъ, заправилы Т-ва, не управившись съ лѣснымъ дѣломъ, стали торопливо хвататься за новые виды промышленности. Товарищество пріобрѣло Фушунскія угольныя копи, открыло въ Инкоу складъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, входило въ роль охранителей на р. Ляохе китайскихъ джонокъ съ хлѣбомъ отъ нападеній хунхузовъ, хлопотало присоединить къ своимъ операціямъ пароходное предпріятіе по Ляохе, желало принять участіе въ соляномъ откупѣ Манчжуріи и, наконецъ, стало настойчиво домогаться концессіи на желѣзную дорогу—Ичжоу—Сеулъ... Вдобавокъ ко всему, руководители Т-ва проявляли недостаточную тактичность въ отношеніи мѣстнаго населенія и властей. Такъ, они приняли на свою службу одного изъ мѣстныхъ предводителей хунхузовъ и вербовали свои охранныя команды изъ сомнительныхъ элементовъ, вслѣдствіе чего дѣйствія этихъ командъ часто отличались запальчивостью и неправомѣрностью. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность Т-ва и его стремленія

еще болѣе разожгли ненависть Японіи къ Россіи. Японское пр-ство видѣло въ операціяхъ Т-ва на Ялу базисъ къ совершенному завладѣнію Кореей; японская печать трубила о коварствѣ Россіи; въ двухъ, трехъ сотняхъ охранной стражи Т-ва она видѣла тысячи русскихъ солдатъ, введенныхъ въ Корею, а въ плотинахъ, возведенныхъ на Ялу противъ разлива и наводненій,—батареи и форты... Японское общество всему этому вѣрило, очевидно не допуская мысли, чтобы Россія не стремилась къ тому же, къ чему стремится Японія, и не дѣйствовала при этомъ тѣми же путями и средствами, какъ она...

На самомъ дѣлѣ, грозное для японской промышленности и для японскаго политическаго вліянія въ Кореѣ Русское Лѣсопромышленное Товарищество только и дѣлало, что просило или о предоставленіи ему въ пользованіе какого-либо новаго источника дохода, или прямо—о новой и новой субсидіи. Дѣла его шли все хуже и хуже—и къ ноябрю 1903 года касса Т-ва была уже совершенно пуста. Въ виду «дѣловой слабости организаціи лѣсного дѣла и ненадежности агентовъ» рѣшено было даже дѣятельность Т-ва пріостановить, «чтобы дать ему новую организацію».

Японцы не могли не знать истиннаго положенія дѣлъ Т-ва, они не могли также не видѣть, какъ медленно создавала Россія средства самозащиты на Д. Востокѣ—и если тѣмъ не менѣе въ печати, въ клубахъ, въ парламентѣ они трубили о коварствѣ Россіи, объ ея агрессивной политикѣ, то, конечно, лишь для оправданія въ глазахъ Европы и Америки своихъ собственныхъ дѣйствій. Цѣлью же послѣднихъ было не только упроченіе политическаго своего значенія на Д. Востокѣ, но и обезпеченіе экономическаго прогресса Японіи. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ обнаружилась политическая немощность Китая и, пользуясь ею, европейскія державы, одна за другою, стали основывать колоніи на берегахъ Желтаго моря,—торговый балансъ Японія съ каждымъ годомъ становился все неблагопріятнѣе. За время съ 1896 г. по 1900 г. ввозъ товаровъ въ Японію превышалъ вывозъ изъ нея, въ среднемъ, на 62,000,000 р., а въ 1900 г. разница эта достигла уже 83,000,000 р. Вмѣстѣ съ японскимъ, падалъ также и англійскій торговый балансъ... Подъ натискомъ товаровъ Германіи, Америки, Франціи и другихъ странъ, съ развитою обрабатывающею промышленностью, англійскій балансъ упалъ къ 1903 году до превышенія ввоза надъ вывозомъ на 182 мил. руб. Въ то же время русскій торговый балансъ былъ сведенъ къ этому году съ превышеніемъ экспорта надъ импортомъ на 348 мил. рублей.

Итакъ, въ отношеніи Россіи у Японіи къ причинамъ политическимъ прибавились еще экономическіе доводы—нужда въ рынкахъ, торговое соперничество и т. п. Англія,—наша старая соперница повсюду,—сама заинтересованная въ томъ же, умѣло использовала и политическіе, и экономическіе страхи Японіи и ея оскорбленное въ Симонесеки націо-

нальное достоинство для нанесенія Россіи такого удара, который надолго сдѣлалъ бы ее безвредною для Англіи не только на Д. Востокѣ, но и на Ближнемъ, и въ Центральной Азіи и въ Персіи... 30-го января 1902 года между Японіей и Великобританіей заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго обѣ эти державы, въ теченіе пяти лѣтъ, обязывались взаимно ограждать другъ друга отъ вожделѣній другихъ народовъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ соблюдать нейтралитетъ. Изъ текста этого договора видно, что заключеніе его вызвано «единственнымъ желаніемъ поддержать status quo и всеобщій миръ на Востокѣ и въ частности для сохраненія независимости Китайской и Корейской имперій»...

Хотя указаніе на эту частную цѣль совершенно ясно свидѣтельствовало о намѣреніи Англіи и Японіи вмѣшиваться въ дѣла Китая и Кореи и готовность ихъ на почвѣ этихъ дѣлъ войти даже въ столкновеніе съ интересами другихъ державъ, русское правительство отнеслось къ факту этого союза «съ величайшимъ спокойствіемъ», о чемъ и заявило громко въ «Правительствен. Вѣстникѣ», съ присовокупленіемъ того, что «идеи, которыми руководствовалась русская политика со времени безпорядковъ въ Китаѣ, останутся и впредь неизмѣнными». Все это, конечно, имѣло бы свою цѣну только въ томъ случаѣ, если бы спокойное сознаніе нашей правоты и непреклонности нашихъ намѣреній опиралось на ясно выраженную нашу боевую мощь,—на готовность и возможность отстоять свою политику на Д. Востокѣ вооруженной силой. Но вмѣсто этого мы тщились убѣдить вооружавшуюся противъ насъ Японію доводами нравственнаго характера. «Нравственною порукою» искренности миролюбія русскаго пр-ства, въ декларацiи его, выставленъ былъ «желѣзнодорожный путь съ вѣтвью по Манчжуріи къ незамерзающему порту, при посредствѣ коего Россія намѣрена расширить лишь предѣлы торговли и промышленности всего міра». Но вѣдь именно эти-то: путь съ вѣтвью по Манчжуріи, незамерзающій портъ и расширеніе предѣловъ міровой торговли и были въ глазахъ Японіи угрозами ея развитію, политическому и экономическому, факторами новаго роста и могущества Россіи... Понятно, что декларація въ «Правит. Вѣстникѣ» совершенно не убѣдила Японію въ нашемъ миролюбіи, а подала лишь новый поводъ говорить о нашемъ коварствѣ. Но не только слова,—и дѣла давали къ этому поводъ.

Наряду съ пламеннымъ руссофобствомъ, въ Японіи, преимущественно въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, создалось и руссофильское теченіе. Во главѣ его сталъ вліятельный маркизъ Ито, который доказывалъ, что Японія можетъ достигнуть желательныхъ цѣлей не войной съ Россіей, а союзомъ съ нею. Его доводы были такъ краснорѣчивы, что Японія долго и сильно колебалась въ выборѣ себѣ союзника между Англіей и Россіей. Составляя планы нападенія на наши дальневосточныя владѣнія, японскій генер. штабъ одновременно и столь же

усердно работалъ надъ планами вторженія въ Остъ-Индію. Наконецъ, она даже склонилась въ сторону союза съ Россіей и съ этою цѣлью въ 1901 г. въ Петербургъ пріѣзжало спеціальное посольство съ маркизомъ Ито во главѣ. Но Россія отклонила это предложеніе изъ опасенія, что такой союзъ послужилъ бы сигналомъ къ всемірной смутѣ. Устраненіе же отъ союза съ Японіей, по мнѣнію нашихъ дипломатовъ, свидѣтельствовало о неуклонномъ намѣреніи Россіи ограничиться на берегахъ Тихаго океана политическою самозащитою безъ всякихъ агрессивныхъ вожделѣній».

Отказъ отъ союза былъ новымъ ударомъ національному самолюбію Японіи и истолкованъ былъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что Россіи нужны на Д. Востокѣ свободныя руки именно противъ Японіи. И это бросило ее тогда въ объятія Англіи.

Заручившись ея содѣйствіемъ, заканчивая уже программу увеличенія своихъ вооруженныхъ силъ, Японія въ іюлѣ 1903 г. обратилась къ нашему пр-ству съ предложеніемъ, въ цѣляхъ возстановленія политическаго равновѣсія и прочнаго порядка вещей на берегахъ Тихаго океана, пересмотрѣть существующіе договоры наши какъ съ нею, такъ и съ Китаемъ и Кореей. Въ частности, Японія требовала очищенія нами Манчжуріи, признанія за нею преимуществъ въ сферѣ торгово-промышленныхъ интересовъ и дѣлъ въ Кореѣ и, наконецъ, права охранять такое положеніе вещей военной силой.

Въ отвѣтъ на эти предложенія, въ августѣ 1903 г. составленъ былъ нашимъ пр-ствомъ проектъ соглашенія, по которому предполагалось: 1) установить взаимное обязательство уважать независимость и территоріальную неприкосновенность Китая и Кореи; 2) обоюдно признавать существованіе интересовъ Японіи—въ Кореѣ, а Россіи—въ Манчжуріи; 3) обоюдно поручиться не препятствовать развитію такихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, которыя не противорѣчатъ постановленію п. 1-го, и 4) признать со стороны Россіи за Японіей право давать корейскому пр-ству совѣты и указанія по проведенію реформъ въ странѣ и установленію въ ней надлежащаго управленія.

Проектъ этотъ не удовлетворилъ уже Японіи, общественное мнѣніе которой, разжигаемое печатью и политическими клубами, требовало отъ Россіи совершеннаго забвенія ею своихъ интересовъ. Она пожелала дополнить нашъ проектъ соглашенія согласіемъ Россіи: 1) на продолженіе Корейской жел. дороги черезъ Южную Манчжурію; 2) на отправку японскихъ войскъ въ Корею для защиты японскихъ интересовъ, усмиренія возстаній, безпорядковъ и пр.; 3) на оказаніе Японіей Кореѣ военной помощи для установленія хорошаго управленія и, наконецъ, 4)—«въ интересахъ другихъ державъ»—на признаніе Россіей равноправности всѣхъ націй въ торгово-промышленномъ отношеніи ихъ съ Китаемъ и Кореей.

По поводу этихъ требованій, Намѣстникъ Е. И. В. на Д. Востокѣ, ген.-ад. Алексѣевъ телеграфировалъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1903 г., что японцы проявляютъ «совершенно недопустимую притязательность, отнимающую всякую возможность придти къ соглашенію», и высказывалъ мнѣніе, что единственнымъ основаніемъ нашего соглашенія съ Японіей могло бы послужить признаніе ею Манчжуріи стоящею внѣ сферы японскихъ интересовъ.

Въ самой Японіи по этому вопросу образовались три теченія. Одни полагали, что Японіи не слѣдуетъ вмѣшиваться въ манчжурскія дѣла; другіе — что Манчжурію надлежитъ сдѣлать нейтральною областью, и, наконецъ, третьи требовали вытѣсненія Россіи изъ Манчжуріи хотя бы цѣной войны. И всѣ три теченія сливались въ одно, когда рѣчь касалась Кореи. Такъ, напримѣръ, газета «Дзиминъ», высказываясь безусловно противъ войны съ Россіей за Манчжурію, заявляла, что первою будетъ говорить о борьбѣ съ врагомъ, если кто-либо затронетъ интересы Японіи въ Кореѣ.

Однако японское пр-ство, считавшее, что насталъ часъ утвержденія японскаго владычества и на материкѣ Азіи, рѣшило именно манчжурскій вопросъ сдѣлать предлогомъ войны. Изъ телеграммы нашего посланника въ Токіо, бар. Розена, отъ 30 октября 1903 г. видно, что въ этомъ вопросѣ японское пр-ство заняло положеніе прямо противоположное тому принципіальному положенію, котораго съ самого возникновенія переговоровъ держалось наше пр-ство. Въ октябрѣ мѣсяцѣ пожеланія Японіи объ эвакуаціи Россіей Манчжуріи начали уже принимать видъ требованій, съ примѣсью угрозъ.

Считая свое положеніе въ Манчжуріи прочно обоснованнымъ договорами съ Китаемъ и соглашеніями съ другими европейскими державами, затративъ на территоріи ея громадный капиталъ на постройку ж. дороги, города Дальняго, его порта и П.-Артура, Россія не могла, конечно, отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя давала ей аренда этой территоріи. Поэтому, отстаивая свое положеніе въ Манчжуріи, пр-ство наше въ ноябрѣ 1903 г. предложило японскому пр-ству новый проектъ соглашенія, въ которомъ были расширены предѣлы интересовъ Японіи лишь въ Кореѣ.

Японское пр-ство не удовлетворилось и этимъ проектомъ и, не выжидая уже результатовъ дальнѣйшихъ переговоровъ, перешло отъ словъ къ дѣлу. Ген.-ад. Алексѣевъ 24 декабря 1903 г. телеграфировалъ въ Петербургъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, нельзя уже болѣе сомнѣваться въ намѣреніи Японіи занять Корею и установить надъ нею протекторатъ при вынужденномъ на то согласіи корейскаго пр-ства. Доказательствомъ тому служили: прибытіе въ Чемульпо и въ Сеулъ японскихъ офицеровъ, доставка туда боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, зафрахтованіе Японіей значительнаго числа транспортныхъ судовъ и приготовленіе къ посадкѣ на эти суда 3—4 японскихъ дивизій.

№ 1.

Московская городская
библиотека
имени А. С. Пушкина.

Такой вызывающій образъ дѣйствій Японіи, по мнѣнію Намѣстника обязывалъ насъ принять рядъ предохранительныхъ мѣръ: или, 1) объявить мобилизацію въ войскахъ Д. Востока, а также по возможности и въ Сибири; для подготовки сосредоточенія войскъ, обезпеченія цѣлости В.-Кит. ж. дороги и удержанія страны въ спокойствіи—ввести въ Манчжуріи военное положеніе и, одновременно, занять войсками нижнее теченіе Ялу, или 2) довести до военнаго состава и тотчасъ же начать перевозку въ Иркутскъ 2-хъ армейскихъ корпусовъ, предназначенныхъ для усиленія войскъ Д. Востока; одновременно съ симъ принять мѣры по подготовкѣ мобилизаціи остальныхъ подкрѣпленій, съ объявленіемъ на военномъ положеніи Манчжуріи и приморскихъ крѣпостей (П.-Артура и Владивостока) для немедленнаго приведенія послѣднихъ въ полную боевую готовность. Изъ числа перечисленныхъ выше мѣропріятій наиболѣе дѣйствительною, обезпечивающею насъ на Д. Востокѣ мѣрою ген.-ад. Алексѣевъ считалъ объявленіе мобилизаціи и въ случаѣ, если бы японское пр-ство, послѣ посылки перваго экспедиціоннаго отряда въ Корею, не пріостановило тотчасъ же отправки дальнѣйшихъ эшелоновъ, признавалъ ее неотложно-необходимою.

Вообще занятію Кореи японскими войсками ген.-ад. Алексѣевъ придавалъ значеніе большой и серьезной опасности для насъ въ военномъ отношеніи. Исходя изъ условій полной боевой готовности японскаго флота и японской арміи, могущей двинуться въ Корею тотчасъ же за первымъ эшелономъ въ 15—20 тыс. чел., Намѣстникъ считалъ, что мы можемъ быть предупреждены японцами на Ялу и на путяхъ, ведущихъ оттуда къ Вост. Кит. ж. дорогѣ; это могло разстроить всѣ наши расчеты на сосредоточеніе войскъ въ Южной Манчжуріи и заставить отнести раіонъ его значительно далѣе на сѣверъ, съ предоставленіемъ П.-Артура его собственной участи. Такой успѣхъ японцевъ въ самомъ началѣ кампаніи могъ также поднять противъ насъ всѣ враждебные намъ элементы Манчжуріи и Сѣв. Китая, которые, опираясь на близость японской арміи, должны были явиться серьезною угрозою для нашего единственнаго желѣзнодорожнаго пути сообщенія съ Россіей. Все это, по мнѣнію Намѣстника, обязывало насъ «не съ цѣлью вызвать вооруженное столкновеніе, а исключительно въ видахъ необходимой самообороны», принять указываемыя имъ мѣры для поддержанія нарушеннаго оккупаціей Кореи равновѣсія въ стратегическомъ положеніи сторонъ.

Въ отвѣтъ на эти предложенія и соображенія, ген.-ад. Алексѣевъ получилъ 30-го декабря 1903 г., чрезъ военнаго министра, слѣдующія указанія: *съ началомъ высадки японцевъ въ Корею* 1) объявить П.-Артуръ и Владивостокъ на военномъ положеніи; 2) *приготовиться* къ мобилизаціи всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Намѣстничествѣ и 3) *подготовить* къ выдвиженію на Корейскую границу отрядъ для прикрытія сосредоточенія нашихъ войскъ въ Юж. Манчжуріи. При этомъ указывалось

на необходимость принять всѣ мѣры къ тому, чтобы на Корейской границѣ не произошло какихъ-либо столкновеній, «ибо таковыя могутъ сдѣлать войну неизбѣжной». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ распоряженіе Намѣстника было ассигновано 3 мил. руб. на непредвидѣнные расходы по образованію и увеличенію продовольственныхъ и иныхъ запасовъ, по сформированію транспортовъ, разработкѣ дорогъ, возведенію укрѣпленій и т. п. надобности, вызываемыя чрезвычайными военными обстоятельствами.

Что же касается собственно переговоровъ съ японскимъ пр-ствомъ, то Намѣстнику было тогда же выяснено, что надо приложить всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать войны, такъ какъ для Россіи каждый годъ мирнаго времени составляетъ огромную выгоду;—что политика твердая, но вѣжливая по формѣ и не придирчивая въ вопросахъ не существенныхъ лучше всего достигнетъ цѣли; поэтому, отклоняя переговоры объ эвакуаціи Манчжуріи, такъ какъ это дѣло касалось только Китая и Россіи, Намѣстнику указано было не считать за casus belli оккупацію японцами Кореи.

Но японское пр-ство разглашало повсюду, что оно вступило въ переговоры съ Россіей объ улаженіи именно манчжурскаго вопроса, и потому уступки наши по корейскому вопросу его уже не удовлетворяли. Оно требовало отъ Россіи именно и прежде всего эвакуаціи Манчжуріи.

Послѣднія японскія предложенія въ этомъ смыслѣ, очень притязательныя по содержанію и очень самоувѣренныя по тону, были получены въ Петербургѣ 3-го января 1904 г. На запросъ японскаго посланника, г. Курино,—когда можно ожидать отвѣта на эти предложенія,—ему отвѣтили, что Государю Императору благоугодно для всесторонняго обсужденія ихъ назначить 15-го (28-го) января особое совѣщаніе и что, вѣроятно, Высочайшее рѣшеніе будетъ принято не ранѣе 20-го января (2-го февраля).

Дѣйствительно, въ этотъ именно день Государь повелѣлъ изготовить проектъ окончательныхъ инструкцій нашему посланнику въ Токіо, а на другой день 21-го января (3-го февраля) Намѣстнику были отправлены три телеграммы, заключавшія въ себѣ полный текстъ проекта соглашенія съ Японіей, всѣ доводы и соображенія, которыми наше пр-ство руководствовалось при введеніи нѣкоторыхъ поправокъ въ японскія предложенія и, наконецъ, общія указанія, которыми Намѣстникъ долженъ былъ снабдить бар. Розена...

Сущность новаго нашего проекта соглашенія съ Японіей сводилась на этотъ разъ къ тому, что, отклоняя попрежнему переговоры объ эвакуаціи Россіей Манчжуріи, наше пр-ство, ради сохраненія мира, соглашалось уничтожить нейтральную зону въ Кореѣ и соединить корейскую (въ сущности—японскую) ж. дорогу съ Вост.-Китайской (въ сущности—русской) жел. дорогой, когда онѣ будутъ доведены до р. Ялу.

Дальше этого въ ряду уступокъ, сдѣланныхъ Россіей, идти было трудно. Этого не позволяло наше государственное достоинство и національное самолюбіе.

Въ тотъ же день, когда этотъ третій по счету нашъ проектъ соглашенія былъ отправленъ Японіи чрезъ Намѣстника Е. И. В. на Д. Востокѣ, отъ послѣдняго была получена депеша, въ которой онъ доносилъ, что непрекращающіяся военныя приготовленія Японіи достигли «уже почти крайняго предѣла», составляя для насъ «прямую угрозу», и что «при настоящихъ обстоятельствахъ, указывающихъ на значительно болѣе серьезныя намѣренія со стороны Японіи, нежели высадка небольшого оккупаціоннаго отряда въ Кореѣ», мѣропріятія, предложенныя имъ въ депешѣ отъ 24-го декабря 1903 года, «не могутъ уже считаться достаточными».

— «Принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ съ нашей стороны, для усиленія боевой готовности войскъ Д. Востока, телеграфировалъ ген.-ад. Алексѣевъ,—не только необходимо въ цѣляхъ самообороны, но можетъ быть еще послужитъ послѣднимъ средствомъ избѣжать войны, внушая Японіи опасеніе за благопріятный для нея исходъ столкновенія».

Поэтому онъ полагалъ необходимымъ тотчасъ же объявить мобилизацію войскъ Д. Востока и Сибири, подвезти войска къ раіону сосредоточенія, и рѣшительными дѣйствіями нашего флота воспротивиться высадкѣ японскихъ войскъ въ Чемульпо.

Событія, направлявшіяся энергическою, смѣлою рукою японскаго пр-ства, опередили отвѣтъ на эти предложенія г.-а. Алексѣева.

22-го января (4-го февраля) нашъ министръ иностр. дѣлъ, гр. Ламздорфъ увѣдомилъ японскаго посланника въ Петербургѣ о передачѣ барону Розену отвѣтныхъ предложеній Россіи, а черезъ 48 часовъ послѣ этого, въ 4 ч. дня 24-го января (6 февраля), имъ были получены отъ г. Курино двѣ ноты, въ которыхъ сообщалось о прекращеніи японскимъ пр-ствомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, въ виду того, что Россія уклоняется отъ отвѣта на предложенія Японіи,—и о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между обоими государствами, вслѣдствіе чего весь составъ японской миссіи 28-го января покинетъ Петербургъ.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что въ теченіе трехъ дней, 21-го, 22-го и 23-го января, въ Токіо, подъ предсѣдательствомъ микадо, происходили совѣщанія высшихъ государственныхъ сановниковъ, на которыхъ рѣшено было считать замедленіе Россіей въ отвѣтѣ на послѣднія предложенія Японіи достаточнымъ основаніемъ для начала военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ отвѣтъ этотъ былъ уже въ Токіо, но отъ принятія его японское пр-ство умышленно и всячески уклонялось.

Оно хотѣло войны, вѣрило въ успѣхъ Японіи и ждало отъ нея большихъ результатовъ, чѣмъ отъ дипломатическихъ переговоровъ. Но, прерывая послѣднія, оно умышленно вводило въ заблужденіе нашу

довѣрчивую, миролюбивую дипломатію. Объ ноты японскаго посланника нашему министру иностр. дѣлъ сопровождались частнымъ письмомъ г. Курино, въ которомъ послѣдній выражалъ надежду, что перерывъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ ограничится возможно кратчайшимъ срокомъ.

Этому повѣрили—и «Прав. Вѣстникъ», доводя до всеобщаго свѣдѣнія о разрывѣ сношеній съ Японіей, разъяснялъ, что этотъ фактъ еще не знаменуетъ начала войны и что стараніями дипломатовъ все можетъ уладиться.

Что этимъ хотѣли, быть можетъ, успокоить русское общество, не посвященное дотолѣ въ ходъ переговоровъ съ Японіей, это еще понятно... Но непонятно, что эту же точку зрѣнія на событія хотѣли привить изъ Петербурга и Намѣстнику Е. И. В. на Д. Востокѣ, который нуждался не въ этомъ, а въ отвѣтѣ на сдѣланныя имъ еще 20-го января предложенія. Вмѣсто этого отвѣта, г.-а. Алексѣевъ получилъ 24-го января изъ министерства иностранныхъ дѣлъ срочную телеграмму о разрывѣ сношеній съ Японіей. Въ ней лишь глухо указывалось, что образъ дѣйствій японскаго пр-ства, не выждавшаго даже полученія отвѣта русскаго пр-ства, возлагаетъ на Японію отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ перерыва дипломатическихъ сношеній между обѣими Имперіями.

Но Японія не боялась этой отвѣтственности и, зная себѣ цѣну, смѣло шла на послѣдствія этого разрыва.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Готовность къ войнѣ.

Военная мощь Японіи обнаружилась еще въ войну ея съ Китаемъ. Лица, имѣвшія возможность наблюдать въ то время японскія войска и дѣятельность японскаго военнаго министерства, уже тогда пришли къ заключенію, что японцы—«виртуозы по части секретовъ». Мобилизація и перевозка войскъ обставлены были глубочайшей тайной. Посадка войскъ на желѣзную дорогу и суда совершалась быстро и въ образцовомъ порядкѣ, безъ суеты и шума, словно войска только и дѣлали, что практиковались въ этомъ. Во время переходовъ солдаты вели себя отлично, относясь ко всему съ педантическою серьезностью, обнаруживая основательную подготовку мирнаго времени, твердое знаніе каждымъ, что онъ долженъ дѣлать, строгую дисциплину и бодрое, воинственное настроеніе. Оружіе японской арміи было въ безукоризненномъ состояніи, обмундированіе и снаряженіе доказывало большую заботливость военнаго министерства и его большой практическій смыслъ. Словомъ, уже тогда обнаружилось совершенство военной организаціи Японіи какъ для оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ операцій; умѣніе хранить тайну и изучать противника. И это приводило дальновидныхъ людей къ убѣжденію, что «въ лицѣ Японіи народилась новая сила, которая будетъ имѣть большое вліяніе на судьбы Дальняго Востока и создастъ намъ въ будущемъ много хлопотъ и затрудненій».—«Мысль объ этомъ какъ-то не укладывается въ головѣ—признавались люди, сдѣлавшіе это открытіе,—но съ этимъ рано или поздно придется примириться».

Скоро этотъ выводъ сталъ лейтъ-мотивомъ донесеній нашихъ военныхъ агентовъ въ Японіи, а совмѣстное дѣйствіе нашихъ войскъ съ японскими, при усмиреніи возстанія боксеровъ въ Китаѣ въ 1900 г., дало возможность большому числу нашихъ военачальниковъ и офицеровъ убѣдиться въ его справедливости.

Казалось бы, все это должно было побудить наши военное и морское министерства обратить на Японію самое серьезное вниманіе, подвигнуть на ея изученіе и всемѣрно озаботиться усиленіемъ нашей собственной боевой готовности на Дальнемъ Востокѣ.

Къ сожалѣнію, съ этимъ не торопились. Наиболѣе убѣдительнымъ примѣромъ этой неторопливости явилось состояніе боевой готовности крѣпости П.-Артуръ къ началу войны.

Устройство въ Артурѣ сухопутной крѣпости съ солидными сооруженіями и сильнымъ гарнизономъ, которая могла бы быть оплотомъ всей нашей тихоокеанской эскадры и была бы способна выдержать продолжительную осаду превосходныхъ силъ противника, было рѣшено принципіально вслѣдъ за занятіемъ этого пункта, въ мартѣ 1898 года.

Проектъ крѣпости, разработанный военнымъ инженеромъ, полк. Величко, удостоился Высочайшаго утвержденія 18 января 1900 г. По этому проекту вся оборона П.-Артура дѣлилась на двѣ части: съ моря и съ суши. Приморскій фронтъ должны были составить 27 батарей долговременной постройки, а сухопутный фронтъ — двѣ линіи укрѣпленій: первая (внѣшняя), протяженіемъ въ 22 версты, должна была состоять изъ 8 фортовъ, 9 укрѣпленій, 6 долговременныхъ батарей и 4 редутовъ, а вторая (внутренняя или центральная ограда), въ $6^1/_2$ верстъ длиною,—изъ 4 редутовъ, соединенныхъ валомъ и рвомъ. — «Все по части сооруженій должно быть исполнено въ мирное время,—говорилось въ объяснительной запискѣ полк. Величко къ его проекту,— и въ Портъ-Артурѣ заблаговременно должны быть устроены не только форты, но и всѣ временныя укрѣпленія, редуты, батареи и даже стрѣлковые окопы съ ихъ препятствіями».

Поэтому, для ускоренія работъ, денежныя ассигнованія начались еще до утвержденія проекта крѣпости. Всѣ расходы по возведенію оборонительныхъ сооруженій были исчислены въ 8,927,775 рублей, при чемъ постройка ихъ должна была вестись въ двѣ очереди, въ теченіе десяти лѣтъ, и закончиться къ 1909 году.

Столь продолжительный срокъ сооруженія нашей «твердыни» на Дальнемъ Востокѣ принятъ былъ, очевидно, подъ вліяніемъ оптимистическихъ увѣреній тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, сдѣланныхъ имъ Особому Совѣщанію, учрежденному въ апрѣлѣ 1898 г., подъ предсѣдательствомъ ст.-секрет. гр. Сольскаго, для обсужденія предстоящихъ расходовъ по охранѣ нашихъ новыхъ владѣній на Д. Востокѣ. Гр. Муравьевъ увѣрялъ тогда Особое Совѣщаніе, что «нашему постепенному укрѣпленію на Квантунскомъ полуостровѣ не предстоитъ никакой опасности».—«При той впечатлительности,—говорилъ онъ,—съ которою встрѣчается въ Англіи, Германіи, Японіи и отчасти въ Америкѣ каждый нашъ шагъ на Д. Востокѣ, надлежитъ наблюдать особую осторожность въ организаціи охраны нашей новой колоніи, и строгая постепенность должна быть почитаема однимъ изъ главныхъ условій нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Къ тому же,— продолжалъ гр. Муравьевъ, не должно забывать, что главная охрана П.-Артура, съ тѣхъ поръ, какъ на немъ поднятъ русскій флагъ, заключается, конечно, не въ тѣхъ войсковыхъ частяхъ и артиллерійскихъ орудіяхъ, которыя тамъ будутъ сосредоточены, а въ сознаніи всѣхъ націй въ томъ, что за этимъ пунктомъ стоитъ вся Россія и непреклонно заявленная воля Его Императорскаго Величества».

Эти соображенія, неглубокія и недальновидныя по существу, плохо согласовались съ психологіей и расчетами нашихъ политическихъ соперниковъ на Д. Востокѣ, которые относились впечатлительно не столько къ каждому нашему шагу, сколько къ ясно опредѣлившемуся намѣренію Россіи укрѣпиться на Д. Востокѣ.

Однако онѣ были приняты совѣщаніемъ во вниманіе—и подъ вліяніемъ ихъ началось и сокращеніе кредитовъ на оборонительныя работы, и существенныя измѣненія въ самомъ порядкѣ ихъ производства. Работы эти были раздѣлены уже не на двѣ очереди, а на три, и ходъ ихъ виденъ наглядно изъ слѣдующей таблицы соотношенія кредитовъ и работъ:

1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
НА ПРИМОРСКОМЪ ФРОНТѢ.					
Устройство 2-хъ пороховыхъ погребовъ. Покупка катера, баржъ и заготовка матеріала. Установка 20-ти орудій, присланныхъ изъ Владивостока.	Постройка батареи № 6 (Тигровая гора) на 8—9″ мортиръ. Постройка бат. № 7 (на 4—11″ м.). Постройка бат. № 9 (на 5—6″ пуш.). Постройка бетон. порох. погреба на Тигровой горѣ. Постройка бат. № 13 (Золотая гора). Постройка бат. № 15 (Электрич. утесъ). Постройка бат. № 19 (Сѣв. Крестов. гора). Постройка бет. порох. погреба у Двурогаго холма. Временная установка 20-ти орудій.	Постройка помѣщеній для 2-хъ электроосвѣтителей. Постройка помѣщеній для дальномѣровъ. Постройка бат. № 3 Постройка бат. № 18. (на Плоскомъ мысу).	—	Постройка долговременной батареи № 20 (Южн. Крестов. гора).	Постройка бат. № 2 (на Головѣ тигра). Постройка бат. № 16 (Лагерной). Приведеніе въ порядокъ боннаго загражденія.
493,000 р.	615,779 р.	543,221 р.		70,000 р.	225,000 р.

Итого 1,947,000 руб.

Устройство крѣпостныхъ дорогъ.	Постройка крѣпостной ограды.			Устройство крѣпостныхъ батарей.	Постройка временныхъ батарей.
		Постройка долговрем. форта № 5.		Продолжалась постройка батар. В. и Г.	
		Постройка времен. укр. № 4 съ Барбетной батареей.			
		Постройка долговремен. батар. Д.			
		Постройка долговременнаго форта № 4.			
		Постройка питат. погребовъ и бат. А.		Постройка фортовъ №№ 2 и 3.	
		Постройка форта № 1 и Круглой батареи.		Постройка времен. укрѣпленій №№ 3 и 5,	
		Постройка бат. Г. и долговрем. бат. В.		Постройка долговремен. батарей А и Б.	
				Продолжалась постройка форта № 1.	
				Устройство плотинъ, оборонительныхъ рѣшетокъ и приспособленій для кругового обстрѣла на батареяхъ №№ 4 и 2.	
160,000 р.	114,630 р.	611,607 р.	182,738 р.	883,625 р.	723,625 р.

Итого 2,676,225 руб.

А всего на оборонительныя работы отпущено 4,623, 225 рублей.

Изъ таблицы этой видно, какъ медленно велись въ Артурѣ оборонительныя работы: фортъ № 4 строился 4 года; батареи А, В и Г—три года, временныя укрѣпленія №№ 3 и 5—два года. Видимо, никто не торопилъ и никто не торопился съ ними. Военные инженеры были заняты, главнымъ образомъ, постройкой казармъ и частныхъ зданій. Крѣпостного инженернаго управленія не существовало и о немъ заговорили только съ началомъ войны, штаты же его такъ и остались не утвержденными; мобилизаціонный планъ крѣпости выработанъ не былъ, не было для нея даже особой инструкціи. Подступы къ ней и передовыя позиціи оставлялись до войны безъ вниманія. Между тѣмъ, на постройку подъ бокомъ крѣпости коммерческаго порта и торговаго

города Дальняго, нашлись и средства, и энергія, и, въ то время, какъ война застала П.-Артуръ въ беззащитномъ и безпомощномъ состояніи, Дальній, обошедшійся нашему государственному казначейству въ сумму свыше 20 милліоновъ рублей, оказался прекрасно оборудованной базой для дѣйствій японцевъ противъ крѣпости и сыгралъ въ ея судьбѣ роковую роль.

Единственный военный инженеръ, находившійся до войны въ распоряженіи коменданта портъ-артурской крѣпости, ген. Стесселя, полковникъ Крестинскій, на судѣ по дѣлу о сдачѣ Артура, такими штрихами обрисовалъ ея боевую готовность передъ войной: «фортъ № 5-й — груда камней, бетонныхъ сооруженій нѣтъ; на батареѣ Б— нѣтъ пушекъ, промежутокъ между фортомъ № 5 и укрѣпленіемъ 4-мъ —ничѣмъ не занятъ; фортъ № 4—конченъ, но пушекъ—ни одной; на Зубчатой батареѣ — пушки въ сараѣ; долина р. Луньхе совершенно не подготовлена къ оборонѣ; на Панлуньшанѣ—ничего, Кумирнинскій редутъ—не оконченъ; укрѣпленіе 3-е—груда камней и вчернѣ отрытый ровъ; фортъ № 3—въ такомъ же состояніи...» и т. д.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1903 года, слѣдуя въ Японію, военный министръ, ген.-ад. Куропаткинъ осмотрѣлъ укрѣпленія П.-Артура и нашелъ ихъ не удовлетворяющими возможности отразить атаку японской арміи. И вотъ только тогда начали торопиться работами. Испрошено было немедленное ассигнованіе въ распоряженіе намѣстника Е. И. В. на Д. Востокѣ $2^1/_2$ мил. на усиленіе боевой готовности Квантуна и особенно Артура, но, конечно, за полгода много сдѣлать не успѣли.

Къ началу войны состояніе крѣпости было таково:

На Приморскомъ фронтѣ: изъ 27-ми проектированныхъ батарей: не начато — 6; построено вчернѣ: 3 батареи долговременнаго типа и 3 батареи временнаго типа и вполнѣ окончено постройкой 6 долговременныхъ батарей—и 9—временныхъ; *на Сухопутномъ фронтѣ*: изъ проектированныхъ 8-ми долговременныхъ фортовъ: вполнѣ готовъ — 1 вчернѣ — 3, начатъ постройкой—1 и не исполнено вовсе—3; изъ 9-ти укрѣпленій долговременнаго характера—вполнѣ готово—1, вчернѣ—2 и вовсе не исполнено—6; изъ 8-ми проектированныхъ долговременныхъ батарей: исполнено—4, начата постройкою — 1, не исполнено вовсе—2, а 1—исполнена, какъ временнаго типа; изъ 4-хъ проектированныхъ укрѣпленій времен. характера — не исполнено ни одно; вполнѣ готовы были лишь Центральная ограда съ 4 редутами и дороги первой очереди.

На вооруженіи этихъ укрѣпленій находилось: на приморскомъ фронтѣ — 119 орудій и на сухопутномъ—280; не доставало же противъ проектированной нормальной табели на первомъ фронтѣ — 5 орудій, а на второмъ—186.

Та же неторопливость и та же горделивая увѣренность, что главная охрана нашихъ новыхъ владѣній заключается «въ сознаніи всѣхъ націй, что за ними стоитъ вся Россія»,—проявились и относительно усиленія нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ.

До войны численность послѣднихъ въ предѣлахъ Приамурья, Манчжуріи и Квантуна (не считая гарнизоновъ Артура и Владивостока)

не превышала 70-ти б-новъ пѣхоты, 69 эск. и сот. кавалеріи и 160 орудій. Сосредоточить на театрѣ войны достаточныя силы для рѣшительной побѣды (230 б-новъ, 111 эск. и сот. и 576 ор.) мы могли только чрезъ полгода.

Между тѣмъ японцы уже черезъ 3 мѣсяца имѣли въ Манчжуріи и Ляодунѣ—156 б-новъ, а черезъ 6 могли усилить ихъ соотвѣтствующимъ количествомъ резервныхъ войскъ.

Имѣя въ виду это неравенство въ условіяхъ мобилизаціи и тревожное положеніе политическихъ дѣлъ уже лѣтомъ 1903 года, Намѣстникъ Е. И. В. на Д. Востокѣ, ген. ад. Алексѣевъ считалъ необходимымъ имѣть всегда подъ рукою не менѣе 50 тыс. войскъ. Для этого надлежало сформировать новые 44 б-на пѣхоты и соотвѣтственно увеличить количество кавалеріи и артиллеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г.-а. Алексѣевъ находилъ желательнымъ перевести изъ Приамурья на Квантунъ 6-й, 7-й, 8-й, 13-й, 14-й и 16-й вост. сиб. стр. полки, 4 батареи 1-й вост. сиб. стр. арт. бригады и 2 батареи Забайкальскаго арт. дивизіона, развернуть Квантунскую саперную роту въ баталіонъ и свести 2-ю, 3-ю и 4-ю вост. сиб. стр. бригады съ ихъ артиллеріей, въ особый Квантунскій армейскій корпусъ, придавъ ему Квантунскій саперный б-нъ и Забайкальскую каз. бригаду съ ея батареей.

Въ частности, по отношенію къ П.-Артуру предполагалось сформировать: а) два новыхъ крѣпостныхъ пѣх. полка 4-хъ б-наго состава; б) 4-й б-нъ для существовавшаго уже П.-Артурскаго крѣп. пѣх. полка; в) охотничьи команды при всѣхъ этихъ полкахъ; г) 3-й б-нъ крѣпостной артиллеріи; д) вылазочную батарею, минную роту и саперную роту (взамѣнъ развертываемой въ Квантунскій саперный б-нъ).

Расходъ на всѣ эти формированія опредѣлялся г.-а. Алексѣевымъ въ суммѣ около 30 милл. рублей (12,175,000 р. — единовременно и 17,675,000 р.—въ теченіе предстоявшаго пятилѣтія 1904—1908 г.г. [1]).

Но Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ гр. Сольскаго, разсмотрѣвъ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ 1903 года это заявленіе Намѣстника, и на этотъ разъ сократило требованія военнаго вѣдомства. Оно хотя и признало, что «необходимость усиленія нашихъ войскъ на Д. Востокѣ обусловливается осложненіемъ политическихъ отношеній Россіи съ Японіей», но это явленіе, по его мнѣнію, имѣло «несомнѣнно временный характеръ и должно уступить мѣсто болѣе опредѣленному и болѣе устойчивому порядку вещей, съ которымъ и будетъ надлежать сообразовать военныя мѣропріятія на Д. Востокѣ». Все еще оптимистически настроенному совѣщанію казалось болѣе цѣлесообразнымъ предусмотрѣть потребности военнаго вѣдомства лишь на ближайшее время, т.-е. на истекавшій 1903 годъ и на два слѣдующихъ—1904 и 1905 годы. И потому оно ассигновало на усиленіе

[1]) До войны бюджетъ военнаго министерства опредѣлялся на пять лѣтъ впередъ.

обороны Д. Востока на 1903 и 1904 г.г., сверхсмѣтнымъ кредитомъ по 3 мил. руб., а на 1905-й годъ—6 мил. рублей.

Конечно, этотъ импровизированный тогда у насъ совѣтъ государственной обороны болѣе снисходительно отнесся бы къ насущнымъ требованіямъ военнаго вѣдомства, если бы въ послѣднемъ уже тогда не обнаружилась пагубная рознь. Дѣло въ томъ, что требованія г.-а. Алексѣева, еще ранѣе, чѣмъ поступить на разсмотрѣніе Особаго Совѣщанія, подверглись значительному сокращенію со стороны воен. м-ра при обсужденіи ихъ на совѣщаніяхъ, происходившихъ подъ его предсѣдательствомъ въ Портъ-Артурѣ въ іюнѣ 1903 года. Уже тогда вмѣсто 44 б-новъ предположено было сформировать лишь 22 (14—для гарнизоновъ П. Артура и Владивостока и 8 для полевыхъ войскъ); сформированіе же новаго корпуса пограничной стражи, какъ предлагалось г.-а. Алексѣевымъ, признано было и вовсе не нужнымъ.

Въ половинѣ іюля 1903 г. въ Забайкалье доставлены были вторыя бригады 31-й и 35-й пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріей и въ концѣ сентября перевезены въ Приморскую область, — ближе къ предполагаемому раіону сосредоточенія арміи.

12-го августа состоялось Высочайшее повелѣніе о сформированіи 7-й и 8-й вост.-сиб. стрѣлк. бригадъ, въ составѣ 4-хъ полковъ 3-хъ б-наго состава каждый, и въ половинѣ ноября формированіе этихъ частей было закончено.

Считая такое усиленіе войскъ Д. Востока достаточнымъ, военный министръ уже въ концѣ октября запросилъ Намѣстника, не признаетъ ли онъ возможнымъ отказаться отъ одного изъ двухъ корпусовъ (10-го и 17-го), предназначенныхъ къ перевозкѣ въ Манчжурію въ случаѣ войны съ Японіей вмѣстѣ съ 4-мя резервными дивизіями Казанскаго воен. округа. Г.-а. Алексѣевъ отвѣтилъ отрицательно, указывая на все развивавшееся усиленіе вооруженныхъ силъ Японіи. Тѣмъ не менѣе число вновь формируемыхъ б-новъ было сокращено въ Петербургѣ до 18-ти, а формированіе 9-й вост. сиб. стр. бригады отложено до весны 1904 года, при чемъ послѣднее рѣшено было сдѣлать путемъ выдѣленія изъ состава другихъ в.-сиб. стр. бригадъ по одному б-ну. Взамѣнъ выбывшихъ б-новъ, бригады должны были сформировать изъ своего состава новые б-ны, пополнивъ происшедшій некомплектъ новобранцами призывовъ 1903—4 гг. Такая мѣра, вызывая крупныя организаціонныя перемѣны, давала въ результатѣ всего лишнихъ 3—4 тыс. штыковъ. Намѣстникъ протестовалъ и противъ этого. Въ результатѣ этихъ пререканій, военнымъ министромъ въ началѣ января 1904 г. выработанъ былъ слѣдующій планъ усиленія нашего военнаго положенія на Д. Востокѣ: 1) обратить 2-хъ б-ные вост.-сиб. стр. полки въ 3-хъ б-ные, переименовавъ бригады въ дивизіи; 2) добавить еще 11 батарей, чтобы сформировать для 7-ми дивизій по одному 4-хъ батарейному полку, и придать 7 и 8 дивизіямъ (гарнизоны П.-Артура и

Владивостока) по 2 вылазочныхъ батареи; 3) сформировать 3-ій Сибирскій арм. корпусъ, 4) въ каждомъ корпусѣ имѣть по одному саперному б-ну и 5) для обороны о-ва Сахалина сформировать 2 отдѣльныхъ б-на.

Но проектируя всѣ эти мѣропріятія, мы все-таки готовились не къ войнѣ, а къ миру.

Сообщая 13 января 1904 года г.-а. Алексѣеву о предположенныхъ формированіяхъ, воен. м—ръ, г.-а. Куропаткинъ вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ его, нельзя ли «въ случаѣ улаженія затрудненій съ Японіей расквартировать 9-ю в.-сиб. стр. бригаду въ Сибирскомъ воен. округѣ въ видѣ резерва войскъ Д. Востока?»...

И эта вѣра въ благопріятное «разрѣшеніе кризиса», это эпическое спокойствіе предъ буквой грознаго по существу англо-японскаго договора, это разительное непониманіе въ такой острый моментъ политической обстановки, психики противника, истинныхъ мотивовъ его дѣйствій, его намѣреній и цѣлей—лишали всѣ эти проекты улучшенія нашего военно-политическаго положенія на Д. Востокѣ не только энергіи и быстроты ихъ осуществленія, но даже ясной и твердой увѣренности въ ихъ необходимости, въ ихъ раціональности. Осторожно, медленно и робко, «боясь, какъ бы не раздразнить гусей» бряцаніемъ своего оружія, мы, не спѣша, готовились къ войнѣ и, ставъ вдругъ необычайно экономны, учитывали каждый рубль, испрашивавшійся на усиленіе обороны угрожаемой окраины.

Было что-то роковое въ этомъ ослѣпленіи своей старой славой и талантами своихъ дипломатовъ,—въ этомъ спорѣ между собою далекихъ и близкихъ отъ мѣста надвигавшихся событій людей..

Иначе, повидимому, обстояло дѣло въ Японіи. О томъ, что именно и какъ дѣлалось въ то же самое время на ея островахъ, — до сихъ поръ еще въ литературу не проникло свѣдѣній. Японцы ревниво берегли свою тайну даже отъ своихъ друзей—союзниковъ.

Вотъ, что, напримѣръ, занесъ въ свою записную книжку, ген.-лейт. сэръ Янъ Гамильтонъ, англійскій военный агентъ при японской арміи.

— „Сегодня, 16-го апрѣля нов. ст. 1904 года, исполнился мѣсяцъ современи моего пребыванія въ Японіи! Я склоненъ думать, что время мое потрачено совершенно даромъ... Я очень часто встрѣчался съ барономъ Камура, м-ромъ иностр. дѣлъ, съ премьеръ-министромъ, гр. Кацура, съ воен. м-ромъ г.-л. Тераучи, съ морск. м-ромъ, бар. Ямамото, съ президентомъ совѣта обороны, маркизомъ Ямагата, съ н-комъ ген. штаба арміи, г.-л. Ойяма, съ его помощникомъ, г.-л. бар. Кодама и, наконецъ, съ н-комъ 2-го отдѣленія ген. штаба ген.-м. Фукушима... *Мнѣ никогда не удавалось обмѣняться съ премьеръ-министромъ болѣе, чѣмъ нѣсколькими словами...* А ген. Фукушима не сообщилъ ни одному лицу ни одного факта цѣнностью въ мѣдный грошъ [1])»...

---

[1]) Сэръ Янъ Гамильтонъ. — «Записная книжка штабного офицера во время рус.-япон. войны», перев. съ англ. ген. шт. кап. Семеновъ. Изд. В. Березовскаго, ч. 1-я, стр. 18, 19 и 30.

И до сихъ поръ объ этомъ періодѣ мы знаемъ очень мало и потому только въ самыхъ общихъ чертахъ можемъ обрисовать подготовку Японіи къ войнѣ.

Закончивъ къ 1904 году обширную программу увеличенія своихъ вооруженныхъ силъ, японское правительство одновременно съ началомъ дипломатическихъ переговоровъ о Кореѣ, въ іюлѣ 1903 года, начало подготовлять свои армію и флотъ на случай военныхъ дѣйствій. До осени эти приготовленія не выходили изъ предѣловъ обычной подготовки къ войнѣ и указывали лишь на крайнюю предусмотрительность Японіи. Въ японскихъ арсеналахъ днемъ и ночью шла безостановочная работа; въ двухъ дивизіяхъ, подъ видомъ учебныхъ сборовъ, были призваны запасные; заготовлялась теплая одежда; въ нѣкоторыхъ пунктахъ возводились помѣщенія для войскъ и устраивались склады всякаго рода запасовъ; для осаднаго парка было заказано 44 орудія. Въ сентябрѣ главныя силы японскаго флота были собраны въ гавани Сасебо. Число зафрахтованныхъ для военныхъ надобностей транспортовъ быстро возростало: въ срединѣ ноября ихъ было 8, въ концѣ декабря, — 36, въ началѣ января 1904 г. — 45, а въ срединѣ января — 70; вмѣстимость ихъ превышала уже 200 тыс. тоннъ; пароходамъ дальняго плаванія приказано было возвратиться въ Японію; въ Такесака (на о-вѣ Цусима) и въ Сасебо устанавливались минныя заграждения... Это обиліе транспортныхъ судовъ, уже приспособленныхъ къ перевозкѣ войскъ и военныхъ грузовъ, при обиліи пунктовъ посадки и погрузки ихъ, ясно указывало на намѣреніе японцевъ быстро перебросить на материкъ сразу же значительныя силы... И были уже признаки, по которымъ этого слѣдовало ждать со дня на день.... Японскій телеграфъ пересталъ принимать депеши... Въ Кореѣ среди японцевъ господствовало сильное возбужденіе, которое постепенно передавалось и тѣмъ изъ нихъ, которые находились въ Манчжуріи и на Квантунѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ тревожныхъ признаковъ, адм. Алексѣеву разрѣшено было, наконецъ, въ первыхъ числахъ января 1904 г. расходовать отпущенный въ его распоряженіе 3-хъ милліонный кредитъ и подготовить кр. П.-Артуръ къ переходу на военное положеніе, а 10-го января повелѣно, безъ объявленія мобилизаціи, привести въ боевую готовность 3-ю вост.-сиб. стр. бригаду, артил. дивизіонъ, казачью бригаду и роту саперъ и двинуть ихъ къ Корейской границѣ[1]).

17-го января 1904 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи 3-хъ б-новъ для полковъ семи вост. сиб. стр. бригадъ. И такъ какъ близости войны все еще не ощущали, то формированіе это рѣшено было произвести въ Европ. Россіи и сформированные здѣсь

---

[1]) 18-го января бригада эта была двинута на линію Ляоянъ-Гайчжоу и 3-го февраля сосредоточилась въ Ляоянѣ и Хайченѣ.

28 б-новъ перевезти на Д. Востокъ. Это, конечно, должно было потребовать немало времени! Для усиленія же владивостокскаго гарнизона г.-а. Алексѣевъ, по собственной иниціативѣ, не имѣя разрѣшенія свыше, приказалъ формировать третьи б-ны въ полкахъ 8-й бригады; въ виду же недостатка запасныхъ нижнихъ чиновъ на мѣстѣ, онъ просилъ военнаго министра перевезти во Владивостокъ изъ Евр. Россіи еще 4 б-на пѣхоты и 1 б-нъ крѣп. артиллеріи.

Понимая однако, что всѣ эти полумѣры не соотвѣтствуютъ тревожному положенію дѣлъ, Намѣстникъ, наконецъ, рѣшился, какъ мы знаемъ, 20-го января 1904 г. ходатайствовать о немедленной мобилизаціи всѣхъ войскъ Д. Востока и Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на необходимость, не выжидая дальнѣйшихъ событій, теперь же противодѣйствовать нашими морскими силами высадкѣ японцевъ на Корейскій берегъ.

Отвѣтъ на эти представленія г.-а. Алексѣевъ получилъ лишь 27-го января и читалъ его уже подъ громъ бомбардировки П.-Артура японскою эскадрою.

Въ Петербургѣ все еще не вѣрили въ близость войны и во всякомъ случаѣ не хотѣли, чтобы первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ нами.

Поэтому усиленіе войскъ угрожаемой окраины по прежнему шло методически, осторожными шагами, не пугая Японію и не дѣлая насъ болѣе сильными.

18-го января 4-мъ льготнымъ батареямъ была объявлена мобилизація; 20-го января—послѣдовало распоряженіе о сформированіи нѣкоторыхъ частей, 24-го — о сформированіи 3-го Сибирскаго арм. корпуса изъ 3-ей, 4-й и 9-й (еще не существовавшей вовсе) вост.-сиб. стр. бригадъ, Отдѣльной Забайкальской каз. бригады и 3-го вост.-сиб. сапер. б-на и, наконецъ, 26-го января (наканунѣ войны)—о формированіи 9-й в.-сиб. стр. бригады путемъ выдѣленія по одной ротѣ изъ всѣхъ 32-хъ и безъ того слабыхъ по своему составу вост.-сиб. стр. полковъ [1]).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій мы имѣли къ началу войны въ Манчжуріи, Приамурьѣ и въ Сибири 9 стрѣлковыхъ дивизій, по 4 полка 2-хъ б-наго состава въ каждой [2]); 3 сибирскія пѣх. дивизіи изъ 4-хъ полковъ 4-хъ б-наго состава каждая; 2 казачьи дивизіи, 2 отдѣльныя бригады, 3 отдѣльныхъ полка, 1 дивизіонъ и 2 отдѣльныхъ сотни; всего: 120 б-новъ, 95 сотенъ, 248 орудій пѣшей артиллеріи, 24 орудія конной артиллеріи и 8 пулеметовъ. Войска эти были разбросаны на пространствѣ 2,200 верстъ по паралелли и 1400 вер. по меридіану. Изъ нихъ на театрѣ войны, т.-е. въ Манчжуріи и на Ляодунѣ, находилось 72 б-на, 42 сотни, 200 орудій и 8 пулеметовъ, а собственно въ раіонѣ сосредоточенія арміи—только 7½ б-новъ, 4 сотни и 22 орудія.

---

[1]) Роты эти прибыли въ пункты формированія полковъ къ 4-му февраля.

[2]) 9-я дивизія и третьи б-ны только еще начали формироваться.

Мобилизація этихъ силъ требовала весьма значительнаго времени: пѣхота—40 дней, конница—24 дня и артиллерія—51 день.

Такая продолжительность вызывалась разбросой силъ на огромной территоріи, слабымъ развитіемъ путей сообщенія, одноколейностью и слабою провозоспособностью «великаго сибирскаго пути» [1]) и недостаткомъ запасныхъ нижнихъ чиновъ на мѣстѣ, вслѣдствіе чего ихъ надо было подвозить изъ Европ. Россіи [2]).

Мобилизовавъ указанныя выше части, мы получали армію въ 110,000 чел.

Нашъ тихоокеанскій флотъ составляли: 7 броненосцевъ; 4 бронированныхъ, 6 бронепалубныхъ и 4 небронированныхъ крейсеровъ; 7 канонерскихъ лодокъ и 42 миноносцевъ и миноносокъ, всего 70 судовъ, съ водоизмѣщеніемъ въ 192,300 тоннъ.

Главныя силы этого флота—эскадра вице-адм. Старка стояли въ П.-Артурѣ. Ихъ боевую часть составляли 7 броненосцевъ [3]), 6 крейсеровъ [4]), 3 транспорта и 25 миноносцевъ; береговую же оборону несли 3 крейсера [5]), 4 канонерскихъ лодки, 2 минныхъ крейсера и 1 транспортъ; на этой эскадрѣ было всего: орудій разнаго колибра—920, офицеровъ—477 ч. и нижнихъ чиновъ—14,084 чел.

Другая эскадра, подъ командой к.-ад. бар. Штакельберга, въ составѣ 4-хъ крейсеровъ [6]) и 1 транспорта [7]), находилась во Владивостокѣ. Остальныя суда были разбросаны въ различныхъ пунктахъ: кр. «Варягъ» и кан. лодка «Кореецъ» стояли въ Чемульпо (Корея); кан. лодка «Сивучъ»—въ Инкоу (Манчжурія) и кан. лодка «Манчжуръ»—въ Шанхаѣ (Китай).

Противъ этихъ силъ Японія имѣла въ своемъ распоряженіи 13 дивизій (12 армейскихъ и 1 гвардейская), въ составѣ 4-хъ полковъ трехбатальоннаго состава каждый [8]); при каждой дивизіи—1 полкъ кавалеріи [9]), 1 полкъ артиллеріи [10]), полкъ инженерныхъ войскъ [11]), и 1 обозный б-нъ [12]). Въ составъ дивизій не входили двѣ отдѣльныя кавалерійскія бригады и двѣ артиллерійскія бригады (16 эск. и 198 горныхъ орудій).

---

1) Три поѣзда въ сутки и 6 поѣздовъ—черезъ 3 мѣсяца отъ начала войны.

2) Отъ Москвы до Владивостока—8,680 верстъ, а до П.-Артура—8,870 верстъ.

3) «Петропавловскъ», «Севастополь», «Полтава», «Пересвѣтъ», «Побѣда», «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ».

4) «Аскольдъ», «Баянъ», «Діана», «Паллада», «Бояринъ» и «Новикъ».

5) «Забіяка», «Джигитъ» и «Разбойникъ».

6) «Россія», «Громобой», «Богатырь» и «Рюрикъ».

7) «Лена».

8) Въ б-нѣ 4 роты, въ ротѣ—250 чел.

9) Въ полку—3 эскадрона, около 190 коней каждый.

10) Въ полку—6 батарей 6-ти орудійнаго состава каждая; 5 полковъ имѣли горныя орудія и 1 полкъ имѣлъ въ своемъ составѣ три горныя батареи.

11) Къ гвардейской дивизіи причисленъ также желѣзнодорожный полкъ.

12) Крѣпостная артиллерія также была въ мирное время расписана по дивизіямъ.

Впослѣдствіе выяснилось, что кромѣ полевыхъ дивизій, въ составѣ японскихъ армій было еще около 20 резервныхъ бригадъ [1]), о существованіи которыхъ мы и не подозрѣвали.

Вслѣдствіе этого общая численность арміи, которую Японія могла выставить на театрѣ войны, опредѣлялась нами въ 230—250 тыс. человѣкъ полевыхъ и запасныхъ войскъ, при 798 орудіяхъ [2])... Между тѣмъ въ книгѣ англійскаго публициста Стэда-сына—«Японцы объ Японіи», мы находимъ весьма авторитетное свидѣтельство фельдмаршала маркиза Ямагата [3]) о томъ, что послѣ побѣдоносной войны съ Китаемъ численность японской арміи доведена была до 500 тысячъ чел. Къ сожалѣнію, мы узнали объ этомъ слишкомъ поздно.

Морскія вооруженныя силы Японіи состояли изъ 6 броненосцевъ, 22 крейсеровъ [4]), 85 миноносцевъ, 19 истребителей миноносцевъ и другихъ судовъ второстепеннаго значенія, всего—168 боевыхъ судовъ, водоизмѣщеніемъ въ 265,700 тоннъ, съ серьезнымъ артиллерійскимъ вооруженіемъ [5]).

Такимъ образомъ, и на морѣ, и на сушѣ Японія имѣла значительный численный перевѣсъ надъ нами.

Матеріальная часть ея арміи и флота также превосходила нашу.

Хотя баллистическія свойства 3-хъ линейной винтовки, состоявшей на вооруженіи нашей пѣхоты и конницы, были одинаковы со свойствами японскаго ружья, образца 1897 года [6]), а свойства нашего полевого орудія были даже выше японской пушки системы Арисака, —но у насъ почти совсѣмъ не было горныхъ орудій, которыя наиболѣе отвѣчали топографическимъ свойствамъ театра войны; было очень мало пулеметовъ и совсѣмъ не было фугасныхъ снарядовъ (даже обыкновенной гранаты), тогда какъ японцы имѣли новый типъ ихъ, въ видѣ шимозы.

Въ то время, какъ ни обозъ нашъ (колесный), ни обмундированіе и снаряженіе нашихъ войскъ не отвѣчали ни одному изъ топографическихъ, климатическихъ и бытовыхъ условій страны, въ которой предстояло вести войну, и вообще не отличались ни практичностью, ни достаточнымъ количествомъ запасовъ ихъ, японцы имѣли обозъ —

---

1) Нормальный составъ ея выясненъ былъ въ 8 б-новъ, 2 эскадрона и 36 орудій.

2) См. изданный въ 1904 г. при содѣйствіи Главнаго Штаба военно географическій и статистическій обзоръ Японіи, состав. ген. шт. полк. Богуславскимъ, и справку объ японской арміи, изд. въ 1904 г. штабомъ Заамурскаго округа погранич. стражи.

3) Президентъ Император. Совѣта обороны.

4) Въ томъ числѣ 6 броненосныхъ и 9 броненалубныхъ.

5) Броненосцы имѣли по 4 орудія 12″ и отъ 10 до 14 ор.—6″; броненосные крейсера по 4 ор.—8″ и по 12—14 ор.—6″; меньшихъ калибровъ суда имѣли отъ 20 до 32 орудій.

6) Только запасныя войска и резервныя бригады японской арміи имѣли на вооруженіе болѣе старый образецъ ружья—Мурата.

Главнокомандующіе арміями.

Генералъ-Адъютантъ
Линевичъ.
(Изъ собранія В. А. Апушкина).

Генералъ-Адъютантъ
Куропаткинъ.
(Изъ собранія В. А. Апушкина).

N 2.

вьючный, а снаряженіе и обмундированіе — практичное и тщательно соображенное съ мѣстными условіями современной войны.

Японскій пѣхотинецъ имѣлъ за спиною ранецъ, въ которомъ было все необходимое въ походѣ, до почтовыхъ принадлежностей включительно; двубортное пальто-шинель изъ прочнаго драпа съ капюшономъ, запасную пару башмаковъ, очень легкій, аллюминіевый котелокъ (съ крышкой), въ которомъ помѣщался двухдневный запасъ риса, небольшой холщевый мѣшочекъ для храненія приправы къ рису, три патронныхъ сумки на 120 патроновъ, аллюминіевую баклагу и чарку, малую линнемановскую лопату и часть палатки. Вся эта ноша не превышала $1^1/_2$ пудовъ вѣса. Не только офицеры, но и всѣ унтеръ-офицеры японской арміи имѣли бинокли, карты и компасы.

То же самое приходится сказать и о качественномъ соотношеніи морскихъ вооруженныхъ силъ, нашихъ и японскихъ.

Въ то время, какъ въ нашей тихоокеанской эскадрѣ были прекрасныя отдѣльныя боевыя единицы, но не было ничего цѣльнаго, ибо суда были различныхъ типовъ, различной конструкціи и имѣли различную скорость хода, вслѣдствіе чего быстроходныя суда въ бою и на походѣ должны были равняться по тихоходнымъ,—японскій флотъ отличался однородностью конструкціи своихъ судовъ и одинаковой ихъ скоростью.

Но, пожалуй, еще болѣе разницы было въ степени боевой подготовки и подъема духа соперниковъ.

Господство въ Кореѣ и въ водахъ Тихаго Океана, омывающихъ берега японскихъ острововъ, составляли такіе жизненные интересы Японіи, ясно сознаваемые всѣмъ японскимъ народомъ, что война за эти интересы являлась для Японіи вполнѣ національною. Обидный же для Японіи исходъ побѣдоносной войны ея съ Китаемъ настолько обострилъ сознаніе этихъ интересовъ, что осуществленіе ихъ сдѣлалось вопросомъ національной чести, стало дѣломъ личной мести каждаго японца за погибшихъ въ этой безрезультатной войнѣ его товарищей, друзей, отцовъ и братьевъ. Вотъ, что, напр., по этому поводу разсказываетъ Тадеучи Сакурай, авторъ очерковъ боевой жизни японской арміи подъ Портъ-Артуромъ [1]), въ предисловіи къ своей книгѣ—«Живыя ядра»:

„Десять лѣтъ мы ждали случая отомстить за эту обиду! Когда непобѣдимая Императорская армія высадилась на эту землю, (Ляодунъ), изъ нѣдръ ея тысячи погибшихъ здѣсь привѣтствовали возвращеніе товарищей; казалось, ихъ геройскія души не могли найти покоя въ этой вырванной у нихъ землѣ... Когда я впервые вступилъ на полуостровъ (въ 1904 году), я невольно воскликнулъ:—„Это наша, японская земля! Мы купили ее цѣной крови нашихъ славныхъ воиновъ!“—Я чувствовалъ вездѣ кругомъ невидимое присутствіе этихъ жертвъ войны: [онѣ воодушевляли насъ и двигали на новыя побѣды.— „Подъ нашими ногами тлѣютъ кости нашихъ братьевъ, надъ нами парить ихъ духъ... Онъ

[1]) Переведена на русскій языкъ подъ редакціей Ю. Романовскаго и А. фонъ-Шварца; изданіе В. Березовскаго.

не находитъ себѣ успокоенія. Люди умерли, но души ихъ безсмертны! Тамъ, въ выси, надъ нами, онѣ зовутъ насъ въ бой!..»—«Вотъ что говорилъ я солдатамъ, ведя ихъ противъ непріятеля».

Вотъ во имя чего десять лѣтъ Японія готовилась къ войнѣ и вотъ съ какими чувствами японскія войска высаживались на Квантунѣ и въ Кореѣ, шли въ Манчжурію и вступали въ бой съ нашими войсками.

Мы поняли это слишкомъ поздно. Въ концѣ войны, бесѣдуя съ иностранными военными агентами, ген. Куропаткинъ призналъ, что—

въ японской арміи объединилось все, что въ общемъ итогѣ давало имъ максимумъ моральныхъ силъ. Правительство, парламентъ и народъ дѣйствовали дружно въ одномъ и томъ же направленіи... Каждый японецъ отдавалъ себѣ отчетъ въ значеніи этой войны для его родины... У насъ обстоятельства сложились иначе...—«Какой интересъ, спрашивалъ онъ своихъ собесѣдниковъ, могъ имѣть простой мужикъ, скажемъ, изъ Полтавской губерніи, котораго призывали изъ запаса, сажали въ вагонъ и везли въ Манчжурію, къ войнѣ съ Японіей, названіе которой онъ слышалъ первый разъ въ жизни?..»

Дѣйствительно, стимуловъ, руководившихъ японцами, у насъ не было. Для русскаго общества, для русскаго народа, лишенныхъ возможности участвовать въ политической жизни своего отечества и вліять на нее,—до послѣдняго момента неосвѣдомленныхъ о событіяхъ, совершавшихся на Д. Востокѣ и вызвавшихъ войну, послѣдняя, конечно, была дѣломъ не національнымъ. Не только солдаты, но и офицеры не знали точно и осмысленно, во имя чего она началась, а темные слухи, будто корыстолюбивыя притязанія какой-то кучки аферистовъ на лѣсныя богатства Кореи создали пресловутый «корейскій вопросъ», какъ casus belli для Японіи, лишали войну ореола справедливости...

И хотя исконная доблесть русскаго солдата, русскаго офицера, какъ бойцовъ, остались тѣ же, какими зналъ ихъ весь міръ на протяженіи двухъ послѣднихъ столѣтій, и они, какъ прежде, дѣйствовали самоотверженно, гибли геройски, не боялись трудовъ, опасностей и смерти и все это покорно сносили, но Куропаткинъ не могъ скрыть ни отъ себя, ни отъ другихъ, что «въ арміи нѣтъ особаго боевого одушевленія».

Не было одушевленія, не было и вѣры въ себя и въ свой успѣхъ.

«Прискорбно то, признавался ген. Куропаткинъ, что нѣкоторыя начальствующія лица разныхъ степеней, начиная съ ротныхъ командировъ, проявляютъ недостаточную увѣренность въ нашей побѣдѣ надъ японцами и обнаруживаютъ слишкомъ нервное отношеніе къ противнику» [1])...

«Нижніе чины, по его мнѣнію, «стали тоже болѣе нервны, чѣмъ въ русско-турецкую войну. Но все же, добавлялъ онъ,—это—прекрасный матеріалъ» [2])...

---

[1]) Письмо Командующаго Манчжурской Арміей Намѣстнику Е. И. В. на Д. Востокѣ отъ 25 іюля 1904 г. № 961.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо ген.-ад. Куропаткина отъ 8 іюня 1904 г.

Однако, слѣдуетъ признать, что такимъ «прекраснымъ матеріаломъ были только нижніе чины дѣйствительной службы, но не запаса... Преждевременно состарившіяся дѣти нашихъ деревень, разоряемыхъ «недородами», голодными тифами, малоземельемъ, непосильными податями, пьянствомъ и невѣжествомъ во всѣхъ сферахъ жизни, лишенные чувства гражданственности и сознанія своего гражданскаго долга, запасные нижніе чины являлись на театръ войны съ очень небольшимъ запасомъ воинскихъ знаній и воинскаго духа.

Самъ генер. Куропаткинъ не скрылъ отъ иностранныхъ военныхъ агентовъ въ цитированномъ уже выше разговорѣ съ ними, что въ началѣ войны, въ 10-мъ корпусѣ дѣло почти дошло до открытаго боя съ оружіемъ въ рукахъ между запасными и молодыми солдатами:—«Вы, говорили первые изъ нихъ,—вы—солдаты, ваше дѣло война; а мы—мужики, какое намъ дѣло до этой исторіи?!..» [1]).

И только война, бой, первое же «боевое крещеніе» возвращали имъ воинскій видъ, подымали ихъ духъ и сплачивали съ молодыми солдатами въ одно боевое товарищество чувствомъ долга и воинской чести. Напримѣръ, полки злополучной 54-й пѣх. резерв. дивизіи (ген. Орлова), не проявившіе, какъ извѣстно, стойкости въ первомъ ихъ столкновеніи съ японцами подъ Ляояномъ (Янтайскія копи), въ послѣдующихъ бояхъ заслужили репутацію вполнѣ надежныхъ, доблестныхъ и стойкихъ въ боевомъ отношеніи частей.

То же самое приходится сказать и о другой крупной составной части нашей вооруженной силы на Д. Востокѣ—казачествѣ. Несомнѣнно это—также «прекрасный матеріалъ». Но черты его характеристики, разбросанныя изобильно въ книгѣ А. Квитки—«Дневникъ Забайкальскаго офицера въ рус.-яп. войну 1904—05 г.г.» обнаруживаютъ ясно, какъ мало заботились у насъ до войны о поддержаніи на должной высотѣ того, что должно было служить «глазами и ушами» арміи.

Напримѣръ, въ Уссурійскомъ каз. полку, наканунѣ выступленія въ походъ, обнаружилось, что «большинство казаковъ не умѣло ни стрѣлять, ни владѣть шашкой, не знало ни коннаго, ни пѣшаго строя, а офицеры недостаточно подготовлены...» Походное снаряженіе мобилизованныхъ полковъ 2-й очереди Забайкальскаго каз. войска свидѣтельствовало о большой беззаботности войскового начальства:—«Ни у одного изъ казаковъ не оказалось запасной подковы». Недостатки обученія и воспитанія второочередныхъ полковъ въ мирное время сказались на войнѣ въ неумѣніи ихъ дѣйствовать въ горахъ (горное эхо вводило ихъ въ заблужденіе и они атаковывали сопки, незанятые непріятелемъ), въ неумѣніи быстро переправляться черезъ рѣки (переправа черезъ Тайцзыхе, требовавшая не болѣе двухъ часовъ времени,

---

[1]) Бар. Теттау. «Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками», пер. съ нѣм. М. Грулева, изд. В. Березовскаго, ч. 2-я, стр. 415.

заняла пять часовъ), въ недисциплинированности на походѣ (даже идя ночью для внезапной атаки деревни, они болтали безъ умолку), въ небрежномъ несеніи караульной службы, въ вялой стрѣльбѣ въ бою, въ склонности къ паникѣ.

И какъ нижніе чины дѣйствительной службы были лучше запасныхъ, такъ и казаки I-й очереди были лучше взятыхъ со льготы.— «Обученные и въ хорошихъ рукахъ (напр., ген. Мищенко), они, по мнѣнію г. Квитки, были расторопны и въ храбрости не уступали никому» [1]).

Къ сожалѣнію, этихъ «хорошихъ рукъ» было мало въ прямомъ и переносномъ смыслѣ... Некомплектъ офицеровъ, ставшій хроническимъ явленіемъ нашей арміи, вызвалъ къ жизни такіе суррогаты офицерскаго корпуса, какъ «заурядъ-прапорщики» и «прапорщики запаса». Первыми, послѣ крайне нетруднаго испытанія «въ грамотности» дѣлались на время войны толковые фельдфебеля и унтеръ-офицеры, отбывшіе срокъ своей дѣйствительной службы; вторыми — послѣ такого же нетруднаго испытанія въ «военныхъ наукахъ»—дѣлались интеллигенты, отбывшіе воинскую повинность. Спеціальная военная подготовка тѣхъ и другихъ была очень слаба, но у первыхъ все-таки, пожалуй, лучше... Это были въ сущности настоящіе «солдаты», для которыхъ военная служба была и призваніемъ, и ремесломъ... Ихъ связи съ арміей были кровныя, прочныя—и за честь носить офицерскіе погоны они честно платили своей кровью, своей жизнью... Вторые же, въ громадномъ большинствѣ, и въ офицерскомъ мундирѣ оставались адвокатами, учителями и чиновниками разныхъ вѣдомствъ... Ихъ идеалы, интересы, вкусы и характеры были чужды войнѣ, арміи и военной службѣ, съ которыми ихъ связывалъ лишь временами тяжелый принудительный долгъ гражданина.

Эти двѣ группы «прапорщиковъ» еще болѣе увеличивали разнообразіе нашего офицерскаго корпуса, состоявшаго нормально изъ трехъ категорій: питомцевъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ; питомцевъ учебныхъ заведеній граждан. вѣдомства, окончившихъ особые военно-училищные курсы, и, наконецъ, лицъ, не окончившихъ сполна ни военныхъ, ни гражданскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и ставшихъ офицерами, пройдя курсъ юнкерскихъ училищъ... Такое разнообразіе въ воспитаніи и образованіи нашего офицерскаго корпуса, конечно, значительно понижало число лицъ, на которыхъ въ трудную минуту можно было положиться, и которымъ можно было дать отвѣтственное боевое порученіе.

Къ тому же «русскіе начальники всѣхъ ранговъ, по замѣчанію герман. воен. агента при нашей арміи, маіора бар. Теттау, привыкли, чтобы ихъ опекали, боялись отвѣтственности и, не воспитанные, а

---

[1]) «Дневникъ забайкальскаго офицера» — А. Квитка. Изд. В. Березовскаго (стр. 46, 79, 91, 369, 146, 204—205, 136, 133, 100 и 334).

скорѣе даже подавленные въ духѣ самодѣятельности, избѣгали принимать самостоятельныя рѣшенія».

«Неувѣренность въ побѣдѣ», о которой доносилъ ген.-ад. Куропаткинъ, объяснялась также общимъ сознаніемъ нашей неподготовленности къ войнѣ, сознаніемъ превосходства въ этомъ отношеніи нашего противника. Такъ, напримѣръ, въ арміи широко было распространено мнѣніе, несомнѣнно неблагопріятно отражавшееся на ея духѣ, что японцами, благодаря прекрасной организаціи военнаго шпіонства, еще до войны хорошо изученъ театръ военныхъ дѣйствій. Мы же, фактическіе хозяева въ немъ, имѣли карты мѣстности только южнѣе Ляояна, но и онѣ, съ потерей нами этого пункта, утратили свое значеніе; раіонъ же между Ляояномъ и Мукденомъ освѣщенъ былъ очень плохо, а картъ мѣстности сѣвернѣе Мукдена и вовсе не было [1]). Наши офицеры-рекогносцеры во время войны то и дѣло «открывали Америки», а войска то и дѣло натыкались въ походѣ на невѣдомые и трудно проходимые перевалы, а въ бою — на «проклятыя сопки» [2]).

Всѣ эти недостатки въ «духѣ» и боевой подготовкѣ нашей арміи усуглублялись еще недостатками ея организаціи.

Въ то время какъ японская армія представляла стройную систему, въ основу которой положенъ былъ принципъ тождества составныхъ частей, и ея дивизіи являлись гибкими, подвижными организмами,

---

[1]) Намѣреніе штаба Приамурскаго военнаго округа освѣтить съемкою раіонъ сѣвернѣе Ляояна было отклонено воен. министромъ, ген.-ад. Куропаткинымъ, который нашелъ, что «много съемочныхъ работъ произведено по Ляодунскому полуострову и очень мало по столь же важному для Россіи пространству между магистралью Вост. Кит. ж. д. и рѣкою Амуромъ».

[2]) Интересны обстоятельства, при которыхъ открытъ былъ кратчайшій и удобнѣйшій путь изъ Ляояна въ г. Саймадзы. Въ началѣ апрѣля 1904 г. изъ Фынхуанчена высланъ былъ для закупки и сбора фуража транспортъ изъ 50 повозокъ при 60 ниж. чин. подъ командой корнета В. К. Шнеура. Маршрутъ движенія транспорта составленъ былъ по 20-ти верстной картѣ. Однако она оказалась не соотвѣтствующей дѣйствительности—и транспортъ заблудился. Совершенно случайно онъ черезъ г. Саймадзы вышелъ на Ляоянъ—Фынхуанченскую дорогу и добрался до Ляояна. Во время блужданія транспорта по горамъ произошло Тюренченское сраженіе—и штабъ арміи былъ озабоченъ скорѣйшимъ занятіемъ Саймадзы, чтобы предупредить возможность выхода японскихъ войскъ на путь выступленія нашихъ войскъ съ Ялу. Но путь, извѣстный штабу, былъ трудно доступенъ для артиллеріи и дологъ. Путь же, случайно обнаруженный корнетомъ Шнеуромъ, былъ короче на 45—50 вер. и имѣлъ на своемъ протяженіи всего лишь одинъ незначительный перевалъ, а не три. Объ открытіи кор. Шнеура стало извѣстно к-щему арміей, который и поручилъ ему провести отрядъ въ Саймадзы. Только благодаря этому обстоятельству этотъ узелъ дорогъ съ Ялу на Мукденъ черезъ г.г. Куаньдансянь и Фынхуанченъ былъ занятъ нами 22-го апрѣля, а 25-го числа того же мѣсяца за обладаніе имъ уже произошелъ бой.

Точно также, совершенно неожиданно былъ обнаруженъ на пути наступленія 3-го сиб. арм. корпуса къ Бенсиху въ сентябрѣ 1904 г. массивъ Ліутхилаза у д. Каотайцзы На картахъ, розданныхъ войскамъ, тутъ было бѣлое пятно, т.-е. ровное мѣсто. Гора не была своевременно занята нами, ее заняли японцы и преградили корпусу дальнѣйшій путь.

обладавшими всѣми средствами для веденія самостоятельныхъ операцій сообразно всѣмъ условіямъ театра войны, наши корпуса, дивизіи и даже полки были чрезвычайно разнообразны по своему качественному и количественному составу, являясь продуктами не вдумчивой и прочно сложившейся организаціи, а наскоро сдѣланной импровизаціи. Во главѣ ихъ стояли иногда «случайные» начальники... Такъ, напримѣръ, войсками 3-го сиб. корпуса пришлось командовать командиру 2-го (ген. Засуличу), а войсками 2-го—командиру 3-го (ген. Стесселю)... Полки 9-й вост. сиб. стр. дивизіи, сформированные изъ ротъ остальныхъ полковъ, представляли пестрый конгломератъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, не имѣвшихъ единства ни въ степени обученности и боевой подготовки людей, ни въ навыкахъ и пріемахъ дѣйствія и управленія, ни въ боевыхъ и товарищескихъ традиціяхъ. Въ остальныхъ полкахъ „чужими" были 3-іи б-ны, сформированные изъ войскъ Евр. Россіи...

Значеніе связи между духомъ и организаціей прекрасно было формулировано еще въ началѣ войны генераломъ Мищенко.

—«Сюда,—говорилъ онъ,—слѣдовало бы двинуть готовые корпуса, а новые сформировать и оставлять въ Россіи. Это дало бы намъ на войнѣ большой нравственный плюсъ: сплоченный корпусъ офицеровъ, знакомыхъ съ своими людьми,—полковыя традиціи, большее благоустройство, готовый механизмъ... А то укомплектовали полки третьими б-нами, взятыми изъ другихъ частей, которые кажутся *чужими*; понадергали отовсюду офицеровъ, которые сами тутъ новички, ничего не знаютъ въ совершенно новой для нихъ обстановкѣ... И ихъ никто не знаетъ: ни подчиненные, ни начальники... Къ тому же знаете нашу привычку: пользуясь случаемъ, сбывать изъ полка худшіе элементы? Ну, на нихъ косо и смотрятъ: какіе они? что имъ можно поручить и довѣрить? А война будетъ не шуточная... Нужны лучшіе люди, отборные... Духъ арміи надо всемѣрно поддерживать, потому что сама война въ ея поводахъ не даетъ для того достаточнаго матеріала...» [1]).

Такъ говорилъ генералъ въ рукахъ котораго впослѣдствіи всякая войсковая часть оказывалась прекрасною боевою силою.

Флотъ нашъ въ Тихомъ океанѣ былъ не въ лучшемъ положеніи. Еще за два года до войны начальникъ тихоокеанской эскадры доносилъ объ огромномъ некомплектѣ въ личномъ составѣ ея. Не доставало: оберъ-офицеровъ отъ $16^1/_2$ до 39%, инженеръ-механиковъ—отъ 25 до 29%, кондукторовъ—до 76%, артиллеристовъ разныхъ званій—отъ 11 до $31^1/_2$%, минеровъ—отъ 17 до 20%, машинистовъ и кочегаровъ до 16%. Некомплектъ этотъ такъ и не былъ пополненъ къ началу кампаніи.

Не доставало также огромнаго количества снарядовъ: къ 12" орудіямъ—50% къ 10"—100%, къ 8"—13%, къ 6"—83%, къ 4",7—38%, къ 3"—97%, къ 47 м/м.—96%, къ 37 м/м.—80%. Не доставало, главнымъ образомъ, наилучшихъ и нужнѣйшихъ сортовъ снарядовъ—бронебойныхъ и фугасныхъ, а то, что имѣлось, было распредѣлено совершенно безпорядочно; напр., во Владивостокѣ не было ни одного 3"

[1]) См. мою книгу:—«*Мищенко.* Изъ воспоминаній о рус.-япон. войнѣ». Изд. В. Березовскаго, 1908 г. стр. 108—109.

снаряда, тогда какъ для 12" орудій тамъ было 1037 снарядовъ; между тѣмъ, всѣ корабли, вооруженныя этими орудіями, находились въ Портъ-Артурѣ, гдѣ къ нимъ было всего 153 снаряда.

Въ ужасномъ положеніи находились и средства эскадры для починки судовъ. Единственный докъ, въ который можно было ввести броненосецъ или большой крейсеръ, находился во Владивостокѣ... Но во Владивостокѣ не было ни одного броненосца. Всѣ же остальныя средства для ремонта кораблей обоихъ портовъ (Владивостока и П.-Артура), и въ мирное то время могли выполнить лишь половину обыкновеннаго ремонта [1]).

По экономическимъ соображеніямъ морского министерства, эскадра наша вообще выходила въ море и стрѣляла очень мало, и потому соединенное плаваніе и маневрированіе ея было очень плохо слажено; двухстороннихъ же маневровъ, которые только и могли выяснить пригодность тѣхъ или иныхъ тактическихъ пріемовъ для эскадреннаго боя, не производилось вовсе. Ночное плаваніе, безъ огней, и развѣдочная служба были также плохо организованы и практики въ нихъ было очень мало. Система опознательныхъ сигналовъ была очень сложна... Единственно, что было въ безусловной исправности на нашихъ судахъ,—это вахтенная служба... Но, по замѣчанію Н. Л. Кладо, «было бы, несправедливо умолчать о томъ, что среди морскихъ офицеровъ совершенно отсутствовало военное образованіе, т.-е. знакомство съ исторіей морскихъ войнъ и развитія военно-морского искусства, съ морской тактикой и съ морской стратегіей. Это невѣжество, по его словамъ, особенно сильно сказывалось въ высшемъ командномъ персоналѣ и въ составѣ морского министерства»— и имъ объясняетъ г. Кладо то, что недостатки флота, хорошо извѣст-

---

1) См. «Рус.-Япон. война на сушѣ и на морѣ. Художеств. Альбомъ съ текстомъ. Изд. В. Березовскаго; вып. V—«Морскія дѣйствія», очеркъ, составлен. Н. Л. Кладо.

2) Въ частности, для характеристики боевой годности нашего миноноснаго флота въ Портъ-Артурѣ къ началу войны, вотъ данныя о состояніи миноносца «Расторопный»,—одного изъ двухъ миноносцевъ, несшихъ службу по охранѣ эскадры въ роковую для послѣдней ночь съ 26-го по 27-ое января 1904 г. Вооруженіе его состояло изъ двухъ минныхъ поворотныхъ аппаратовъ для минъ Уайтхеда, изъ одного 75 м/м. орудія, трехъ 47 м/м. орудій и боевого прожектора. Ни аппараты, ни одно изъ орудій испытаны не были. Испытанія машины на наибольшую скорость также не было сдѣлано. Прислуги было мало: изъ 4-хъ командоровъ на лицо былъ одинъ, изъ двухъ трюмныхъ—также одинъ, сигнальщикомъ былъ простой матросъ, не умѣвшій разобрать ни одного сигнала; машинную и кочегарную команду составляли частью ученики, взятые съ другихъ судовъ эскадры, частью —рядовые матросы. Въ общемъ, команда миноносца была настолько малоопытна въ управленіи машиной и котлами, что матросъ, назначенный быть трюмнымъ не зналъ, какой кранъ нужно открыть для пріема воды, и принялъ ее не въ цистерну, а въ трюмъ. Но главный недостатокъ миноносца, совершенно не оправдывавшаго свое названіе, заключался въ томъ, что онъ не могъ имѣть прѣсной воды болѣе, чѣмъ на 60 миль плаванія и, стало быть, не могъ участвовать въ продолжительномъ походѣ съ эскадрою.

ные руководителямъ его, казались имъ не столь опасными, какъ это было на самомъ дѣлѣ, и потому они не торопились ихъ устранить.

Это замѣчаніе о флотѣ слѣдуетъ распространить и на армію, въ которой даже корпусные командиры не были подчасъ знакомы съ современной военной техникой и тактикой боя. Только горькій опытъ Вафангоускаго боя научилъ, напр., ген. Штакельберга, какъ слѣдуетъ пользоваться современной артиллеріей...

О боевой подготовкѣ японскаго флота мы имѣемъ очень мало данныхъ въ литературѣ. Извѣстно, какой тайной обставляли японцы все, что касалось подготовки къ войнѣ и военныхъ дѣйствій,—въ особенности флота. И только изъ опубликованнаго за границею дневника японскаго морского офицера Нирутака, командира миноносца «Акацуки» (въ эскадрѣ адм. Того), мы узнаемъ, что «японскій флотъ всю зиму 1903 года вертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ, въ открытомъ морѣ, во всякую погоду, при собачьемъ холодѣ», производя ученья и практическія стрѣльбы. Стрѣляли японцы въ этотъ періодъ такъ много, что «на послѣднихъ ученіяхъ, по словамъ Нирутаки, старыя торпеды стали давать осѣчку»... — «Осѣчки въ серьезномъ дѣлѣ, лицомъ къ лицу съ русскими!—восклицаетъ онъ.—Если бы со мной случилось что-либо подобное, я пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ»... Въ результатѣ такой напряженной работы онъ заноситъ въ свой дневникъ наканунѣ выхода минной флотиліи изъ Іокозуко въ Сасебо 1 февраля 1904 г. нов. ст. (18 января стар. стиля) слѣдующія строки:—«Лучшей команды нечего и желать; люди были толковы еще до принятія ихъ на бортъ, а нынѣшняя, если можно такъ выразиться, зимняя мирная кампанія не прошла безъ пользы. Мы всѣ дьявольски много учились и насъ ничѣмъ не удивишь»...

Изъ иностранцевъ только англійскому корреспонденту Сеппингъ Райту удалось видѣть близко эскадру Того и онъ свидѣтельствуетъ о «лихорадочно-энергической дѣятельности арсенала въ Сасебо, (главной станціи для ремонта и перевооруженія судовъ) и арсенала въ Куре (центръ постройки новыхъ судовъ).

Подводя итоги сказанному, слѣдуетъ признать, что война застала насъ неподготовленными. Численность войскъ была недостаточна, предположенія по усиленію ихъ не были еще доведены до конца; работа желѣзной дороги, неподготовленной, вслѣдствіе незаконченности ея оборудованія, къ усиленнымъ перевозкамъ, не удовлетворяла тѣмъ даннымъ, которыя могли бы обезпечить сосредоточеніе нашихъ силъ; укрѣпленія П.-Артура и Владивостока, въ особенности перваго, далеко не были закончены; флотъ не имѣлъ того, что имѣть ему надлежало; боевая подготовка войскъ имѣла существенные пробѣлы;

---

1) Н. С. Сеппингъ Райтъ.—Съ адмираломъ Того. Описаніе семимѣсячной службы подъ его командой. Изд. В. Березовскаго, стр. 25—26.

одушевленія войною не было, а увѣренія дипломатовъ, что ея удастся избѣжать, не давали возможности ему развиться и вылиться въ энергичную подготовительную работу; командный персоналъ не былъ на должной высотѣ по своей научной подготовкѣ, воспитанію, боевому опыту, складу духовныхъ силъ и физической годности. Наконецъ, и политическая обстановка намъ также не благопріятствовала: войну предстояло вести на чужой, китайской территоріи, населеніе которой, родственное по племенному своему происхожденію съ нашимъ противникомъ, было настроено къ намъ скорѣе враждебно, чѣмъ дружественно; это выразилось тотчасъ же съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ оживленіи дѣятельности хунхузскихъ шаекъ по линіи желѣзной дороги, которую онѣ неоднократно пытались испортить, и въ движеніи лучшихъ китайскихъ войскъ ген. Ма изъ Печилійской провинціи на сѣверъ къ р. Ляохе, т.-е. къ нашимъ путямъ сообщенія.

Японцы имѣли предъ нами численный перевѣсъ на сушѣ и на морѣ, преобладаніе въ духѣ, вытекавшее изъ желанія всей націи войны во что бы то ни стало, тщательную десятилѣтнюю подготовку къ ней и командный персоналъ, получившій боевой опытъ на томъ же театрѣ войны, что давало ему превосходное его знаніе...

Вотъ при какой обстановкѣ и съ какими шансами на успѣхъ начиналось соперничество двухъ расъ за господство въ Азіи.

Планъ стратегическаго развертыванія нашей арміи въ случаѣ войны съ Японіей былъ выработанъ окончательно въ ноябрѣ 1903 года.

По этому плану, главную массу войскъ, (всего 60 батальоновъ пѣхоты, 65 сотенъ кавалеріи, 160 орудій и 2 сапер. батальона), силою до 65 тыс. штыковъ и шашекъ, надлежало направить въ Южную Манчжурію, сосредоточивъ главныя силы въ раіонѣ Хайченъ—Ляоянъ и выдвинувъ авангарды, (всего 18 б-новъ, 25 сотенъ и 86 орудій—около 19,000 челов.) къ р. Ялу. Гарнизонъ кр. П.-Артура должна была составлять: 7-я вост. сиб. стр. дивизія (12 б-новъ), 2 б-на крѣп. артиллеріи и 1 саперная рота. Кромѣ того, для охраны Квантунской области, а въ случаѣ надобности и для усиленія крѣпостного гарнизона, назначался 5-й вост. сиб. стр. полкъ (2 б-на), 2 запасныхъ б-на, 1 сотня казаковъ и нештатная 57 м/м. батарея въ 6 орудій. Гарнизонъ кр. Владивостокъ должны были составить: 8-я вост. сиб. стр. дивизія (8 батальоновъ), 2 б-на крѣп. артиллеріи, 2 саперныя роты и 1 минная рота. На Южно-Уссурійскомъ театрѣ войны, въ раіонѣ Раздольное-Посьетъ, предполагалось сосредоточить вторыя бригады 31-й и 35-й пѣх. дивизій, сформировавъ изъ нихъ отдѣльную сводную дивизію при 24 орудіяхъ, кромѣ Посьетской нештатной батареи (8 ор.) и Новокіевской минной роты. Гарнизонъ Николаевскихъ укрѣпленій (на Амурѣ) составляли 1 крѣп. пѣх. б-нъ, 1 крѣп. арт. рота и 1 минная рота.

Въ основаніе этого плана принято было заключеніе начальника временнаго морского штаба Намѣстника, контръ-адмирала Витгефта, что «при настоящемъ соотношеніи силъ нашего и японскаго флота возможность пораженія нашего флота не допускается; разъ же, что нашъ флотъ не разбитъ, высадка японцевъ въ Инкоу и въ Корейскомъ заливѣ немыслима».

Именно вслѣдствіе этого преувеличеннаго мнѣнія о непобѣдимости нашего тихоокеанскаго флота, для обороны Квантуна и Портъ-Артура и признано было первоначально достаточнымъ 16-ти б-новъ...

Въ частности, планъ военныхъ дѣйствій нашего флота былъ выработанъ еще въ 1901 году и хотя впослѣдствіи онъ неоднократно подвергался обсужденію и пересмотру, но сущность его оставалась все той же. По этому плану флотъ нашъ, господствуя въ Печилійскомъ заливѣ, въ Желтомъ и Южно-Корейскомъ моряхъ, долженъ былъ препятствовать высадкѣ непріятельскихъ войскъ въ Чемульпо или въ устьяхъ р. Ялу и тѣмъ дать возможность нашей арміи, сосредоточившись въ Мукденѣ и Ляоянѣ, двинуться къ Корейской границѣ для прегражденія непріятельскаго вторженія въ предѣлы Манчжуріи. Для успѣшнаго рѣшенія этой задачи главныя силы нашего флота, имѣя базою П.-Артуръ, должны были преградить путь непріятельскому флоту въ Желтое море для высадки десанта на западномъ побережьѣ Кореи, а второстепенныя—имѣли цѣлью отвлекать часть непріятельскаго флота отъ Печилійскаго и Корейскаго бассейновъ. Для этого во Владивостокѣ былъ оставленъ самостоятельный крейсерскій отрядъ, который долженъ былъ дѣйствовать въ тылъ непріятелю, угрожать его сообщеніямъ, преслѣдовать его транспорты и коммерческія суда и производить нападенія на малоукрѣпленные пункты японскихъ береговъ.

Въ общемъ ходъ войны представлялся ген.-адъютанту Куропаткину въ слѣдующемъ желательномъ видѣ:

— «Планъ войны долженъ быть очень простой,—писалъ онъ во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 2 февраля 1904 года: 1) борьба флотовъ за главенство на морѣ; 2) десантъ со стороны японцевъ и противодѣйствіе ему; 3) оборонительныя дѣйствія съ широкимъ развитіемъ партизанскихъ дѣйствій до сбора значительныхъ силъ; 4) переходъ въ наступленіе и вытѣсненіе японцевъ сперва изъ Манчжуріи, а потомъ изъ Кореи и 5) десантъ въ Японію, разбитіе территоріальныхъ войскъ, борьба съ народнымъ возстаніемъ, овладѣніе столицами и особою императора».

Планъ японцевъ былъ повтореніемъ ихъ плана войны съ Китаемъ въ 1894 году и заключался въ слѣдующемъ: 1) захватъ господства на морѣ; 2) захватъ Кореи для обезпеченія операціонной линіи и устройства промежуточной базы для флота и арміи; въ частности, овладѣніе Фузаномъ и Мозампо, для совершеннаго обезпеченія опера-

ціонной линіи закрытіемъ Корейскаго пролива, и овладѣніе Гензаномъ, Чемульпо, Цинампо и устьемъ Ялу—для сокращенія операціонной линіи устройствомъ промежуточныхъ базъ; 3) переходъ чрезъ р. Ялу и занятіе Фынхуанчена для прикрытія Кореи и обезпеченія операціи противъ Артура; 4) высадка у Бицзыво и операціи противъ Квантуна и Инкоу съ одной стороны и Хайчена—съ другой; 5) высадка у Дагушаня и операціи противъ Хайчена для захвата желѣзной дороги и, наконецъ, 6) операціи противъ Ляояна для пораженія русской арміи.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ планомъ японцами были образованы 4 арміи: 1-я—для захвата Кореи, 2-я и 4-я—для захвата желѣзной дороги и 3-я—для овладѣнія П. Артуромъ. Начать военныя дѣйствія на сушѣ должна была 1-я армія, подъ начальствомъ ген. Куроки, численностью до 60 тыс. Она должна была, высадившись въ Кореѣ, оттѣснить наши авангарды отъ р. Ялу и занять стратегическую позицію у Фынхуанчена на флангѣ путей отъ Ляояна къ П.-Артуру, съ цѣлью обезпечить высадку остальныхъ армій на Ляодунскомъ полуостровѣ у Бицзыво и Дагушана.

Для обезпеченія дессанта 1-й арміи, главная эскадра, подъ начальствомъ адм. Того, въ составѣ 20 броненосцевъ и крейсеровъ, съ отрядомъ миноносцевъ должна была дѣйствовать противъ П.-Артура и уничтожить или заблокировать въ немъ эскадру адм. Старка. Другая эскадра, изъ 6 крейсеровъ и 8 миноносцевъ, подъ командой адм. Уріу, должна была конвоировать дессантъ, предназначенный для овладѣнія столицею Кореи—Сеуломъ, захватить стоявшіе въ гавани Сеула—Чемульпо наши суда («Варягъ» и «Кореецъ») и занятіемъ позиціи къ сѣверу отъ Сеула прикрыть дальнѣйшую высадку японской арміи.

Сопоставляя эти планы, приходится сказать, что нашъ «очень простой» планъ хотя и предусматривалъ даже высадку въ Японію, захватъ японскихъ столицъ и микадо, въ сущности своей сводился, однако, всего лишь къ сосредоточенію значительныхъ силъ, что надолго предопредѣляло оборонительный характеръ дѣйствій и отдавало иниціативу ихъ въ руки противника; планъ же японцевъ, не имѣя въ виду соотвѣтственно далекихъ географическихъ цѣлей, наступательный по существу, проникнутъ былъ крайнею осторожностію и методичностью, несмотря на исключительно благопріятную для нихъ обстановку.

Принятое японцами рѣшеніе обезпечить успѣхъ своихъ первыхъ операцій начатіемъ ихъ *внезапно*, еще болѣе отдавало въ ихъ руки иниціативу военныхъ дѣйствій, являющуюся однимъ изъ крупныхъ факторовъ успѣха.

Осуществленіе этихъ плановъ выпало на долю: съ нашей стороны—ген. адъют., адм. Е. И. Алексѣева, со званіемъ главнокомандующаго, ген. адъют. А. Н. Куропаткина—съ правами командующаго Манчжурскою арміею и в.-адм. С. О. Макарова—съ правами командующаго флотомъ, при чемъ оба этихъ послѣднихъ лица были названы «са-

мостоятельными и отвѣтственными главными начальниками,»—а со стороны Японіи на долю маркиза Ойяма.

О мало извѣстной дотолѣ личности послѣдняго стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ японо-китайскую войну онъ командовалъ арміею, дѣйствовавшею противъ П. Артура, и взялъ его открытымъ штурмомъ. Послѣ этой войны онъ былъ начальникомъ генеральнаго штаба. Основаніемъ для избранія его на эту должность, по словамъ сэра Яна Гамильтона, послужили честность, большая личная популярность и вліяніе клана Сатсума, къ которому онъ принадлежитъ. — «Великій маркизъ», какъ завутъ его въ Японіи, произвелъ на Гамильтона впечатлѣніе скорѣе «tres grand seigneur'a»—«съ широкими политическими связями, чѣмъ человѣка, который хотя бы на минуту хотѣлъ казаться необыкновенно старательнымъ ученымъ и профессіональнымъ военнымъ». — «У насъ имѣются сотни болѣе образованныхъ, совершенныхъ и знающихъ офицеровъ, которые могли бы занять мѣсто Ойямы, говорилъ о своемъ главнокомандующемъ сэру Гамильтону одинъ изъ японскихъ офицеровъ,—но они не будутъ Ойямой...» Изъ ряда другихъ генераловъ Ойяму выдѣляла непоколебимая твердость характера при достиженіи намѣченной цѣли,—твердость, «исключительная даже для японца», какъ горделиво заявляли сэру Гамильтону сами японцы.

Маршалъ Ойяма.

Какъ разъ обратное говорили у насъ о ген. Куропаткинѣ, считая его самымъ образованнымъ, совершеннымъ и знающимъ офицеромъ

и потому самымъ подходящимъ вождемъ нашей арміи въ начинавшейся войнѣ. И только скептики и остряки, въ родѣ Драгомирова, спрашивали, говорятъ:—«а кто же будетъ при немъ Скобелевымъ?»

Что касается адм. Алексѣева, то его боевой опытъ опредѣлялся руководствомъ имъ нашими войсками при усмиреніи возстанія боксеровъ въ 1900 году. Среди своихъ подчиненныхъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ—за твердость воли, огромную трудоспособность, ясное пониманіе сложныхъ обстоятельствъ и государственный умъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти положительныя качества были парализованы теперь тѣмъ распредѣленіемъ власти на театрѣ войны, которое бар. Теттау называетъ „своеобразнымъ и не вполнѣ яснымъ,“—и вслѣдствіе котораго „помощникъ его, к-щій арміею то прямо сносился съ Петербургомъ, то считалъ нужнымъ испрашивать указаній гл-щаго, то доносилъ ему о своихъ распоряженіяхъ post factum.

Театръ войны охватывалъ огромное пространство между Владивостокомъ, Харбиномъ, Портъ-Артуромъ и Сеуломъ, заключая въ себѣ Уссурійскій край, о—въ Сахалинъ, Манчжурію, Ляодунскій полуостровъ и Корею.

Рѣками Сунгари, Уссури, Амуромъ и Ялу раіонъ этотъ дѣлится на двѣ части: Приморскую область, Южно-Уссурійскій край и Корею—съ одною стороны; Манчжурію и Ляодунъ—съ другой. Такъ какъ послѣдняя по своей заселенности, культурности и топографическимъ условіямъ наиболѣе благопріятна для развитія военныхъ операцій и на ней сосредоточены были главнѣйшія цѣли дѣйствій японцевъ, которымъ принадлежала иниціатива ихъ,—кр. П.-Артуръ, главныя силы русской тихоокеанской эскадры и русская армія,—то естественно что она и стала ареной борьбы за господство на Д. Востокѣ. Къ тому же, обладаніе Манчжуріей само собою обезпечивало японцамъ обладаніе и Ляодуномъ, и Кореей...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начало войны.—П.-Артуръ.—Тюренченъ.—Цзиньчжоу.

На тайныхъ совѣщаніяхъ членовъ высшаго японскаго пр—ства, происходившихъ 21-го, 22-го и 23-го января 1904 г., рѣшено было начать военныя дѣйствія, безъ объявленія войны, внезапнымъ нападеніемъ на портъ-артурскую эскадру и на отдѣльныя ея суда [1]).

Для сохраненія этого рѣшенія въ тайнѣ прервано было всякое сообщеніе Токіо и Сеула съ внѣшнимъ міромъ: телеграфъ пересталъ дѣйствовать, корреспонденція, адресованная нашимъ дипломатическимъ представителямъ въ Кореѣ и Японіи, перехватывалась японцами, а 23-го января ими же былъ захваченъ въ морѣ и пароходъ нашего Добровольнаго флота „Екатеринославъ".

На слѣдующій день, 24-го, въ Японіи была объявлена мобилизація, а 25-го, рано утромъ, эскадра адм. Того (6 броненосцевъ, 14 крейсеровъ и 26 миноносцевъ) вышла изъ Сасебо въ море.

— «Куда мы идемъ никому неизвѣстно, записалъ въ своемъ дневникѣ знакомый уже намъ командиръ «Акацуки», Нирутаки.—Сигналовъ еще не было, и всѣ слѣдуютъ за флагманскимъ кораблемъ. Но судя по курсу, мы идемъ къ П.-Артуру. Ходъ держимъ самый малый. Погода холодная, море сердитое... Въ Сасебо я слышалъ, что мы не будемъ объявлять войны, такъ какъ это совершенно непонятный глупый европейскій обычай... Я заранѣе радуюсь смерти каждаго русскаго, такъ какъ ненавижу эту націю; она одна мѣшаетъ величію Японіи»...

Одновременно съ эскадрой адм. Того двинулась къ Чемульпо и эскадра адм. Уріу (6 крейсеровъ и 8 миноносцевъ), конвоируя транспорты съ войсками 1-й арміи (Куроки).

26-го января, въ 18-ти миляхъ отъ Артура, эскадра адм. Того встрѣтила англійскій пароходъ, вышедшій изъ Артура въ 5 ч. вечера того же дня и увозившій оттуда японцевъ, спѣшно ликвидировавшихъ свои дѣла и распродавшихъ за безцѣнокъ свои товары и имущество. По признанію сопровождавшаго ихъ японскаго консула, опубликованному потомъ въ газетахъ, на этомъ же самомъ пароходѣ выѣхалъ изъ Артура и японскій шпіонъ, штабъ-офицеръ, переодѣтый пароходнымъ слугою. Онъ перешелъ на бортъ флагманскаго корабля «Миказа»

[1]) Также, безъ объявленія войны, Японія начала военныя дѣйствія, противъ Китая въ 1894 году, атаковавъ своей эскадрой, около Чемульпо, китайскіе военные суда и транспорты, везшія войска въ Корею.

и сдѣлалъ адм. Того подробный докладъ обо всемъ, что видѣлъ въ П.-Артурѣ,—о расположеніи русской эскадры, о состояніи ея боевой готовности и о мѣрахъ ея охраненія. На представленномъ имъ адмиралу планѣ п.-артурскаго рейда было точно указано, гдѣ какое русское судно стояло. Съ этого плана быстро были приготовлены копіи и затѣмъ на флагманскій корабль были созваны командиры всѣхъ судовъ миноносной флотиліи.

— «Господа—сказалъ имъ Того,—вы должны сегодня же вечеромъ или сейчасъ же послѣ полуночи напасть на русскую эскадру въ П.-Артурѣ и Дальнемъ. Говорятъ, врагъ не подготовленъ встрѣтить наше нападеніе, такъ какъ ждетъ объявленія войны съ нашей стороны. Но я совѣтую не довѣрять этому вполнѣ»...

И давъ рядъ указаній, какъ обезпечить успѣхъ этой атаки, Того закончилъ свою рѣчь словами: «Нападеніе должно быть произведено во всякомъ случаѣ. И помните: на войнѣ выигрываетъ тотъ, кто смѣло атакуетъ».

Наша портъ-артурская эскадра стояла въ это время на внѣшнемъ рейдѣ, выстроенная въ три линіи: сѣверную (считая отъ запада къ востоку) составляли: «Петропавловскъ», «Полтава» и «Севастополь», среднюю—«Пересвѣтъ», «Побѣда», «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ» и южную — «Ангара» «Діана», «Паллада», «Баянъ» и «Аскольдъ». Сѣвернѣе эскадры, отдѣльно, подъ берегомъ, стояли «Новикъ», «Бояринъ» и «Гилякъ».

Эскадра выведена была изъ внутренняго рейда на внѣшній еще 18-го января—«дабы быть въ готовности къ немедленному исполненію всякаго порученія». Для охраны ея ежедневно назначались: два крейсера—въ дежурство подъ парами, два корабля—для освѣщенія рейда прожекторами и распознанія подходящихъ судовъ, два миноносца—для крейсерства въ морѣ на 20 миль отъ эскадры и одна канонерская лодка—для крейсерства на 10 миль. Согласно инструкціи, объявленной по эскадрѣ 19-го января, ежедневно вечеромъ прекращалось сообщеніе судовъ съ берегомъ, корабли приготовлялись по сигналу къ отраженію минной атаки, а по спускѣ флага вся судовая артиллерія, кромѣ башенной, заряжалась, и прислуга одного борта оставалась на всю ночь при орудіяхъ. Не было лишь заграждающаго бона, спуска на ночь предохранительныхъ отъ минъ сѣтей, да штанговые огни оставались на ночь открытыми во избѣжаніе столкновеній въ темнотѣ съ двигавшимися по рейду частными судами. Однако именно это то все и дѣлало нашу эскадру уязвимою и отчетливо видимою для противника цѣлью.

Начальникъ эскадры, в.-ад. Старкъ ясно это сознавалъ и, считая ее при такихъ условіяхъ недостаточно обезпеченною, 26-го января подалъ Намѣстнику рапортъ, въ которомъ просилъ указаній по охранѣ эскадры на ночь и о разрѣшеніе посылать для наблюденія за япон-

скими судами къ о-вамъ Клиффордъ и Шантунгъ по два быстроходныхъ крейсера.

Не желая ослаблять эскадру высылкой судовъ для дальняго крейсерства, адм. Алексѣевъ въ тотъ же день (26-го января) положилъ на этомъ рапортѣ резолюцію: — «Пока высылать по одному крейсеру, начавъ съ 28-го января». Другія же мѣропріятія по охранѣ эскадры, онъ поручилъ выработать особому совѣщанію подъ предсѣдательствомъ самого адм. Старка. Не теряя времени, послѣдній собралъ это совѣщаніе въ тотъ же вечеръ, 26-го января, на своемъ флагманскомъ кораблѣ «Петропавловскъ». Оно началось въ $8^1/_2$ ч. веч. и окончилось въ 11-ть. Теперь для насъ безразлично, какія именно мѣры были проектированы на этомъ совѣщаніи для охраны эскадры [1]). Все было теперь уже поздно—и въ этой запоздалой поспѣшности была злая насмѣшка рока.

Покидая послѣ совѣщанія «Петропавловскъ», начальникъ морского штаба Намѣстника, к.-адм. Витгефтъ увѣренно сказалъ провожавшимъ его лицамъ:—«А все-таки войны не будетъ!» — Но онъ не успѣлъ еще доѣхать на своемъ катерѣ до берега, какъ за его спиною, на только что покинутомъ имъ, спокойномъ рейдѣ, раздался громъ минныхъ взрывовъ и грохотъ орудій.

Война уже началась.

Для атаки нашей эскадры японская минная флотилія была раздѣлена на два отряда: 10 миноносцевъ были направлены къ мысу Ляотешань для атаки праваго фланга нашей эскадры и 8—къ Таліенвану, для атаки лѣваго фланга.

— «Ночь была темная, но ясная,—прекрасная ночь для атаки»— пишетъ въ своемъ дневникѣ Нирутаки.—«Ярко свѣтилъ огонь маяка. Весь городъ горѣлъ огнями, и свѣтящіяся точки указывали мѣстонахожденіе эскадры».

Японскія суда шли безъ огней и только на суднѣ начальника флотиліи, при самомъ подходѣ къ рейду, были зажжены «на всякій случай» огни—красный и бѣлый,—«извѣстный намъ сигналъ русскихъ судовъ, желающихъ зайти въ Артуръ», признается Нирутаки.

Все увеличивая ходъ, безшумно и незримо неслись японскіе миноносцы на нашу эскадру...

Было 35 минутъ 12-го часа ночи, когда командиръ «Ретвизана», кап. 1 р. Щенсновичъ проснулся въ своей каютѣ отъ сильнаго сотрясенія всего корабля. Электрическое освѣщеніе погасло и не дѣйствовало. На верху били тревогу — «отраженіе минной атаки»—и по первымъ же звукамъ этого сигнала открытъ былъ огонь съ броненосца. Хотя въ моментъ нападенія на кораблѣ не спало всего лишь

[1]) Журналъ этого совѣщанія погибъ вмѣстѣ съ «Петропавловскомъ», на которомъ хранился.

Карт. Худ. Мазуровскаго.

Въ русскій Красный Крестъ.

№ 1

Московская Государственная
Библиотека
Имени А. С. Пушкина.

около 100 чел., но всѣ—и офицеры, и матросы—моментально оказались на своихъ мѣстахъ... Щенсновичъ выскочилъ наверхъ и, получивъ докладъ вахтеннаго начальника, что въ корабль попала мина, приказалъ разводить пары и подвести подъ пробоину парусъ, а освѣщеніе перевести на котловыя динамомашины. Такъ какъ корабль сильно кренило, то были затоплены для выпрямленія его правые патронные погреба, а когда машины были готовы, «Ретвизанъ» снялся съ якоря и пошелъ въ гавань. Но носъ его все болѣе опускался въ воду и, не дойдя до гавани, броненосецъ приткнулся къ берегу въ проходѣ и долго стоялъ здѣсь, отражая своимъ огнемъ попытки японцевъ загородить проходъ брандерами.

На «Цесаревичѣ» вахтенный офицеръ замѣтилъ подходящіе японскіе миноносцы раньше, чѣмъ они успѣли выпустить мины, и далъ сигналъ къ отраженію минной атаки. Огонь былъ тотчасъ же открытъ и поднялъ на кораблѣ всѣхъ на ноги.... Японскіе миноносцы не шли, а летѣли, и были уже такъ близко—въ интервалѣ между «Цесаревичемъ» и «Аскольдомъ»,—что командиръ перваго судна, кап. 1 р. Григоровичъ приказалъ стрѣлять по нимъ изъ пулеметовъ... Но японскій миноносецъ дошелъ все-таки до цѣли и выпустилъ мину. Отъ взрыва ея на кораблѣ погасло электричество, и судно, содрогнувшись, повалилось на правый бортъ, а затѣмъ сталъ крениться на лѣвый... Но ожесточенная стрѣльба не умолкала съ броненосца, а во всѣхъ котлахъ его разводились пары... Пока это дѣлалось, «Цесаревичъ» былъ атакованъ вторично... Мины прошли на этотъ разъ подъ кормою... Черезъ 40 мин. послѣ взрыва машина была готова—и броненосецъ, имѣя кренъ 17^0, управляясь однѣми машинами, такъ какъ руль не дѣйствовалъ и рулевое отдѣленіе было залито водою,—пошелъ въ гавань и здѣсь, въ узкомъ проходѣ, занятомъ уже «Ретвизаномъ», проскакивая мимо него, «рискнулъ» сильно въ сторону и также приткнулся къ отмели, на которой и пробылъ до 2-хъ часовъ слѣдующаго дня. По дорогѣ броненосецъ былъ атакованъ въ третій разъ, но отбилъ атаку огнемъ.

Кромѣ «Ретвизана» и «Цесаревича» была еще атакована «Паллада» и также потерпѣла аварію.

Остальныя суда эскадры поддержали своимъ огнемъ атакованные корабли, а крейсеръ «Новикъ», по сигналу адм. Старка, бросился было даже въ погоню за японскими миноносцами, уходившими съ рейда послѣ атаки, но не догналъ ихъ. Молчали только береговыя батареи крѣпости, не имѣвшей никакой административной связи съ флотомъ. Здѣсь полагали, что на рейдѣ происходитъ ночной маневръ эскадры. Только черезъ $1^1/_2$ часа послѣ начала минной атаки, съ Золотой горы былъ поданъ крѣпости сигналъ тревоги, войскамъ гарнизона приказано было немедленно занять мѣста по диспозиціи, сухопутному фронту крѣпости начать вооружаться, а батареямъ береговой обороны быть въ полной готовности къ бою.

Въ результатѣ этой атаки у насъ были выведены изъ строя два броненосца и одинъ крейсеръ, убито 2 нижнихъ чина, ранено 8 и утонуло 5. Японцы потеряли не менѣе двухъ миноносцевъ...

Если эта катастрофа не приняла большихъ размѣровъ для насъ, то это надо объяснить только бдительностью вахты на судахъ и расторопностью офицеровъ и матросовъ.

— «Надо отдать справедливость, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Нирутаки, атаковавшій съ своимъ «Акацуки» «Палладу»,—если они (русскіе) и не были на чеку, то не растерялись и съ быстротою молніи заняли свои посты. Въ одну минуту пушки были заряжены и прожектора поставлены»...

Около 11-ти часовъ утра 27-го января, японскій флотъ снова появился передъ крѣпостью и открылъ по ней огонь. Ему отвѣчали наши батареи вмѣстѣ съ эскадрою, которая, будучи теперь ослаблена на три боевыя единицы, не рѣшилась принять боя въ открытомъ морѣ. Этотъ артиллерійскій поединокъ продолжался около часа. Выяснивъ результатъ ночной атаки своихъ миноносцевъ и выведя у насъ изъ строя еще одинъ броненосецъ («Полтава») и два крейсера («Аскольдъ» и «Новикъ»), Того отошелъ. Мы потеряли въ этотъ день: на эскадрѣ: ранеными—5 офицеровъ, убитыми: нижнихъ чиновъ—14 чел. и ранеными—69 чел.; въ гарнизонѣ: убитыми нижнихъ чиновъ—1 чел. и ранеными—6 чел.

Въ то время, какъ эскадра адм. Того шла къ П.-Артуру, эскадра адм. Уріу двигалась къ Чемульпо. Въ 4 ч. дня 26-го января она встрѣтила вблизи этого порта нашу кан. лодку «Кореецъ», посланную нашимъ посланникомъ въ Сеулѣ, г. Павловымъ въ П.-Артуръ съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ въ Кореѣ. Японская эскадра обстрѣляла «Корейца», и онъ вернулся на Чемульпскій рейдъ. Ночью съ подошедшихъ японскихъ транспортовъ высадилось около трехъ тысячъ солдатъ, которые и заняли Сеулъ. Утромъ 27-го января командиръ крейсера «Варягъ», кап. 1 р. Рудневъ получилъ отъ адм. Уріу официальное увѣдомленіе о началѣ враждебныхъ дѣйствій и приглашеніе покинуть рейдъ до полудня, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, атаковать русскія суда на рейдѣ. Извѣщеніе объ этомъ предложеніи получили отъ Уріу и командиры иностранныхъ судовъ, стоявшихъ въ Чемульпо.

— Я буду стрѣлять въ того, кто первый откроетъ огонь на нейтральномъ рейдѣ, отвѣтилъ на это японскому морскому офицеру командиръ англійскаго судна «Тальботъ».

— Какъ, и въ насъ?—изумился японецъ.

— Мнѣ все равно,—рѣзко возразилъ ему англичанинъ.

Хотя выходъ изъ порта грозилъ нашимъ судамъ неравнымъ боемъ, Рудневъ все же принялъ этотъ вызовъ и вмѣстѣ съ «Корейцемъ» вышелъ въ море. Предъ величіемъ его подвига забыты были всѣ поли-

тическіе комбинаціи и счеты и всѣ иностранныя корабли проводили наши суда, шедшія на вѣрную гибель, гимномъ «Боже Царя храни»... На предложеніе, сдѣланное Уріу сигналомъ, сдаться, Рудневъ отвѣтилъ молчаніемъ... Тогда японская эскадра открыла по нашимъ судамъ жесточайшій огонь. Японцы такъ торопились потопить быстроходный «Варягъ», такъ боялись, что онъ прорвется и уйдетъ, что начали стрѣлять едва онъ показался у выхода изъ гавани. Если бы они дали ему отойти дальше въ море, ему труднѣе было бы вернуться на рейдъ... Теперь «Варягу» скоро пришлось это сдѣлать, такъ какъ «Кореецъ», слѣдовавшій за нимъ, не могъ развить той же скорости. Бросить его одного, на добычу японцамъ, Рудневъ не хотѣлъ и, выдержавъ короткій бой, въ теченіе котораго на «Варягѣ» были убиты 1 офицеръ (мичм. гр. Нирод̀ъ) и 33 матроса и ранено 3 офицера и 70 чел. матросовъ, а самъ онъ контуженъ въ голову,—вернулся съ «Варягомъ» и «Корейцемъ» на рейдъ, гдѣ и затопилъ оба судна [1]).

Вечеромъ того же дня японскій посланникъ при корейскомъ дворѣ, потребовалъ аудіенціи у корейскаго императора, былъ имъ принятъ и заявилъ ему, что отнынѣ Корея будетъ находиться подъ управленіемъ Японіи. Безвольный и безсильный повелитель страны «Утренняго спокойствія» не протестовалъ... Онъ намѣревался было бѣжать въ нашу миссію, чтобы оттуда перебраться на французское судно. Но попытка эта не удалась. Его дворецъ зорко стерегли англійскіе и японскіе патрули. Его дворцовая стража бѣжала въ горы... И онъ покорился своей участи... Такимъ образомъ, Корея, какъ база, была японцами себѣ обезпечена.

27-го января изданъ былъ Высочайшій манифестъ, объявлявшій населенію Имперіи, что Намѣстнику Е. И. В. на Дальнемъ Востокѣ повелѣно «вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи». Въ манифестѣ говорилось, что «были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Д. Востокѣ»; что «въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ изъявлено было согласіе на предложенный японскимъ правительствомъ пересмотръ существующихъ между обѣими имперіями соглашеній по корейскимъ дѣламъ», но что Японія, «не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предположеній» нашего правительства, разорвала дипломатическія сношенія съ Россіей и начала военныя дѣйствія.

Микадо же въ своемъ манифестѣ, опубликованномъ въ Токіо лишь 29-го января, напротивъ, возлагалъ отвѣтственность за войну на Россію.

— «Россія—объявлялъ онъ своему народу,—ни разу не пошла навстрѣчу нашимъ предложеніямъ въ духѣ примиренія и умышленными проволочками старалась затянуть улаженіе этого вопроса (о неприкосновенности Кореи). Заявляя о своемъ желаніи поддерживать

[1]) Взрывъ «Варяга» былъ опасенъ для другихъ, стоявшихъ на рейдѣ судовъ.

миръ, она, съ другой стороны, усердно готовилась къ войнѣ на сушѣ и на морѣ, стараясь, такимъ образомъ, выполнить свои эгоистическіе планы. Мы—говорилось далѣе въ этомъ манифестѣ, никоимъ образомъ не можемъ повѣрить тому, что Россія съ самаго начала переговоровъ была воодушевлена серьезнымъ и искреннимъ желаніемъ мира. Она отклонила предложенія нашего правительства. Независимость Кореи въ опасности... Это угрожаетъ жизненнымъ интересамъ нашей Имперіи»...

27-го января объявлена была мобилизація войскъ Д. Востока. Главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими противъ Японіи, назначенъ былъ ген.-адъют. адм. Алексѣевъ; во временное командованіе Манчжурскою арміею вступилъ ген.-лейт. Линевичъ, а 8-го февраля командующимъ ею, въ качествѣ самостоятельнаго и отвѣтственнаго начальника, назначенъ былъ ген.-адъют. Куропаткинъ.

Пунктомъ сосредоточенія, главныхъ силъ нашей арміи (собственно Ляоянъ—Хайченской группы ихъ) былъ избранъ Ляоянъ, къ которому 3-го февраля и сосредоточились части 3-й вост. сиб. стр. дивизіи. Какъ ни малъ числомъ былъ этотъ отрядъ ($7^1/_2$ б-новъ, 4 сот. и 22 ор.), но присутствіе его имѣло важное значеніе: китайская администрація не посмѣла открыто проявить враждебное къ намъ отношеніе. А что расположеніе къ этому было, свидѣтельствуетъ фактъ обнаруженія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Манчжуріи особаго «объявленія (о войнѣ) Велико-Цинскаго государства штаба Манчжурскихъ войскъ Чжунъ-И», датированнаго 18-мъ февраля ст. ст. 1904 г. Въ объявленіи этомъ спрашивалось:—«Когда же найдутся люди, благородные, пылкіе и выдающіеся, которые въ глубокую ночь, отточивъ мечи и штыки, отомстятъ врагамъ Дай-Цинскаго государства?!

— «Арендуя три восточныя провинціи, говорилось въ немъ далѣе,—Россія распѣвала о всеобщемъ мирѣ и заявляла, что она заботится о защитѣ интересовъ всего Дай-Цинскаго государства. Слова ея были прелестны и заявленія—прекрасны. Кто же могъ тогда подумать, что она будетъ такая лютая, какъ теперь. Кто могъ подумать, что послѣ года И-нэй (1895 г.) русскіе люди станутъ многократно пользоваться нашимъ упадкомъ»... и т. д. [1]).

Воззваніе кончалось призывомъ «непоколебимыхъ въ исполненіи долга и горячо принимающихъ къ сердцу общественное дѣло людей» воспользоваться случаемъ, взяться за оружіе, изгнать русскихъ, «враговъ Великихъ Циновъ» и отплатить имъ «за копившуюся годами обиду».

Сорокатысячный корпусъ китайскаго генерала Ма, стоявшій въ окрестностяхъ Синмингина, внушалъ намъ въ это время серьезныя опасенія, и, на случай открытія Китаемъ враждебныхъ дѣйствій про-

---

[1]) Цитируемъ по официальному переводу этого документа на русскій языкъ.

тивъ насъ, сформированъ былъ небольшой Ляохейскій отрядъ ($3^1/_2$ роты, 6 сот. и 4 ор.), который долженъ былъ разрушить важнѣйшія сооруженія на желѣзной дорогѣ Инкоу-Синминтинъ при первой же попыткѣ Ма захватить ихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ организовано было наблюденіе за побережьемъ Корейскаго и Ляодунскаго залива, для опредѣленія пунктовъ высадки непріятеля и развѣдки количества японскихъ войскъ, высаживающихся въ Кореѣ, и путей ихъ наступленія.

Эта послѣдняя задача возложена была на передовой конный отрядъ ген.-м. Мищенко, въ составѣ Отдѣльной Забайкальской каз. бригады, 1-й Забайкальской каз. батареи и охотничьей команды 15-го вост. сиб. стр. полка. 28-го января одна сотня этого отряда двинулась къ границамъ Кореи; 1-го февраля туда высланы были три офицерскихъ разъѣзда и слѣдомъ за ними въ Корею вступилъ весь отрядъ. 6-го февраля его разъѣзды захватили въ Ичжу японскаго маіора и пять солдатъ, наблюдавшихъ за переправами на р. Ялу, а 15-го февраля, подъ Пеньяномъ, произошла первая встрѣча нашихъ разъѣздовъ съ японскими. Она вызвала въ Пеньянѣ сильную тревогу, свидѣтельствовавшую, что наступленія нашихъ войскъ въ Корею не ожидали. Это было важное обстоятельство, которое могло бы, вѣроятно, сильно спутать всѣ расчеты японцевъ и передать иниціативу дѣйствій въ наши руки. Но имъ не воспользовались и этого перваго маленькаго съ виду, но важнаго по своему значенію успѣха не только не использовали и не развили, но свели его къ нулю. 18-го февраля ген. Линевичъ, считая выдвинутое положеніе отряда ген. Мищенко опаснымъ, приказалъ ему отойти назадъ въ Ичжу, на Ялу, наблюдая впереди лежащую мѣстность лишь разъѣздами.

Очевидно, ген. Линевичъ боялся лишиться конницы въ самомъ началѣ войны. Но главнокомандующій, адм. Алексѣевъ этихъ опасеній не раздѣлялъ и, узнавъ о потерѣ соприкосновенія съ противникомъ, приказалъ Линевичу немедленно двинуть конный отрядъ впередъ и предписать ему болѣе рѣшительный образъ дѣйствій.

26-го февраля отрядъ снова двинулся вглубь Кореи. Но за это время обстановка уже сильно измѣнилась и, конечно, не въ нашу пользу. 12-го февраля въ гор. Аньчжу не было еще ни одного японца, а 3-го марта онъ былъ уже занятъ трехтысячнымъ японскимъ отрядомъ, и, стало быть, теперь мы не могли продвинуться далѣе этого пункта. Теперь мы всюду уже натыкались на японцевъ. Головные отряды ихъ находились уже на правомъ берегу Пакченгана, ихъ разъѣзды доходили до Касана, а главныя силы, высадившись въ Цинампо и Сеулѣ, шли къ Пеньяну и далѣе—на Унсанъ и Канге.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія и считая задачу развѣдки посильно выполненною, ген. Мищенко хотѣлъ уже отходить за Ялу, когда получилъ отъ ген. Линевича выраженіе сожалѣнія, что онъ не «потрепалъ»

японцевъ. Тогда ген. Мищенко снова повернулъ свой отрядъ обратно и 15-го марта атаковалъ корейскій городокъ Чончжю, занятый, по слухамъ, 4 японскими эскадронами.

Это былъ нашъ первый смѣлый, «хорошій», бой, въ сущности своей безполезный, такъ какъ новыхъ данныхъ о противникѣ онъ намъ не далъ, а только подкрѣпилъ увѣренность, что въ окрестностяхъ Чончжю, Аньчжу и Пеньяна сосредоточивается 1-я японская армія.

Такъ какъ въ то же время отрядъ, выдвинутый изъ Владивостока въ Сѣверную Корею нигдѣ противника не обнаружилъ, то стало ясно, что ближайшею цѣлью дѣйствій японской арміи, высадившейся въ Кореѣ, было наступленіе къ Ялу, форсированіе переправы черезъ эту рѣку и дальнѣйшее развитіе операцій на Манчжурскомъ театрѣ.

Перевозка и высадка войскъ арміи Куроки прикрывалась эскадрою адм. Того, который, для обезпеченія этой операціи, сдѣлалъ рядъ попытокъ заблокировать нашъ флотъ въ П.-Артурѣ. 11-го февраля, ночью, онъ направилъ на «Ретвизанъ», сидѣвшій на мели въ проходѣ и его стороживший, 4 парохода-брандера, которые должны были его взорвать и затопиться сами въ проходѣ. Но брандеры были разбиты огнемъ «Ретвизана» и приморскихъ батарей крѣпости, не дойдя до цѣли. Въ слѣдующую ночь Того повторилъ эту попытку, но также безуспѣшно. Тогда, 26-го февраля, онъ попытался уничтожить нашъ флотъ бомбардировкой, но и она не достигла цѣли...

Въ то же время, въ концѣ февраля, для обезпеченія перевозки японской гвардіи на театръ войны, къ Владивостоку вышла эскадра адм. Камимуры въ составѣ 8 крейсеровъ, чтобы парализовать возможную опасность со стороны нашей владивостокской эскадры. Послѣдняя уже выходила, было, въ морѣ, въ началѣ февраля, для крейсерскихъ операцій, но застигнутая штормами, вернулась назадъ, уничтоживъ лишь одинъ японскій пароходъ у Сунгарскаго пролива. Теперь она была опаснѣе портъ-артурской эскадры, которая не могла предпринять активныхъ дѣйствій, такъ какъ пять судовъ ея чинилось послѣ поврежденій, причиненныхъ ей ночной атакой миноносцевъ и боемъ 27 января.

22 февраля эскадра Камимуры бомбардировала Владивостокъ. Крѣпость не отвѣчала—и японская эскадра ушла.

Центръ тяжести военныхъ дѣйствій на морѣ снова перенесся къ П.-Артуру.

9-го марта эскадра адм. Того снова появилась передъ нимъ... На этотъ разъ, навстрѣчу ей вышла наша эскадра, готовая принять бой подъ прикрытіемъ приморскихъ батарей крѣпости. Японцы были поражены этимъ обстоятельствомъ и уклонились отъ открытаго состязанія; они ушли за массивъ Ляотешаня и, будучи тамъ неуязвимы выстрѣлами нашихъ крѣпостныхъ орудій, открыли перекидную стрѣльбу по городу, крѣпости и внутреннему рейду... Но къ новому уди-

вленію японцевъ, имъ стали отвѣчать чинившіеся еще въ восточномъ бассейнѣ «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ» и такъ мѣтко, что японцы быстро ушли и оттуда [1]).

Всѣмъ этимъ наша портъ-артурская эскадра обязана была энергіи и отвагѣ новаго командующаго флотомъ въ Тихомъ Океанѣ, вице-адм. С. О. Макарова.

Онъ прибылъ въ П.-Артуръ 24-го февраля и поднялъ свой флагъ на быстроходномъ крейсерѣ «Аскольдъ». — «Въ этомъ сразу сказалось что-то ободряющее, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о «страдныхъ дняхъ П.-Артура», г. П. Ларенко; — адмиралъ не искалъ спасенія за толстой броней и подъ прикрытіемъ Золотой горы, а перешелъ на легкій крейсеръ, стоявшій какъ разъ противъ входа въ гавань,—будто сталъ сразу на стражѣ и готовъ былъ защищать эту гавань. Это поняли всѣ и вздохнули облегченно».

Это былъ творческій, пытливый умъ, отважная душа, ненасытно жаждавшая труда и подвига, талантливая, разносторонне-гибкая натура не только моряка, но и общественнаго дѣятеля, отдававшаяся каждому дѣлу беззавѣтно, самоотверженно, «всей полнотой душевныхъ силъ». Ученый морякъ, изобрѣтатель и писатель, Макаровъ въ то же время вѣрилъ, что—

Сила флота не въ громадахъ,
Не въ бронированныхъ «армадахъ»,—
Сила въ духѣ и въ сердцахъ...

И потому, прибывъ въ Артуръ, онъ, своими рѣшительными требованіями энергической работы отъ всѣхъ, своею проповѣдью необходимости активной дѣятельности флота и примѣромъ личной энергіи, отваги и личнаго труда, сразу поднялъ духъ эскадры, упавшій послѣ ряда неудачъ первыхъ дней войны: выбытія изъ строя 3-хъ судовъ послѣ внезапной атаки японскихъ миноносцевъ 26 января; выбытія изъ строя 2-хъ судовъ послѣ боя 27-го января; гибели миннаго транспорта «Енисей» 29-го января при постановкѣ имъ миннаго заграждения и гибели «Боярина» 30-го января въ Таліенванской бухтѣ.

— «За короткое время пребыванія Макарова въ Артурѣ, читаемъ мы въ дневникѣ г. П. Ларенко отъ 13 марта,—имъ вооружены даже всѣ катера. Дѣятельность въ порту стала кипучей, въ штабѣ адмирала разрабатываются всевозможные проекты дальнѣйшей борьбы. Всюду царитъ воодушевленіе и увѣренность въ успѣхѣ»...

Японцы это поняли, почувствовали и жаждали только одного—гибели Макарова.

Вотъ какія откровенныя признанія находимъ мы въ знакомомъ уже читателямъ дневникѣ Нирутаки, командира «Акацуки»:—«Какъ

[1]) Стрѣльба „Ретвизана“ и „Цесаревича“ была подготовлена заранѣе и корректировалась съ наблюдательнаго пункта близъ маяка на Ляотешанѣ.

перемѣнилось положеніе вещей съ тѣхъ поръ, какъ Макаровъ принялъ командованіе! — восклицаетъ онъ.—Дать генеральное сраженіе неизбѣжно, какъ бы мы при этомъ не рисковали, иначе русскіе со дня на день будутъ становиться все рѣшительнѣе, опытнѣе и опаснѣе...»

И дѣйствительно, наша эскадра стала постепенно переходить къ активному образу дѣйствій. Она выходила въ море и удалялась на значительное разстояніе отъ крѣпости; миноносцы наши все время держались въ морѣ и смѣло вступали въ бой съ непріятельскими; подчасъ они геройски гибли сами, какъ, напр., «Стерегущій» и «Страшный», но и губили врага... Новая попытка японцевъ заградить нашей эскадрѣ выходъ изъ гавани брандерами снова имъ не удалась...

Близилось уже время, назначенное для высадки на Ляодунъ 2-й и 3-ей японскихъ армій, а между тѣмъ уже нельзя было ожидать теперь, что она произойдетъ такъ же безпрепятственно, какъ и высадка 1-й арміи... И вотъ адм. Того прибѣгнулъ къ новому пріему борьбы: онъ сталъ разбрасывать по ночамъ въ морѣ, передъ крѣпостью, мины.

31-го марта утромъ наша эскадра вышла изъ гавани на поддержку своимъ миноносцамъ, возвращавшимся съ боемъ изъ ночного крейсерства. За миноносцами гналась вся японская эскадра. На этотъ разъ она, повидимому готова была принять бой... Желая завлечь непріятеля подъ огонь нашихъ приморскихъ батарей... Макаровъ приказалъ эскадрѣ отходить назадъ. При этомъ движеніи бр. «Петропавловскъ», на которомъ находился и самъ командующій нашимъ флотомъ, наткнулся на одну изъ разбросанныхъ японцами минъ, — взорвался и погибъ вмѣстѣ съ адмираломъ, его штабомъ, извѣстнымъ художникомъ В. В. Верещагинымъ и почти всѣмъ его экипажемъ. Чудомъ уцѣлѣли немногіе, въ томъ числѣ е. и. в. великій князь Кириллъ Владиміровичъ и командиръ броненосца, кап. 1 р. Яковлевъ...

Нирутаки, наблюдавшій съ своего «Акацуки» гибель русскаго судна, отразилъ въ своемъ дневникѣ затаенную мечту каждаго японца въ это время:– «Былъ бы лишь убитъ адм. Макаровъ. Это для насъ главное»...

И эта мечта ихъ сбылась.

Наша портъ-артурская эскадра вернулась къ тому бездѣйствію, изъ котораго на короткій срокъ ее вывелъ Макаровъ. Новый же командующій флотомъ, вице-адм. Скрыдловъ за все время кампаніи ничѣмъ себя не проявилъ. И никто уже болѣе не оспаривалъ у японцевъ ихъ господства на морѣ.

2-го апрѣля эскадра Того въ третій разъ бомбардировала П.-Артуръ, но и эта бомбардировка не дала имъ существенныхъ результатовъ; японская эскадра отошла—и подъ П. Артуромъ временно наступило затишье.

Въ крѣпости спѣшно достраивали неоконченные форты, батареи и укрѣпленія, возводили новые и укрѣпляли передовую Цзиньчжоускую

позицію. Для усиленія гарнизона крѣпости рѣшено было перевести на Квантунъ изъ Инкоу—15-й вост. сиб. стр. полкъ и изъ Гирина—16-й полкъ; такимъ образомъ, здѣсь сосредоточилась вся 4-я вост. сиб. стр. дивизія (ген. м. Фокъ). Спѣшно также подвозили въ крѣпость живой скотъ, консервы и другіе запасы продовольствія... 14-го марта въ П. Артуръ прибылъ вновь назначенный комендантомъ его ген. лейт. Смирновъ, а 15-го марта прибылъ въ Ляоянъ къ арміи и давно ожидавшійся ею ген. адъют. Куропаткинъ.

Къ этому времени въ раіонѣ сосредоточенія арміи, въ Южной Манчжуріи собрано было 59 б-новъ, 39 эск. и сот. и 140 орудій. Войска эти были расположены слѣдующимъ образомъ:

Южный отрядъ, подъ начальствомъ ген. лейт. Сахарова [1]) (20 б-новъ, 6 эск. и 54 ор.) расположенъ былъ въ раіонѣ Хайченъ-Дашичао—Инкоу-Гайчжоу.

Восточный авангардъ, подъ командой ген. м. Каштalинскаго (8 б-новъ [2]), 24 ор., 8 гор. ор. и 8 пулеметовъ) выдвинутъ былъ къ р. Ялу, въ раіонѣ Шахедзы-Тюренченъ-Фынхуанченъ.

Конный отрядъ ген. м. Мищенко (18 сот. и 6 ор.) дѣйствовалъ еще въ Сѣверной Кореѣ; къ нему причислены были 5 сот., наблюдавшія за побережьемъ Корейскаго залива отъ Дагушаня до Бицзыво.

Главныя силы были собраны въ двѣ группы: у Айсандзяня—8 б-новъ и 24 ор. и у Ляояна—21 б-нъ, 10 сот. и 24 ор.

Въ Мукденѣ, для охраны Главной Квартиры Намѣстника главнокомандующаго, находилось 3 б-на и 4 ор.

На Квантунѣ и въ П. Артурѣ было около 30 б-новъ и 64 полев. орудія, не считая крѣп. артиллеріи, инженерныхъ войскъ и морскихъ и нестроевыхъ командъ.

Въ Приморской области имѣлось 11 б-новъ, 6 сот. и 32 ор., кромѣ того 1 резерв. и 2 сапер. б-на, 2 кон. и 4 пѣш. сотни Уссурійск. каз. войска и 21 вольная дружина, около 500 чел. въ каждой; гарнизонъ Владивостока составляли 12 б-новъ, а гарнизонъ Николаевска на Амурѣ—2 б-на, и, наконецъ, для обороны Сахалина сформировано было, въ помощь 4 мѣстнымъ командамъ, 7 вольныхъ дружинъ, по 200 чел. въ каждой.

Хотя успѣшности подвоза войскъ на театръ войны и препятствовала незаконченность Кругобайкальской ж. д., вслѣдствіе чего войска шли походнымъ порядкомъ по льду Байкальскаго озера (39 вер.),—а также малая оборудованность Забайкальской и Вост.-Кит. ж. д., все же сосредоточеніе нашей арміи происходило настолько успѣшно, что къ половинѣ марта мы имѣли на 15 б-новъ болѣе, чѣмъ предполагалось по плану.

---

[1]) Съ пріѣздомъ ген. Куропаткина занялъ постъ начальника штаба Манжурской арміи, а Южнымъ отрядомъ сталъ командовать ген. отъ кав. бар. Штакельбергъ.

[2]) 3-я вост. сиб. стр. дивизія.

Къ этому же времени японцы успѣли высадить въ Сеулѣ 20 тыс. и въ Цинампо—18 тыс.

Ихъ перевозкѣ могла теперь угрожать лишь наша Владивостокская крейсерская эскадра. Въ серединѣ апрѣля она, дѣйствительно, вышла въ Японское море для крейсерства, подъ командою к. адм. Іессена,—взорвала два японскихъ парохода и потопила большой японскій транспортъ съ войсками, шедшій въ Корею, но, узнавъ, что противъ нея идетъ снова эскадра Камимуры (10 судовъ),—вернулась во Владивостокъ.

Къ 21-му марта передовые японскіе отряды подошли къ р. Ялу и заняли гор. Ичжу. Подъ напоромъ ихъ, отрядъ ген. Мищенко, несмотря на сильный ледоходъ, благополучно переправился на правый берегъ и соединился съ отрядомъ ген. м. Кашталинскаго, сторожившимъ рѣку.

Переходомъ за Ялу конница наша была спасена, но связь съ противникомъ была потеряна [1]).

Въ первыхъ числахъ апрѣля, когда обнаружилось, что у Ичжу сосредоточилась вся 1-я японская армія, положеніе отряда ген. Кашталинскаго, удаленнаго на 200 верстъ отъ главныхъ силъ и отдѣленнаго отъ нихъ горами, признано было опаснымъ и онъ былъ усиленъ частями 6-й вост. сиб. стр. дивизіи (ген. лейт. Трусовъ) до $17^1/_4$ б-новъ, 21 сотни и 62 орудій. Отрядъ этотъ получилъ наименованіе *Восточнаго* и командовать имъ былъ назначенъ командиръ 2-го Сибир. арм. корпуса, ген. лейт. Засуличъ.

Восточному отряду ген. Куропаткинымъ поставлены были слѣдующія задачи: 1) пользуясь мѣстными условіями, затруднить переходъ противнику черезъ р. Ялу и дальнѣйшее его наступленіе черезъ Феншуйлинскій хребетъ и 2) выяснить силы и направленіе наступавшей изъ Кореи японской арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отряду указывалось, что при выполненіи этихъ задачъ онъ долженъ, съ одной стороны, «всѣми мѣрами избѣгать рѣшительнаго боя съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ и не допускать подвергнуть себя пораженію до отхода на главныя силы нашей арміи», а съ другой—«дать противнику отпоръ съ должной твердостью, но и съ благоразуміемъ».

---

[1]) На смѣну отряда Мищенко въ началѣ апрѣля въ Корею вступилъ партизанскій отрядъ ген. шт. подполк. Мадритова (2 охот. команды и 2 сот., всего 550 чел.), для дѣйствія на пути наступленія японцевъ въ тылу ихъ. Постепенно занимая города Чхосанъ, Пектонъ, Хичхенъ, Мадритовъ 27-го апрѣля атаковалъ въ тылу японской арміи гор. Аньчжю, занятый сильнымъ японскимъ гарнизономъ. Будучи отбитъ имъ, отрядъ Мадритова двинулся къ г. Хамъ-Хынгу для развѣдки восточнаго побережья въ районѣ Пеньянъ-Гензанъ. Сжегши въ Хамъ-Хынгѣ большой мостъ черезъ Сенъ-чіонъ-ганъ,—«красоту и гордость всей Кореи», гдѣ мосты рѣдки, сжегши затѣмъ большой торговый городъ Канге и 48 деревень въ его окрестности, отрядъ 19 мая вернулся за Ялу, въ первыхъ числахъ іюня занялъ г. Хуайженсянъ и уже отсюда продолжалъ дѣйствовать на тылъ японцевъ.

Нельзя не признать, что эти указанія противорѣчили одно другому и превращали ясную и простую, хотя тяжелую задачу Восточнаго отряда, въ трудно-исполнимую. Требованіе дать врагу отпоръ «съ должной твердостью» побуждало отрядъ оставаться на Ялу до послѣдней возможности, чтобы нанести противнику при совершеніи трудной операціи—переправы черезъ рѣку—возможно большій уронъ; требованіе же избѣгать рѣшительнаго боя и не дать подвергнуть себя пораженію побуждало къ отступленію съ позиціи ранѣе, чѣмъ противникъ перейдетъ на правый берегъ... Но тогда какъ же затруднить ему переправу? Регуляторомъ дѣйствій указывалось «благоразуміе», основанное на соображеніи о превосходныхъ силахъ непріятеля. Но силы послѣдняго выясняются боемъ, а его то и рекомендовалось всѣми мѣрами избѣгать.

Немудрено, что ген. Засуличъ, отъѣзжая изъ Ляояна къ отряду, уже былъ удрученъ тѣмъ, что его «ругать будутъ», «такъ какъ отступленіе съ боемъ,—говорилъ онъ, подъ напоромъ значительныхъ силъ непріятеля и на мѣстности пересѣченной, всегда будетъ носить характеръ пораженія» [1]).

Къ тому же, не будучи совсѣмъ знакомъ съ войсками своего отряда и ихъ начальниками, онъ не зналъ, въ какой мѣрѣ и на кого изъ нихъ онъ можетъ положиться въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Самъ же командующій арміей не нашелъ времени и возможности посѣтить Восточный отрядъ, осмотрѣть его расположеніе, поднять его духъ и вообще на мѣстѣ оцѣнить обстановку перваго серьезнаго столкновенія съ противникомъ на важномъ стратегическомъ пунктѣ театра войны. Его вниманіе сосредоточено было въ это время на прибывавшихъ въ Ляоянъ войскахъ и на инженерной подготовкѣ театра войны [2]).

Между тѣмъ центръ тяжести войны лежалъ теперь на берегахъ Ялу. Здѣсь именно закладывался фундаментъ всѣхъ нашихъ будущихъ неудачъ и успѣховъ нашего противника.

— «Первое серьезное столкновеніе,—говоритъ ген.-лейт. сэръ Янъ Гамильтонъ,—за исключеніемъ, конечно, рѣшающаго исходъ кампаніи сраженія, представляется чрезвычайно важнымъ. Какъ бы незначительны не были силы обѣихъ сторонъ и второстепенны результаты перваго сраженія, его исходъ всегда долженъ оказать существенное вліяніе на ходъ кампаніи. Результатъ этотъ отразится не только на духѣ сражающихся войскъ и на престижѣ представляемыхъ ими странъ,

---

[1]) См. мою книгу – «Куропаткинъ». Изъ воспоминаній о рус.-яп. войнѣ. 2-е изд. 1908 г. стр.

[2]) Укрѣпленіе позицій на перевалахъ Феншуйлинскаго хребта и у Ляояна, Мукдена, Телина и Харбина, разработка дорогъ черезъ перевалъ къ Ялу и отъ Гайчжоу къ Мукдену, устройство переправы черезъ Ляохе и постройка барачныхъ лагерей для 3-хъ корпусовъ.

но и способенъ придать столь необходимую иниціативу побѣдоносному полководцу. Если же принять во вниманіе, что предстоявшее столкновеніе должно было произойти впервые между двумя расами Европы и Азіи, то исходъ сраженія представляется особенно важнымъ».

Ген. Куропаткинъ смотрѣлъ на это иначе. Онъ, видимо, не учитывалъ моральное впечатлѣніе нашего отступленія послѣ боя на Ялу, какъ начала кампаніи; онъ боялся только одного: пораженія Восточнаго отряда, упуская изъ вида, что при энергичномъ образѣ дѣйствій японцевъ оно было весьма вѣроятно для малочисленнаго отряда, отдѣленнаго отъ главныхъ силъ двумя стами верстъ и горною страною. По словамъ бар. Теттау, въ штабѣ командующаго арміей господствовало мнѣніе, что «японцамъ слѣдуетъ дать спокойно высадиться и проникнуть въ Манчжурію, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше» [1]).

Между тѣмъ и стратегическое значеніе Ялу, какъ серьезной оборонительной линіи и преграды, и самая мѣстность занятаго нами праваго берега ея обязывали и давали возможность оборонять ее не ради только одной демонстраціи.

Ширина Ялу отъ Сяопусихе до Голуцзы—отъ 150 до 250 саж., глубина—отъ 8 до 12 футъ; отъ Голуцзы до устья рѣка разбивается на рукава, раздѣляемые песчаными и частью болотистыми островами, и здѣсь ширина ея достигаетъ отъ 1 до 5 верстъ, а глубина 13 футъ. Правый берегъ командуетъ надъ лѣвымъ, который спускается къ рѣкѣ пологими скатами.

Гамильтонъ, осматривавшій Тюренченскую позицію послѣ боя, называетъ ее «природною крѣпостью».—«Холмы, занимавшіеся русскими, пишетъ онъ, — круто возвышаются надъ ровнымъ пескомъ, подобно настоящему брустверу, а рѣчка Айхо протекаетъ передъ фронтомъ позиціи, какъ разъ въ такомъ разстояніи, гдѣ долженъ былъ бы находиться ровъ. Отсюда въ южномъ направленіи вплоть до Ялу простирается самый совершенный гласисъ, какой можно только вообразить, около 2,000 ярдовъ длиною. Для войскъ, атакующихъ эту позицію, нѣтъ ни малѣйшаго закрытія на всемъ протяженіи этого естественнаго гласиса»...

Хотя эта позиція была выбрана нами за нѣсколько мѣсяцевъ до боя, она была укрѣплена чрезвычайно слабо: нѣсколько полевыхъ стрѣлковыхъ окоповъ, два полевыхъ небольшихъ укрѣпленія, — вотъ и все. Даже пути отступленія, пролегавшія по очень пересѣченной мѣстности, не были разработаны.

Японцы закончили свои подготовительныя дѣйствія для форсированія переправы чрезъ Ялу къ 12 апрѣля, возведя рядъ солидныхъ замаскированныхъ батарей, вооруженныхъ осадными орудіями. Раіономъ переправы они избрали участокъ сѣвернѣе г. Ичжу, но въ то же

---

[1]) «18 мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками», т. I, стр. 64.

время демонстративно дѣлали приготовленія къ переправѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Съ 12-го апрѣля они производятъ рядъ попытокъ перевести на нашъ (правый) берегъ небольшіе свои отряды, что даетъ ген. Куропаткину основаніе высказать начальнику Восточнаго отряда свое мнѣніе, что «дѣйствія японцевъ мало энергичны». Однако, несмотря на противодѣйствіе нашихъ охотничьихъ командъ, японцы понемногу сосредоточиваются на нашемъ берегу и 16-го апрѣля оттѣсняютъ насъ съ Хусанскихъ высотъ на лѣвомъ берегу Айхо, притока Ялу, текущаго передъ фронтомъ нашей позиціи.

17-го апрѣля, подъ прикрытіемъ сильнаго огня своихъ полевыхъ и осадныхъ батарей съ лѣваго берега Ялу и отряда на Хусанскихъ высотахъ, они начинаютъ переправу сѣвернѣе Ичжу и въ то же время выбиваютъ насъ изъ д. Хусанъ... Къ 6 часамъ вечера того же дня, на правомъ берегу Ялу со средоточивается уже цѣлая японская дивизія (12-я). Подъ прикрытіемъ ея и рѣчной флотиліи адмир. Гогайя, прибывшей къ устью Ялу, къ 8 час. вечера 17-го заканчивается японцами наводка чрезъ Ялу мостовъ для переправы остальныхъ частей арміи Куроки. Ночью на 18-е по нимъ переходятъ на нашъ берегъ еще двѣ японскія дивизіи.

Ген. Засуличъ рѣшаетъ дать уже переправившемуся врагу «должный отпоръ»—и вечеромъ 17 апрѣля посылаетъ ген. Кашталинскому, оставленному имъ непосредственно командовать войсками Тюренческой позиціи, приказаніе: «принять бой, оставаясь на той же позиціи».

Войска наши въ это время были расположены слѣдующимъ образомъ: у Тюренчена—4 б-на, 8 ор. и пулеметная рота; у Потетынзы —2 б-на и 6 оруд., у Чингоу—1 б-нъ и 2 ор.; у Шахедзы—6 б-новъ и 8 ор.; въ 5 верстахъ отъ Шахедзы и въ 10—12 верстахъ отъ линіи Чингоу—Тюренченъ, у д. Тензы—общій резервъ — 5 б-новъ и 8 ор.; отрядъ ген. Мищенко ($2^1/_2$ б-на, 11 сот. и 14 ор.) охранялъ на протяженіи 70 верстъ побережье отъ устья Ялу до Дагушаня; конный отрядъ полков. Трухина ($1^1/_2$ б-на, 5 сот. и 8 горн. оруд.), прикрывая путь отступленія на Куандяньсянъ, былъ разбросанъ на 50 в. отъ Сяопусихе до Амбихе... Итакъ, Восточный отрядъ ген. Засулича, силою въ 20 — 25 тыс. челов., былъ разбросанъ на 150 верстъ, при чемъ противъ значительной части арміи Куроки въ боевой линіи стояло всего лишь 10 тыс. на протяженіи почти 30 верстъ.

Сосредоточивъ за ночь противъ лѣваго фланга отряда Кашталинскаго 3 дивизіи, 30 полевыхъ орудій и много горныхъ, расположивъ на островахъ по Ялу еще 36 полевыхъ орудій, японцы въ 5 час. утра 18 апрѣля открыли сильный артиллерійскій огонь изъ осадныхъ орудій, расположенныхъ у Ичжу, по правому флангу нашей позиціи у Тюренчена и, подготовивъ имъ свое наступленіе, двинулись черезъ р. Айхо въ бродъ. Послѣ ряда повторныхъ атакъ, они сбили, наконецъ,

съ позиціи 22-й в. сиб стр. полкъ, стоявшій на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, и онъ, отступая, обнажилъ этотъ флангъ... Около полудня они сбили также б-нъ, стоявшій у Чингоу и стали обходить нашъ лѣвый флангъ... Частные резервы наши были уже израсходованы, а общій резервъ, при которомъ находился и Засуличъ, бездѣйствовалъ... Какъ упорно ни держались наши стрѣлки въ полевыхъ окопахъ подъ градомъ снарядовъ, но и у Тюренчена они отошли... Тогда Засуличъ, узнавъ объ обходѣ японцами лѣваго фланга и большихъ потеряхъ, понесенныхъ войсками, приказалъ всему отряду отступать къ Фынхуанчену. Для прикрытія отступленія онъ выдвинулъ изъ резерва два б-на 11-го в. сиб. стр. полка и одну батарею на позицію къ сѣверу отъ Тензы... Однако, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, батареей этой воспользоваться было нельзя, и ген. Кашталинскій отправилъ ее обратно.

Тѣсня 12-й вост. сиб. стр. полкъ, отступавшій отъ Тюренчена вмѣстѣ съ 2-й батареей 6-й вост. сиб. стр. арт. бр. и пулеметной ротой къ общему резерву, японцы уже къ 1 часу дня такъ близко подошли къ стоявшимъ у Тензы на позиціи б-намъ 11-го полка, что отправленная отъ нихъ назадъ батарея не могла выйти на дорогу. Послѣдняя обстрѣливалась японцами страшнымъ перекрестнымъ огнемъ. Тогда батарея снялась съ передковъ и, чтобы погибнуть съ честью, открыла по непріятелю огонь съ самой близкой дистанціи. Ее поддержала пулеметная рота, не желавшая бросать батарею въ ея бѣдственномъ положеніи,—и, выручая товарищей, «легла костьми» по донесенію Кашталинскаго. «Кость ми же легла» затѣмъ и батарея, потерявши всю прислугу и всѣхъ лошадей. 12-й же полкъ пробился.

Прикрывавшій отступленіе отряда 11-й полкъ, продержался на позиціи еще два часа. Обойденные японцами съ обоихъ фланговъ и съ тылу, обстрѣливаемые съ фронта, б-на этого полка нѣсколько разъ бросались въ штыки, чтобы прорвать огненное кольцо японцевъ. Но послѣдніе штыкового удара не принимали и отходили назадъ, продолжая осыпать геройскіе б-ны градомъ пуль. Въ одной изъ этихъ атакъ былъ убитъ командиръ полка полк. Лаймингъ... Только въ 4-мъ часу дня остаткамъ этихъ храбрецовъ, воодушевляемыхъ полковымъ священникомъ, о. Щербаковскимъ, удалось пробиться и отойти за отрядомъ на Фынхуанченъ. Японцы попытались было ихъ преслѣдовать, но были остановлены залпами свѣжаго б-на, высланнаго изъ общаго резерва... Отступленіе отряда ознаменовалось паникой въ тылу: — въ обозахъ и на этапахъ. Не задерживаясь у Фынхуанчена, Восточный отрядъ отошелъ на перевалы Феншуйлинскаго хребта, а армія Куроки заняла Фынхуанченъ.

Мы потеряли въ Тюренченскомъ бою 73 офицера и 2324 ниж. чиновъ, т.-е. 14% всего отряда, и кромѣ того 22 орудія и 8 пулеметовъ.

Мы не будемъ входить здѣсь въ детальный разборъ причинъ этой первой нашей крупной неудачи на сухопутномъ театрѣ войны. Ихъ

слишкомъ много. Ограничимся главными, существенными. Онѣ сводятся къ слѣдующему: 1) импровизированный составъ отряда; 2) неудачный выборъ начальника, въ послѣдующихъ бояхъ доказавшаго свою полную неспособность; 3) растянутость позиціи по фронту и огромная разброска силъ на ней; 4) неудовлетворительная подготовка поля сраженія въ фортификаціонномъ отношеніи; 5) плохая развѣдка; 6) невниманіе къ тѣмъ признакамъ, по которымъ можно было разгадать намѣренія противника; 7) отдаленность общаго резерва отъ пункта атаки; 8) противорѣчивость директивъ, данныхъ начальнику отряда командующимъ арміею; 9) стремленіе послѣдняго руководить дѣйствіями отряда изъ Ляояна и 10) отсутствіе руководства и распорядительности со стороны самого ген. Засулича.

Впечатлѣніе отъ пораженія Восточнаго отряда подъ Тюренченомъ въ Россіи и въ самой Манчжурской арміи было громадное, близкое къ паникѣ. Японскіе же офицеры признавались Гамильтону, что со времени сраженія на Ялу довѣріе ихъ къ своимъ силамъ и увѣренность въ побѣдѣ удвоились. Овладѣвъ теченіемъ Ялу и тѣмъ обезпечивъ за собою Корею, японцы тотчасъ же приступили къ высадкѣ на Ляодунъ своей 2-й арміи ген. Оку.

Если нельзя было помѣшать высадкѣ японцевъ на Корейскомъ побережьѣ, то казалось бы, на Ляодунскомъ, гдѣ мы были еще фактическими хозяевами, это было можно и должно сдѣлать, не ограничиваясь только ролью наблюдателей ея. Задачу это прежде всего долженъ былъ выполнить нашъ флотъ. И въ этомъ смыслѣ ему даны были указанія адм. Алексѣевымъ. Воспрещая П.-Артурской эскадрѣ предпринимать какія-либо активныя дѣйствія впредь до исправленія всѣхъ своихъ боевыхъ судовъ, гл—щій предписывалъ ей производить рекогносцировки крейсерами и отрядами миноносцевъ, а когда выяснится пунктъ высадки японскихъ войскъ, то и атаковать транспорты, появившіеся въ сферѣ дѣйствій нашихъ миноносцевъ. Однако совѣтъ адмираловъ и капитановъ, созванный к.-адм. Витгефтомъ, командовавшимъ эскадрою за смертью Макарова, для обсужденія способовъ исполненія этого предписанія, высказался въ томъ смыслѣ, что атака эта можетъ быть произведена лишь въ случаѣ высадки непріятеля южнѣе Цзиньчжоуской бухты.

Такъ какъ именно этого-то обстоятельство и трудно было ожидать—ибо японцы въ этомъ случаѣ очутились бы между двухъ огней—крѣпости и укрѣпленной Цзиньчжоуской позиціи,—то, очевидно, противодѣйствіе высадкѣ выпадало всецѣло на долю сухопутныхъ войскъ: артурскаго гарнизона и Манчжурской арміи. Однако ген. Куропаткинъ полагалъ, что при малочисленности нашихъ силъ, стремленіе наше противодѣйствовать высадкѣ японцевъ на береговой линіи Ляодуна въ нѣсколько сотъ верстъ длиною—неосуществимо. Мы могли, по его мнѣнію, оказать нѣкоторое сопротивленіе сухопутными войсками толь-

ко при высадкѣ у Гайчжоу и довольно сильное сопротивленіе при высадкѣ ихъ у Инкоу; охрана же доступа въ южную часть Ляодунскаго полуострова, до Цзиньчжоускаго перешейка, должна была лежать на флотѣ, и на войскахъ Квантунской группы. Такимъ образомъ, и Манчжурская армія слагала съ себя эту задачу, и противодѣйствіе высадкѣ на Ляодунъ выпадало, стало быть, всецѣло на долю войскъ Квантунской группы.

Для задержанія противника возможно дольше и далѣе отъ П.-Артура изъ этой группы выдвинута была впередъ, къ Цзиньчжоускому перешейку, 4-я вост. сиб. стр. дивизія, ген.-м. Фока.

Въ случаѣ наступленія противника на П.-Артуръ генер. Фокъ долженъ былъ встрѣтить его на Цзиньчжоуской позиціи, но при этомъ главной задачей имѣть не удержаніе этой позиціи во что бы то ни стало, а своевременный отводъ съ нея войскъ на усиленіе гарнизона крѣпости. Охрана побережья возложена была на пѣшія и конныя охотничьи команды, которыя выставляли отъ себя наблюдательные посты, соединенные телефономъ съ штабомъ дивизіи, находившимся на ст. Нангалинъ. Только постъ на мысу Терминаль, близъ Бицзыво, не имѣлъ телефона и поддерживалъ связь съ ближайшимъ телеграфнымъ пунктомъ летучей почтой. Установить и здѣсь телефонное сообщеніе явился, было, 22-го апрѣля саперный офицеръ, но было уже поздно.

Еще вечеромъ 21-го апрѣля къ южнымъ островамъ группы Эллiотъ, противъ Бицзыво, подошли японскіе транспорты, конвоируемые военными судами, и 22-го числа утромъ началась высадка войскъ вблизи бухты Кинчанъ.

Стоявшая въ Бицзыво охотничья команда пыталась противодѣйствовать высадкѣ, но была огнемъ съ японскихъ судовъ оттѣснена къ западу. Двинутый со ст. Пуландянъ къ мѣсту высадки—I б-нъ (изъ состава Манчжурской арміи) съ полпути вернулся обратно, тоже сдѣлали 2 охотничьи команды и I б-нъ съ I батар., высланные изъ Артура для прикрытія желѣзнодорожнаго пути. Словомъ, высадкѣ серьезно не мѣшали, и въ результатѣ — японцы уже 23-го апрѣля прервали желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе крѣпости съ арміей. Намѣстнику—главнокомандующему, находившемуся въ то время въ П.-Артурѣ, едва удалось, наканунѣ, 22-го апрѣля, проскочить на сѣверъ, при чемъ поѣздъ его былъ обстрѣлянъ. Ген. Куропаткинъ также сдѣлалъ слабую попытку задержать высадку, двинувъ къ мѣсту ея отрядъ въ 7 б-новъ, подъ командой ген.-м. Зыкова. Но послѣдній дѣйствовалъ неэнергично и до мѣста высадки не дошелъ, а ограничился лишь занятіемъ участка желѣзной дороги южнѣе ст. Вафандянъ; все же, благодаря этому отряду, удалось на короткое время возстановить сношеніе съ П.-Артуромъ—и подполковникъ Спиридоновъ мужественно провелъ туда поѣздъ съ мелинитовыми бомбами, пулеметами и снарядами.

Gravüre Mezzotinto Brukman München.

Командующій флотомъ Тихаго океана Вице-адмиралъ

С. О. МАКАРОВЪ.

(Погибъ на бр. «Петропавловскъ» 31 марта 1904 г.)

Гравюре Мелхиора Вишмана Мюнхен.

Командующій флотомъ Тихаго океана Вице-адмиралъ

С. О. МАКАРОВЪ.

(Портр. на стр. «Петроградскаго» 31 марта 1904 г.)

№ 3.

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени В. И. ЛЕНИНА

28-го апрѣля малочисленный отрядъ ген. Зыкова, выдвинутый отъ главныхъ силъ арміи на 150 верстъ и потому рисковавшій «подвергнуться не только участи отряда ген. Засулича, но и совершенному уничтоженію»,—былъ отозванъ назадъ ранѣе, чѣмъ выяснилъ размѣры высадки японцевъ.

Не встрѣчая себѣ противодѣйствія, японцы рѣшили произвести высадку части своихъ силъ и въ тылу Цзиньчжоуской позиціи, расчитывая, что, быть можетъ, это вынудитъ насъ съ тою же поспѣшностью очистить и эту позицію. 28-го апрѣля японскія суда вошли въ бухту Керръ и высадили небольшой десантъ; но огнемъ нашихъ орудій онъ былъ прогнанъ на суда обратно.

Только 2-го мая выяснилось направленіе движенія высадившихся въ Бицзыво японскихъ войскъ. До этого же дня связи съ непріятелемъ установлено не было.

Когда авангарды его показались на дорогахъ къ Саншилипу и Игядянь и обнаружилось намѣреніе противника атаковать Цзиньчжоускую позицію, ген. Фокъ, по предложенію ген. Стесселя, предпринялъ усиленную рекогносцировку для выясненія численности непріятеля. Диспозиціи для нея отдано не было, а словесно приказано было выдвинуть впередъ два авангарда: лѣвый, подъ начальствомъ ген. м. Надѣина—къ дер. Шисалитеза (I $^1/_2$ б-на, I кон. охот. команда, I батар. и 4 поршнев. орудія, запряженныхъ быками) и правый, подъ начальствомъ подполк. кн. Мачабели—къ дер. Чифантань (I $^3/_4$ б-на и I охот. ком.). Промежутокъ между этими авангардами (около 4 верстъ) былъ прикрытъ I-мъ б-номъ. Остальныя части дивизіи съ 2-мя батареями стали за срединою расположенія, у горы Самсонъ, впереди Цзиньчжоуской позиціи. Японцы начали наступать въ значительныхъ силахъ противъ обоихъ нашихъ авангардовъ съ утра 3-го мая. Противъ лѣваго они дѣйствовали пассивно, ограничившись сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, которымъ быстро уничтожили одну нашу батарею, стоявшую на открытой позиціи; противъ праваго же авангарда они дѣйствовали активно и 14-ю ротами обрушились ни двѣ нашихъ роты и команду. Послѣ стойкаго сопротивленія, эти части, не будучи поддержаны изъ резерва, стали отступать... Тогда ген. Фокъ, не вводя въ дѣло резерва, приказалъ обоимъ нашимъ авангардамъ отходить на Цзиньчжоускую позицію. Отступали они подъ сильнымъ натискомъ противника, который въ тотъ же день вечеромъ занялъ всѣ горы впереди позиціи.

4-го мая утромъ всѣ полки 4-й дивизіи отошли за Цзиньчжоускую позицію, и на ней остался только одинъ 5-й вост. сиб. стр. полкъ, который ее укрѣплялъ и которому теперь предстояло ее оборонять.

Стратегическое значеніе этой позиціи состояло въ томъ,что она прегражда̀ла японцамъ доступъ къ П.-Артуру и, стало быть, оборона ея давала намъ возможность выиграть время для усиленія неготовой

еще крѣпости; затѣмъ, эта позиція прикрывала расположенные за нею неукрѣпленные вовсе города Дальній и Таліенванъ, овладѣвъ которыми японцы пріобрѣтали пункты, удобные для подготовки своихъ дѣйствій противъ Артура, и, наконецъ, она обезпечивала за нами территорію Квантунскаго полуострова съ находившимися на ней жизненными средствами, которыя могли увеличить запасы крѣпости.

Позиція представляетъ собою возвышенность, протяженіемъ около 2-хъ верстъ, расположенную посреди узкаго, шириною до 4-хъ верстъ, перешейка въ полутора верстахъ къ югу отъ г. Цзиньчжоу. Фланги позиціи упираются въ море, что было бы выгодно, если бы на морѣ господствовалъ нашъ флотъ, и что было невыгодно теперь, при господствѣ на немъ японскаго флота, который могъ обстрѣливать ее продольно. Холмистая мѣстность передъ фронтомъ позиціи, усѣянная китайскими деревнями и отдѣльными фанзами, прорѣзанная многочисленными промоинами, облегчала скрытый подходъ противника къ позиціи и скрытое размѣщеніе его артиллеріи.

Къ укрѣпленію этой позиціи приступлено было только съ началомъ войны; работа велась 5-мъ полкомъ и наемными китайцами, среди которыхъ было, конечно, немало японскихъ шпіоновъ. Ко времени боя на ней было устроено 15 батарей, вооруженныхъ 64 орудіями разныхъ системъ и калибровъ (имѣя по 150 патроновъ на орудіе), — 8 редутовъ и люнетовъ и двухъ, а мѣстами—трехъ ярусовъ окоповъ для стрѣлковъ. Въ общемъ, длина всѣхъ траншей на позиціи равнялась 8 верстамъ. Передъ фронтомъ ея расположены были проволочныя загражденія и кое-гдѣ фугасы, которые во время боя однако не взорвались. Бухты, омывающія фланги позиціи, минированы не были. Тафашинскія высоты и Нангалинскій хребетъ, находившіеся южнѣе позиціи и представлявшіе собою 2-ю и 3-ю оборонительныя линіи на пути къ Артуру, къ оборонѣ подготовлены не были.

Относительно характера обороны Цзиньчжоуской позиціи генераломъ Стесселемъ данъ былъ ген. Фоку рядъ указаній. Такъ, еще 15 февраля ген. Стессель писалъ ему, что «оборона позиціи, какъ бы она не была атакована, должна быть до послѣдней возможности, т.-е. до штыковыхъ свалокъ... Позиція имѣетъ чрезвычайную важность и удержаніе ея до подхода въ тылъ противнику, атакующему ее съ фронта, отрядовъ изъ Манчжурской арміи, для этого высланныхъ, необходимо». 6-го мая ген. Стессель еще разъ подтвердилъ ген. Фоку, что «на самую упорную оборону позиціи должно быть обращено все вниманіе... Одного полка тамъ мало. Пока Цзиньчжоу наше, Артуръ безопасенъ...».

Однако самъ ген. Стессель имѣлъ отъ ген. Куропаткина указанія совершенно иного характера, не оставлявшія сомнѣнія, что никакого подхода въ тылъ японцамъ, атакующимъ Цзиньчжоу, отрядовъ изъ Манчжурской арміи не будетъ.

— «По моему мнѣнію, писалъ ген. Куропаткинъ 4-го мая ген. Стесселю, все еще, видимо, находясь подъ впечатлѣніемъ Тюренченскаго боя, — самое главное — это своевременно отвести войска ген. Фока въ составъ гарнизона П.-Артура. Мнѣ представляется весьма желательнымъ во́-время снять и увезти съ Цзиньчжоуской позиціи орудія, иначе будутъ новые трофеи... Впечатлѣніе произведетъ это крайне тяжелое...».

Однако увезти съ позиціи во время боя, черезъ горы въ крѣпость, тяжелыя крѣпостныя орудія было совершенно невозможно; это значило вовсе отказаться отъ ея обороны, а своевременный отводъ съ нея войскъ, считавшійся ген. Куропаткинымъ «самымъ главнымъ», —сводилъ къ нулю все значеніе этой преграды, долженствовавшей возможно долѣе задержать непріятеля на пути къ неготовой еще для его встрѣчи крѣпости.

Ген. Стессель не сообщилъ ген. Фоку это мнѣніе командующаго арміей и, такимъ образомъ, на обязанности ген. Фока оставалась самая упорная оборона ея «до послѣдней возможности». Однако, хотя ген. Стессель и указывалъ ген. Фоку, что для «такой» обороны одного полка мало, ген. Фокъ все-таки занялъ позицію только однимъ 5-мъ полкомъ, который и растаялъ въ 8-ми верстной траншеѣ.

Лежащій впереди позиціи городокъ Цзиньчжоу занятъ былъ двумя ротами и 1 охот. командой. Остальные три полка дивизіи расположились въ общемъ резервѣ у дер. Наньгуалинъ; полевая артиллерія заняла позади позиціи Тафашинскія высоты и должна была поддерживать своимъ огнемъ ея оборону.

Для атаки нашей позиціи ген. Оку назначилъ три дивизіи, а одна дивизія съ кавалерійской бригадой должна была прикрывать ихъ съ сѣвера отъ Манчжурской арміи. Японская артиллерія расположилась передъ позиціей въ 3-хъ группахъ,—всего 216 орудій, въ томъ числѣ 25—30 орудій были осаднаго типа.

6-го мая японцы начали свои окопныя работы предъ Цзиньчжоу; 7-го мая они трижды атаковали городъ, но были отбиты его гарнизономъ.

Рѣшительныя дѣйствія ихъ противъ Цзиньчжоуской позиціи начались 12-го мая.

Въ этотъ день, непріятель съ 5 ч. утра открылъ сильный артиллерійскій огонь по городу и позиціи. Подъ прикрытіемъ его, японская пѣхота снова пошла на штурмъ города и снова была отбита. Въ 11 часовъ утра огонь непріятельской артиллеріи смолкъ. Это была, повидимому, сильная артиллерійская рекогносцировка, достигшая своей цѣли, такъ какъ наши позиціонныя батареи отвѣчали японцамъ и тѣмъ не только обнаружили свое мѣстонахожденіе, но и лишили себя части снарядовъ, которые должны были пригодиться имъ на другой день для отбитія штурма.

Около 4-хъ часовъ дня въ Цзиньчжоускій заливъ вошли японскіе миноносцы и канонерскія лодки, для поддержки съ моря, огнемъ своихъ орудій, атаки позиціи. Ночью 12-го мая, въ сильную грозу, японцы взяли штурмомъ городокъ Цзиньчжоу.

Всѣ событія этого дня 12-го мая ясно указывали на то, что японцы не замедлятъ теперь атакою позиціи. Тѣмъ не менѣе ген. Фокъ не далъ никакой диспозиціи для ожидаемаго всѣми боя и самъ остался на ст. Нангалинъ,ославъ вмѣсто себя на позицію руководить ея обороною почтеннаго, но престарѣлаго ген. Надѣина.

Въ 5 ч. утра 13-го мая японцы открыли по позиціи адскій огонь изъ 230 орудій; наша позиціонная артиллерія имъ отвѣчала, но недолго: разстрѣлявъ всѣ свои снаряды, она замолкла уже къ 10 часамъ утра. Съ этого момента позиція стала защищаться только ружейнымъ огнемъ, имѣя слабую поддержку съ батарей на Тафашинскихъ и Нангалинскихъ высотахъ.

Одновременно съ началомъ артиллерійскаго боя, противникъ двинулъ свою пѣхоту на оба нашихъ фланга. Желая охватить нашъ лѣвый флангъ, японцы шли по водѣ залива, такъ, что надъ водою видны были лишь ихъ головы... Къ 12-ти часамъ дня наступленіе ихъ было здѣсь остановлено огнемъ нашихъ стрѣлковъ и батареи съ Нангалинскихъ высотъ... Атака на нашъ правый флангъ къ 3-мъ часамъ дня была также остановлена при содѣйствіи нашей канонерской лодки «Бобръ», прибывшей въ Хенуэзскій заливъ и стрѣлявшей въ теченіе часа во флангъ японскимъ цѣпямъ и колоннамъ...

Успѣшнѣе наступали японцы противъ центра нашей позиціи; уже къ 2-мъ часамъ дня они подошли здѣсь къ нашимъ окопамъ на 800 шаговъ... Около 3-хъ часовъ дня непріятельскій огонь внезапно смолкъ; продолжали стрѣлять только японскія канонерки,—и эта относительная тишина, наступившая на полѣ сраженія, ввела въ заблужденіе ген. Надѣина, который донесъ въ Артуръ, что «атаки непріятеля отбиты и орудія его приведены къ молчанію огнемъ нашихъ батарей». Однако бой скоро возобновился, и, подъ прикрытіемъ своихъ цѣпей, которые находились уже отъ нашихъ окоповъ лѣваго фланга всего лишь въ 400 шагахъ, въ центрѣ—на разстояніи 500 — 700 шаговъ, а на правомъ флангѣ — въ 800 — 1200 шаговъ,—японскія колонны стали передвигаться съ лѣваго фланга на правый. Замѣтивъ это, ген. Надѣинъ выслалъ изъ общаго резерва два б-на и приказалъ имъ занять пустые окопы лѣваго фланга. Но эти батальоны были встрѣчены по дорогѣ ген. Фокомъ, шедшимъ на позицію со ст. Тафашинъ, и возвращены имъ обратно. Въ 4 часа дня противникъ возобновилъ артиллерійскій огонь, сосредоточивъ его теперь только по окопамъ, которые буквально сметались имъ въ уровень съ землею... Въ то же время изъ-за горы Самсонъ показались новыя густыя колонны японской пѣхоты. Израсходовавъ весь свой ничтожный резервъ, потерявъ уже

значительное число людей, командиръ 5-го полка, полк. Третьяковъ въ третій разъ обратился къ ген. Фоку съ просьбой прислать подкрѣпленіе. Ген. Фокъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи три полка, стоявшіе въ бездѣйствіи на бивакѣ у д. Наньгуалинъ, прислалъ двѣ роты, съ приказаніемъ не сажать ихъ въ окопы. Однако полк. Третьяковъ, видя что защитники окоповъ лѣваго фланга, совершенно разрушенныхъ огнемъ непріятеля, уже отошли изъ нихъ, направилъ туда эти роты... Но было уже поздно... Японцы уже обошли нашъ лѣвый флангъ по водѣ и появились въ тылу батареи № 12, на которой и водрузили свой флагъ... Тогда отступленіе стало общимъ. Попытка полк. Третьякова, путемъ личнаго воздѣйствія на солдатъ, возстановить бой,—не удалась. Ему отвѣчали, что «приказано отступать». И дѣйствительно, впослѣдствіе оказалось, что таково было распоряженіе ген. Фока, переданное войскамъ помимо полк. Третьякова. При отступленіи войска наши понесли потери, пожалуй, еще болѣе сильныя, чѣмъ при оборонѣ, такъ какъ японцы открыли сильный огонь по всему тылу позиціи и по ст. Тафашинъ, и подъ этимъ огнемъ войскамъ нашимъ приходилось преодолѣвать въ наступавшей темнотѣ проволочныя загражденія и волчьи ямы, устроенныя въ тылу позиціи на случай атаки ея съ юга.

Отступавшія роты были остановлены и устроены только на возвышенностяхъ позади позиціи, подъ прикрытіемъ сперва б-на 14-го полка, потомъ б-новъ 15-го полка, занявшихъ Тафашинскія высоты, а затѣмъ б-новъ 13-го полка, державшихся на этихъ высотахъ до 6 ч. утра 14-го мая. Хотя японцы насъ и не преслѣдовали, тѣмъ не менѣе возбужденіе войскъ послѣ боя было такъ велико, что ночью около ст. Нангалинъ произошла паника.

Въ ту же ночь на 14-е мая мы очистили гор. Дальній, не успѣвъ хорошо испортить мостъ, подъемные краны и другія капитальныя и цѣнныя сооруженія этого коммерческаго порта. Это значительно облегчило впослѣдствіи японцамъ высадку и выгрузку здѣсь войскъ и грузовъ для ихъ осадной арміи.

15-го мая японцы заняли Дальній, находившійся въ теченіе всего 14-го числа во власти хунхузовъ...

16-го мая всѣ части дивизіи ген. Фока перевалили черезъ Шининзинскій хребетъ и заняли Волчьи горы въ 15—19 верстахъ отъ Артура.

Въ бою за «ворота къ Артуру», какъ называли Цзиньчжоускую позицію, мы потеряли 1087 чел. и всю позиціонную артиллерію; японцы же купили свою побѣду цѣною потери 6000 человѣкъ.

Такъ разыгрался второй бой этой кампаніи,—первый для Квантунской группы войскъ нашей арміи. Онъ закрѣпилъ за японцами свободу операцій на Квантунѣ противъ П.-Артура, разобщилъ окончательно обѣ группы войскъ Манчжурской арміи—Ляоянъ-Хайченскую и Квантунскую—и нанесъ намъ новый жестокій моральный ударъ.

Въ засѣданіи верховнаго военно-уголовнаго суда по дѣлу о сдачѣ кр. П.-Артуръ генер.-ад. Куропаткинъ, въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи, сдѣлалъ любопытное сопоставленіе между Цзиньчжоускимъ и Тюренченскимъ боями.

— «Какъ ни кажутся они различны между собою—сказалъ онъ,—но у нихъ есть большое сходство. Тамъ и здѣсь, на Ялу и на Цзиньчжоу, были выдвинуты авангарды, и возможность пораженія была очень велика. Они должны были задерживать противника, чтобы выиграть время для сосредоточенія Манчжурской арміи и для укрѣпленія Артура. Тутъ дорогъ былъ каждый день. Но на Ялу ген. Засуличъ по собственной иниціативѣ принялъ упорный бой, а ген. Фокъ на Цзиньчжоу упорнаго боя не принялъ. Первому этого не слѣдовало дѣлать, а второму надлежало, т. к. съ юга ему ничто не угрожало. Оба понесли большія потери»...[1]).

На этомъ однако параллель между Цзиньчжоу и Тюренченомъ не кончается и мы уже отъ себя ее продолжимъ для выясненія, почему при различной обстановкѣ ген. Засуличъ и Фокъ дѣйствовали одинаково и почему ихъ дѣйствія окончились неудачею.

Прежде всего надлежитъ отмѣтить недостаточную ясность директивъ, данныхъ командующимъ арміей войскамъ для обороны Ялу и Цзиньчжоу: эти позиціи и надо было оборонять, и не надо; самый бой опредѣлялся не стратегическимъ значеніемъ обороняемыхъ линій и пунктовъ, а соотношеніемъ выставленныхъ для обороны ихъ отрядовъ съ численностью противника; поэтому въ томъ и въ другомъ случаѣ прежде всего желали не побѣдить, а не быть разбитыми. И были разбиты подъ Тюренченомъ и подъ Цзиньчжоу. Слѣдствіемъ неопредѣленныхъ, неясныхъ въ конечной своей цѣли и въ направленіи воли высшаго командованія директивъ, было отсутствіе руководящей идеи при укрѣпленіи позицій на Ялу и на Цзиньчжоу и въ занятіи ихъ войсками; вслѣдствіе этого ни на Ялу, ни на Цзиньчжоу тыловыя позиціи не были устроены и противнику были противопоставлены малочисленные отряды. Для руководства первыми и трудными по обстановкѣ боями избраны были генералы, не обладавшіе военно-научной подготовкой, не оправдавшіе и впослѣдствіе своими дѣйствіями возлагавшихся на нихъ надеждъ; послѣднія основывались, вѣроятно, лишь на имѣніи ими «бѣлаго крестика», полученнаго ими въ штабъ-офицерскихъ чинахъ въ Турецкую войну и удостовѣрявшаго, конечно, объ ихъ личной храбрости,—качествѣ цѣнномъ, но въ настоящее время недостаточномъ для военачальника. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить въ обоихъ случаяхъ: слабую развѣдку противника; передачу непосредственнаго руководства обороною ввѣренныхъ ими позицій другимъ, младшимъ по себѣ генераламъ: Засуличемъ—Кашталинскому, Фокомъ—Надѣину и ненахожденіе обоихъ въ надлежащей близости къ полю сраженія; слѣдствіемъ этого было плохое, если не полное, отсутствіе высшаго руководительства боемъ, ибо тѣ, кому оно было непосредственно поручено, не чувствовали себя достаточно самостоятельными и отвѣт-

[1]) См. «Дѣло о сдачѣ кр. П. Артура японскимъ войскамъ въ 1904 г.» «Отчетъ» изданный В. Березовскимъ подъ редакціей В. А. Апушкина. (стр. 122).

ственными за исходъ обороны;— отсутствіе диспозицій для боя, не отданныхъ ни Засуличемъ, ни Фокомъ; неразгадка обоими этими генералами значенія артиллерійскаго огня противника 17-го апрѣля и 12-го мая, имѣвшаго цѣлью лишь выяснить расположеніе нашихъ батарей на Ялу и на Цзиньчжоу; отдаленность резервовъ отъ боевой линіи и неумѣлое пользованіе ими; необезпеченіе порядка и путей отступленія, что могло въ томъ и въ другомъ случаѣ повести къ совершенному истребленію нашихъ отрядовъ, если бы непріятель вздумалъ довершить свой успѣхъ ихъ преслѣдованіемъ, и, наконецъ, геройское поведеніе нашихъ войскъ въ крайне неравномъ бою и паника при отступленіи.

Всѣ эти данныя оказались, къ сожалѣнію, характерными чертами нашей системы воевать и той военной школы вождей, изъ которой вышли печальной памяти герои Тюренчена, Цзиньчжоу, Артура, Вафангоу, Сандепу и Мукдена...

Со стороны же японцевъ и на Ялу, и на Цзиньчжоу проявились: 1) тщательная подготовка операцій; 2) искусное пользованіе мѣстностью для передвиженія пѣхоты и расположенія артиллеріи; 3) сильныя артиллерійскія рекогносцировки нашихъ позицій наканунѣ рѣшительнаго боя; 4) настойчивость въ охватѣ нашихъ флланговъ; 5) стремительность атаки; 6) содѣйствіе флота сухопутнымъ войскамъ и 7) крайняя осторожность въ развитіи операціи даже при наличности успѣха.

Въ то время какъ армія Оку вела наступленіе и атаку Цзиньчжоуской позиціи, за ея спиною происходила высадка 4-й арміи ген. Ноги — у Бицзыво и 3-ей арміи ген. Нодзу у Дагушаня. Когда же Цзиньчжоуская позиція была взята японцами, армія Оку двинулась на сѣверъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ арміями Куроки и Нодзу противъ Манчжурской арміи, а армія Ноги осталась на Квантунѣ для осады П.-Артура.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вафангоу — Дашичао — Хайченъ.

Послѣ овладѣнія японцами Цзиньчжоуской позиціей, предъ русскими вождями естественно возникъ вопросъ: куда же теперь будутъ направлены главные удары непріятеля: на югъ или на сѣверъ?—на неготовый къ оборонѣ П.-Артуръ или на неокончившую свое сосредоточеніе Манчжурскую армію? Гдѣ будетъ центръ борьбы: въ Манчжуріи или на Квантунѣ?

И въ разрѣшеніи этого вопроса ихъ мнѣнія раздѣлились. Гл-щій, г.-а. Алексѣевъ полагалъ, что объектомъ дальнѣйшихъ дѣйствій 2-й и 3-ей японскихъ армій (Оку и Нодзу) явится Артуръ.

Предположеніе это имѣло за собою много основаній прежде всего овладѣніе Артуромъ представляло для Японіи важное *политическое* значеніе, ибо этимъ сразу же возстанавливалось положеніе, пріобрѣтенное ею нѣкогда по Симоносекскому договору, и національное самолюбіе, оскорбленное его измѣненіемъ, получало удовлетвореніе; въ *военномъ* отношеніи—оно отдавало въ руки Японіи вмѣстѣ съ крѣпостью нашу эскадру, создавало на континентѣ новую базу, устраняло раздѣленіе силъ для веденія военныхъ операцій на два фронта и позволяло обратить ихъ всецѣло противъ Манчжурской арміи... Поэтому, казалось, вполнѣ вѣроятнымъ, что именно дѣйствія противъ Артура станутъ теперь ближайшей задачей японцевъ, дабы не дать времени Артуру укрѣпиться, а Манчжурской арміи собраться въ достаточныхъ силахъ для выручки крѣпости.

Въ справедливости этихъ предположеній убѣждалъ и характеръ дѣйствій арміи Куроки. Занявъ Фынхуанченъ, онъ усердно демонстрировалъ по различнымъ направленіямъ... Сильный авангардъ его направлялся то на Ляоянъ, то на Саймацзы, то на Хайченъ,—дѣлалъ въ ихъ направленіи нѣсколько переходовъ и отходилъ назадъ... Все это какъ бы указывало, что армія Куроки въ данный моментъ играетъ второстепенную роль, прикрывая главныя операціи на Ляодунскомъ полуостровѣ. Адм. Алексѣевъ такъ эти дѣйствія Куроки и понималъ и потому признавалъ необходимымъ поспѣшить переходомъ въ наступленіе Манчжурской арміи для спасенія Артура. Объ этомъ же въ рядѣ донесеній настойчиво просилъ его и Стессель.—«Скорая помощь необходима»,—телеграфировалъ послѣдній Намѣстнику послѣ паденія Цзиньчжоу.—«Доношу это для спасенія всего дѣла»...

Судьба Артура вообще сильно заботила Намѣстника. Еще 8-го мая онъ указывалъ ген. Куропаткину, что «наступила минута для рѣшительныхъ дѣйствій». Послѣднія, по мнѣнію гл-щаго, могли выразиться въ слѣдующемъ: 1) выставивъ заслонъ къ югу, наступать на Фынхуанченъ съ цѣлью разбить и отбросить японцевъ за р. Ялу, дабы получить свободу дѣйствій и идти на выручку Артура, обезпечивъ себя заслономъ со стороны Ялу; или 2) выставивъ заслоны противъ Фынхуанчена на перевалахъ, съ остальными силами двинуться на выручку Артура.

Г.-а Алексѣевъ считалъ обѣ эти задачи вполнѣ выполнимыми съ тѣми силами, которыя были уже собраны у насъ къ этому времени: около 100 б-новъ, 70 эскадр. и сот. и 240 ор.

Ген. Куропаткинъ не призналъ, однако, тогда своевременнымъ переходъ въ наступленіе, такъ какъ «для принятія какихъ-либо опредѣленныхъ рѣшеній, по его мнѣнію, не доставало главныхъ данныхъ: гдѣ будутъ находиться главныя силы японцевъ и какой окончательный планъ они примутъ». Но разгадать этотъ планъ было, конечно, не такъ то легко, и этихъ «главныхъ данныхъ» по-прежнему не доставало ген. Куропаткину и теперь, когда Цзиньчжоу уже пало и Артуръ былъ отрѣзанъ отъ арміи.

Дѣло было, однако, не столько въ этихъ «данныхъ», сколько въ томъ, что «ген. Куропаткинъ, *даже рискуя паденіемъ П.-Артура*, не намѣренъ былъ идти на выручку его, пока не сосредоточитъ всѣхъ войскъ» [1]). Дѣло было въ томъ, что положеніе осажденной крѣпости представлялось ему въ весьма благопріятномъ свѣтѣ.—«Завидую опредѣленности и простотѣ задачи, которая выпадетъ на славныя войска Квантунской области, если на нихъ обрушится главный ударъ», писалъ ген. Куропаткинъ Стесселю 4-го мая 1904 г. Напоминая затѣмъ послѣднему въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ нимъ, что «патроновъ и хлѣба въ крѣпости много,—а это главное», к-щій арміею совѣтовалъ Стесселю «запастись, кромѣ непоколебимой твердости, мужествомъ еще и терпѣніемъ»... Сила п.-артурскаго гарнизона, исчислявшаяся имъ въ 45.000 чел., казалась ему достаточной для отраженія атаки крѣпости открытой силой. Наоборотъ, силы Манчжурской арміи, находившіяся къ половинѣ мая въ раіонѣ сосредоточенія,—101 б-нъ, 83 эск. и сот. и болѣе 250 ор.—казались ген. Куропаткину недостаточными для перехода въ наступленіе. Поэтому, получивъ послѣ паденія Цзиньчжоу отъ г.-а. Алексѣева приказаніе «безотлагательно приступить» къ подготовкѣ наступленія для выручки П.-Артура и довести назначенныя для сего силы до 4-хъ дивизій (48 б-новъ), ген.

---

1) Такъ сказалъ герман. воен. агенту при Манчжурской арміи барону Теттау адъютантъ ген. Куропаткина, полковн. гр. Бобринскій. (См. книгу Теттау, ч. 1, стр. 130).

Куропаткинъ, телеграммой 19-го мая, еще разъ указалъ гл-щему на крайнюю опасность движенія нашего къ П.-Артуру. По мнѣнію ген. Куропаткина, опасность грозила не столько Артуру, сколько Манчжурской арміи, въ обходъ лѣваго фланга которой японцы направили значительныя силы на Саймацзы.

Но г.-а. Алексѣевъ, справедливо видя и въ этомъ наступленіи японцевъ лишь демонстрацію, настаивалъ на организаціи выручки Артура и, для окончательнаго разрѣшенія затянувшихся переговоровъ по этому вопросу, командировалъ въ Ляоянъ для личныхъ объясненій съ ген. Куропаткинымъ своего начальника штаба, ген. Жилинскаго. При этомъ выяснилось, что, хотя составъ Манчжурской арміи и возросъ къ этому времени до 108 б-новъ, а черезъ недѣлю долженъ былъ достигнуть 117 б-новъ, и въ то же время не имѣлось никакихъ серьезныхъ признаковъ рѣшительнаго наступленія значительныхъ силъ противника со стороны Феншуйлина,—ген. Куропаткинъ все-таки не признавалъ возможнымъ назначить для наступленія къ Артуру единовременно болѣе 32-хъ б-новъ.

Находя такія силы недостаточными для столь серьезной операціи, а дальнѣйшія пререканія съ ген. Куропаткинымъ напрасною тратою времени, г.-а. Алексѣевъ обо всемъ этомъ всеподданнѣйше донесъ Государю Императору. Въ отвѣтъ онъ удостоился получить указанія: 1) что участь П.-Артура, дѣйствительно, возбуждаетъ серьезныя опасенія, 2) что для отвлеченія отъ него удара нужно принять самыя рѣшительныя мѣры и 3) что переходъ Манчжурской арміи къ активной дѣятельности является вопросомъ вполнѣ назрѣвшимъ. Предоставляя опредѣленіе необходимыхъ средствъ и способовъ къ осуществленію этого власти ген.-адъют. Алексѣева, какъ гл-щаго, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ передать въ то же время ген.-адъют. Куропаткину, что отвѣтственность за участь П.-Артура возлагается Имъ всецѣло на него.

Передавая дословно ген. Куропаткину содержаніе этой Высочайшей телеграммы «для свѣдѣнія и исполненія», г.-а. Алексѣевъ въ то же время, 24-го мая, предписалъ ему: 1) на помощь П.-Артуру назначить не менѣе 4-хъ дивизій, всего не менѣе 48 б-новъ; 2) наступленіе произвести быстро и рѣшительно и 3) для обезпеченія со стороны Фынхуанчена выставить заслонъ.

Ген. Куропаткинъ и этому категорическому приказанію гл-щаго подчинился только отчасти.

Для выручки П.-Артура онъ назначилъ въ первую очередь 32 б-на, 100 орудій и 22 сотни; для охраны побережья Инкоу-Сеньюченъ были назначены 8 б-новъ и 8 же б-новъ составляли резервъ. Всѣ эти войска подчинены были командиру 1-го Сибирскаго арм. корпуса, ген.-л. бар. Штакельбергу. Для отпора арміи Куроки, демонстративно грозившей намъ наступленіемъ, генер. Куропаткинъ оставилъ на перевалахъ отъ

Саймацзы до Далина около 40 б-новъ, 94 ор. и 52 сот. и въ резервѣ у Ляояна 18 б-новъ.

Получивъ донесеніе о такомъ распредѣленіи силъ, г.-ад. Алексѣевъ еще разъ указалъ г.-а. Куропаткину, что 40 б-новъ, изъ которыхъ 8, охранявшіе побережье, были удалены отъ остальныхъ на 60—80 верстъ и имѣли спеціальное назначеніе,—недостаточно; что необходимо быстро сосредоточить къ исходному пункту всѣ 48 б-новъ для нанесенія удара противнику возможно скорѣе и что хотя операція эта связана съ нѣкоторымъ рискомъ, но рисковать можно, такъ какъ и противникъ сильно разбросалъ свои силы.

На это указаніе ген. Куропаткинъ отвѣтилъ 30-го мая, что сосредоточеніе производится съ возможной быстротой, что онъ признаетъ и самъ недостаточность силъ, направляемыхъ на югъ, но что усиленіе ихъ затруднительно, такъ какъ арміи грозитъ опасность съ востока, ибо у Сюяня происходитъ сосредоточеніе японскихъ войскъ и съ началомъ наступленія Штакельберга можно ожидать оттуда энергическаго наступленія Куроки...

У Сюяня въ это время въ дѣйствительности происходило слѣдующее.

Съ отходомъ за Ялу развѣдывательная служба передового коннаго отряда ген. Мищенко кончилась и ему была поставлена новая задача: вмѣстѣ съ Восточнымъ отрядомъ сторожить эту рѣку и наблюдать за высадкою японскихъ войскъ на берега Ляодуна. Послѣ боя подъ Тюренченомъ, отряду приказано было 18-го апрѣля отступать и идти къ Пьямыню и Фынхуанчену на соединеніе съ Восточнымъ отрядомъ. Установивъ съ нимъ связь, ген. Мищенко получилъ затѣмъ новую задачу: идти на Шализай и охранять пути къ Сюяню и Хайчену отъ Фынхуанчена, Пьямыня, Шахедзы и Дагушаня. Отрядъ отходилъ къ Сюяню, дѣлая въ сутки по 2—3 версты, чтобы все время быть въ самой тѣсной связи съ противникомъ и своей постоянной готовностью принять бой, по возможности, больше затруднить его движеніе впередъ послѣ успѣха подъ Тюренченомъ... Наши разъѣзды,высылавшіеся въ количествѣ 10—12, ежедневно имѣли перестрѣлки и схватки съ японцами.

Но отъ рѣшительнаго боя съ нашимъ коннымъ отрядомъ противникъ все время уклонялся. Однако П. И. Мищенко не изъ числа тѣхъ генераловъ, которые безъ боя отдаютъ противнику такіе пункты, какъ Сюянь, гдѣ узломъ связались дороги на Фынхуанченъ, Дагушань, Артуръ, Гайчжоу, Хайченъ и Ляоянъ. Поэтому, дойдя до Сюяня, онъ занялъ здѣсь 24-го мая позицію для боя... Стратегическое значеніе Сюяня побуждало японцевъ овладѣть имъ во что бы то ни стало, а мѣстность вполнѣ благопріятствовала имъ для атаки русскаго отряда. И 26-го мая здѣсь, дѣйствительно, разыгрался бой. Куроки цѣлою дивизіею обрушился на нашъ передовой отрядъ, насчитывавшій всего 1.200 сабель,

но Мищенко побѣдоносно вышелъ изъ «ловушки», какъ называли сюяньскую котловину, въ которой японцы хотѣли запереть его,—и, отойдя къ Сахотану, занялъ здѣсь 30-го мая сильную горную позицію, чтобы новымъ боемъ задержать движеніе противника къ Гайчжоу. Отдѣльныя сотни отряда сторожили перевалы Уйдалинскій, Папалинскій и Чапанлинскій.

Сюяньскій бой и затѣмъ усиленная рекогносцировка Нигулинскаго перевала (за Чапанлинскимъ) обнаружили тяготѣніе арміи Куроки не къ Хайчену, не къ Ляояну и къ Мукдену, а къ Гайчжоу, т. е. именно на путь наступленія ген. Штакельберга.

Въ силу этого, приведенныя выше соображенія ген. Куропаткина о трудности усилить корпусъ Штакельберга не отвѣчали истинному положенію дѣла, которое, напротивъ, было таково, что побуждало сдѣлать этотъ корпусъ достаточно сильнымъ для того, чтобы онъ могъ преодолѣть на своемъ пути сопротивленіе не только арміи Оку, но и армій Нодзу и Куроки, двигавшихся ему во флангъ и грозившихъ отрѣзать путь отступленія нашему отряду, въ случаѣ, если бы онъ далеко углубился на югъ.

Генералу Куропаткину, явно не сочувствовавшему переходу въ наступленіе, надлежало или категорически отъ него отказаться, или, подчинившись приказанію гл-щаго, исполнить его полностью... Только въ такомъ случаѣ онъ могъ снять съ себя отвѣтственность за неудачу.

Между тѣмъ ген. Куропаткинъ, не предоставляя ген. Штакельбергу того количества силъ, которое предписывалось назначить гл-щимъ, поставилъ ему явно несоразмѣрную съ этими силами задачу:— «Наступленіемъ въ направленіи на П.-Артуръ притянуть на себя возможно большія силы противника и тѣмъ ослабить его армію, оперирующую на Квантунскомъ полуостровѣ».

Конечною цѣлью движенія ставилось «овладѣніе Цзиньчжоуской позиціей и дальнѣйшее наступленіе къ П.-Артуру». Ставя такія широкія и далекія цѣли и предписывая «произвести движеніе быстро и рѣшительно», ген. Куропаткинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бар. Штакельбергу, какъ ранѣе Засуличу — на Ялу и Стесселю—на Цзиньчжоу, предписываетъ «не доводить дѣла до рѣшительнаго столкновенія и отнюдь не допускать израсходованія всего резерва въ бою, пока не выяснится обстановка».

Въ исполненіе этого предписанія ген. Штакельбергъ сталъ сосредоточивать главныя силы своего корпуса у Инкоу — Гайчжоу. Авангардъ ихъ 17-го мая двинулся отъ ст. Ванзелинъ на югъ и часть его въ тотъ же день имѣла лихое кавалерійское дѣло съ противникомъ у Вафангоу. 23-го мая къ этому же пункту подошла голова колонны главныхъ силъ, и только въ этотъ день прибылъ къ войскамъ бар. Штакельбергъ. Выбравъ позицію къ югу отъ станціи, онъ приказалъ ее укрѣпить. Работы по укрѣпленію были не сложны: на гребняхъ

высотъ вырыты были окопы для артиллеріи, лишенные всякой маскировки; къ западу и востоку отъ нихъ выкопаны были для стрѣлковъ ровики незначительной профили; опорныхъ пунктовъ на позиціи не было и сама она, по своему протяженію, совершенно не соотвѣтствовала силамъ отряда; передъ фронтомъ ея была гористая мѣстность, неудобная для маневрированія большихъ частей; правый флангъ упирался въ холмы, покрытые рощами.

Ген. Оку, узнавъ, что противъ него двинуты не всѣ силы Манчжурской арміи, а только одинъ корпусъ, самъ перешелъ въ наступленіе и 31-го мая отбросилъ назадъ нашъ слабый авангардъ (6 б-новъ, 8 ор., 1 с.). Вслѣдъ за нимъ отошла къ Вафандяну и наша передовая конница (15 эскадр. и сот. и 6 кон. ор.). Тогда бар. Штакельбергъ приказалъ войскамъ своего корпуса занять «укрѣпленную» позицію, дабы принять на ней оборонительный бой. Согласно отданной на 1-е іюня диспозиціи, позицію заняли собственно 11 б-новъ при 68 орудіяхъ; въ общемъ резервѣ оставлено было 8 б-новъ и 16 ор.; авангардъ (6 б-новъ, 1 сот. и 8 ор.), отходя подъ натискомъ противника, долженъ былъ усилить лѣвый участокъ позиціи; кавалеріи (11 сот. и 6 ор.) приказано было охранять правый флангъ. Въ дополненіе къ диспозиціи командиры частей получили въ ночь на 1-е іюня полевыя записки съ указаніемъ путей отступленія.

Съ разсвѣтомъ 1-го іюня японцы начали наступленіе двумя колоннами и быстро оттѣснили нашъ авангардъ. Въ полдень японскія батареи открыли сильный огонь по восточному участку. Наши батареи стоявшія открыто на гребняхъ горъ, понесли тяжкія потери... Подъ прикрытіемъ своего огня японская пѣхотная дивизія повела наступленіе на лѣвый участокъ позиціи и къ 3-мъ часамъ дня подошла къ нашимъ окопамъ на нѣсколько сотъ шаговъ, а въ 4 часа, засыпавъ эти окопы дождемъ ружейнаго и пулеметнаго огня, бросилась на нихъ въ атаку, пытаясь охватить нашъ лѣвый флангъ. Атака эта была отбита нами сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ... Наступившая темнота не позволила японцамъ повторить ее и они прекратили даже артиллерійскій огонь.

Частный успѣхъ—отбитіе атаки—воодушевилъ ген. Штакельберга на переходъ въ наступленіе, и онъ предполагалъ произвести его вечеромъ того же 1-го іюня или на разсвѣтѣ 2-го. Однако диспозиціи для этого имъ отдано не было, а были лишь посланы начальникамъ участковъ позиціи записки, въ которыхъ говорилось, что командиръ корпуса предоставляетъ имъ «сговориться» между собою относительно атаки противника безъ всякаго указанія на создавшуюся обстановку... Кавалерія должна была содѣйствовать атакѣ поисками на флангѣ и въ тылу противника, оттянуть на себя часть его силъ и выяснить, не идутъ ли къ нему подкрѣпленія. Въ общемъ, планъ наступленія, повидимому, былъ таковъ: главный ударъ нанести про-

тивнику нашимъ лѣвымъ флангомъ съ охватомъ его праваго фланга; нашему же правому флангу надлежало ограничиться обороной.

Ген. Оку, въ свою очередь, рѣшилъ атаковать нашу позицію всѣми своими силами: одна дивизія должна была наступать съ фронта, другая—произвести обходъ нашего праваго фланга, а третья—оставаться въ резервѣ.

Японцы начали наступленіе на фронтъ нашего праваго участка и охватъ его фланга въ 6 ч. утра 2-го іюня, и уже около 8 ч. утра 36-й в.—сиб. стр. полкъ обстрѣливался ими съ трехъ сторонъ. Конница наша, подъ командой ген. Самсонова, пыталась, было, еще въ 5 ч. утра произвести указанный ей поискъ на флангѣ и въ тылу противника, но была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ лѣсу и съ высотъ къ югу отъ д. Тафаншинъ. Спѣшившись, она завязала перестрѣлку, но подъ натискомъ значительныхъ силъ противника, наступавшихъ на нашу позицію, вынуждена была отойти къ д. Лункао, откуда и стала наблюдать за дѣйствіями противника, много способствуя тому, что наша неудача не обратилась въ катастрофу.

Для противодѣйствія обходу японцами нашего праваго фланга изъ частнаго резерва высланы были сперва 2 роты, а затѣмъ, изъ общаго резерва—и полкъ съ батареей. Эти войска лихой контръ-атакой задержали наступленіе противника, но не смогли его остановить вовсе, и японцы продолжали врѣзываться клиномъ между позиціями 35-го и 36-го в. сиб. стр. полковъ, грозя послѣднему полнымъ окруженіемъ. Для спасенія его ген. Штакельбергъ лично двинулъ въ бой изъ 4 б-новъ общаго резерва еще два... Но и это не помогло дѣлу: около 11½ ч. утра получено было донесеніе отъ ген. Самсонова, что японцы вышли въ тылъ корпуса сѣвернѣе ст. Вафангоу... Такимъ образомъ, ихъ обходное движеніе удалось вполнѣ.

Между тѣмъ начальники двухъ атакующихъ колоннъ нашего лѣваго участка еще и къ 12-ти часамъ дня не успѣли «сговориться» о времени и способѣ дѣйствія. 1-я в.—сиб. стр. дивизія ген. Гернгросса сосредоточилась у д. Вафанвопенъ, для наступленія, *къ разсвѣту,* между тѣмъ какъ бригада 35-й пѣх. дивизіи, ген.-м. Гласко, предназначенная для обхода праваго фланга и находившаяся въ тылу корпуса у д. Цюйзятунь, *поднялась съ бивака лишь въ половинѣ 5-го часа утра*... По дорогѣ къ Вафанвопену, ложнымъ донесеніемъ, что японцы показались у д. Цюйзятунь и угрожаютъ лѣвому флангу корпуса, бригада была остановлена. Только къ 10-ти час. утра выяснилось, что противника не видно здѣсь «и на десять верстъ кругомъ»... Тогда бригада двинулась впередъ. Но было уже поздно. Ген. Гернгроссъ, прождавъ 8 часовъ подхода отряда ген. Гласко, началъ самостоятельно наступленіе и хотя имѣлъ частный успѣхъ, но развить его не могъ и около 2-хъ часовъ дня вынужденъ былъ отдать войскамъ приказъ объ отступленіи, такъ какъ войска центра и праваго фланга уже отходили

подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника, изнуренные долгимъ боемъ и зноемъ и своевременно не поддержанные дѣйствіями нашего лѣваго фланга.

При отступленіи пришлось оставить на позиціи 17 орудій, большею частью разбитыхъ непріятельскими снарядами и лишившихся всѣхъ офицеровъ и прислуги. Мы потеряли въ этомъ бою 124 офицера и 3348 н. ч. убитыми и ранеными. Противникъ не преслѣдовалъ и отступленіе совершилось подъ прикрытіемъ прибывшаго къ концу боя Тобольскаго сиб. пѣх. полка.

И такъ, мы въ третій разъ потерпѣли серьезную неудачу. Причинами ея, какъ и подъ Тюренченомъ и подъ Цзиньчжоу, слѣдуетъ считать внутреннее противорѣчіе въ данныхъ к-щимъ арміею ген. Штакельбергу директивахъ, недостаточную силу выдвинутаго впередъ корпуса; отсутствіе развѣдки о силахъ противника; отсутствіе диспозиціи для боя 2-го іюня, неопредѣленность приказаній, переданныхъ полевыми записками; отсутствіе иниціативы у многихъ начальствующихъ лицъ и полное отсутствіе руководства боемъ со стороны командира корпуса; неумѣлое пользованіе имъ артиллеріею, расположенною открыто, и конницею, работа которой сведена была цѣликомъ къ наблюденію за противникомъ.

Отвѣтственность за неудачу возложена была, конечно, на ген. Штакельберга. Г.-а. Алексѣевъ требовалъ даже отрѣшенія его отъ командованія корпусомъ, но защитникомъ Штакельберга явился ген. Куропаткинъ. Въ письмѣ отъ 3-го іюля 1904 г. къ гл-щему, онъ извинялъ ген. Штакельберга тѣмъ, что противъ него дѣйствовала большая часть высадившихся на Квантунѣ силъ противника, что у насъ къ началу боя было только 36 б-новъ, что гористая мѣстность помѣшала развѣдкѣ силъ и расположенія противника и что выдвинутое положеніе его корпуса давало случай арміи Куроки отрѣзать ему путь отступленія.

Было бы долго входить здѣсь въ разборъ всѣхъ этихъ объясненій; остановимся на послѣднемъ: въ то время какъ корпусъ ген. бар. Штакельберга велъ бой у Вафангоу, передовыя части арміи Нодзу начали наступленіе отъ Сюяня къ Хайчену и на Далинскомъ перевалѣ вступили въ бой съ отрядомъ ген. Левестама (10 б-новъ и 20 ор.).

Получивъ извѣстіе объ этомъ боѣ, ген. Куропаткинъ сейчасъ же предписалъ ген. бар. Штакельбергу «даже въ случаѣ побѣднаго боя не увлекаться преслѣдованіемъ»... Между тѣмъ это наступленіе было только демонстраціей: какъ только Нодзу стало извѣстно объ успѣхѣ, одержанномъ Оку подъ Вафангоу, онъ тотчасъ же, 3-го іюня, прекратилъ наступленіе на Далинскій перевалъ. Армія Куроки продвинулась за это время въ направленіи къ Дашичао всего лишь на 50 верстъ. И такъ, всѣ эти страхи ген. Куропаткина были напрасны и свидѣтель-

ствовали лишь объ его непрозорливости... А между тѣмъ они, конечно, отражались на психикѣ бар. Штакельберга, вынужденнаго вести операцію, которой не сочувствовалъ к-щій арміей, цѣли которой были очень далеки, а средства для ихъ достиженія очень малы, и которая въ самомъ же началѣ, даже «въ случаѣ побѣднаго боя», сводилась къ нулю и теряла всякій смыслъ.

Подъ Вафангоу впервые сказалось губительно для дѣла двоевластіе, царившее надъ арміей въ лицѣ гл-щаго и ком-щаго арміей, въ качествѣ «самостоятельнаго помощника» перваго. Различіе ихъ взглядовъ на способы веденія войны, проявлявшееся и ранѣе, на этотъ разъ проявилось особенно рѣзко, затянувъ производство задуманной первымъ изъ нихъ операціи почти на цѣлый мѣсяцъ. Съ Вафангоу ярко опредѣлилось въ штабѣ гл-щаго стремленіе «впередъ» и желаніе захватить иниціативу дѣйствій, а въ штабѣ ком-щаго арміей тяготѣніе «назадъ», «терпѣніе» и осторожность, преувеличенное представленіе о противникѣ и полное подчиненіе его волѣ, его иниціативѣ.

Неудача подъ Вафангоу не поколебала однако наступательныхъ тенденцій г.-а. Алексѣева, и онъ уже 7-го іюня запросилъ ген. Куропаткина, не признаетъ ли онъ возможнымъ нанести арміи Куроки отдѣльное пораженіе. Ген. Куропаткинъ отвѣтилъ, что если наступленіе непріятеля съ юга есть только демонстрація, то онъ перейдетъ съ арміей въ наступленіе противъ Куроки.

Взаимное расположеніе сторонъ въ это время было слѣдующее:

1-я японская армія (Куроки)—3 дивизіи, 1 рез. бриг. и 1 кав. бр.—стояла двумя группами: у Айянамыня и Фынхуанчена; 2-я японск. армія (Ноги)—4 дивизіи—осаждала П.-Артуръ; 3-я японск. армія (Оку) — 3 дивизіи и 1 кав. бриг. —послѣ боя у Вафангоу, продвинулась впередъ и занимала Сеньюченъ; 4-я японск. армія (Нодзу)—3 дивизіи—стояла у Сюяня.

Противъ арміи Куроки—на Феншуйлинскомъ, Модулинскомъ и Тхазелинскомъ перевалахъ стоялъ Восточный отрядъ: — 18 б-новъ стрѣлковъ, 1 б-нъ саперъ, 9 сот. и 40 оруд. 3-го сибирск. армейск. корпуса; имъ командовалъ теперь, вмѣсто ген. Засулича, ген.-лейт. гр. Келлеръ; противъ арміи Нодзу — у Симучена, на Далинскомъ и Пханлинскомъ перевалахъ стоялъ отрядъ ген. Левестама: 11 б-новъ, 5 сот. и 28 ор. (части 4-го и 3-го сиб. арм. корпусовъ); противъ арміи Оку—у Гайчжоу—1-й Сибирскій корпусъ ген. бар. Штакельберга: — 24 б-на, 6 эскадр. и 64 оруд. (1-я и 9-я в.-сиб. стр. дивизіи). Связью между отрядами Штакельберга и Левестама служилъ отрядъ ген. Мищенко (23 сот. и 6 к. ор.), стоявшій, послѣ отхода отъ Сюяня у Сахотана, и наблюдавшій перевалы Уйдалинъ и Чапанлинъ, а резервомъ имъ служилъ 4-й сиб. арм. корп. (24 б-на, 6 сот. и 32 ор.)—

Худ. Н. С. Самокиша.

Контръ-атака 12 сиб. Барнаульскаго полка подъ Дашичао 11 іюля 1904 года.

Худ. Мазуровскаго.

На сопкѣ, подъ шимознымъ огнемъ.

№ 2

ген. Зарубаева, сосредоточенный на линіи Танчи-Дашичао. Сибирская казачья дивизія (ген. Самсонова) вела развѣдку на фронтѣ отряда ген. Штакельберга. Отрядъ ген. Коссаговскаго у Давана наблюдалъ теченіе Ляохе и Монголію, обезпечивая правый флангъ арміи, а отрядъ ген. Ренненкампфа (4 б-на, 18 сот., 8 гор. ор. и 6 кон. ор.)— стоя у Саймацзы и Цзянчана, прикрывалъ лѣвый флангъ арміи. Главныя ея силы — 28 б-новъ, 4 сот. и 80 ор. стояли на линіи Ляоянъ-

Ген.-лейт. гр. Келлеръ.

Хайченъ и сюда же подходили головныя части 10-го арм. корпуса, за которымъ слѣдовалъ 17-й арм. корпусъ.

Такимъ образомъ, Манчжурская армія занимала линію длиною около 200 верстъ отъ Инкоу до Цзянчана съ небольшимъ резервомъ въ Ляоянѣ. Готовая всюду встрѣтить противника, она была однако повсюду слаба для того, чтобы дать рѣшительный отпоръ наступленію противника. Эта «кордонная система» веденія войны, давно осужденная исторіей и военной наукой, была на этотъ разъ воскрешена Ку-

ропаткинымъ потому, что съ самаго начала кампаніи онъ опредѣлялъ всѣ свои дѣйствія въ зависимости отъ операцій японцевъ и не пытался вернуть себѣ инициативу, и, во-вторыхъ, потому что свѣдѣнія о противникѣ, его намѣреніяхъ, силѣ и мѣстонахожденіи были чрезвычайно смутны, неопредѣленны и подчасъ совершенно отсутствовали. Отсюда вытекала крайняя чувствительность къ слухамъ, выражавшаяся въ томъ, что при первомъ же тревожномъ извѣстіи о движеніи противника,—для противодѣйствія ему, на угрожаемый пунктъ переводились части изъ одной группы въ другую, эта послѣдняя усиливалась на счетъ третьей и т. д., создавая въ результатѣ — изнурявшее людей «метаніе» изъ стороны въ сторону и нарушеніе организаціи корпусовъ, дивизій, бригадъ и полковъ, получавшихъ смѣшанный составъ [1]). О малой освѣдомленности нашей о противникѣ и объ отсутствіи у нашихъ вождей ясной и опредѣленной цѣли дѣйствій и плана свидѣтельствуетъ между прочимъ слѣдующій фактъ.

12-го іюня штабъ г.-а. Алексѣева телеграфировалъ ген. Куропаткину, что по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ, южная японская армія (Оку) замѣтно приблизилась къ раіону нашего расположенія, тогда какъ армія Куроки остается на мѣстѣ, и потому спрашивалось: гдѣ и съ какими силами предполагается дать отпоръ противнику, если обѣ его группы перейдутъ въ наступленіе. Ген. Куропаткинъ отвѣтилъ на это, что намѣренъ дать бой у Дашичао.

Въ дѣйствительности же происходило слѣдующее. По прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій гл-щаго японскими арміями, марш. Ойямы, армія Куроки *первою* начала 11-го іюня общее наступленіе ихъ на Ляоянъ и 12-го іюня заняла Чипалинскій перевалъ; 13-го—она оттѣснила отрядъ ген. Ренненкампфа отъ г. Саймацзы и заняла Модулинскій и Феншуйлинскій перевалы, такъ что въ рукахъ Восточнаго отряда остался только Янзелинскій перевалъ. Въ тотъ же день, 13-го іюня, начала наступленіе къ Ляояну армія Нодзу; 14-го числа она атаковала отрядъ ген. Левестама, занимавшій Далинскій перевалъ, и послѣ 8-ча-

---

1) Вотъ, что, напримѣръ, разсказываетъ бар. Теттау: «26-го іюня 12-й стрѣлк. полкъ получилъ приказъ отъ гр. Келлера немедленно двинуться на Тхавуанъ, въ виду того, что поступило донесеніе о наступленіи японцевъ къ переваламъ; когда полкъ уже былъ въ походѣ, получилось новое приказаніе вернуться назадъ. Къ 1 ч. ночи полкъ опять былъ на прежнемъ мѣстѣ своей стоянки у Чинэртуня и нашелъ тамъ приказъ ген. Куропаткина усиленными переходами двинуться въ Хайченъ. Въ 4 ч. утра полкъ выступилъ; слѣдующую ночь онъ провелъ въ глубокой грязи подъ проливнымъ дождемъ на какомъ-то перевалѣ, и 28-го іюня прибылъ въ Хайченъ, но уже 29-го іюня рано утромъ его перевезли по желѣзной дорогѣ въ Ляоянъ, откуда ему предстояло снова вернуться къ гр. Келлеру. Изъ Ланшангуаня 9-й полкъ, занимавшій перевалы, былъ также посланъ въ Хайченъ, но по дорогѣ получилъ приказаніе идти на Айсандзянъ, откуда былъ перевезенъ въ Ляоянъ». Бар. Теттау прибавляетъ, что «офицеры сѣтовали на это постоянное перебрасываніе частей, цѣль котораго была неясна для войскъ». («Восемнадцать мѣсяцевъ въ Манчжуріи съ русскими войсками», ч. I, стр. 155).

сового боя заставила его очистить и отойти къ Симучену. Очищеніе нами Далинскаго перевала вынудило и ген. Мищенко прекратить упорную и побѣдную оборону Саньхотанскаго перевала, веденную имъ съ 10-го по 15-е іюня [1])... Чтобы не быть обойденнымъ со стороны Далинскаго перевала, онъ отвелъ свой отрядъ къ Танчи, впереди Дашичао, гдѣ уже сосредоточивались главныя силы нашей арміи, отходившія съ переваловъ.

Наконецъ, 26-го іюня двинулась впередъ и армія Оку, и въ тотъ же день заняла Гайчжоу; наша конница и передовыя части 1-го Сибирск. арм. корпуса отошли къ Дашичао.

Такимъ образомъ, перевалы главнаго горнаго хребта—Феншуйлинскаго—были быстро потеряны нами. Японцы дѣйствовали въ этомъ случаѣ вездѣ одинаково. Демонстрируя на фронтѣ слабыхъ русскихъ отрядовъ, занимавшихъ перевалы, они направляли значительныя силы въ обходъ ихъ обоихъ флланговъ, и такъ какъ мы не догадались возвести на перевалахъ сомкнутыхъ укрѣпленій, позволяющихъ держаться до прибытія резервовъ, то позиціи очищались нами при одномъ обнаруженіи обхода [2]). Между тѣмъ японцы, занявъ перевалы, тотчасъ же приступили къ ихъ укрѣпленію, при чемъ укрѣпляли не только главныя, но и второстепенныя и даже горныя тропинки, по которымъ могли бы пробраться въ раіонъ ихъ расположенія наши одиночные развѣдчики.

Вслѣдствіе этого Феншуйлинскій хребетъ скоро сталъ для насъ непроницаемой стѣной, скрывавшей расположеніе японскихъ армій и ихъ передвиженія.

Попытки нашей конницы проникнуть за хребетъ не имѣли успѣха. Наши разъѣзды всюду натыкались на японскую пѣхоту, засѣвшую въ горахъ, въ окопахъ... Тогда стали посылать охотничьи команды стрѣлковыхъ полковъ, но и они не имѣли успѣха. Не мало погибло въ это

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ см. подробнѣе въ моей книгѣ—«Мищенко. Изъ воспоминаній о русск.-японск. войнѣ». С.П.Б. 1908. Изд. В. Березовскаго.

[2]) Вотъ, что по поводу занятія нами Феншуйлинскаго хребта говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о войнѣ ген. штаба кап. А. Свѣчинъ:—«Расположеніе нашихъ войскъ на Феншуйлинскомъ хребтѣ объяснялось только умышленнымъ самообманомъ, умышленнымъ предвзятымъ взглядомъ на хребетъ высотою въ 2000 фут., какъ на непроходимое препятствіе. Вслѣдствіе общей фальшивой идеи расположенія войскъ, въ принятомъ каждою частью положеніи для боя должны были заключаться недоразумѣнія. На ложномъ основаніи зиждилось и укрѣпленіе горныхъ проходовъ... Все вниманіе обращалось на то, чтобы обстрѣлять перекрестнымъ огнемъ колесную дорогу, шедшую на перевалъ—будто противникъ угрожалъ намъ атакой на автомобиляхъ или будто онъ собирался повторить атаку наполеоновской конницей подъ Соммо-Сіерра. Фланги расположенія нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ заранѣе предлагались на съѣденіе противнику. Тяжелые вопросы, которые ставила обстановка, не разрѣшались, а откладывались въ дальній уголъ... Въ общемъ наше расположеніе въ горныхъ проходахъ никуда не годилось...» («*Въ Восточномъ отрядѣ*». Отъ Ляояна къ Тюренчену и обратно. Марши, встрѣчи, бои, наблюденія». Стр. 122—123).

время нашихъ отважныхъ развѣдчиковъ, смѣло шедшихъ въ лабиринтъ манчжурскихъ сопокъ безъ знанія китайскаго языка, съ плохими картами, а иногда и безъ нихъ, и съ малымъ количествомъ денегъ, чтобы купить на нихъ молчаніе мѣстнаго населенія и его содѣйствіе [1]).

19-го іюня одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ обнаружилъ движеніе небольшого японскаго отряда по дорогѣ отъ Тицао къ Ляндясаню. Такъ какъ дорога эта выводила японцевъ къ лѣвому флангу позиціи Восточнаго отряда, то обстоятельство это сильно встревожило начальника отряда, гр. Келлера. Онъ рѣшилъ немедленно же усиленной рекогносцировкой раскрыть силы противника и его намѣренія. Задумана была она весьма оригинально. До сихъ поръ ночнымъ боемъ пользовались, какъ хорошимъ, хотя и рискованнымъ средствомъ для достиженія съ наименьшими потерями наибольшихъ, рѣшительныхъ результатовъ. На этотъ разъ ночной бой долженъ былъ дать не побѣду, не захватъ непріятельской позиціи, а только свѣдѣнія о немъ. Такое примѣненіе рѣшительнаго средства къ достиженію частной цѣли должно было, конечно, обойтись намъ не дешево.

Сформированы были двѣ колонны разной силы и разнаго назначенія: лѣвая, подъ командой полк. Лечицкаго (вторые б-ны 10-го и 24-го в. с. стр. п.), должна была, собственно, развѣдать силы противника; правая—одинъ б-нъ 22-го в. с. стр. п., подъ командой подполк. Гарницкаго, должна была отвлекать на себя противника для облегченія дѣйствій первой колонны.

Въ ночь на 21-е іюня обѣ онѣ были двинуты на Сяокалинскій и Синхайлинскій перевалы, штыками сбили передовыя части японцевъ, но продвинуться впередъ не могли и утромъ уже отошли обратно къ Тхавуану, потерявъ 15 офицеровъ и 430 н. ч. [2]).

---

[1]) Вотъ какими чертами характеризуетъ веденіе развѣдки у насъ тотъ же ген. шт. кап. А. Свѣчинъ:—«Въ общемъ развѣдка велась крайне неумѣло. Особенно неумѣлы и неопытны были не младшіе начальники-исполнители, а высшіе, руководившіе развѣдкой. Крайне робкое въ серьезныхъ дѣйствіяхъ наше управленіе въ организаціи развѣдки отличалось и большой смѣлостью, и непрактичностью. Развѣдочныя команды получали странныя задачи. Обслѣдованіемъ фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обслѣдовать тылъ противника, расположеніе его главныхъ силъ, открыть «планы и намѣренія врага». Какъ сквозь сито, гнали черезъ непріятельскіе аванпосты наши охотничьи команды. Изъ полковъ выбирались лучшіе нижніе чины, лучшіе офицеры; имъ давались самыя туманныя инструкціи; собранныя команды угонялись за 100 верстъ на гибель, тѣмъ болѣе вѣрную, чѣмъ отважнѣе были офицеры. Сотни пропавшихъ безъ вѣсти не оплачивали совершенно нестоющее свѣдѣніе, принесенное однимъ удачникомъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1904 г. это преступное уничтоженіе лучшихъ силъ Восточнаго отряда достигло самаго большого напряженія... Въ безрезультатныхъ охотничьихъ предпріятіяхъ было погублено не менѣе 15% офицеровъ отряда и 10% солдатъ...» («Въ Восточномъ отрядѣ». Стр. 127—128).

[2]) По словамъ г. А. Свѣчина, японцы потеряли 45 чел. (См. его—«Въ Восточномъ отрядѣ», стр. 182).

Бой этотъ не достигъ поставленной гр. Келлеромъ цѣли: японцы не обнаружили своей артиллеріи, упорная же оборона ими переваловъ создала представленіе объ ихъ значительныхъ силахъ. Между тѣмъ неуспѣхъ этого боя долженъ быть объясняемъ прежде всего плохою организаціею нападенія, плохимъ знаніемъ мѣстности, позднимъ выступленіемъ колоннъ, отсутствіемъ общаго плана атаки и резерва и, наконецъ, назначеніемъ въ составъ лѣвой колонны б-новъ разныхъ полковъ, но съ одноименными ротами, что повело къ путаницѣ въ суматохѣ ночного боя, когда части и люди перемѣшались.

Неудовлетворенный результатами этой усиленной рекогносцировки, гр. Келлеръ рѣшилъ повторить ее съ большими силами и назначилъ для этого 18 б-новъ и 12 орудій [1]).

«Въ основу плана наступленія положена была, по словамъ участника его, г. А. Свѣчина, неспособность наша къ активнымъ дѣйствіямъ днемъ, вслѣдствіе отсутствія у насъ горной артиллеріи и неумѣнія и боязни развернуть въ горахъ полевыя батареи... Поневолѣ пришлось принять (опять) планъ нападенія на японцевъ ночью».

Войска были раздѣлены на три колонны. Руководство ими было возложено на ген. Кашталинскаго, который, по разсказу г. А. Свѣчина, не скрывалъ своего враждебнаго отношенія къ предпринимаемому наступленію. При обсужденіи плана атаки онъ молчалъ, а въ журналѣ воен. дѣйствій своей дивизіи наканунѣ боя онъ собственноручно написалъ: — „въ успѣхъ наступленія 3-го іюля, въ коемъ на меня возложено управленіе главной атакой, я не вѣрю. Кромѣ безполезнаго пролитія крови изъ этого дѣла ничего не выйдетъ“... [2]).

Дѣйствительно, такъ и случилось. Выступивъ изъ Тхавуана вечеромъ 3-го іюля, колонны наши быстро отбросили японскія сторожевыя заставы и заняли указанные имъ перевалы. Но съ разсвѣтомъ японцы сосредоточили значительныя силы противъ нашей средней колонны и открыли по ней сильный огонь изъ горныхъ орудій. Наша полевая артиллерія, по условіямъ мѣстности, не могла соперничать съ ними и была отослана ген. Кашталинскимъ въ тылъ еще въ 6 ч. утра. Не подготовленная артиллерійскимъ огнемъ и не поддержанная имъ, атака нашей пѣхоты не удалась, и средняя колонна, по приказанію гр. Келлера, была отведена обратно на Янзелинскую позицію. Вслѣдъ за нею отошли и боковыя колонны, хотя лѣвая (12-й в. с. стр. п.) и отбила всѣ атаки японцевъ, пытавшихся сбить ее съ Малаго Сыбейлинскаго перевала.

И эта рекогносцировка дала намъ очень мало, а стоила еще дороже. Мы потеряли 3—4-го іюля 1.240 чел., а японцы около 500 чел.

---

[1]) Въ случаѣ успѣха гр. Келлеръ хотѣлъ ввести въ дѣло весь Восточный отрядъ и отбросить японцевъ за Феншуйлинскій хребетъ.

[2]) См. вышеназванную его книгу, стр. 194.

По поводу этого послѣдняго боя, англійскій военный агентъ при арміи Куроки, ген.-л. сэръ Янъ Гамильтонъ высказываетъ свое «очень твердое убѣжденіе», что если бы русскія войска были смѣло управляемы, то въ любой моментъ, до 7 ч. утра, они могли прорвать японскую позицію въ томъ или другомъ пунктѣ... «Но какъ разъ въ ту минуту, говоритъ онъ, когда надлежало броситься въ отчаянную, рѣшительную атаку, русскими, казалось, овладѣвала какая-то странная летаргія, какъ бы параличъ воли»... [1]). Сэру Гамильтону кажется страннымъ, какъ могутъ русскіе солдаты, «столь упорные и грозные при отступленіи, быть такими нерѣшительными для атаки». Если бы однако Гамильтонъ зналъ отношеніе ген. Каштalинскаго къ порученной ему атакѣ и демонстративное поведеніе его передъ войсками, онъ удивился бы выдержкѣ, дисциплинѣ и чувству долга русскаго солдата, въ которомъ сами начальники убивали энергію и вѣру въ успѣхъ.

Очевидно, опасаясь новыхъ покушеній со стороны русскихъ отрядовъ на Феншуйлинскій хребетъ, понимая какъ близка была 3—4-го іюля опасность прорыва этой стѣны, маскирующей силы и передвиженія войскъ и обезпечивающей безопасность складовъ, Ойяма дѣлаетъ чрезвычайно ловкій стратегическій ходъ, сразу мѣняющій создавшуюся игру. Онъ рѣшаетъ отодвинуть русскіе отряды отъ хребта и создать для нихъ такую угрозу, которая парализовала бы окончательно ихъ и безъ того слабыя наступательныя тенденціи. Съ этой цѣлью, онъ приказываетъ части арміи Куроки 5-го іюля, т.-е. на другой же день послѣ побѣдной защиты ею переваловъ, атаковать бригаду ген. Гершельмана у Сихеяна... Послѣ двухдневнаго упорнаго боя, Сихеянъ былъ занятъ 6-го іюля японцами и для нихъ открывался теперь путь на Мукденъ, въ обходъ (чрезъ Бенсиху), лѣваго фланга Ляоянскихъ позицій.

Понятна паника, распространившаяся въ первое время послѣ очищенія Сихеяна, въ командныхъ сферахъ нашей арміи. Мукденъ — сердце Манчжуріи—былъ въ то же время нашимъ крупнымъ военно-административнымъ центромъ, важною промежуточною базою нашей арміи, резиденціей Намѣстника-главнокомандующаго. Инженерная оборона его была еще только въ зачаткѣ; гарнизонъ былъ ничтоженъ по численности. Захватъ его смѣлымъ, внезапнымъ ударомъ грозилъ неисчислимыми послѣдствіями; преувеличенное же представленіе о противникѣ, въ которомъ (особенно въ лицѣ Куроки) предполагали идеальное сочетаніе тонкаго стратегическаго расчета со смѣлостью

---

[1]) Въ частности, сэръ Янъ Гамильтонъ отмѣчаетъ недостаточное использованіе въ этомъ бою обѣими сторонами своей артиллеріи, «безыскусственный способъ» атаки русскими войсками,—въ сомкнутыхъ строяхъ, чисто фронтальной, безъ примѣненія къ мѣстности и безъ малѣйшихъ попытокъ къ обходамъ, и «античный» способъ стрѣльбы залпами, принятый русскими, тогда какъ японцы открывали огонь залпами только въ отдѣльныхъ случаяхъ, съ большихъ дистанцій, по сомкнутымъ русскимъ строямъ.

замысловъ и дерзостью дѣйствій, заставляло въ то время многихъ, очень трезвыхъ людей, вѣрить въ возможность этого факта.

Опасное положеніе, въ которомъ очутился Мукденъ, обострило и безъ того уже натянутыя со дней Вафангоусской операціи отношенія между двумя вождями одной арміи, ген.-ад. Алексѣевымъ и ген.-ад. Куропаткинымъ. Первый находилъ, что создавшееся невыгодное для насъ стратегическое положеніе есть результатъ пассивной стратегіи Куропаткина, что послѣдній, владѣя перевалами, упустилъ въ свое время возможность разбить войска противника по частямъ и что теперь единственнымъ выходомъ изъ этого печальнаго и опаснаго положенія было вернуть себѣ иниціативу дѣйствій немедленнымъ переходомъ въ наступленіе. Для этой цѣли имѣвшихся у насъ въ то время силъ (131 б-нъ), г.-ад. Алексѣеву казалось вполнѣ достаточнымъ. И потому еще 28-го іюня онъ предложилъ ген. Куропаткину, для обезпеченія его сообщеній и особенно Ляояна, а также въ видахъ пріобрѣтенія большей свободы дѣйствій, сохраняя оборонительное положеніе на южномъ фронтѣ, и не ожидая нападенія съ востока, самому перейти въ наступленіе противъ арміи Куроки...

Но никогда еще духъ арміи не былъ у насъ въ такомъ пренебреженіи, никогда еще такъ мало не учитывали и не цѣнили его, и никогда число, простое ариѳметическое соотношеніе силъ нашихъ и противника, не подчиняло себѣ такъ полно полководца.

Ген. Куропаткинъ и на этотъ разъ отвѣтилъ гл-щему, что силы Манчжурской арміи малы, что необходимо включить въ нее 1-й армейскій и 5-й Сибирскій корпуса и кромѣ того прислать еще два корпуса изъ Европ. Россіи.

Заявивъ ранѣе, что у Дашичао онъ намѣренъ дать рѣшительный бой, ген. Куропаткинъ отказывается теперь отъ этого намѣренія «въ виду предполагаемой имъ группировки непріятельскихъ силъ и мѣстныхъ условій» и признаетъ «соотвѣтственнымъ, для улучшенія стратегическаго положенія Манчжурской арміи, отвести войска отъ Дашичао, дабы у Хайчена сосредоточить сильную группу»... Онъ предвидитъ, что оставленіе Дашичао повлечетъ оставленіе важнаго въ стратегическомъ и экономическомъ отношеніи порта Инкоу, черезъ который японцы будутъ получать продовольствіе для своихъ армій въ Манчжуріи,—онъ сознаетъ, что все это произведетъ неблагопріятное для насъ впечатлѣніе на китайцевъ,—повлечетъ потерю стоящей въ Инкоу канонерской лодки «Сивучъ» и лишитъ насъ послѣдней возможности поддерживать моремъ сношеніе съ Артуромъ, но ни одно изъ этихъ послѣдствій не останавливаетъ уже Куропаткина въ его намѣреніи очистить Дашичао безъ боя.

Характерно, что обо всемъ этомъ гл-щій узналъ лишь окольнымъ путемъ, черезъ Петербургъ изъ Высочайшей телеграммы отъ 30-го іюня. Ему лично ген. Куропаткинъ сообщалъ въ телеграммѣ отъ 30-го

же іюня, что при предполагаемомъ имъ численномъ превосходствѣ японцевъ подъ Дашичао, принимать рѣшительный бой на неудобной и растянутой позиціи онъ признаетъ нецѣлесообразнымъ, но «отходъ нашихъ войскъ послѣдуетъ только при переходѣ японцевъ въ наступленіе...» — «Таковое ожидаю ежедневно», — прибавлялъ ген. Куропаткинъ.

Въ отвѣтъ на Высочайшую телеграмму, г.-а. Алексѣевъ всеподданнѣйше донесъ, что потеря Инкоу будетъ имѣть для насъ самыя неблагопріятныя послѣдствія, особенно въ отношеніи выручки П.-Артура, въ которой послѣдній все болѣе и болѣе нуждается. Вмѣстѣ съ тѣмъ ген.-ад. Алексѣевъ вызвалъ къ себѣ въ Мукденъ ген. Куропаткина для обсужденія обстановки, создавшейся послѣ очищенія нами Сихеяна, и для убѣжденія его въ необходимости перейти къ активному образу дѣйствій. На этотъ разъ ему какъ будто удалось склонить къ наступленію ген. Куропаткина. На совѣщаніи, состоявшемся 7-го іюля, было рѣшено: удерживая наши позиціи противъ арміи Оку и Нодзу (т.-е. Дашичао и Инкоу), начать наступленіе противъ Куроки войсками Восточнаго отряда, 10-го и 17-го армейскихъ корпусовъ.

Куропаткинъ казался настолько убѣжденнымъ доводами гл-щаго, что даже принялъ лично на себя руководство этой послѣдней операціей и уже болѣе не возвращался въ Дашичао, куда онъ перенесъ изъ Ляояна, послѣ Вафангоускаго боя, свою главную квартиру. Въ дѣйствительности это было не такъ: возвращаться въ Дашичао было незачѣмъ, ибо участь его была уже рѣшена Куропаткинымъ: онъ долженъ былъ быть оставленъ нами... Совѣщаніе 7-го іюля внесло въ этотъ вопросъ лишь то измѣненіе, что до него ген. Куропаткинъ склоненъ былъ очистить этотъ пунктъ безъ боя, а теперь это должно было быть сдѣлано только послѣ демонстративной обороны позиціи... И такъ какъ такой способъ дѣйствій всегда истолковывается какъ пораженіе, то, конечно, не ему, ген. Куропаткину, надлежало связывать съ этимъ сраженіемъ свое имя, все еше служившее залогомъ успѣха.

Поэтому, хотя съ того самаго дня (26-го іюня), какъ армія Оку заняла г. Гайчжоу, атмосфера у Дашичао все болѣе насыщалась ожиданіемъ рѣшительнаго боя,—ген. Куропаткинъ, не выжидая развязки событій на этомъ важномъ стратегическомъ пунктѣ и по-прежнему предоставляя ходъ ихъ усмотрѣнію и волѣ противника, — 8-го іюля уѣхалъ изъ Ляояна совсѣмъ въ другую сторону отъ Дашичао,—въ Аньпинъ и далѣе въ Гудзяцзы... Здѣсь долженъ былъ сосредоточиться весь 10-й корпусъ, съ которымъ ген. Куропаткинъ предполагалъ начать наступленіе противъ Куроки атакой Сихеяна...

Общее руководство войсками Южнаго отряда (1-й и 4-й Сибирскіе арм. корпуса) онъ возложилъ на командира 4-го Сиб. арм. корпуса, ген.-л. Зарубаева. Ставя задачею для Южнаго отряда охрану пространства отъ побережья Ляодунскаго залива къ востоку на 50 верстъ

и охрану Инкоу, ген. Куропаткинъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ ген. Зарубаеву, что положеніе его отряда представляется не вполнѣ обезпеченнымъ, такъ какъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, противникъ собралъ у Симучена значительныя силы, которыя могутъ быть двинуты имъ на путь отступленія Южнаго отряда къ Хайчену. Поэтому, признавая позицію у Дашичао неудобною для обороны, генералъ Куропаткинъ полагалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ отвести отрядъ къ Хайчену, гдѣ могутъ быть сосредоточены 1-й, 2-й и 4-й Сиб. арм. корпуса и часть 10-го корпуса. Отступленіе, по мнѣнію к-щаго арміей, должно было однако начаться не иначе, какъ подъ сильнымъ давленіемъ передовыхъ частей противника на наши арріергарды.

По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ концѣ іюня въ штабѣ арміи, противъ Южнаго отряда сосредоточилось у Дашичао 5 или 6 японскихъ дивизій, не считая резервныхъ бригадъ... Но наканунѣ боя мнѣніе ген. Куропаткина о численности противника измѣнилось. Сообщая 9-го іюля ген. Зарубаеву, что онъ принимаетъ на себя руководство наступленіемъ противъ Куроки, и вторично указывая, что задача Южнаго отряда не должна носить характера упорной обороны, ген. Куропаткинъ высказалъ предположеніе, что противъ Южнаго отряда дѣйствуютъ, «вѣроятно, менѣе 4-хъ дивизій, не считая резервныхъ войскъ»: Это рѣзкое пониженіе численности противника, вѣроятно, должно было обезпечить исполненіе даннаго ген. Зарубаеву въ той же директивѣ приказанія: — оттянуть въ свой общій резервъ часть силъ 1-го Сибир. корпуса, а это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, обезпечивало Куропаткину исполненіе его требованія о неупорной оборонѣ Дашичаоской позиціи.

Южный отрядъ насчитывалъ въ это время въ составѣ обоихъ своихъ корпусовъ 48 б-новъ, 51 сот. и 114 ор. Резервомъ для этихъ войскъ служила бригада 35 пѣх. див. съ 30 ор., стоявшая въ Ляоянѣ, а въ крайнемъ случаѣ, при отсутствіи опасности со стороны Симучена, на поддержку ихъ могла быть двинута изъ Хайчена еще одна бригада (31-й пѣхот. див.). Стало быть, на подкрѣпленіе Южному отряду могло быть послано 16 б-новъ, 4 сот. и 30 орудій.

Этихъ силъ, казалось, уже можно было считать достаточно для того, чтобы, дѣйствуя по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, сильнымъ энергичнымъ ударомъ спутать расчеты и планы противника и заставить его считаться съ нашей волей. Для этого нужна была рѣшимость, ясно поставленная и всѣми видимая цѣль, нуженъ былъ *свой* опредѣленный планъ дѣйствій, твердость въ его осуществленіи и согласіе между вождями.

Но ничего этого не было. Какъ и въ дни вафангоуской операціи, гл-щій проявлялъ стремленіе впередъ, а к-щій арміей обнаруживалъ стремленіе назадъ, такъ какъ всякая позиція, находившаяся у него въ тылу, казалась ему лучше той, которую онъ въ данный моментъ за-

нималъ; гл-щій ставилъ цѣлью выручку П.-Артура, а к-щій арміей ее не признавалъ и не задавался ею, такъ какъ судьба осажденной крѣпости въ это время его еще мало тревожила. Хотя война тянулась уже съ полгода, но цѣлью дѣйствій ген. Куропаткина все еще было сосредоточеніе арміи. Едва прибывали на театръ военныхъ дѣйствій однѣ части, какъ онъ уже писалъ о необходимости выслать изъ Россіи новыя и, ожидая ихъ,—«сосредоточивался...» Наконецъ, планъ дѣйствій гл-щаго заключался въ рѣшительномъ противодѣйствіи противнику и требовалъ наступленія для побѣды; образъ дѣйствій к-шаго арміей былъ всегда пассивный: всюду лишь демонстративная оборона и забота о заблаговременномъ отступленіи...

На согласованіе этихъ противорѣчій, на взаимное убѣжденіе другъ друга въ правотѣ своихъ взглядовъ, на преодолѣніе колебаній одного и настойчивости другого уходило дорогое время...

И никогда, быть можетъ, ген. Куропаткинъ не проявлялъ столько колебаній и нерѣшительности, какъ подъ Дашичао.

Онъ не могъ не понимать чрезвычайной важности обладанія нами этимъ пунктомъ... Онъ понималъ это, какъ видно изъ всеподданнѣйшей его депеши Государю, сообщенной 30-го іюня адм. Алексѣеву, и чѣмъ вѣрнѣе оцѣнивалъ его самъ, чѣмъ болѣе убѣждалъ его въ немъ гл-щій, тѣмъ сильнѣе, видимо, росло въ душѣ ген. Куропаткина чувство отвѣтственности за неудачу, страхъ предъ нею, неувѣренность въ успѣхѣ и тѣмъ сильнѣе прельщала его позиція у Хайчена. Быть можетъ, въ тактическомъ отношеніи она и была выгоднѣе дашичаоской, но стратегическаго значенія она не имѣла никакого; это было ясно всѣмъ и этого не могъ въ тайникахъ души не сознавать самъ ген. Куропаткинъ... И, сознавая это, онъ долго не рѣшается отказаться отъ возможности дать рѣшительный бой у Дашичао и тѣмъ открыть себѣ путь къ П.-Артуру.

Мы знаемъ уже, что въ началѣ іюня онъ рѣшительно заявилъ гл-щему, что бой у Дашичао будетъ данъ. Но 25-го или 26-го іюня въ вагонѣ к-щаго арміей, въ Дашичао, собирается военный совѣтъ, на которомъ обсуждается, казалось бы, уже рѣшенный вопросъ: сражаться ли на дашичаоской позиціи или очищать ее безъ боя. Ген.-квартирмейстеръ штаба арміи, ген.-м. Харкевичъ высказался за первое рѣшеніе вопроса, а начальникъ штаба арміи, ген.-л. Сахаровъ — за второе; ген. Куропаткинъ согласился съ послѣднимъ. Отдана была диспозиція для отступленія войскъ отъ Дашичао... Часть обоза уже ушла... Но на утро вопросъ былъ перерѣшенъ въ смыслѣ принятія боя у Дашичао.

28-го іюня, предписаніемъ за № 6258, ген. Куропаткинъ сообщилъ ген. Зарубаеву, что въ цѣляхъ наилучшаго обезпеченія себѣ успѣха рѣшительнаго столкновенія съ противникомъ и для того, чтобы дать наиболѣе прочную опору переходу арміи въ наступленіе, онъ, к-щій

арміею, признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ сосредоточиться къ Хайчену, но предлагаетъ начать отходъ съ позиціи не иначе, какъ подъ сильнымъ давленіемъ передовыхъ частей противника на наши арріергарды..

Рѣшеніе удерживать боемъ позиціи у Дашичао явилось у ген. Куропаткина вновь 5-го іюля, когда къ Дашичао стали подходить направленныя туда ранѣе подкрѣпленія: бригада 35-й пѣх. дивизіи и головныя части 3-й пѣх. дивизіи, вслѣдствіе чего ген. Зарубаеву приказано «дѣятельно продолжать укрѣпленіе избранныхъ позицій...» Но уже 6-го числа подвозъ подкрѣпленій къ Дашичао прекращенъ: въ Дашичао приказано высадить только одинъ полкъ 3-й дивизіи, а прочіе оставить въ Ляоянѣ, и Южному отряду имѣть въ виду отходъ къ Хайчену. 7-го іюля, на совѣщаніи съ гл-щимъ, какъ мы уже знаемъ, рѣшено удерживать позиціи у Дашичао, а 9-го—ген. Куропаткинымъ дана ген. Зарубаеву директива, въ которой указывалось, что возложенныя на Южный отрядъ задачи «не должны носить характера упорной обороны и если противникъ развернетъ для боя значительныя силы,—съ боемъ отходить на Хайченъ». Такимъ образомъ, опять, какъ въ дни предшествовавшіе Вафангоу, на всѣ эти пререканія, совѣщанія и колебанія безполезно былъ потерянъ почти мѣсяцъ. Японцы, конечно, имъ воспользовались и, овладѣвъ Феншуйлинскимъ хребтомъ, грозили теперь уже самому Мукдену.

Отъѣздъ ген. Куропаткина изъ Дашичао въ Ляоянъ, свиданіе его съ гл-щимъ въ Мукденѣ и затѣмъ отъѣздъ к-щаго арміей въ Гудзяцзы, не могли укрыться отъ японскихъ шпіоновъ, легко скрывавшихся въ китайскомъ населеніи,—были сообщены ими, куда слѣдуетъ, и правильно истолкованы штабомъ Ойямы: «центръ тяжести военныхъ дѣйствій переносится русскими съ юга на востокъ, противъ Куроки, угрожающаго Мукдену; Дашичао, очевидно, потерялъ свое значеніе въ глазахъ русскаго к-щаго арміей, онъ покинулъ его несмотря на угрожавшую этому пункту опасность, почти наканунѣ ея осуществленія...» И вотъ, чтобы сохранить за собой иниціативу дѣйствій, чтобы отвлечь вниманіе Куропаткина отъ арміи Куроки снова на югъ и помѣшать атакѣ Сихеяна, Ойяма рѣшаетъ вновь предупредить русскихъ въ наступленіи и приказываетъ арміямъ Оку и Нодзу атаковать нашъ Южный отрядъ у Дашичао.

10-го іюля, какъ всегда, рано утромъ, японцы начали наступленіе на правый нашъ авангардъ, стоявшій у д. Потайцзы, а въ 9 час. утра атаковали и лѣвый авангардъ—у д. Нандалинъ. [1]) Наши отряды упорно

---

[1]) Наши намѣренія, планы и дѣйствія до такой степени проникнуты были въ это время мыслью объ отступленіи, что, даже занимая для боя позицію фронтомъ на югъ, отряды впереди ее назывались арріергардами. Мы называемъ ихъ теперь авангардами, каковыми они и были по существу.

оборонялись, и, чтобы сбить ихъ, японцы ввели въ дѣло почти 2 дивизіи и 30 орудій. Но и эти силы не сломили упорства обороны, и японцы были остановлены огнемъ нашихъ батарей, которыя, наученныя горькимъ опытомъ подъ Вафангоу, чрезвычайно мѣтко стрѣляли теперь съ закрытыхъ позицій... Въ 4 ч. дня японцы прекратили бой.

На основаніи тюренченскаго, цзиньчжоускаго и вафангоускаго опытовъ, быть можетъ, слѣдуетъ предположить, что со стороны противника это было лишь усиленной рекогносцировкой расположенія нашихъ войскъ, съ цѣлью обнаружить нашу артиллерію. Какъ бы то ни было, но 11-го іюля японцы возобновили наступленіе и стремительно атаковали центръ нашей позиціи, занятый 12-мъ Барнаульскимъ сиб. пѣх. полкомъ. Отброшенные штыками барнаульцевъ, они сосредоточили противъ одного полка цѣлую дивизію, но атакой медлили... Они, видимо, ждали результатовъ своихъ дѣйствій на наши фланги: 60-орудійной батареей они громили нашъ правый флангъ, занятый войсками 1-го сиб. арм. корпуса, и демонстрировали противъ лѣваго, занятаго бригадой ген. Шилейко. Однако и въ этотъ день наша артиллерія боролась такъ же искусно, какъ наканунѣ. Барнаульцы, предводимые своимъ молодцомъ-командиромъ, полк. Добротинымъ, то и дѣло сами переходили въ наступленіе. Ген. Шилейко искусно перемѣнилъ фронтъ своего боевого порядка подъ огнемъ противника и заставилъ его развернуть значительныя силы... Конный отрядъ ген. Мищенко грозилъ въ то же время японцамъ обходомъ ихъ праваго фланга; 1-й сиб. корпусъ стойко держался подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ... И общее одушевленіе нашихъ войскъ успѣхомъ обороны росло... Только въ половинѣ 8-го часа вечера японцы, наконецъ, отважились, подъ покровомъ быстро сгущавшихся сумерекъ, произвести штыковую атаку на центръ нашей позиціи, но барнаульцы лихо ее отбили штыками. И еще три раза бросались японцы на нашу позицію, но каждый разъ барнаульцы встрѣчали ихъ штыковой контръ-атакой, а томцы—мѣткимъ ружейнымъ огнемъ... Видя безуспѣшность всѣхъ своихъ усилій, японцы прекратили бой въ 9 ч. вечера. Мы потеряли за эти два дня 37 офицеровъ и 782 н. ч., а у японцевъ выбыло 50 офицеровъ и около 1000 чел. н. ч.

Воодушевленные первымъ серьезнымъ успѣхомъ за полгода войны, войска Южнаго отряда ждали на утро или новой атаки противника, или перехода ихъ самихъ въ наступленіе. Но ожиданія эти не сбылись: въ ту же ночь, послѣ побѣдоноснаго боя, войска Южнаго отряда оставили позиціи, которыя они такъ доблестно защищали два дня, и отошли къ Хайчену.

Отвѣтственность за это отступленіе, сводившее къ нулю нашъ первый моральный и матеріальный успѣхъ, приходится возлагать не на ген. Зарубаева. Еще передъ боемъ ему было опредѣленно указано к-щимъ арміею: 1) на превосходство силъ японцевъ, сравнительно

съ численностью войскъ Южнаго отряда; 2) на опасное положеніе отряда въ виду возможности прорыва противника въ тылъ, къ Хайчену, черезъ Симученъ; 3) на непригодность дашичаоской позиціи для рѣшительнаго боя на ней и, наконецъ, 4) на то, что оборона позиціи отнюдь не должна быть упорной.

Но и во время боя, находясь въ Аньпинѣ, за сотню верстъ отъ Дашичао, к-щій арміею не оставлялъ ген. Зарубаева своими указаніями въ томъ же духѣ. Такъ, въ самый разгаръ боя онъ счелъ нужнымъ телеграммами сообщить ген. Зарубаеву, что «дѣйствія японцевъ противъ I-го корпуса могутъ имѣть демонстративное значеніе»,—что японцы обладаютъ способностью «сосредоточивать значительныя силы въ горной мѣстности по тропамъ и даже двигаясь безъ дорогъ», и потому нужно опасаться обхода ими нашего лѣваго фланга,—что противъ Южнаго отряда возможно ожидать усиленія непріятельскихъ войскъ, и т. д. Понятно, что такого рода сообщенія, получаясь во время успѣшнаго хода боя, должны были производить на ген. Зарубаева впечатлѣніе «ушатовъ холодной воды» и, конечно, не способствовали выработкѣ въ немъ иниціативы развить успѣхъ, вопреки этимъ заботамъ и опасеніямъ к-щаго арміей и полученныхъ имъ ранѣе указаній.

Отступленіе отъ Дашичао послѣ блистательно отбитыхъ атакъ противника принято было войсками съ чувствомъ глубокой обиды и возмущенія. Уѣзжавшему изъ Дашичао, какъ всегда въ коляскѣ, нелюбимому войсками ген. бар. Штакельбергу громко бросались вслѣдъ бранныя слова... Станція и вокзалъ подверглись разгрому... Послѣдствіемъ очищенія нами Дашичао было занятіе японцами Инкоу. Потерявъ же Инкоу, мы потеряли и все теченіе Ляохе, владѣя которымъ, до сихъ поръ закрывали доступъ японцамъ въ Монголію и тѣмъ обезпечивали ея спокойствіе; вмѣстѣ съ Инкоу и Ляохе мы потеряли также крайне важный и цѣнный путь сообщенія, по которому изъ глубины Манчжуріи и Монголіи намъ доставлялись въ изобиліи скотъ, фуражъ и продовольственные запасы [1]); наконецъ, потерявъ Инкоу, мы потеряли и стоявшую на его рейдѣ канонерскую лодку «Сивучъ»: она была спѣшно отведена вверхъ по Ляохе и тамъ, по малому количеству имѣвшагося на ней въ то время динамита, довольно плохо взорвана и затоплена послѣ взрыва.

Получивъ донесеніе о боѣ у Дашичао, г.-а. Алексѣевъ не могъ не придти къ заключенію, что отступленіе нашихъ войскъ послѣ двухдневной успѣшной обороны ими своихъ позицій не вызывалось никакой необходимостью, такъ какъ серьезнаго обхода нашего лѣваго фланга

---

1) И дѣйствительно, уже въ началѣ августа начались опасенія за Монголію, а положеніе малочисленнаго Ляохейскаго отряда признано было серьезнымъ и онъ былъ увеличенъ. До сихъ поръ мы вели войну на два фронта—южный и восточный,—теперь создался третій—западный. Въ то же время интендантство арміи начало испытывать и затрудненіе въ мясѣ, доставка котораго изъ Монголіи сильно уменьшилась.

не было, а въ резервѣ у Симучена оставался еще весь 2-й Сибирскій корпусъ. — Поэтому онъ запросилъ к-щаго арміей объ истинныхъ причинахъ отвода войскъ къ Хайчену. Прямого отвѣта на этотъ вопросъ ген. Куропаткинъ не далъ, а лишь сообщилъ директивы, данныя имъ разновременно ген. Зарубаеву.

И, дѣйствительно, что онъ могъ отвѣтить? Его дѣйствія въ эти дни были полны непонятнаго противорѣчія. Согласившись на совѣщаніи 7-го іюля съ гл-щимъ начать наступленіе противъ Куроки съ войсками Восточнаго отряда, 10-го и 17-го корпусовъ,—самъ вызвавшись принять на себя руководство этой операціей и для этого покинувъ Южный отрядъ наканунѣ боя, ген. Куропаткинъ при первыхъ же извѣстіяхъ о наступленіи японцевъ на Дашичао оставилъ Гудзяцзы и возвратился къ войскамъ южной группы, которыя нашелъ уже подъ Хайченомъ. А какъ же наступленіе? А угроза Куроки Мукдену?... Почему всѣмъ этимъ онъ вдругъ пренебрегъ?

Не подозрѣвая совершившейся во взглядахъ ген. Куропаткина перемѣны, гл-щій 11-го іюля телеграфировалъ ему, что принятое ими сообща 7-го іюля рѣшеніе начать немедленное наступленіе противъ арміи Куроки удостоилось Высочайшаго одобренія и что для этой цѣли должны быть назначены достаточныя силы. Но узнавъ 12-го іюля, что ген. Куропаткинъ возвращается въ Ляоянъ, гл-щій осторожно запросилъ его: предполагается ли имъ исполнить рѣшеніе 7-го іюля; когда онъ расчитываетъ начать наступленіе, съ какими силами и какія мѣры приняты имъ для противодѣйствія обходу лѣваго фланга нашего расположенія?

На первую изъ этихъ телеграммъ ген. Куропаткинъ отвѣтилъ гл-щему 14-го іюля, что для наступленія противъ Куроки въ 10-мъ и 17-мъ корпусахъ и въ Восточномъ отрядѣ имѣется всего лишь 64 б-на, а необходимо 80 б-новъ; для этого онъ просилъ или возвратить въ составъ 10-го и 17-го корпусовъ вторыя бригады 31-й и 35-й пѣх. дивизій, находившіяся въ Хайченѣ, или, «для ускоренія начала энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій», назначить въ составъ арміи головную дивизію 5-го Сиб. арм. корпуса, предназначеннаго для обороны Приморской области.

Ген.-адъют. Алексѣевъ, считая, что 64 б-новъ, находящихся на южномъ фронтѣ, достаточно для того, чтобы «съ увѣренностью (въ успѣхѣ) встрѣтить непріятеля», изъявилъ свое согласіе на назначеніе 54-й резервн. пѣх. дивизіи въ составъ Манчжурской арміи, но при условіяхъ: 1) чтобы, не дожидаясь прибытія этой дивизіи, вторыя бригады 31-й и 35-й пѣх. дивизій были включены въ свои корпуса и 2) чтобы наступленіе на армію Куроки было начато безотлагательно.

Но ген. Куропаткинъ хотя и указывалъ гл-щему на мѣропріятія, способныя «ускорить начало энергичныхъ наступательныхъ дѣйствій», на самомъ дѣлѣ, очевидно, не былъ склоненъ къ нимъ. Въ тотъ же

день, 14-го іюля, онъ сообщилъ гл-щему, въ отвѣтъ на его вторую телеграмму, что 10-й и 17-й корпуса совершенно не готовы къ дѣйствіямъ въ горахъ; что часть ихъ колеснаго обоза спѣшно обращается въ вьючный, что дороги разрабатываются, карта мѣстности пополняется, о силѣ и расположеніи противника собираются дополнительныя свѣдѣнія и что вслѣдствіе всего этого опредѣлить время перехода въ наступленіе пока не представляется возможнымъ; для противодѣйствія же намѣренію противника обойти нашъ лѣвый флангъ, имъ выдвинутъ къ Бенсиху небольшой отрядъ.

Итакъ, ген. Куропаткинъ снова отказывался отъ принятаго имъ рѣшенія перейти въ наступленіе... Но, можетъ быть, за то онъ будетъ упорно оборонять Хайченскую позицію, къ которой такъ стремился, сосредоточеніе на которой было куплено цѣною потерянной побѣды? Да, объѣзжая 17-го іюля Хайченскую позицію, онъ сказалъ начальнику 1-й вост. сиб. стр. дивизіи, ген.-л. Гернгроссу, показывая на Хайчен-хэ: — «дальше этой рѣки ни шагу!»... А 19-го іюля уже принято было рѣшеніе очистить и Хайченъ...

Что же случилось? То, что все время случалось съ нами въ эту злосчастную кампанію, что всегда случается съ пассивными борцами. Ген. Куропаткинъ, стремясь къ Хайчену, «расчиталъ безъ хозяина»... Хозяиномъ же былъ Ойяма, который 18-го іюля и перешелъ въ наступленіе всѣми своими тремя арміями.

Куроки атаковалъ: одною колонною—10-й арм. корпусъ (г.-л. Случевскій), стоявшій у Лагоулина и занимавшій Юшулинскій и Пьенлинскій перевалы, а другою—Восточный отрядъ (ген.-л. гр. Келлеръ) на Янзелинскомъ перевалѣ (у д. Тхавуанъ).

Нодзу атаковалъ 2-й сиб. арм. корп. (г.-л. Засуличъ) — у Симучена, а Оку—передовыя части 1-го сиб. арм. корп. (г.-л. бар. Штакельбергъ) и 4-го сиб. арм. корп. (г.-л. Зарубаевъ), стоявшія южнѣе Хайчена.

Въ то время, какъ дѣйствія Оку противъ Южнаго отряда носили демонстративный характеръ и имѣли цѣлью удержать его на мѣстѣ, Нодзу повелъ свою атаку очень энергично и двумя дивизіями обрушился на правый флангъ 2-го Сибир. корпуса, занятый бригадою 31-й пѣх. дивизіи. Полки бригады, поддержанные отрядами полковниковъ Лордкипанидзе и Поповича-Липоваца, мужественно оборонялись, сами переходя въ частныя штыковыя атаки, и хотя потеряли при этомъ 75% своихъ офицеровъ, но все-таки сдержали наступленіе японцевъ... Однако угроза противника обойти нашъ правый флангъ и отрѣзать отрядъ отъ южной группы была такъ велика, что к-щій арміей приказалъ ген. Засуличу отвести свой корпусъ къ Хайчену... Отходъ послѣ упорнаго боя въ страшно знойный день былъ крайне труденъ... Корпусъ потерялъ 27 офицеровъ, 730 нижн. ч., при чемъ 5 офицеровъ и 120 н. ч. были жертвами солнечнаго удара.

Для атаки Восточнаго отряда Куроки направилъ 1½ дивизіи. Бой начался на разсвѣтѣ столкновеніемъ противника съ нашими охотничьими командами. Послѣднія держались очень упорно и обнаружили обходъ нашего праваго фланга японскою пѣхотною бригадою (6 б-новъ). Для противодѣйствія обходу здѣсь было спѣшно собрано 10 ротъ, которыя и остановили его.

Затѣмъ начался артиллерійскій поединокъ, во время котораго, около 3-хъ часовъ дня, былъ убитъ н-къ отряда, г.-л. гр. Келлеръ, обходившій позицію и воодушевлявшій войска примѣромъ личнаго мужества.

Нельзя сказать, чтобы гр. Келлеръ пользовался большимъ авторитетомъ, какъ полководецъ—дѣла подъ Хояномъ 21-го іюня и 4-го іюля не способствовали этому, — но все же это былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ въ эту войну: какъ вождю, ему были присущи энергія, настойчивость въ достиженіи боевыхъ цѣлей и личное мужество. Недоставало «умѣнья», что онъ и самъ признавалъ, неоднократно прося ген. Куропаткина освободить его отъ командованія отрядомъ, такъ какъ чувствовалъ себя не подготовленнымъ къ столь отвѣтственной задачѣ. Въ отрядѣ графа всѣ любили, какъ человѣка и начальника. Онъ былъ простъ съ солдатами, съ офицерами держалъ себя какъ джентельменъ и старшій товарищъ и былъ для всѣхъ доступенъ. Въ его отношеніяхъ къ войскамъ чувствовалась искренняя сердечность и заботливость и онѣ всегда видѣли его: на бивакѣ—рядомъ съ собою, среди коновязей и палатокъ, на походѣ — среди колоннъ, на конѣ; въ бою — подъ огнемъ. Такой именно н-къ и нуженъ былъ войскамъ Восточнаго отряда, среди которыхъ авторитетъ высшихъ н-ковъ былъ сильно поколебленъ и ослабленъ событіями Тюренченскаго боя. Подъ мягкою, но твердою рукою гр. Келлера отрядъ оправился, повеселѣлъ и дрался молодецки. Личное мужество н-ка отряда увлекало всѣхъ.

Его смерть произвела, конечно, на войска потрясающее впечатлѣніе, но не ослабила ихъ стойкости.

По свидѣтельству участника этого боя, г. А. Свѣчина, «день 18-го іюля былъ блестящимъ днемъ для нашей артиллеріи». Атаковавшія Тхавуанскую позицію японскія войска располагали 12-ю полевыми и 1 горною батареями. Противъ нашихъ 28 полевыхъ орудій и 4-хъ слабыхъ конно-горныхъ пушекъ погранич. стражи у японцевъ было 78 орудій... Тѣмъ не менѣе, наша артиллерія дѣятельно работая до вечера, парализовала большую часть японскихъ батарей и удачно помогала стрѣлкамъ отражать наступленіе японской пѣхоты [1]).

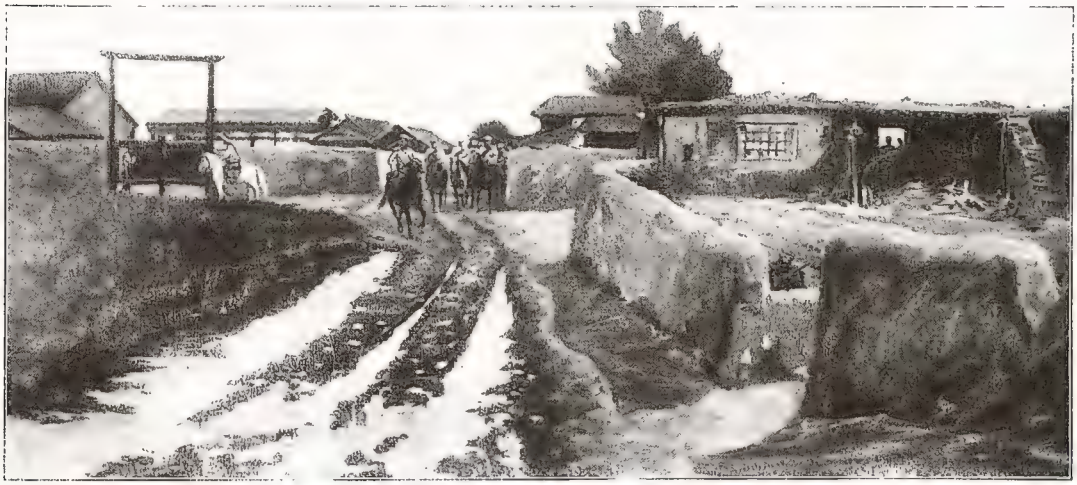
Зато въ управленіи боемъ тотчасъ послѣ смерти гр. Келлера начались недоразумѣнія, повлекшія, между прочимъ, несвоевременный отходъ съ позиціи на лѣвомъ флангѣ 23-го в.-с. стр. полка, — и въ

---

[1]) См. его: Въ «Восточномъ отрядѣ...», стр. 235.

Японскій разъѣздъ.

Картины Худ. В. Мазуровскаго.



Японская засада на казачій разъѣздъ.

Атака 8-го Сибирскаго полка подъ Вафангоу.

№ 3.

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА.

результатѣ боевого дня, отрядъ былъ отведенъ ген.-м. Кашталинскимъ на Ляндясанскую позицію, въ 30 верстахъ отъ Ляояна [1]).

Атака японцевъ на 10-й корпусъ началась внезапнымъ нападеніемъ ихъ, подъ покровомъ предразсвѣтнаго тумана, на сторожевое охраненіе, выставленное на Юшулинскомъ перевалѣ отъ 122-го пѣх. Тамбовскаго полка. Нападеніе это удалось—и полку грозила опасность быть смытымъ съ своего бивака лавиной японскаго огня и штыковъ... Его спасла находчивость подполк. Липпомана, который бросился со своимъ б-номъ на японцевъ и задержалъ ихъ наступленіе. Полкъ успѣлъ занять позицію на сопкахъ позади бивака; здѣсь на помощь ему подоспѣли части резерва—и дальнѣйшія попытки противника продвинуться впередъ не имѣли уже успѣха до вечера.

Одновременно съ атакой Юшулинскаго перевала японцы атаковали и Пьенлинскій перевалъ, занятый бригадой 9-й пѣх. дивизіи (г.-м. Мартсонъ)... Подъ давленіемъ значительныхъ силъ, сразу введенныхъ противникомъ въ дѣло, — угрожаемый обходомъ обоихъ фланговъ, авангардъ бригады уже въ 8-мъ часу утра началъ очищать позицію. На помощь ему ген. Случевскій двинулъ весь свой резервъ — и бой затянулся до вечера. Однако, когда обнаружился обходъ японцами лѣваго фланга позиціи долиною р. Тайцзыхе, не было уже средствъ отпарировать его,—и корпусу пришлось отступить къ Аньпилину...

Теперь армія Куроки была отъ Ляояна въ разстояніи всего лишь 35 верстъ, тогда какъ войска Южнаго отряда (1-й, 2-й и 4-й Сиб. арм. корпуса) находились отъ него въ 60 верстахъ... Опасаясь за ихъ судьбу, ген. Куропаткинъ 19-го іюля отдалъ приказъ очистить Хайченъ, что 20-го и было исполнено.

21-го іюля войска Южнаго отряда сосредоточились на Айсандзянской позиціи.

Серьезность положенія, создавшагося для нашей арміи вслѣдствіе потери ею въ теченіе одной недѣли позицій у Дашичао и Хайчена, побудила гл-щаго 20-го же іюля прибыть изъ Харбина въ Ляоянъ для новаго совѣщанія съ к-щимъ арміею. И на этомъ совѣщаніи, и затѣмъ въ письмѣ отъ 23-го іюля г.-а. Алексѣевъ, въ виду угрожающаго положенія арміи Куроки, предлагалъ г.-а. Куропаткину приложить всѣ усилія къ тому, чтобы ее отбросить. Считая рискованнымъ бой съ соединенными японскими арміями на Ляоянской позиціи, хотя и укрѣпленной, но не представлявшей особыхъ выгодъ на фронтѣ, а въ тылу имѣвшей рѣку, гл-щій находилъ наиболѣе выгоднымъ теперь же атаковать армію Куроки, демонстрируя на южномъ фронтѣ. Для противодѣйствія возможному обходу японцами Ляндясанской позиціи съ востока и операціямъ ихъ противъ Мукдена, гл-щій перечислилъ

---

1) Ген. Куропаткинъ называетъ это рѣшеніе отвести отрядъ къ Ляндясаню «слишкомъ поспѣшнымъ».

весь 5-й Сибирск. арм. корпусъ изъ Южно-Уссурійской группы войскъ въ составъ Манчжурской арміи и приказалъ ему сосредоточиться у Мукдена...

На новое предложеніе перейти въ наступленіе ген.-а. Куропаткинъ отвѣтилъ г.-а. Алексѣеву 24-го іюля въ томъ смыслѣ, что мѣры, принятыя имъ противъ наступленія японцевъ по правому берегу Тайцзыхе, значительно ослабили способность Восточнаго отряда къ переходу въ наступленіе до подхода подкрѣпленій и обороноспособность южной группы войскъ.

Опять, стало быть, оставалось ждать событій и подчинять свои дѣйствія волѣ противника.

Сознавая, что этихъ объясненій недостаточно, ген. Куропаткинъ, въ оправданіе своего образа дѣйствій и въ объясненіе неудачъ, постигавшихъ Манчжурскую армію въ теченіе перваго полугода войны, представилъ теперь въ Петербургъ и гл-щему, г.-а. Алексѣеву докладъ, въ которомъ подробно изложилъ, почему Манчжурская армія и по сосредоточеніи своемъ все-таки не переходитъ въ наступленіе, а отступаетъ съ одной позиціи на другую. По словамъ доклада, къ этому побуждаетъ его, к-щаго арміею, прежде всего превосходство силъ противника, дающее послѣднему возможность сосредоточивать значительное ихъ количество въ точкѣ удара. Затѣмъ, на сторонѣ японцевъ ген. Куропаткинъ признаетъ слѣдующія преимущества: лучшую подготовку и приспособленность къ обстановкѣ войны, многочисленную и отличную горную артиллерію, вьючный обозъ, болѣе легкую солдатскую ношу, высокій подъемъ духа и энергичное, умѣлое командованіе ими.

Русскимъ войскамъ, по мнѣнію нашего к-щаго арміей, приходилось вести войну въ непривычныхъ условіяхъ. Обозы и солдатская ноша тяжелы, горной артиллеріи почти нѣтъ; гаолянъ даетъ наступающимъ японцамъ большія преимущества; многочисленная конница наша стѣснена при дѣйствіи въ горахъ и, наконецъ, въ нашей арміи не видно особаго боевого воодушевленія «вслѣдствіе неясности цѣлей и причинъ войны»...

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ г.-а. Куропаткинъ полагалъ, что для полнаго обезпеченія успѣха наступленія намъ нужно имѣть значительное превосходство силъ, а для этого необходимо отправить въ Манчжурію еще 2 корпуса войскъ; при мобилизаціи не брать запасныхъ старшихъ возрастовъ; всѣ корпуса снабдить горной артиллеріей, полковой обозъ имѣть двуколочный и частью вьючный, пополнить некомплектъ офицеровъ и безостановочно усиливать провозоспособность Китайской Восточной ж. д.

Было бы долго входить здѣсь въ разборъ этихъ объясненій ген. Куропаткина, гдѣ въ активъ японцевъ былъ поставленъ даже «гаолянъ, благопріятствовавшій имъ при наступленіи» (какъ будто онъ не могъ

благопріятствовать при наступленіи и намъ!), и энергичное, умѣлое командованіе ими, а въ нашемъ пассивѣ умолчано о томъ, въ какой степени наши неудачи зависѣли отъ стратегіи нашихъ полководцевъ,—въ какой степени на нихъ вліялъ подборъ начальниковъ и свойства ихъ командованія. За то не было забыто «слабое боевое воодушевленіе» арміи...

Мы же можемъ сказать, что боевое воодушевленіе было недостаточно только тамъ, гдѣ были начальники, равнодушные къ славѣ и пользѣ отечества, — «паническіе генералы», презиравшіе свои войска и презираемые ими, грубые, надменные, невѣжественные, заботливые о себѣ и незаботливые о войскахъ... Но были генералы, войска которыхъ и въ этой «безполезной войнѣ» горѣли боевымъ воодушевленіемъ въ сознаніи, что на ратномъ полѣ не время спорить о причинахъ войны, что споръ идетъ о чести, достоинствѣ и славѣ государства, народа и арміи,—войска которыхъ вѣрили въ своихъ вождей и сильныя этой вѣрой готовы были на всякія жертвы... То были Кондратенко, Мищенко, Гернгроссъ, Самсоновъ, Ренненкампфъ, гр. Келлеръ, Зарубаевъ, Даниловъ и др. Однако нельзя умолчать и о томъ, что постоянныя отступленія страшно деморализовали войска... Все чаще и чаще стало проявляться въ нихъ сознаніе, что «какъ ни дерись, а все равно велятъ отступать» и, стало быть, жертвы напрасны. И все чаще и чаще приходилось слышать жалобы войсковыхъ н-ковъ, что становится все труднѣе удерживать солдатъ въ бою на мѣстѣ.

Въ 20-хъ числахъ іюля наступилъ «періодъ дождей» и болѣе чѣмъ на двѣ недѣли прервалъ военныя дѣйствія. Ливень размылъ дороги и нанесъ на нихъ со скатовъ горъ песокъ, илъ и камни. Ручьи обратились въ бурно шумящіе, грозные потоки, затоплявшіе лощины и деревни, сносившіе мосты, вырывавшіе вѣковыя деревья и смывавшіе биваки... Черноземныя, прекрасно обработанныя поля стали пучинами черной, жидкой и зловонной грязи, въ которыхъ тонули низенькія солдатскія палатки... Надъ Манчжуріей повисло низко сѣрое, хмурое небо, давившее душу своею безотрадною безконечностью...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

П.-Артуръ.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Манчжурская армія отошла на свои послѣднія позиціи предъ Ляояномъ,—и Квантунская группа войскъ утратила свои передовыя позиціи и отошла подъ защиту фортовъ П.-Артура.

Послѣ Цзиньчжоускаго боя войска ген. Фока отступили, какъ извѣстно, къ Волчьимъ горамъ, въ 7—8 верстахъ отъ крѣпости.

Однако оставаться на этой позиціи, столь близкой къ крѣпости, все еще не готовой противостоять штурму, было признано опаснымъ и потому рѣшено было попытаться задержать врага на, такъ называемой, передовой горной позиціи,—въ 15—19 верстахъ отъ П.-Артура. Это—прерывчатая линія высокихъ сопокъ, тянущаяся поперекъ полуострова, съ нѣсколькими характерными вершинами: Куинсанъ, Юпелаза, высоты 139 и 178. Линія горъ пересѣкается Лунвантанской долиной, правый (восточный) берегъ которой носитъ особое названіе—Зеленыхъ горъ. До войны объ этой позиціи не говорили вовсе; между тѣмъ она обладала большими достоинствами: ее нельзя обойти, ее трудно атаковать, у нея хорошій обстрѣлъ и возможность перекрестной огневой обороны.

Первоначально, послѣ Цзиньчжоускаго боя и отхода войскъ на Волчьи горы, позиція эта была занята охотничьими командами, наблюдавшими за противникомъ. Теперь, въ концѣ мая, команды эти были усилены частями пѣхоты и артиллеріи; позиція была раздѣлена на три участка и приступлено было къ ея укрѣпленію. Въ общемъ, позицію заняли: $8^{3}/_{4}$ б—новъ, 16 охотн. ком., 38 ор. и 8 пулеметовъ; частный резервъ составляли 3 б—на, общій—остававшійся на Волчьихъ горахъ—6 б—новъ и 32 орудія. Наибольшее количество войскъ, занимавшихъ передовую горную позицію, было сосредоточено на лѣвомъ участкѣ ея—отъ выс. 139 до Инчензы: правый и средній участки были заняты слабѣе и на нихъ не было ни одного скорострѣльнаго орудія.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, послѣ взятія Цзиньчжоуской позиціи, противникъ насъ не безпокоилъ: онъ тралилъ мины въ бухтѣ Дальняго, высаживалъ тамъ новыя войска, укрѣплялъ Цзиньчжоу и дѣятельно окапывался передъ нашей горной позиціей — и только 13-го іюня атаковалъ ее.

Почти цѣлая японская дивизія обрушилась на 3 нашихъ б—на и 5 охотн. командъ, занимавшихъ правый участокъ, выбила ихъ съ горъ Уайцелаза и атаковала Куинсанъ. Рота, занимавшая этотъ пунктъ, не выдержала огня японской батареи и отошла, а вслѣдъ за Куинсаномъ очищены были и Зеленыя горы.

Такъ какъ послѣднее обстоятельство грозило тѣмъ, что японцы, пройдя Лунвантанской долиной, разрѣжутъ отрядъ нашъ на двѣ части, рѣшено было, во что бы то ни стало, взять обратно Зеленыя горы. Съ этою цѣлью 20-го іюня, на разсвѣтѣ, части праваго фланга, изъ состава 7-й в.-сиб. стр. див. (ген.-м. Кондратенко), стремительно атаковали Зеленыя горы и высоту 93 и быстро сбили съ нихъ японцевъ.

Успѣхъ воодушевилъ наши войска и рѣшено было на слѣдующую же ночь отобрать назадъ и Куинсанъ, и высоту 131.

Послѣднюю, дѣйствительно, удалось намъ взять обратно, но всѣ атаки Куинсана были безуспѣшны. На вершинѣ его японцы успѣли уже выстроить редутъ и вооружить его 4 пулеметами; объ него и разбились геройскія усилія нашихъ войскъ.

Наши роты, предводимыя лично ген. Кондратенко, подходили къ редуту на 400 и даже на 60 шаговъ, отдѣльные смѣльчаки залегали подъ самой каменной стѣнкой редута и хватали даже японцевъ за высунутыя чрезъ бойницы ружья,—но каждый разъ ихъ сметалъ огонь японскихъ пулеметовъ. Не помогла и наша скорострѣльная артиллерія (4 ор.)... Куансанъ остался за японцами.

13-го іюля японцы возобновили атаку нашей передовой горной позиціи. Послѣ продолжительной артиллерійской подготовки по всей линіи, они вновь двинулись на Зеленыя горы и Юпелазу и къ вечеру добились нѣкотораго успѣха, занявъ на лѣвомъ флангѣ—высоту 93, а въ центрѣ—высоту 113. Противъ праваго фланга японцы ограничились канонадой.

14-го іюля японцы снова начали громить всю нашу позицію своей артиллеріей и, подготовивъ атаку, снова повели наступленіе на правый и средній участки, стремясь овладѣть Юпелазой и Скалистымъ хребтомъ... Но всѣ ихъ атаки въ теченіе дня были отбиты и къ 8 час. вечера бой затихъ.

Тогда въ дер. Ліэръ состоялся военный совѣтъ, на который прибыли н—къ укрѣплен. раіона, г.-л. Стессель, комендантъ крѣпости, г.-л. Смирновъ, начальники дивизій: 4-й—г.-л. Фокъ и 7-й—г.-м. Кондратенко. Обсуждался вопросъ: очищать ли передовую позицію. За очищеніе высказался лишь ген. Фокъ, всѣ остальные генералы настаивали на продолженіи обороны...Но ночью японцы вновь атаковали Зеленыя горы, взяли ихъ и поставили тамъ пулеметы. Контръатака не удалась. Тогда ген. Фокъ, изъ опасенія прорыва нашего расположенія между правымъ и среднимъ участкомъ, приказалъ очистить позицію и отходить на Волчьи горы. Противникъ не преслѣдовалъ.

Въ бояхъ 13-го, 14-го и 15-го іюля мы потеряли убитыми 7 офицеровъ и 248 н. ч., ранеными и безъ вѣсти пропавшими—47 офицеровъ и 2066 н. ч.

Волчьи горы—рядъ невысокихъ сопокъ, дугою огибающихъ Артуръ,—представляли послѣднюю преграду предъ Артуромъ и потому на нихъ было рѣшено упорно защищаться. Однако для осуществленія этого намѣренія ничего не было сдѣлано на позиціи—ни до войны, ни съ началомъ ея. Между тѣмъ недостатковъ у этой позиціи было немало: 1) ея длина (12 вер.) не соотвѣтствовала количеству войскъ, назначенному для ея защиты, 2) ее можно было обойти съ лѣваго фланга и 3) на равнинѣ передъ Волчьими горами росъ гаолянъ, который не позаботились своевременно снять и который теперь ограничивалъ обстрѣлъ и позволялъ противнику скрытно подойти къ позиціи.

Къ вечеру 15-го іюля наши войска заняли Волчьи горы и съ утра 16-го числа приступили къ укрѣпленію позиціи. Однако многаго сдѣлать они уже не успѣли.

Въ 4-мъ часу утра 17-го іюля японцы открыли по нашей позиціи сильный артиллерійскій огонь и, прикрываясь гаоляномъ, незамѣтно подошли къ ней на 400—500 шаговъ.

Атака была неожиданна и коротка—и въ $7^1/_2$ ч. утра, несмотря на отчаянное сопротивленіе нашихъ войскъ, центръ нашего расположенія (на Поворотной горѣ) былъ прорванъ, а лѣвый флангъ сбитъ.

Не желая ввязываться въ упорный бой подъ самой крѣпостью, дабы не ослабить имъ силы гарнизона и не внести въ нее противника на своихъ плечахъ, ген. Стессель приказалъ очистить и эту позицію...

Для прикрытія отступающихъ частей, батареи сухопутнаго фронта крѣпости въ этотъ день впервые открыли огонь по противнику. Послѣдній насъ не преслѣдовалъ. Мы потеряли на Волчьихъ горахъ убитыми—2 оф. и 150 н. ч., ранеными и безъ вѣсти пропавшими—13 оф. и 691 н. ч.

Боемъ 17-го іюля закончился для Квантунской группы войскъ періодъ полевой войны и начался періодъ войны крѣпостной. Началась осада П.-Артура. Что же дѣлалъ въ это время п.-артурскій флотъ? Со времени высадки противника у Бицзыво эскадра дѣятельно готовилась къ прорыву во Владивостокъ. Предполагалось, что, соединившись, обѣ наши эскадры могли, если не вовсе уничтожить господство японцевъ на морѣ, то, во всякомъ случаѣ, сильно его поколебать; японскому флоту пришлось бы тогда сосредоточиться, главнымъ образомъ, на оборонѣ береговъ родного архипелага, вслѣдствіе чего доставка на материкъ подкрѣпленій, боевыхъ запасовъ и матеріаловъ для осады П.-Артура сильно затруднилась бы;— японской эскадрѣ пришлось бы тогда сразу обслуживать нѣсколько цѣлей, а это давало намъ надежду на возможность разбить ее по частямъ. Чтобы избѣжать всего этого, японскому флоту надлежало бы блокировать и Влади-

востокъ, но это представляло гораздо большія трудности, чѣмъ блокада П.-Артура, а осада Владивостока съ суши требовала новой сильной арміи, выставить которую Японія едва ли могла безъ отказа отъ серьезныхъ операцій въ Манчжуріи.

Къ тому же и обстоятельства давали намъ надежду на успѣхъ прорыва. Въ то время, какъ эскадра наша усиливалась возвратомъ въ ея строй поврежденныхъ судовъ, флотъ противника несъ одну потерю за другою. 1-го мая въ Таліенванской бухтѣ, при очищеніи ея отъ минъ, погибъ одинъ японскій крейсеръ; 2-го мая погибли, наскочивъ на мины, поставленныя нашимъ миннымъ транспортомъ «Амуръ», броненосцы «Хатцузе» и «Яшима», 3-го мая, во время тумана, столкнулись крейсеры «Кассуга» и «Іошино»—при чемъ послѣдній пошелъ ко дну, а первый получилъ серьезныя аваріи. Наконецъ, уже не мало миноносцевъ было потеряно японцами въ предшествующій періодъ войны... Такъ что, въ общемъ, къ концу мая, когда эскадра наша закончила работы исправленія, силы противниковъ на морѣ были почти одинаковы...

Чтобы облегчить п.-артурской эскадрѣ прорывъ, владивостокскимъ крейсерамъ предписано было произвести поискъ въ Японскомъ морѣ. 2-го іюня три нашихъ крейсера «Громобой», «Россія» и «Рюрикъ», подъ командой в.-адм. Безобразова, близъ Симоносекскаго пролива, затопили послѣдовательно три японскихъ транспорта съ войсками, военными грузами и осадною артиллеріею для арміи Ноги, а отрядъ нашихъ миноносцевъ уничтожилъ въ то же время близъ о-ва Хоккаидо нѣсколько японскихъ шкунъ. Къ сожалѣнію, эскадра поспѣшила вернуться во Владивостокъ (6-го іюня), вслѣдствіе чего дѣйствія ея не достигли главной цѣли: отвлечь часть силъ непріятельскаго флота отъ П.-Артура въ Японское море. Поэтому, когда 16-го іюня наша п.-артурская эскадра (6 броненосцевъ, 5 крейсеровъ и 10 миноносцевъ) вышла въ море для прорыва во Владивостокъ, она наткнулась въ 20 миляхъ отъ берега на всю эскадру Того (5 броненосцевъ, 12 крейсеровъ, 30 миноносцевъ)—и вернулась обратно [1]).

Когда начались затѣмъ бои за передовыя позиціи, флотъ нашъ принялъ въ оборонѣ ихъ дѣятельное участіе.

20-го, 21-го и 22-го іюня, кр. «Новикъ», канонерки и миноносцы выходили обстрѣливать берегъ между бухтами Лунвантань и Сикау. На случай, если бы имъ вздумали помѣшать японскія суда, держался наготовѣ весь крейсерскій отрядъ. «Но японскій флотъ даже и не пробовалъ отогнать нашъ слабый отрядъ, хотя онъ причинялъ серьезныя затрудненія дѣйствіямъ японцевъ на сушѣ и много способствовалъ ихъ, хотя и кратковременному, отступленію» [2]). Японцы забез-

[1]) При возвращеніи бр. «Севастополь» наткнулся на мину и получилъ несерьезное поврежденіе.

[2]) Вл. Семеновъ—«Расплата», стр. 157—159.

покоились только 26-го іюня, когда къ Лунвантаню снова вышли всѣ наши крейсеры 1 ранга, крейсеръ 2 ранга «Новикъ», бр. «Полтава» и миноносцы, и снова стали обстрѣливать фланговымъ огнемъ японскія позиціи. Тогда ихъ суда приблизились къ нашимъ, завязали, было, съ ними перестрѣлку, но скоро ретировались...

13-го іюля 4 нашихъ крейсера и 3 канонерскія лодки снова выходили для содѣйствія нашимъ войскамъ къ Лунвантаню и снова обстрѣливали японскую позицію во флангъ. На этотъ разъ эскадра адм. Катаока (4 крейсера и 30 миноносцевъ) пыталась этому рѣшительно противодѣйствовать и атаковала наши суда, но вынуждена была отойти съ урономъ [1]).

На другой день съ той же цѣлью выходили изъ гавани 1 брон., 4 крейс., 3 кан. лодки и 12 мин., но японская эскадра не показывалась. Она, видимо, берегла свои силы для болѣе серьезнаго столкновенія [2]).

25-го іюля японцы впервые открыли огонь съ своихъ осадныхъ батарей по городу и укрѣпленіямъ.

Громъ выстрѣловъ, жужжанье летящихъ огромныхъ снарядовъ, снаряженныхъ мелинитомъ, и страшный трескъ ихъ разрывовъ по странной случайности совпалъ съ пѣніемъ молитвъ и звуками гимна «Коль славенъ»... Былъ воскресный день—и въ осажденной крѣпости, на Базарной площади, служился молебенъ объ избавленіи ея «отъ труса, потопа, огня, меча и иноплеменной брани»... Впечатлѣніе было потрясающее.

Одновременно съ бомбардировкой города и укрѣпленій, японцы открыли сильный огонь по передовымъ опорнымъ пунктамъ обороны—Дагушаню и Сяогушаню. Эти горные массивы, съ крутыми, обрывистыми скатами, съ каменными глыбами на вершинахъ, представляли собою природные форты. Къ сожалѣнію, они не были своевременно укрѣплены—и теперь на нихъ спѣшно строили редутъ и рыли въ каменистомъ грунтѣ траншеи...

Хотя огонь японцевъ и быстро разрушилъ на Дагушанѣ блиндажи и окопы, но гарнизонъ его (8 ротъ и 6 ор.) мужественно отбилъ въ этотъ день всѣ атаки японцевъ, скатывая на ихъ головы камни, когда нельзя было достать штыкомъ, пулею или снарядомъ.

26-го іюля бомбардировка города, порта и Дагушаня возобновилась. Къ ночи на послѣднемъ осталась одна только рота... Люди ея были такъ утомлены двухдневнымъ непрерывнымъ боемъ, что заснули. Японцы атаковали ихъ внезапно, но были отбиты. Черезъ часъ они повторили атаку—и снова были отбиты... Однако, несмотря

---

[1]) «Баянъ» вывелъ изъ строя одинъ японскій крейсеръ, а другой—наскочилъ на мину загражденія и получилъ серьезныя поврежденія.

[2]) При возвращеніи на внутренній рейдъ «Баянъ» наткнулся на мину и былъ выведенъ изъ строя.

на всѣ усилія, на весь героизмъ штыковой обороны нашихъ стрѣлковъ, Дагушань былъ ими очищенъ, а слѣдомъ за нимъ очистили и Сяогушань.

Бомбардировки этихъ дней обнаружили, что для судовъ нашей эскадры нѣтъ спасенія отъ непріятельскихъ снарядовъ и на внутреннемъ рейдѣ. «Небось теперь поймутъ, что артурскіе бассейны—это могила эскадры»,—говорили одни моряки, жаждавшіе болѣе активной дѣятельности флота...

— «Могила—еще ничего—подавали реплику наиболѣе озлобленные. — А вотъ если преждевременная смерть и затѣмъ воскресеніе подъ японскимъ флагомъ? Вотъ это уже хуже!...» [1])

И вотъ въ 8 ч. 50 м. утра 28-го іюля на «Цесаревичѣ» былъ поднятъ сигналъ:—«Флотъ извѣщается, что Государь Императоръ приказалъ идти во Владивостокъ».

Этотъ приказъ былъ встрѣченъ, по словамъ участника-очевидца—съ нескрываемымъ одобреніемъ.—«Давно бы такъ!.. Молодчина Витгефтъ!.. Нѣтъ отступленія!»...—«Необходимость этого выхода, по его словамъ, была до такой степени очевидна, массы были такъ пропитаны этимъ сознаніемъ, что упорство «начальства» порождало среди наиболѣе горячихъ головъ самыя ужасныя подозрѣнія»... [2]).

Таково было настроеніе эскадры ко дню «прорыва». Оно давало надежду на успѣхъ. Но, увы вечеромъ же этого дня, 28-го іюля, эскадры нашей болѣе не существовало.

Она вышла изъ Артура въ боевомъ порядкѣ: впереди кр. «Новикъ» съ первымъ отрядомъ миноносцевъ (8), затѣмъ 6 броненосцевъ, [3]) имѣя во главѣ «Цесаревича» подъ флагомъ командующаго эскадрой в.-адм. Витгефта,—3 крейсера [4]) и, наконецъ, госпитальное судно «Монголія».

— «Только что отпустили тралящій караванъ, разсказываетъ г. Вл. Семеновъ, какъ, повидимому, что-то приключилось съ машиною «Цесаревича», такъ какъ оттуда былъ поданъ сигналъ: «имѣть 8 узловъ хода!..» Это при прорывѣ блокады!.. Въ виду непріятеля!

«Въ 11 ч. 30 м. утра, нѣсколько правѣе нашего курса, очень далеко обрисовались силуэты 1 броненоснаго и 3-хъ легкихъ крейсеровъ, а лѣвѣе—какіе-то большіе корабли, предшествуемые отрядами миноносцевъ.

«Въ 11 ч. 35 м. правые уходятъ на SW, а тѣ, что были влѣво, идутъ на соединенія съ ними. Въ 11 ч. 50 м. на «Цесаревичѣ» подняли флагъ К., что означаетъ: «не могу управляться»;—явно, опять какое-то поврежденіе. Всѣ застопорили машины. Ждали, когда исправятъ... Тѣмъ временемъ японскіе отряды спѣшили выполнить свой маневръ соединенія»...

---

1) Вл. Семеновъ.—«Расплата», стр. 184.

2) Вл. Семеновъ.—«Расплата», стр. 184.

3) Кромѣ «Цесаревича», это были: «Ретвизанъ», «Побѣда», «Пересвѣтъ» (флагъ к.-ад. кн. Ухтомскаго), «Севастополь» и «Полтава».

4) «Аскольдъ» (флагъ к.-ад. Рейценштейна), «Паллада» и «Діана», недоставало «Баяна».

«Въ 12 ч. дня (наконецъ-то!) сигналъ: «имѣть 13 узловъ»... Пошли, но ненадолго: въ 12 ч. 12 м. «Побѣда», поднявъ флагъ К., вышла изъ строя. Опять задержка!.. А непріятель уже соединился, построился, и въ 12 ч. 22 м. раздались первые выстрѣлы съ нашихъ главныхъ броненосцевъ, двигавшихся черепашьимъ шагомъ»... [1]).

Первая схватка закончилась для насъ успѣхомъ и наши суда взяли направленіе на Шантунгъ. Японская эскадра (4 брон., 6 крейс. и миноносцы) повернула къ югу и пошла за нашею, держась правѣе и сзади ея и поддерживая слабый огонь съ дальней дистанціи... Въ началѣ 4-го часа стрѣльба прекратилась, и главныя силы японскаго флота отошли на такую дистанцію, что едва были видны ихъ трубы и мостики... Повидимому, противникъ въ это время исправлялъ полученныя поврежденія. Быстро исправивъ ихъ, онъ сталъ догонять нашу эскадру. Въ 4 ч. 45 м. дня бой снова завязался, и на этотъ разъ въ немъ быстро сказалось преимущество японской эскадры: въ то время какъ послѣдняя обладала значительной артиллеріей средняго и мелкаго калибра,—у насъ, по свидѣтельству г. Вл. Семенова, вся мелкая артиллерія и добрая треть 6″ и 75 м/м. орудій остались на сухопутномъ фронтѣ П.-Артура. Значеніе же тѣхъ орудій, которыя находились на судахъ, обезцѣнивалось теперь еще тѣмъ, что среди имѣвшихся для нихъ снарядовъ было много некалиброванныхъ, и это вызывало досадную и роковую задержку въ веденіи огня...

— «Еще чего нельзя отрицать, замѣчаетъ тотъ же участникъ боя, это, что счастье, удача—были на ихъ сторонѣ»...

Въ 5 ч. 30 м. веч. 12-дюймовый снарядъ «Ретвизана» попалъ въ башню флагманскаго броненосца «Миказа», гдѣ находился Того... Послѣдній чудесно уцѣлѣлъ... А черезъ четверть часа японскій 12-дюймовый снарядъ ударилъ въ командный мостикъ «Цесаревича» и убилъ командующаго нашимъ флотомъ, к.-ад. Витгефта. Вслѣдъ затѣмъ, на «Цесаревичѣ» были повреждены машина и руль—и корабль остановился... Поднятый на немъ сигналъ: «адмиралъ передаетъ начальство»... не всѣми судами былъ усмотрѣнъ и разобранъ, и на многихъ изъ нихъ до конца боя не знали, кто же именно вступилъ въ командованіе эскадрой,—за кѣмъ слѣдить и чью команду исполнять... Не былъ замѣченъ судами нашей эскадры и другой сигналъ: «слѣдовать въ кильватерѣ», поднятый преемникомъ Витгефта, к.-ад. кн. Ухтомскимъ на поручняхъ мостика «Пересвѣта», такъ какъ мачты этого корабля были перебиты... Тогда наступило замѣшательство... Броненосцы начали разновременно и безпорядочно маневрировать, беря то новый курсъ, то мѣняя его на старый, обгоняли другъ друга и безпорядочно отстрѣливались...

Начальникъ отряда крейсеровъ, к.-а. Рейценштейнъ, памятуя уговоръ не возвращаться въ П.-Артуръ, далъ сперва сигналъ: «быть

---

[1]) Вл. Семеновъ.—«Расплата», стр. 185—186.

въ строѣ кильватера».., а затѣмъ, не ожидая, пока къ нему примкнутъ другіе крейсеры, далъ полный ходъ и обогналъ эскадру... Ставъ впереди «Ретвизана», онъ подалъ новый сигналъ: «слѣдовать за мной»,— и, развивъ скорость въ 22 узла, прорвался сквозь линію японскихъ крейсеровъ и миноносцевъ и ушелъ въ Шанхай. «Діана» бросилась было за нимъ въ догонку, но отстала и ушла въ Сайгонъ... «Пересвѣтъ» повернулъ въ П.-Артуръ... За нимъ пошли броненосцы «Ретвизанъ», «Севастополь», «Полтава» и «Побѣда»... «Цесаревичъ» съ поврежденными машинами и рулемъ не могъ развить скорости болѣе 4-хъ узловъ, а потому отсталъ отъ нихъ и, выдержавъ атаки миноносцевъ, пошелъ въ нѣмецкій портъ Кіао-Чао, гдѣ и разоружился. Туда же прорвался и кр. «Новикъ», но тамъ не остался... Пополнивъ запасы угля, онъ ночью, безъ огней, вышелъ изъ порта, обошелъ Японію съ востока и 7-го августа прибылъ къ о-ву Сахалину, въ постъ Корсаковскій. Здѣсь его нагналъ японскій крейсеръ. Отважный «Новикъ» вступилъ съ нимъ въ бой и хотя самъ пострадалъ въ немъ очень сильно, но и противнику нанесъ такія поврежденія, что тотъ отступилъ съ сильнымъ креномъ... Ночью близъ поста появилось уже нѣсколько непріятельскихъ судовъ... «Новикъ», имѣя три подводныя пробоины и поврежденные котлы и руль, не могъ ни принять новаго боя, ни уйти изъ поста—и былъ затопленъ...

«Паллада» прорвалась обратно въ Артуръ... Туда же вернулась и часть миноносцевъ, другая часть ихъ погибла или разоружилась въ нейтральныхъ портахъ...

Увѣдомить владивостокскую эскадру о выходѣ п.-артурской—въ море для прорыва посланъ былъ съ депешами въ Чифу миноносецъ «Рѣшительный»... Прибывъ въ этотъ нейтральный китайскій портъ, командиръ миноносца, лейт. Рощаковскій хотѣлъ уже разоружить здѣсь свое судно вслѣдствіе порчи машинъ, но вслѣдъ за нимъ туда явились два японскихъ миноносца и потребовали или сдачи судна, или выхода его изъ гавани. Рощаковскій отказалъ и въ томъ, и въ другомъ и приготовилъ миноносецъ къ взрыву... Тогда японцы ворвались на судно и пытались поднять на немъ свой флагъ... Произошла жестокая схватка, въ результатѣ которой японцы, потерявъ 1 убитымъ и 14 раненымн, были сброшены съ судна, а миноносецъ взорванъ... Но депеши уже были посланы на телеграфъ и сдѣлали свое дѣло:—владивостокская крейсерская эскадра («Россія», «Громобой» и «Рюрикъ») вышла навстрѣчу портъ-артурской эскадрѣ.

Предвидя это обстоятельство, Того еще 28-го іюля приказалъ адм. Камимура запереть своей эскадрой (6 крейсеровъ и нѣсколько миноносцевъ) Корейскій проливъ и преградить владивостокской эскадрѣ путь въ Желтое море.

На разсвѣтѣ 1-го августа эскадры встрѣтились и между ними завязался неравный, но жестокій бой, въ которомъ «Рюрикъ» скоро

получилъ пробоину въ кормовую часть и поврежденіе руля... Пять часовъ «Громобой» и «Россія» прикрывали собою раненаго «Рюрика», давая ему возможность исправить поврежденія,—и потерявъ, наконецъ, половину своихъ офицеровъ и четверть нижнихъ чиновъ, прорвались обратно во Владивостокъ, увлекши за собою съ мѣста боя 4 наиболѣе сильныхъ непріятельскихъ крейсера.... «Рюрикъ» же, не будучи въ состояніи поспѣть за «Громобоемъ» и «Россіей», остался на мѣстѣ боя и геройски защищался противъ 2-хъ непріятельскихъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ... Стрѣляя изъ 2-хъ лишь уцѣлѣвшихъ орудій, со сбитыми мачтами, съ поврежденными машинами и рулемъ, онъ нѣсколько разъ самъ переходилъ въ наступленіе, чтобы расчистить себѣ путь. Но уйти не могъ. И чтобы судно не досталось непріятелю, командиръ его приказалъ открыть кингстоны и затопить крейсеръ... Японцы подобрали на водѣ 634 чел. экипажа, изъ нихъ 174 были ранены; 107 чел. было убито.

Въ общемъ, владивостокская эскадра потеряла въ этомъ бою $^1/_3$ своего личнаго состава.

Итакъ, прорывъ п.-артурской эскадры и соединеніе ея съ владивостокской не только не удались, но, можно сказать, что съ этого времени обѣ эти эскадры перестали существовать. По крайней мѣрѣ, на совѣщаніи 6-го августа въ П.-Артурѣ флагмановъ и капитановъ бывшей п.-артурской эскадры было постановлено: въ виду невозможности дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій флота, предоставить всѣ его силы и средства въ распоряженіе начальства сухопутной обороны П.-Артура.

Неудача прорыва должна быть объяснена прежде всего отмѣченными уже мною ранѣе общими недостатками судовъ нашей эскадры. Исправивъ ко времени выхода свои поврежденія, корабли наши не имѣли времени и возможности произвести надлежащія испытанія—и при прорывѣ то и дѣло останавливались, сбавляли ходъ и выходили изъ строя... Далѣе—слабостью артиллерійскаго вооруженія эскадры, отсутствіемъ во главѣ ея смѣлыхъ, талантливыхъ и энергичныхъ начальниковъ и, наконецъ, невѣрностью идеи, положенной въ основу плана операціи прорыва.

Во главѣ эскадры стоялъ к.-адм. Витгефтъ, лично храбрый человѣкъ, по общимъ отзывамъ, человѣкъ долга и чести, хорошій начальникъ штаба и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, плохой самостоятельный начальникъ. Онъ и самъ, говорятъ, признавался, что онъ «не флотоводецъ», и, не вѣря въ себя, не вѣрилъ, конечно, и въ успѣхъ выпавшаго на его долю дѣла. Въ этомъ случаѣ онъ лишь покорно выполнялъ чужую волю. 20-го іюля миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ» доставилъ ему предписаніе г.-а. Алексѣева, въ которомъ говорилось: «Имѣть въ виду, что эскадрѣ можно оставаться въ П.-Артурѣ лишь до того времени, пока она въ немъ въ безопасности. Въ противномъ случаѣ, заблаговременно выйти въ море и, не вступая

въ бой, если окажется это возможнымъ, проложить себѣ путь во Владивостокъ».

Объ абсолютной безопасности эскадры въ крѣпости, осажденной съ суши и заблокированной съ моря, говорить, конечно, не приходится... Но и тѣ нѣсколько случайныхъ снарядовъ, что упали во внутреннемъ рейдѣ при бомбардировкѣ П.-Артура 25—27 іюля, не свидѣтельствовали еще, конечно, о наступленіи момента серьезной, смертельной опасности для эскадры. Она наступила для нея лишь въ ноябрѣ, когда, со взятіемъ горы Высокой, японцы получили возможность корректировать стрѣльбу по нашимъ судамъ. И тогда послѣднія дѣйствительно были быстро разстрѣляны и погибли... Но к.-адм. Витгефтъ счелъ эскадру «въ опасности» при первомъ же снарядѣ, упавшемъ во внутреннемъ рейдѣ, и вывелъ ее въ море на другой же день послѣ этой бомбардировки.

Имѣя въ предписаніи указаніе на желательность избѣгнуть боя, к.-адм. Витгефтъ попытался выполнить и это желаніе, совершенно невыполнимое въ то время, которое онъ выбралъ для прорыва. Онъ основалъ планъ своихъ дѣйствій на стремленіи выйти изъ П.-Артура неожиданно, незамѣтно для японцевъ...

Однако, этому не благопріятствовали ни свойства п.-артурской гавани—вообще, ни близость японской эскадры, только что бомбардировавшей крѣпость,—въ частности. Приходилось ждать момента и быстро имъ пользоваться, а это уже исключало возможность дать своевременно знать о себѣ владивостокской эскадрѣ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось: владивостокская эскадра вышла въ море, когда п.-артурская была уже разсѣяна.

Словомъ, к.-адм. Витгефтъ поторопился выходомъ... И въ этой торопливости его поддерживалъ не кто иной, какъ самъ руководитель обороны П.-Артура, ген. Стессель. Недальновидный, лишенный широты взгляда и способности понимать обстановку и оцѣнивать факты, онъ торопилъ эскадру съ выходомъ изъ гавани, полагая, что это она—главная приманка непріятеля. Онъ совершенно упускалъ изъ вида, что съ уходомъ флота онъ лишаетъ себя огромнаго, прекраснаго резерва—людей, орудій, боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ,—словомъ, всего того, что только и позволило крѣпости впослѣдствіи продержаться до 20-го декабря.

Между тѣмъ его настоянія о выходѣ эскадры изъ Артура были такъ неумѣстны и рѣзки, что г.-ад. Алексѣевъ, получивъ о нихъ свѣдѣнія, счелъ нужнымъ напомнить ген. Стесселю депешей отъ 2-го іюня, что «крѣпости надлежитъ упорно обороняться и служить до послѣдней крайности укрытіемъ флоту»,—что «флотъ находится въ непосредственномъ распоряженіи и на отвѣтственности начальника эскадры, почему его выходъ въ море можетъ послѣдовать только по усмотрѣнію к.-ад. Витгефта», и, наконецъ, что «обязанность комен-

данта, какъ высшаго военнаго начальника, должна заключаться въ напряженіи всѣхъ силъ для самой упорной обороны и никоимъ образомъ нельзя считать, что для спасенія крѣпости должно жертвовать флотомъ».

Однако, ни послѣ этой депеши гл – шаго, ни даже послѣ неудачи прорыва эскадры 28-го іюля, настоянія ген. Стесселя о выходѣ флота изъ П.-Артура не прекратились. Онъ писалъ по этому поводу адмиралъ бумаги рѣзкаго и обиднаго содержанія и даже водилъ ихъ на Высокую гору, чтобы показать имъ съ вершины ея, какъ легко и быстро будутъ уничтожены отсюда ихъ суда...

Все это свидѣтельствовало о глубокой розни, существовавшей въ пониманіи задачъ обороны Артура между высшимъ военно-сухопутнымъ и морскимъ начальствами, объ отсутствіи между ними единодушія, добрыхъ товарищескихъ отношеній и согласованности дѣйствій... Это было, конечно, прежде всего проявленіемъ вообще междувѣдомственной розни, существующей у насъ, а съ другой стороны—это было слѣдствіемъ двоевластія, царившаго въ П.-Артурѣ такъ же сильно, какъ и въ Манчжурской арміи. Надъ гарнизономъ и флотомъ не было общаго начальника; у осажденной крѣпости и блокированнаго порта не было одного хозяина обороны. И выходило такъ, какъ будто два основныхъ элемента ея, «двѣ руки одного потентата», какъ выражался Великій Петръ про армію и флотъ, мѣшали взаимно другъ другу.

Уѣзжая въ февралѣ 1904 г. изъ П.-Артура въ свою новую штабъ-квартиру—Мукденъ, г.-ад. Алексѣевъ хотѣлъ объединить власть надъ войсками и флотомъ въ П.-Артурѣ въ рукахъ адм. Макарова. Но противъ этого возражалъ г.-ад. Куропаткинъ и рекомендовалъ на роль такого объединителя ген. Стесселя. Но если ген. Куропаткинъ могъ довѣрить послѣднему войска, то г.-ад. Алексѣевъ, ближе знавшій этого генерала, никакъ не могъ согласиться довѣрить ему судьбу флота. Въ результатѣ разногласія — двоевластіе не только осталось, но скоро превратилось въ троевластіе.

Назначенный по Высочайшему повелѣнію 22-го марта 1904 г. *временно* начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона съ подчиненіемъ ему и коменданта крѣпости П.-Артуръ, ген. Стессель удержалъ въ своихъ рукахъ власть надъ крѣпостью и тогда, когда «укрѣпленный раіонъ» пересталъ существовать, будучи занятъ японцами, а дивизія ген. Фока вошла въ раіонъ крѣпости.

Попытка разграничить права и обязанности полновластнаго по закону хозяина крѣпости—коменданта—отъ власти временнаго начальника раіона была сдѣлана Намѣстникомъ въ апрѣлѣ 1904 г., но не привела ни къ какому результату. Ген. Стессель продолжалъ вмѣшиваться въ чужія права: «упразднялъ», по собственному его выраженію, коменданта, дѣлалъ замѣчанія неподчиненному ему командиру порта, писалъ рѣзкія бумаги начальнику эскадры, грозилъ гражданскому комиссару области и предсѣдателю п.-артурскаго городского совѣта

выслать его вонъ изъ крѣпости вмѣстѣ со всею его «штатскою сволочью» — и во всемъ этомъ обнаруживалъ крайнее невѣжество, неуваженіе къ закону и возмутительную грубость. Создалось то положеніе вещей, которое ген. Стессель впослѣдствіи самъ очертилъ на судѣ признаніемъ, что ему приходилось сражаться не только съ японцами, но съ комендантомъ крѣпости, командиромъ порта, начальникомъ эскадры и гражданскимъ комиссаромъ... Въ свою очередь, тѣ, кто вырывался изъ Артура въ Манчжурскую армію, свидѣтельствовали, что у крѣпости главный врагъ не японцы, а Стессель, не умѣющій объединить въ дружной совмѣстной работѣ гарнизонъ, флотъ и населеніе Артура, не проявляющій ни надлежащихъ знаній, ни энергіи.

Послѣ Цзиньчжоускаго боя ген. Смирновъ счелъ, наконецъ, своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія гл-щаго и к-щаго арміей чрезъ двухъ офицеровъ генеральнаго штаба, прорвавшихся изъ осажденной крѣпости въ Манчжурскую армію. Впрочемъ, по нѣкоторымъ донесеніямъ ген. Стесселя, ген. Куропаткинъ и самъ уже чувствовалъ, что послѣдній и духомъ упалъ и вообще не соотвѣтствуетъ выпавшей на его долю задачѣ... Выслушавъ же доклады капитановъ Одинцова и Ромейко-Гурко о положеніи крѣпости и о дѣятельности въ ней генер. Стесселя, онъ рѣшился, наконецъ, отозвать его изъ Артура. Получивъ на это согласіе ген. ад. Алексѣева, ген. Куропаткинъ послалъ ген. Стесселю 5-го и 17-го іюня телеграммы, а 20-го іюня и письмо, въ которыхъ предписывалъ сдать командованіе въ крѣпости коменданту ея, а самому прибыть въ армію, гдѣ онъ получитъ другое назначеніе. Копіи этихъ телеграммъ были посланы ген. Куропаткинымъ черезъ генер. Стесселя и ген. Смирнову, но до послѣдняго не дошли, будучи скрыты въ штабѣ укрѣпл. раіона. Впрочемъ, и самъ ген. Стесселя не получилъ телеграммъ, хотя впослѣдствіи (на судѣ) и было установлено, что одна изъ нихъ, а именно, отъ 5-го іюня, была получена н—комъ штаба укрѣплен. раіона, полк. Рейсомъ... На письмо же к-щаго арміей, отъ 20-го іюня, ген. Стессель отвѣтилъ г.-а. Куропаткину, что дурные слухи о немъ—клевета, что донесенія его о положеніи Артура невѣрно поняты и онъ по-прежнему готовъ оборонять его до послѣдней капли крови, что оборона только имъ и держится, что всѣ его любятъ и знаютъ, что моряки вѣрятъ ему болѣе, чѣмъ адмираламъ, что отъѣздъ его подорветъ духъ гарнизона, эскадры и населенія и, наконецъ, что ему даже некому въ сущности сдать командованіе, такъ какъ никто не въ состояіи его замѣнить: комендантъ—«профессоръ» [1]), ген. Кондратенко молодъ, а у ген. Фока дурной характеръ.

Какъ это ни странно, но ген. Куропаткинъ, по его признанію, «отнесся съ довѣріемъ» къ этому самовосхваленію ген. Стесселя,

[1]) Ген. Смирновъ окончилъ двѣ военныя академіи—Михайловскую артиллерійскую и Николаевскую генер. штаба.

одобренному льстивыми словами по адресу к—щаго арміей, и уже не тревожилъ болѣе послѣдняго предписаніями объ отъѣздѣ изъ Артура.

Такъ попытка установить единовластіе въ осажденной крѣпости еще разъ потерпѣла неудачу.

Лицомъ, которое неофиціально объединило въ себѣ всѣхъ участниковъ обороны — отъ ген. Стесселя до послѣдняго рядового, матроса и горожанина, направивъ ихъ волю, энергію и силы къ достиженію одной, общей цѣли—отстоять Артуръ,—былъ ген. Р. И. Кондратенко, сперва начальникъ 7-й вост. сиб. арт. дивизіи, а затѣмъ — начальникъ обороны всего сухопутнаго фронта крѣпости.

Прибывъ въ П.-Артуръ мѣсяца за полтора до начала войны и убѣдившись въ «печальномъ состояніи» крѣпости, онъ тотчасъ же принялся заботиться объ ея укрѣпленіи. Онъ «уговорилъ» Стесселя объѣхать ея верки, онъ осматривалъ съ адм. Макаровымъ Цзиньчжоускую позицію и соображалъ совмѣстную оборону ея флотомъ и войсками. Онъ побывалъ и на Дагушанѣ, на Угловыхъ горахъ, Ляотешанѣ и Высокой.

«Съ удивленіемъ спрашивали другъ у друга въ крѣпости, разсказывалъ намъ одинъ изъ почтенныхъ участниковъ обороны, — что это все ѣздитъ маленькій безпокойный генералъ: отъ ген. Стесселя къ ген. Смирнову, вновь возвращается къ Стесселю, скачетъ къ адмираламъ Витгефту и Григоровичу,—неужели это онъ хлопочетъ все по дѣламъ своей дивизіи?» Нѣтъ, это онъ хлопоталъ объ Артурѣ—примирялъ враждебныя отношенія разныхъ вѣдомствъ и чиновъ, разсѣивалъ возникавшія между ними недоразумѣнія и объединялъ всѣхъ на общее дѣло своимъ идеальнымъ служеніемъ ему. И скоро всѣ признали его «душою обороны крѣпости». Къ нему стали обращаться всѣ, кто хотѣлъ такъ или иначе быть полезнымъ дѣлу обороны, и такъ какъ идеямъ и предложеніямъ другихъ ген. Кондратенко всегда отдавалъ предпочтеніе предъ своими, то онъ и скакалъ отъ одного генерала къ другому, проводя въ жизнь то, что казалось ему нужнымъ и полезнымъ. Сила, подчинившая всѣхъ Кондратенко и всѣхъ къ нему привлекавшая, крылась не столько въ его умѣ, сколько въ его сердцѣ. Безкорыстный и правдивый, онъ былъ преданъ только дѣлу обороны и жилъ только его интересами, нуждами и заботами... Скромный въ отношеніи себя, онъ былъ простъ съ другими, всѣмъ доступенъ и въ каждомъ уважалъ человѣка... Самъ прекрасно образованный, питомецъ двухъ военныхъ академій (Инженерной и Ген. Штаба), онъ не считалъ однако себя авторитетомъ во всемъ и не только охотно выслушивалъ, но часто самъ спрашивалъ совѣтовъ и мнѣній у тѣхъ, кому «на мѣстѣ виднѣе»: у простого стрѣлка, матроса, портового рабочаго, заурядnаго армейскаго офицера... И часто дѣлалось именно такъ, какъ они говорили... Въ результатѣ, — «то, что не было сдѣлано въ Артурѣ за семь лѣтъ, Кондратенко, насколько это было

Пробитая фанза. Худ. В. Мазуровскаго.

Въ теплушкѣ.

№ 4.

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА.

возможно, создалъ въ нѣсколько мѣсяцевъ...» [1]) Его мыслью, его трудами, его настойчивостью создалась вокругъ П.-Артура цѣпь укрѣпленій, которыя почти 5 мѣсяцевъ сдерживали натискъ превосходныхъ силъ противника въ рядѣ бѣшеныхъ атакъ и штурмовъ.

Штурмы эти начались вслѣдъ за неудачнымъ для насъ исходомъ прорыва эскадры. Очевидно, японцы желали использовать то тяжелое моральное впечатлѣніе, которое легло на гарнизонъ, на населеніе Артура, когда въ его гавань стали постепенно возвращаться остатки эскадры.

Въ ночь съ 31-го іюля на 1-е августа японцы повели наступленіе на предгорья Высокой горы, съ судьбой которой, какъ показали событія, связана была и судьба кораблей... Предгорья эти—Угловая гора и сопки „Передовая", „Трехголовая" и „Боковая" — были слабо укрѣплены, вооружены и заняты: нѣсколько траншей, батарея на 4 орудія и 2 роты моряковъ и 3 охот. команды стрѣлковъ,—вотъ и вся ихъ сила.

Несмотря на это, 6 ночныхъ атакъ на Трехголовую и Боковую сопки было отбито. 1-го августа противникъ ихъ усиленно бомбардировалъ, а -го вновь атаковалъ—и послѣ горячаго боя овладѣлъ ими.

Считая, что этотъ новый успѣхъ японскаго оружія еще болѣе усугубилъ тяжелое впечатлѣніе отъ разгрома эскадры, японцы попытались овладѣть крѣпостью безъ кровопролитія. 3-го августа ген. Стессель и к.-адм. Виренъ получили письма за совмѣстными подписями Ноги и Того съ извѣщеніемъ, что японская армія «окончила приго-

[1]) Я. У. Шишко.—«Одиннадцатимѣсячное сидѣніе въ П.-Артурѣ». Разсказъ участника. Изданіе И. Д. Сытина. Москва. 1905 г. стр. 108.

товленія къ общему штурму, и недалеко то время, когда она начнетъ рѣшительныя дѣйствія. Тогда судьба П.-Артура будетъ рѣшена...» Поэтому, «во имя человѣчности», во избѣжаніе «излишнихъ жертвъ людьми и имуществомъ», крѣпости и флоту предлагалось теперь же сдаться на капитуляцію.

Предложеніе это, конечно, было отвергнуто. Тогда Ноги не замедлилъ привести въ исполненіе свою угрозу штурма.

4-го августа японцы открыли огонь изъ осадныхъ орудій по Угловой горѣ; 5-го числа они обстрѣливали уже весь сухопутный фронтъ крѣпости, а 6-го числа они атаковали одновременно Угловую гору, Водопроводный и Кумирнинскій редуты [1]) и весь восточный фронтъ обороны.

Угловую гору оборонялъ 5-й вост.-сиб. стр. п., доблестно дравшійся противъ 3-хъ дивизій на Цзиньчжоу. Полкъ этотъ и здѣсь «стоялъ какъ скала», по донесенію ген. Кондратенко, непосредственно руководившаго обороной этого важнаго передового пункта. Когда страшный огонь японской осадной батареи, стрѣлявшей мелинитовыми снарядами, уничтожилъ сразу 1-ю полуроту 10-й роты, занимавшей траншею впереди Угловой, 2-я полурота не ушла изъ этой траншеи даже и тогда, когда японцы заняли мѣста выбитой полуроты... Къ утру 7-го августа на Угловой горѣ изъ 16-ти блиндажей, укрывавшихъ войска отъ снарядовъ, уцѣлѣло только 7; въ резервѣ у полк. Третьякова оставалась одна рота... Въ полдень наши не выдержали страшнаго огня и отошли.

За то Кумирнинскій и Водопроводный редуты отстояли. Японцы впервые понесли тутъ пораженіе.—«Ихъ бѣжало — съ торжествомъ доносилъ к—ръ 26-го вост.-сиб. стр. п. полк. Семеновъ—съ Водопроводнаго редута 2 роты. За компанію бѣжали и другіе»...

Но упорнѣе и долѣе всего вели японцы атаку Восточнаго фронта обороны крѣпости. Этимъ именемъ называлась 8-ми верстная линія укрѣпленій отъ бухты Тахе до долины р. Лунхе: фортъ № I, батареи А и Б, форты № II и III и укрѣпленіе № 3, въ промежуткахъ между которыми находились полевыя укрѣпленія—редуты, батареи и окопы. Фронтъ этотъ занимали 25-й в.-сиб. стр. п., нѣсколько ротъ 16-го полка, 2—3 роты 15-го полка и столько же ротъ Квантунскаго флотскаго экипажа; вооруженіе его состояло изъ 134 орудій и нѣсколькихъ пулеметовъ. Начальникомъ отряда обороны фронта былъ ген.-м. Горбатовскій.

Одновременно съ бомбардировкой Угловой горы, Водопроводнаго и Кумирнинскаго редутовъ, съ ранняго утра 6-го августа непріятель началъ бомбардировку и Восточнаго фронта, сосредоточивъ свой огонь преимущественно на редутахъ №№ I и 2 — въ промежуткѣ

[1]) Между укрѣпленіемъ № 3 и фортомъ № IV. Особую важность имѣлъ редутъ Водопроводный, такъ какъ онъ прикрывалъ голову водопровода, снабжавшаго Артуръ прѣсною водою.

между фортами №№ II и III. Наши батареи стали отвѣчать, но шансы этого артиллерійскаго поединка были неровны ни по количеству орудій и калибру ихъ, ни по количеству снарядовъ, которые крѣпости надо было беречь. Такъ, на участкѣ отъ форта № II до форта № III находилось 55 орудій, но изъ нихъ только 17 могли состязаться съ осадной артиллеріей противника. Въ результатѣ поединка, за этотъ день мы потеряли подбитыми 7 орудій, въ томъ числѣ два драгоцѣнныхъ для обороны 6" орудія Канэ.

7-го августа бомбардировка продолжалась и утихла только въ 8 ч. вечера. Мы потеряли въ этотъ день подбитыми 9 орудій, а 1 пороховой погребъ былъ взорванъ. Но еще ранѣе конца бомбардировки обнаружилось сосредоточеніе японской пѣхоты въ складкахъ мѣстности противъ редутовъ. Въ 3 ч. утра 8-го августа японцы начали тѣснить наше сторожевое охраненіе, а въ 5 ч. бросились въ атаку на редуты. Словно волны бушующаго моря катились одна за другой на редуты колонны и цѣпи японцевъ и, разбившись подъ нашимъ огнемъ о проволочныя сѣти впереди редутовъ, отбѣгали назадъ. Въ 11 ч. атаки прекратились. Обезсиленный ими противникъ сталъ подтягивать свѣжія войска... Въ 12 ч. дня противъ редута № 1 сосредоточились уже новыя колонны японцевъ... Артиллерія наша молчала обезсиленная трехдневнымъ поединкомъ... Только нѣсколько орудій могли еще стрѣлять. Видя, какія грозовыя тучи надвигаются на редутъ № 1-й, ген. Горбатовскій поспѣшилъ выслать изъ резерва на усиленіе его гарнизона одну роту. Она подоспѣла во-время: японцы уже были на правомъ фасѣ редута... Ихъ встрѣчалъ штыками комендантъ редута, шт.-кап. Гусаковскій всего лишь съ 12-ю стрѣлками. Подошедшая рота спасла и эту горсть храбрецовъ, и редутъ. Японцы были отброшены съ большимъ урономъ... Они пытались еще разъ атаковать редуты, но снова потерпѣли неудачу и въ 5 час. вечера отошли назадъ...

Въ результатѣ 3-хъдневнаго боя редуты остались за нами, но въ ужасномъ видѣ: все было на нихъ исковеркано и разбито—орудія, брустверa, блиндажи. Повсюду были лужи крови, горы труповъ и взрытой земли. Послѣ утомительнаго боя стрѣлкамъ пришлось приняться за работу возстановленія редутовъ. Работали однако недолго. Въ 11 ч. вечера, подъ покровомъ темноты, японцы снова двинулись на штурмъ. Въ этотъ разъ редуты, можетъ быть, и не устояли бы... Но на полѣ сраженія находился комендантъ крѣпости, ген.-л. Смирновъ, руководившій оборoной атакованнаго фронта,—и своевременно выслалъ на поддержку его два б-на моряковъ съ судовъ эскадры (1000 чел.). Они и отбили атаку.

Съ разсвѣтомъ 9-го числа редуты снова подверглись сперва бомбардировкѣ, а потомъ—и штурму. Ихъ защищали отчаянно... Редутъ № 1-й пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки... Видя невозможность

взять его силою, японцы обрушили на жалкіе остатки его насыпей и гарнизона такой сильный шрапнельный и фугасный огонь, что оставаться на немъ не стало никакой возможности—и горсть храбрецовъ, его защитниковъ, отошла къ Китайской стѣнкѣ. Та же участь постигла въ концѣ концовъ и редутъ № 2-й, атакованный одновременно съ 1-мъ, но съ меньшимъ напряженіемъ. Его судьбу также рѣшилъ артиллерійскій огонь. Отобрать редуты назадъ у ген. Горбатовскаго не было уже силъ: въ резервѣ оставалось всего лишь 300 чел. Только къ вечеру ген. Кондратенко могъ прислать на Восточный фронтъ $1^1/_2$ б-на стрѣлковъ, а затѣмъ прибылъ и самъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Между тѣмъ японцы, занявъ редуты, стали ихъ укрѣплять. Въ то же время, пользуясь своимъ успѣхомъ, они атаковали Куропаткинскій люнетъ, но были отъ него отбиты съ большимъ урономъ.

Сознавая важность потери редутовъ, ген. Смирновъ рѣшился взять ихъ обратно ночною атакою. Три роты 13-го в.-сиб. стр. п. должны были зайти во флангъ и тылъ редутовъ, а б-нъ 14-го полка атаковать ихъ съ фронта. Атака удалась лишь отчасти: обходная колонна сбилась съ пути, запоздала и участія въ бою не приняла, вслѣдствіе чего удалось занять лишь редутъ № 1-й, но удержаться на немъ мы долго не могли. Въ теченіе дня 10-го августа противникъ забросалъ его снарядами и къ вечеру этого дня мы вынуждены были окончательно отказаться отъ мысли вернуть себѣ редуты. И потому вечеромъ 10-го же августа войска Восточнаго фронта отошли на Китайскую стѣнку, находившуюся позади редутовъ. Это былъ валъ, въ сажень вышиною, тянувшійся отъ долины Лунхе вдоль II-го и III-го фортовъ до батареи А. Едва устроившись на новой позиціи, войска наши ночью же выдержали на ней два яростныхъ штурма. Оба они были отбиты... Какъ дорого стоили японцамъ эти пять боевыхъ дней, видно изъ того, что въ одну только эту послѣднюю ночь они потеряли около 3-хъ тыс. человѣкъ. Убѣдившись на столь дорогомъ кровавомъ опытѣ, что взять Артуръ однимъ ударомъ нельзя, японцы повели правильную инженерную атаку крѣпости, дорого имъ стоившую и удержавшую надолго подъ стѣнами ея цѣлую японскую армію.

Это было для насъ, конечно, очень крупнымъ успѣхомъ и имъ Артуръ былъ обязанъ проницательности и распорядительности ген. Смирнова, энергіи ген. Кондратенко, мужеству ген. Горбатовскаго и стойкости войскъ. Пятидневный штурмъ крѣпости послужилъ для гарнизона ея прекрасной школой, въ которой талантливые, дѣятельные начальники показали войскамъ, что врагъ не такъ страшенъ, какъ разсказывали, что японцевъ можно бить... Послѣ Цзиньчжоускаго боя и боевъ на передовыхъ позиціяхъ это было очень важно и сильно подняло духъ гарнизона.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ляоянъ.

Донесеніе Стесселя о томъ, что Портъ-Артуръ устоялъ противъ перваго жестокаго многодневнаго штурма, дошло до Манчжурской арміи въ дни не менѣе жестокихъ испытаній для нея самой на передовыхъ Ляоянскихъ позиціяхъ. Ген. Куропаткинъ тотчасъ же объявилъ эту радостную вѣсть арміи—«чтобы поднять ея духъ...» Но армія въ этомъ не нуждалась...

Безъ опасенія быть обвиненнымъ въ преувеличеніи, въ риторичности, можно сказать, что съ самаго начала войны всѣ въ арміи ждали рѣшительнаго генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ какъ праздника, какъ награды за «терпѣніе», за рядъ безплодныхъ жертвъ и напрасныхъ героическихъ усилій... Если что и поддерживало еще этотъ духъ, угашаемый рядомъ отступленій, такъ это именно сближеніе съ Ляояномъ, ожиданіе боя подъ нимъ и вѣра въ побѣду, послѣ которой мы пойдемъ впередъ... Если чего и страшились войска такъ это—чтобы и Ляоянъ, выросшій въ сознаніи арміи въ ея военную столицу, «не отдали безъ боя»,—изъ боязни обхода насъ слѣва, проявленной подъ Дашичао и Хайченомъ...

На этотъ разъ, казалось, этого не случится. Въ Ляоянѣ сосредоточивали огромные боевые и продовольственные запасы, спѣшно доканчивали укрѣпленія, впереди позицій снимали выросшій за лѣто гаолянъ... И, наконецъ, вокругъ Ляояна закипѣлъ желанный бой.

Какъ извѣстно, послѣ боя 18-го іюля войска Манчжурской арміи заняли: 1-й, 2-й и 4-й Сибирскіе корпуса (южная группа)—Айсандзянскую позицію; 3-й Сибирскій корпусъ, командованіе которымъ вмѣсто убитаго гр. Келлера ввѣрено было ген.-л. Иванову,—Ляндясанскую, и 10-й арм. корпусъ—Анпилинскую. Занявъ Хайченъ, японскія арміи успѣли продвинуться впередъ на одинъ лишь переходъ... Военныя дѣйствія были пріостановлены двухнедѣльными тропическими дождями. Когда они стали утихать, г.-а. Алексѣевъ вновь возбудилъ вопросъ о необходимости помочь Артуру. 1-го августа онъ сообщилъ г.-а. Куропаткину, что Стессель проситъ содѣйствія Манчжурской арміи, такъ какъ положеніе крѣпости послѣ занятія японцами Волчьихъ горъ и Дагушаня значительно ухудшилось, а непрерывные бои ослабили силы гарнизона... И потому нельзя ли, въ виду ослабленія

противника на нашемъ южномъ фронтѣ, перейти хотя бы въ демонстративное наступленіе къ Хайчену...

Ген. Куропаткинъ отвѣтилъ на это гл-щему, что просьбы Стесселя о помощи онъ приписываетъ только нервному его состоянію; «повторять Вафангоу намъ нежелательно, а оно легко повторится, если мы двинемъ отрядъ на югъ даже до Хайчена», движеніе это никакой дѣйствительной пользы П.-Артуру не принесетъ. Къ тому же, по словамъ Куропаткина, замѣчалось усиленное передвиженіе японскихъ войскъ къ правому ихъ флангу; армія Куроки была значительно сильнѣе того, что мы о ней знали. Видимо, готовился ударъ на Ляоянъ или даже на Мукденъ. При такихъ условіяхъ движеніе на югъ, по мнѣнію ген. Куропаткина, представляло большую опасность.

На этотъ разъ ген. Куропаткинъ былъ правъ: демонстративное движеніе на югъ *отряда* не могло ни помочь осажденной крѣпости, ни улучшить положеніе Манчжурской арміи... Другое дѣло, еслибы не въ демонстративное, но рѣшительное наступленіе перешла вся армія... Но для этого ген. Куропаткину она все еще казалось недостаточно сильной. Поэтому— «для перехода съ надеждой на успѣхъ въ наступленіе», онъ проситъ, 2-го августа г.-а. Алексѣева назначить въ составъ Манчжурской арміи, кромѣ 5-го Сиб. корпуса, еще и 1-й арм. корпусъ, двигавшійся на театръ вслѣдъ за 17-мъ арм. корпусомъ, и ходатайствовать о присылкѣ изъ Европ. Россіи еще 2-хъ корпусовъ. Гл-щій уважилъ эту просьбу: 1-й арм. корпусъ былъ включенъ въ составъ Манчжурской арміи; въ то время большая часть 6-го Сиб. корпуса, по желанію ген. Куропаткина, была расположена у Мукдена для обезпеченія этого пункта со стороны средней Ляохе и верхней Тайцзыхе.

Вслѣдствіе этого силы Манчжурской арміи къ 11-му августа исчислялись въ 199 б-оновъ, 143 сот. и эск., 628 полевыхъ и 28 осадныхъ орудій, всего около 200,000 чел. Они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1-й, 2-й и 4-й Сиб. арм. корпуса и конный отрядъ ген. Самсонова (всего 70 тыс. чел. и 152 ор.) составляли, подъ общимъ начальствомъ ген. Зарубаева, Южную группу и занимали Айсандзянскую позицію; 3-й Сиб., 10-й и 17-й арм. корпуса (всего 85 т. чел. и 295 ор.) составляли, подъ общимъ начальствомъ к-ра 17-го корпуса, ген. бар. Бильдерлинга Восточную группу и занимали позиціи отъ Ляндясяна до Сакана на Тайцзыхе; 5-й Сиб. корпусъ (г. л. Дембовскаго)—30 т. чел. и 48 ор. стоялъ у Мукдена, составляя общій резервъ арміи. Фланги этого расположенія охранялись отрядами: правый—г. м. Коссаговскаго ($8^1/_2$ б-новъ, 9 сот. и 18 ор.)—у Давана, Сяобейхе и Каолитунь, лѣвый—г. м. Любавина (12 сот. 4 ор.)—у д. Уйнинина на р. Тайцзыхе; полк. Грулева (5 б-новъ, 6 сот. и 6 ор.)—у Бенсиху и полк. Мадритова (2 б-на, 12 сот. и 2 ор.)—у Ляочена. Конный отрядъ г. м. Мищенко стоялъ на отдыхѣ въ окрестностяхъ Ляояна.

Японцы также использовали перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ для укомплектованія арміи и къ тому же 11-го августа имѣли 128 б-новъ, 576 ор. и 49 эскадр., всего также около 200 тыс. чел.

Они были расположены: 1-я армія (Куроки)—около 85 т. чел. у Тхавуана и Гудзяцзы—въ двухъ группахъ, противъ 3-го Сиб. и 10 арм. корпусовъ, 2-я армія (Оку)—около 70 т. чел.—у Хайчена и Ньючжуана—противъ Айсандзянской позиціи и 4-ая армія (Нодзу)—около 50 тыс. чел. между ними—у Симучена...

Сравненіе этихъ силъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: общая численность противниковъ одинакова; въ частности, у насъ на 100 эск. и сот. больше конницы; на 30 ор. болѣе артиллеріи; но у японцевъ 180 гор. орудій,—у насъ только 7.

Первоначальный планъ ген. Куропаткина заключался въ томъ, чтобы арріергардными боями на Айсандзянской, Ляндясанской и Анпилинской позиціяхъ выиграть время для окончанія укрѣпленія Ляояна и подхода подкрѣпленій (1-го арм. корп.), а затѣмъ отойти на передовыя Ляоянскія позиціи и, опираясь на укрѣпленія Ляояна, принять рѣшительный бой.

Въ этомъ смыслѣ ген. Куропаткинымъ даны были еще въ концѣ іюля соотвѣтствующія указанія начальникамъ южной и восточной группъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ именно планомъ эти начальники располагали войска, укрѣпляли позиціи и отдавали всѣ распоряженія.

И вдругъ 11-го августа ген. Куропаткинъ мѣняетъ этотъ планъ и принимаетъ рѣшеніе дать на этихъ позиціяхъ *упорный*, рѣшительный бой всѣми силами арміи и въ случаѣ его успѣха перейти въ наступленіе. Предполагаютъ, что это измѣненіе плана дѣйствій вызвано было успѣшнымъ сосредоточеніемъ въ раіонѣ Мукденъ—Шахе 5-го Сиб. корпуса и прибытіемъ первыхъ эшелоновъ 1-го арм. корпуса.

Однако, это увеличеніе численности арміи не искупало недостатковъ позицій, занятыхъ для арріергардныхъ боевъ, а не для генеральнаго сраженія.

Айсандзянская позиція, тянувшаяся по гребню горнаго отрога на 14 верстъ, была велика для южной группы; сократить же ее не позволяли условія мѣстности; и безъ того лѣвый флангъ ея легко былъ обходимъ долиною р. Сыдахыа.

Ляндясанская позиція по своему протяженію (12 вер.) также не соотвѣтствовала силамъ 3-го Сиб. арм. корпуса, ее занимавшаго; гористая мѣстность внутри ея чрезвычайно затрудняла войскамъ взаимную поддержку, а впереди позиціи сложная система сопокъ и лощинъ давала противнику легкую возможность скрыто подойти къ ней.

Наконецъ, 20-ти верстная Анпилинская позиція еще болѣе не соотвѣтствовала силамъ 10-го корпуса, совершенно не имѣла обстрѣла въ тылу имѣла р. Танхе и, вообще, для обороны представляла однѣ лишь отрицательныя стороны. Къ тому же въ отличіе отъ Айсанд-

зянской и Ляндясанской позицій, укрѣпленныхъ заблаговременно, она была укрѣплена поспѣшно.

Если къ этой характеристикѣ позицій добавить, что, несмотря на растянутое положеніе войскъ южной и восточной группъ между ними все-таки оставался промежутокъ въ 22 версты (отъ Кусанцзы до Кофынцзы), никѣмъ не занятый, станетъ ясно, что новый планъ дѣйствій ген. Куропаткина не сулилъ намъ никакихъ успѣховъ. Онъ могъ и долженъ былъ лучше всего воспользоваться этими позиціями, какъ исходными положеніями арміи для наступленія, но онъ по-прежнему оставлялъ иниціативу дѣйствій въ рукахъ противника. Ойяма же не заставилъ себя долго ждать. Какъ только опредѣлилось, что періодъ дождей миновалъ, онъ начинаетъ наступленіе въ тотъ самый день, въ который армія Ноги прекращаетъ свои попытки взять Артуръ открытой силой и переходитъ къ постепенной атакѣ его.

11-го и 12-го августа правая колонна арміи Нодзу и лѣвая колонна арміи Куроки тѣснятъ наши передовые отряды у Ляндясана, Тунсинпу и Лаодинмтана и входятъ между собою въ связь. А въ ночь на 13-е августа всѣ японскія арміи переходятъ въ наступленіе по всему фронту. Планъ Ойямы заключается въ томъ, чтобы, прорвавъ, нашъ фронтъ именно на незанятомъ нами участкѣ отъ Кусанцзы до Кофынцзы между южной и восточной группами, отбросить первую на западъ отъ ж. дороги, а вторую—на востокъ отъ нея и, такимъ образомъ, открыть себѣ дорогу на Ляоянъ.

Для этого армія Оку, силою около 70 т. ч., при 252 ор., наступаетъ 2-мя колоннами противъ южной группы г. л. Зарубаева (70 т. ч. при 152 ор.): лѣвая должна атаковать ее съ фронта, правая зайти ей въ тылъ долиною рѣки Шахе; армія Нодзу одной колонной должна атаковать правый флангъ 3-го Сиб. корпуса, а другой—зайти въ тылъ восточной группѣ; ей содѣйствуетъ въ атакѣ 3-го Сиб. корпуса, со стороны Тхавуана, лѣвая колонна арміи Куроки, въ то время какъ правая колонна этой арміи (55 т. ч. и 120 ор.) атакуетъ нашъ 10-й корпусъ (30 т. при 119 ор.).

Происходитъ рядъ боевъ. 3-й Сибирскій корпусъ сохраняетъ свои позиціи, но 10-й сбитъ на своемъ лѣвомъ флангѣ у Пегоу; противникъ угрожаетъ его пути отступленія, а вздувшаяся отъ дождей р. Танхе въ тылу корпуса грозитъ разобщить его съ остальными частями арміи... Одновременно обнаруживается обходъ значительными силами арміи Оку лѣваго фланга Айсандзаянской позиціи. Авангарды 2-го Сиб. корпуса сбиты противникомъ съ своихъ позицій и отходятъ къ Кусанцзы.

И, ночью 13-го августа ген. Куропаткинъ отдаетъ приказаніе—всей арміи отходить на передовыя Ляоянскія позиціи. Войска отходятъ съ боемъ 14-го и 15-го августа по отвратительнымъ дорогамъ, размытымъ дождями, теряютъ орудія на переправахъ черезъ вздувшіяся

горныя рѣки и въ пучинахъ грязи и 16-го августа утромъ занимаютъ позиціи, на которыхъ спѣшно, утомленные, и устраиваются. Противникъ идетъ по пятамъ.

Передовая ляоянская позиція, на которой должна была теперь—и могла!—рѣшиться участь кампаніи, отстоитъ отъ Ляояна къ югу верстъ на 7, на 10 и, начинаясь у полотна желѣзной дороги огромной высотой, прозванной «Кулакъ», тянется вокругъ Ляояна верстъ на 20 по грядѣ возвышенностей... Тактическія достоинства позиціи и степень ея укрѣпленности неодинаковы. Правый участокъ длиною 5 верстъ былъ сравнительно хорошо укрѣпленъ: на гребнѣ возвышенностей устроены были окопы, передъ фронтомъ, имѣвшимъ хорошій обстрѣлъ, были выкопаны волчьи ямы, заложены фугасы и устроены проволочныя загражденія. Къ лѣвому флангу участка подходили запутанные горные отроги и промежуткомъ въ $3^1/_2$ версты отдѣляли его отъ лѣваго участка позиціи. Послѣдній былъ менѣе силенъ для обороны: гористая мѣстность передъ фронтомъ его давала противнику возможность скрытно подойти къ нашей позиціи на близкое разстояніе,—и болѣе слабо укрѣпленъ... Даже гаолянъ передъ фронтомъ участка успѣли вытоптать всего лишь на 300—600 шаговъ, хотя времени было достаточно...

Армія наша заняла эту позицію слѣдующимъ образомъ: 1-й Сиб. корпусъ занялъ правый участокъ; 3-й Сиб. корпусъ сталъ влѣво отъ него, на лѣвомъ участкѣ; лѣвѣе его 10-й корпусъ; эти три корпуса составляли боевую часть арміи; общимъ резервомъ для нея служили 2-й и 4-й Сиб. корпуса, ставшіе первый за центромъ, второй—за правымъ флангомъ.

17-й корпусъ, расположенный на высотахъ праваго берега Тайцзыхе отъ Санванцзы до Сыквантуня, фронтомъ на востокъ и юго-востокъ, преграждалъ пути къ Ляояну съ востока и въ то же время охранялъ лѣвый флангъ арміи, сторожа рѣку до Бенсиху. 54-я дивизія (изъ 5-го Сиб. корпуса) стояла еще далѣе къ юго-востоку у Шахе и прикрывала пути на Мукденъ. Резервомъ этой группъ войскъ служила бригада 71-й пѣхотной дивизіи.

Правый флангъ арміи охранялся тремя конными отрядами: ген. Мищенко—у Улунтая, ген. Грекова—наблюдавшимъ у Хечунпу переправы черезъ Ляохе и ген. Самсонова, стоявшимъ уступомъ за флангомъ арміи у д. Яньцзахинцзы. Во всѣхъ этихъ отрядахъ было 54 сот., 3 б-на и 34 ор.

На этотъ разъ противникъ измѣнилъ своему обыкновенію и, готовясь къ рѣшительной атакѣ нашихъ позицій, не произвелъ артиллерійской рекогносцировки расположенія нашихъ батарей.

Въ теченіе дня 16-го августа онъ слабымъ огнемъ обстрѣливалъ участокъ, занятый 3-мъ Сиб. корпусомъ.

Къ вечеру канонада стихла. Настала ночь,—послѣдняя для мно-

гихъ, — тихая, теплая... Ущербленная луна была блѣдна и неясна, словно на нее былъ наброшенъ траурный флеръ по жертвамъ грядущаго дня... На окрестныхъ горахъ зажглись бивачные огни... Но самые биваки наши были тихи. Хотя к—щій арміей наканунѣ великаго дня не обратился къ арміи ни съ однимъ горячимъ словомъ, не объѣхалъ ни одной части, не видалъ ни одного солдатскаго лица, не слышалъ біенія ни одного солдатскаго сердца, войска спокойно, въ ясномъ сознаніи важности наступающей минуты ждали разсвѣта.

И едва мутные лучи сѣраго, пасмурнаго утра 17-го августа прорѣзали тьму ночи, какъ два японскихъ эскадрона и полкъ пѣхоты изъ арміи Нодзу атаковали передовыя части 3-го Сиб. корпуса (команду охотниковъ и б-нъ 23-го вост. сиб. стр. полка), занимавшія сопки у д. Кудяза... Японская артиллерія поддержала эту атаку сильнѣйшимъ огнемъ, а густыя цѣпи японской пѣхоты, прикрываясь гаоляномъ, двинулись на поддержку своихъ передовыхъ атакующихъ частей...

Сраженіе началось... Въ то время, какъ Нодзу напрягалъ всѣ усилія сломить правый флангъ расположенія 3-го Сиб. корпуса, чтобы прорваться въ 3-хъ верстный промежутокъ между Цофантуньскимъ и Маетунскимъ участками, артиллерія Оку три часа громила позиціи 1-го Сиб. корпуса... Но мы и тутъ, и тамъ устояли.

Тогда, около 9-ти часовъ утра, пѣхота Оку, въ свою очередь, повела энергичное наступленіе на лѣвый флангъ 1-го корпуса, все съ тою же цѣлью прорвать нашъ фронтъ на этомъ промежуткѣ. Но для прикрытія его, частью силъ, взятыхъ изъ резерва арміи, уже была занята позиція у Падяканцзы... И всѣ попытки японцевъ прорваться въ этотъ промежутокъ были отбиты... Мы устояли.

Тогда волна японскихъ атакъ, направлявшаяся въ этотъ промежутокъ, какъ въ русло, встрѣтивъ здѣсь преграду, стала разливаться все болѣе по фронту обоихъ корпусовъ и къ полудню докатилась до 10-го корпуса, правый флангъ котораго, у Мындяфанскаго ущелья, также былъ атакованъ бригадою изъ арміи Куроки...

Но мы и тутъ устояли... Потерпѣвъ неудачу прорвать тутъ или тамъ нашъ стратегическій фронтъ, Ойяма ставитъ себѣ цѣлью дальнѣйшихъ дѣйствій окружить нашу армію.

Двѣ дивизіи изъ арміи Оку пытаются обойти нашъ правый флангъ... Мы противопоставляемъ имъ части 4-го Сиб. корпуса, которыя огнемъ и штыками отбиваютъ всѣ атаки японцевъ...

Съ наступленіемъ темноты, когда Оку и Нодзу прекратили атаки, на нашихъ позиціяхъ ясно всѣми чувствовалось, что энергія противника надломлена, увѣренность его въ себѣ поколеблена, а его силы и средства борьбы сильно уже истощены...

Это еще болѣе подняло духъ нашей арміи и безъ того бодрый и героическій.

Сообщая вечеромъ 17-го августа штабу сосѣдняго 10-го корпу-

са о результатахъ боя за день—о томъ, что передовая высота, взятая утромъ японцами, ими очищена, что корпусомъ отбиты всѣ атаки,—командиръ 3-го Сиб. корпуса, ген. л. Ивановъ прибавлялъ:—«Потери огромныя, но и бодрость духа еще огромна. Всѣ убѣждены, что мы никогда не отступимъ...».

Въ этомъ была убѣждена вся армія... Извѣстна повышенная нервность раненыхъ. Имъ кажется, что вмѣстѣ съ ними гибнетъ все, и по дорогѣ на перевязочный пунктъ они увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что всѣ офицеры убиты, солдаты «почитай, всѣ пропали»,—что дѣла наши плохи, непріятеля «видимо-невидимо» и «противъ него не устоять...» Такъ было подъ Вафонгоу, Хайченомъ, потомъ на Шахе... Подъ Ляояномъ—ничего подобнаго. Раненые поражали своимъ спокойствіемъ, своимъ самоотверженіемъ. Съ большимъ одушевленіемъ сни разсказывали объ обстоятельствахъ боя, радуясь, что все идетъ отлично, что мы удержимся, что на этотъ разъ мы погонимъ японцевъ.

— Развѣ можно отдать Ляоянъ! говорили одни.

— Это ничего, что меня ранило, — говорили другіе; — нашихъ еще довольно осталось...

— Наворотимъ!.. Теперь ужъ наша взяла!..—грозились третьи. Легко раненые не хотѣли уходить. Другіе тащились сами, не позволяли товарищамъ себя провожать...

Огромныя потери, которыя мы несли отъ безпрерывныхъ жестокихъ атакъ непріятеля, ливня свинца, чугуна и стали, никого не смущали. Передавали, что когда одну изъ наиболѣе потерпѣвшихъ батарей 1-го Сиб. корпуса, потерявшую уже болѣе половины орудійной прислуги, хотѣли замѣнить другою, уцѣлѣвшіе воспротивились.—«Не надо, мы всѣ умремъ!»—кричали они.

Вообще выдержка, съ которою вели себя въ этотъ день наши войска, была изумительная,—и атмосфера боевого поля была насыщена не только запахомъ обильно пролившейся крови, но и ароматомъ высокихъ, благородныхъ качествъ человѣческой души, жертвующей собою «за други своя»,—за Отечество.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ на южномъ и восточномъ фронтахъ Ляояна началъ затихать жестокій бой, Ойяма двинулъ чрезъ Тайцзыхе, въ обходъ нашего лѣваго фланга, армію Куроки. Это былъ смѣлый, рискованный, но талантливый ходъ.—«Сходство Тайцзыхе Куроки съ Рубикономъ Цезаря, говоритъ по поводу этого рѣшенія ген. Гамильтонъ,—заключалась въ томъ, что ни та, ни другая рѣка не представляли собою препятствія для перехода войскъ, но разъ переходъ совершенъ, этимъ самымъ ихъ начальники ставили на карту все» [1]).

---

[1]) Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Изд. В. Березовскаго, т. II, стр. 75.

Первою, поздно вечеромъ 17-го августа, начала переправляться черезъ Тайцзыхе въ бродъ у Лентоувана 12-я японская дивизія, та самая, которая первою переправилась и черезъ Ялу, подъ Тюренченомъ...

Вслѣдъ за ней, въ теченіе ночи, переправилась бригада 2-й дивизіи и начали переправляться артиллерія и кавалерія.

— «Смѣлый ударъ на Ампинъ значительнаго отряда русскихъ, съ неопрокинутаго фронта которыхъ японцы начали уходить съ наступленіемъ темноты,—замѣчаетъ ген. Гамильтонъ, состоявшій какъ разъ въ то время при 1-й японской арміи,—разрѣзалъ бы армію Куроки на двѣ части и, даже если бы въ концѣ концовъ и былъ отбитъ, то все-таки настолько разстроилъ бы и разметалъ его обозы, что 1-я армія была бы осуждена на бездѣйствіе въ теченіе нѣсколькихъ недѣль» [1]).

Это ясно сознавалось и у насъ. Идея наступленія, атаки обезсиленнаго противника была въ умѣ и сердцѣ каждаго пережившаго первый день Ляоянскаго сраженія и послѣ благополучно проведенной ночи бодро и радостно смотрѣвшаго въ лицо второго дня. Она носилась въ этомъ чистомъ, свѣжемъ воздухѣ ранняго утра 18 августа.

Поэтому, когда выяснилось, что за ночь передъ фронтомъ 10-го корпуса японцы отступили (вѣрнѣе — ушли за Тайцзыхе), начальникъ лѣвофланговаго участка позиціи, ген. Васильевъ сталъ просить разрѣшить ему перейти въ наступленіе... Командиръ корпуса, ген.-л. Случевскій не рѣшился самостоятельно дать ему это разрѣшеніе и запросилъ командующаго арміей... Ген. Куропаткинъ отказалъ.

Но еще до полученія этого отказа ген. Васильевъ продвинулся впередъ, занялъ двѣ деревни, прогналъ японцевъ артиллерійскимъ огнемъ изъ третьей и намѣревался гнать ихъ дальше, донося, что это «отнюдь не рискованно». Фактомъ своего успѣха онъ видимо, хотѣлъ сломить колебаніе корпуснаго командира... Но было уже поздно. Васильеву отвѣтили, что задуманное имъ движеніе впередъ нежелательно: это ослабляетъ силы корпуса и удлиняетъ его позицію, а чтобы лишить энергичнаго генерала возможности дѣйствовать самостоятельно, ему, отъ имени командующаго арміей, предложили отдѣлить въ резервъ по возможности болѣе войскъ.—«Это нужно, утѣшали ген. Васильева,—для предстоящихъ активныхъ дѣйствій».

Ихъ всѣ и ждали....

Теперь армія Куроки переправлялась уже при свѣтѣ бѣлаго дня, на глазахъ всего нашего 17-го корпуса, стоявшаго на высотахъ сѣвернѣе д. Сыквантунъ, а переправившись, двигалась на сѣверъ и укрѣплялась на высотахъ у Канквантуня.

Въ то же время войска Оку и Нодзу, всю ночь тревожившія

---

[1]) Тамъ же, стр. 77.

наши 1-й и 3-й Сибирскіе корпуса нечаянными нападеніями, дабы убѣдиться, что они не ушли съ позиціи,—возобновили свои яростныя атаки, на этотъ разъ не столько для того, чтобы сбить ихъ, сколько для того, чтобы удержать ихъ на мѣстѣ до окончанія обходного движенія Куроки.

Опять полился на головы доблестныхъ сибирскихъ стрѣлковъ, стоявшихъ въ полевыхъ окопахъ, дождь свинца и стали, и воздухъ загудѣлъ отъ несмолкающаго грохота выстрѣловъ, жужжанія летящихъ снарядовъ, треска ихъ разрывовъ, трескотни пулеметовъ, скорострѣльныхъ винтовокъ, криковъ атакующихъ и стоновъ раненыхъ... Веденныя энергично, демонстративныя атаки японцевъ встрѣчали съ нашей стороны столь же энергичный отпоръ.

— Мы устояли... Мы устоимъ — говорили на позиціяхъ всѣ: — генералы, офицеры, солдаты... И увѣренность въ побѣдѣ росла и крѣпла въ нихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тише становилось на фронтѣ 3-го и 10-го корпусовъ. Введенный въ дѣло прямо изъ вагоновъ 85-й пѣх. Выборгскій полкъ еще болѣе укрѣплялъ надежду, что въ рѣшительную минуту перехода въ наступленіе мы окажемся численно сильнѣе противника и при томъ съ запасомъ свѣжихъ силъ въ лицѣ 1-го арм. корпуса; о томъ, что дѣлалось въ 17-мъ арм. и 5-мъ Сиб. корпусахъ на южномъ и восточномъ фронтахъ не знали, но твердо вѣрили, что и они отразятъ обходящую нашъ лѣвый флангъ армію Куроки.... Уже леталъ изъ устъ въ уста слухъ, что цѣлая дивизія его загнана въ рѣку и затоплена...

Въ дѣйствительности этого не случилось, хотя слухъ легко могъ стать тогда фактомъ.

Противъ переправившихся за ночь полутора дивизій арміи Куроки, не имѣвшихъ при себѣ артиллеріи, на высотахъ Сыквантуна и у д. Санванцзы стоялъ весь 17-й корпусъ. Но онъ узналъ о переправѣ японцевъ только утромъ 18-го августа и не попытался сбросить ихъ въ рѣку энергичнымъ переходомъ въ наступленіе.

По признанію одного изъ начальниковъ дивизіи этого корпуса, штабомъ послѣдняго ему были «категорически воспрещены наступательныя дѣйствія, чтобы преждевременными боями не нарушить плановъ командующаго арміей....» [1])

Для послѣдняго же обходное движеніе Куроки, повидимому, не представляло неожиданности. Что возможность его предусматривалась еще до боя, видно изъ сосредоточенія на правомъ берегу Тайцзыхе, къ этому пункту войскъ 17 арм. и 5-го Сиб. корпусовъ. Затѣмъ, ког-

---

[1]) См. письмо въ редакцію журнала «Развѣдчикъ» (1908 г. № 989) бывшаго начальника 35-й пѣх. дивизіи, ген.-л. Добржинскаго, который, между прочимъ, сообщаетъ, что до прибытія его къ Сыквантуну никакой развѣдки кавалеріей произведено не было, такъ какъ начальникъ ея прибылъ позднѣе его, ген.-л. Добржинскаго.

да въ первый день боя подъ Ляояномъ, 17-го августа, армія Куроки такъ вяло дѣйствовала противъ 10-го корпуса, предположенія эти еще болѣе окрѣпли.— И все-таки о переправѣ Куроки въ штабѣ нашей арміи узнали вполнѣ опредѣленно только къ полудню 18-го числа, а узнавъ, не сдѣлали никакихъ распоряженій о противодѣйствіи обходу. Очевидно, какъ и передъ Тюренченскимъ боемъ, предпочитали чтобы «японцы всѣ вылѣзли на берегъ, дабы всѣхъ ихъ сразу сбросить въ рѣку...»

И японцы «вылѣзли». Безпрепятственно, подъ слабымъ огнемъ нашей артиллеріи, навели они въ теченіе дня 18-го августа понтонный мостъ, перевели по немъ артиллерію, заняли позицію на Канквантунскихъ высотахъ, спѣшно на нихъ окопались — и къ вечеру 18-го августа положеніе Куроки, столь рискованное еще утромъ, стало совершенно прочнымъ. И тогда предъ ген. Куропаткинымъ возникла дилемма: или, оставивъ противъ арміи Куроки заслонъ, перейти въ наступленіе въ южномъ направленіи противъ армій Нодзу и Оку, или отойти на главную Ляоянскую позицію и, оставивъ для ея обороны минимумъ войскъ, ударить возможно большими силами на Куроки и попытаться разбить его, прижавъ къ Тайцзыхе, проходимой въ то время въ бродъ лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Какой же изъ этихъ двухъ плановъ выберетъ ген. Куропаткинъ?

На передовыхъ Ляоянскихъ позиціяхъ южнаго восточнаго фронтовъ, столь слабыхъ своими окопами, но столь сильныхъ доблестью ихъ защитниковъ, мы удержались и къ концу второго дня ляоянской битвы. Попрежнему здѣсь всѣ атаки противника были отбиты, и онѣ становились все болѣе рѣдкими и все болѣе росла въ нашихъ рядахъ увѣренность въ побѣдѣ. И сильныя этой увѣренностью, своею надеждою на переходъ въ наступленіе, войска наши стояли живою, но несокрушимою стѣною подъ ливнемъ японскихъ снарядовъ и пуль, запасъ которыхъ, видимо, приходилъ къ концу... Были уже случаи, когда за неимѣніемъ патроновъ, японцы бросали въ наши окопы камни, все, что попадалось имъ подъ руку... Изъ нашихъ окоповъ уже видѣли, какъ японскіе офицеры тщетно пытались увлечь за собою въ атаку солдатъ... Силы и средства борьбы, видимо, уже были растрачены японцами... Духъ ихъ подорванъ...—«Еслибы въ это время русскіе однимъ или двумя полками перешли гдѣ нибудь въ наступленіе, признавался впослѣдствіи германскій военный агентъ при японской арміи,— они одержали бы подъ Ляояномъ блестящую побѣду...»

Къ сожалѣнію, у ген. Куропаткина не хватило на это рѣшимости.

Управляя боемъ изъ вагона и по телефону, имѣя дѣла только съ бумагой донесеній, несвободный и въ этотъ торжественный и высокій часъ отъ своей обычной мелочной заботливости въ распоряженіяхъ, онъ не коснулся и теперь души своихъ войскъ, такъ чудесно

раскрывавшейся на каждомъ шагу, не зналъ ея и, пожалуй, даже все еще плохо вѣрилъ въ нее.

Онъ разсуждалъ такъ:—«Даже при успѣхѣ противъ арміи Оку и Нодзу, которыя въ худшемъ для нихъ случаѣ могли отступить, увлекая насъ отъ Ляояна, успѣхъ арміи Куроки и выходъ ея на наши сообщенія, грозилъ катастрофою [1]). Между тѣмъ, чтобы имѣть сколько-нибудь достаточныя силы для перехода въ наступленіе противъ двухъ японскихъ армій, можно было оставить заслономъ противъ арміи Куроки только находившіеся на правомъ берегу Тайцзыхе 17-й корпусъ и два полка 54-й пѣх. дивизіи, всего 40 б-новъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Бильдерлинга. Однако, этимъ войскамъ, не имѣвшимъ еще достаточнаго боевого испытанія, нельзя было довѣрить выполненія особо трудной задачи, каковою являлось удержаніе превосходной въ силахъ арміи Куроки, при неизбѣжной къ тому же растянутости расположенія нашего заслона. Это недовѣріе, — заключаетъ свои объясненія ген. Куропаткинъ, — оправдалось послѣдующими событіями.»

Но, быть можетъ, оно потому и оправдалось, что изъ двухъ рѣшеній вопроса:—что дѣлать?—ген. Куропаткинъ выбралъ наименѣе соотвѣтствовавшее обстановкѣ и къ тому же наиболѣе сложное и трудно выполнимое. Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что событія не оправдали предположеній ген. Куропаткина. Стало быть, онъ плохо расчиталъ. Избравъ изъ указанныхъ выше двухъ способовъ дѣйствій второй, т.-е. отходъ на главныя Ляоянскія позиціи и главный ударъ по арміи Куроки,—ген. Куропаткинъ принялъ слѣдующій планъ: оставивъ для обороны Ляоянской позиціи 2-й и 4-й Сиб. корпуса (86 б-новъ, 15 сот. и 228 ор.), онъ рѣшилъ переправить остальные корпуса (1-й и 3-й Сибирскіе и 10 й армейскій,—всего 93 б-на, 73 эск. и сот. и 352 ор.), на правый берегъ Тайцзыхе и развернуть ихъ между позиціей 17-го арм. корпуса у Сыквантуня и высотами у Янтайскихъ копей, которыя долженъ былъ занять отрядъ ген. м. Орлова изъ 13-ти б-новъ; принявъ за симъ позицію у Сыквантуня за ось, надлежало произвести захожденіе арміи лѣвымъ плечомъ впередъ, дабы взять во флангъ позицію японцевъ, тянувшуюся отъ Тайцзыхе у с. Квантунъ по направленію къ Янтайскимъ копямъ.

Сложность этого маневра очевидна. Между тѣмъ на выполненіе его—отступленіе съ передовыхъ позицій, переправу 3 хъ корпусовъ съ 352 орудіями черезъ Тайцзыхе, сосредоточеніе ихъ на новомъ участкѣ обширнаго поля сраженія, развертываніе и захожденіе цѣлой арміи лѣвымъ плечомъ,—оставалась одна только ночь, ибо нельзя же было считать, что противникъ останется бездѣятельнымъ зрителемъ

---

[1]) Позиціи, занятыя 18 августа переправившимися частями арміи Куроки, находились отъ жел. дороги въ 16 верстахъ.

его и не попытается спутать наши расчеты своими дѣйствіями. Къ тому же трудный маневръ захожденія плечомъ цѣлой арміи основывался на устойчивости оси захожденія, а между тѣмъ этою осью служили тѣ самыя войска (17-й корпусъ и два полка 54-й пѣх. дивизіи), относительно которыхъ самъ ген. Куропаткинъ высказался, что имъ, какъ не имѣвшимъ еще достаточнаго боевого испытанія, нельзя было довѣрить выполненіе особо трудной боевой задачи. А развѣ та задача, которую онъ возлагалъ теперь на нихъ, выбравъ второй способъ дѣйствій, не была трудною? Если принять во вниманіе, увы, запоздалое теперь признаніе ген. Куропаткина, что ген. Бильдерлингъ для выполненія поставленной ему задачи занялъ не заблаговременно укрѣпленную позицію по линіи Чжантунь—Тазыпу, а высоту сѣвернѣе Сыквантуна, укрѣпленіе которой ограничилось возведеніемъ нѣсколькихъ окоповъ и даже гаолянъ не былъ очищенъ для образованія предъ позиціею обстрѣла, то эту задачу приходится считать исключительною по своей трудности.

При такихъ условіяхъ не раціональнѣе ли былъ первый способъ дѣйствій? Успѣхъ двухдневнаго боя на передовыхъ Ляоянскихъ позиціяхъ и вызванный имъ огромный подъемъ духа защищавшихъ ихъ войскъ обезпечивалъ энергическое наступленіе противъ обезсиленныхъ безуспѣшными атаками и морально подавленныхъ неудачами ихъ армій Оку и Нодзу. Отбрасывая ихъ къ Айсандзяну, мы разрывали связь ихъ съ арміей Куроки, отрѣзанной отъ своихъ не только разстояніемъ, которое все болѣе бы, увеличивалось но и рѣкою въ тылу... Все это вмѣстѣ взятое, при нравственномъ впечатлѣніи, которое долженъ былъ произвести на японцевъ нашъ переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ, едва ли побудило бы Куроки угрожать нашимъ путямъ сообщенія, и въ частности—желѣзной дорогѣ, прикрытой двумя корпусами—17-мъ армейскимъ и 5-мъ Сибирскимъ. Ему пришлось бы заботиться о своемъ собственномъ пути отступленія и о связи съ остальными арміями. Что это такъ, свидѣтельствуетъ ген. Гамильтонъ, которому 22-го августа въ штабѣ ген. Куроки было сказано:—«Большое счастіе для насъ, что Куропаткинъ вчера или третьяго дня насъ не атаковалъ. Нашей удачѣ какъ то даже трудно вѣрится...»

Впрочемъ, какой бы планъ дѣйствій ни былъ выбранъ въ концѣ концовъ нашимъ полководцемъ, несомнѣнно его надлежало осуществлять безотлагательно и энергично. Между тѣмъ наступленіе противъ Куроки могло начаться только 20-го августа. Ночью на 19-е августа наши войска очистили передовыя Ляоянскія позиціи и, переправившись за Тайцзыхе [1]), въ теченіе цѣлаго дня пополняли свои боевые и продовольственные запасы и устраивались. Неожиданное отступленіе сильно

---

[1]) Собственно за Тайцзыхе отошли 1-й Сибир. и 10-й арм. корпуса, 3-й же Сибирскій сосредочился у города.

Оставленные подъ Ляояномъ.

Волчья яма.

№ 5

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Имени А. С. ПУШКИНА

подорвало ихъ духъ—и утомленіе взяло верхъ. Только этой реакціей, неизбѣжно наступающей послѣ огромнаго напряженія физическихъ силъ и высокаго подъема духа, и можно объяснить отсутствіе энергіи въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ войскъ 1-го Сиб. корпуса... Надо было видѣть этихъ отступавшихъ съ передовыхъ позицій людей, съ сѣро-зелеными лицами, мутными глазами, безкровными губами, съ озлобленными рѣчами по поводу отступленія съ мѣстъ, купленныхъ цѣною столькихъ усилій и жертвъ, чтобы понять, что эти люди, голодные, вымокшіе наканунѣ подъ ливнемъ, истомленные безпрерывными въ теченіе недѣли боями,—уже не въ силахъ будутъ вновь подняться на ту же степень воодушевленія и напряженія всѣхъ своихъ силъ, которой требовала продолжающаяся битва съ энергичнымъ, смѣлымъ противникомъ.

Куроки, конечно, не сталъ ждать, пока мы развернемъ противъ него всю армію, сдѣлаемъ захожденіе ея лѣвымъ плечомъ и возьмемъ во флангъ его позиціи. На разсвѣтѣ 19-го августа онъ самъ перешелъ въ наступленіе, оттѣснилъ передовыя части 17-го корпуса и, выждавъ, когда переправится черезъ Тайцзыхе гвардейская резервная бригада, двинутая имъ на Янтайскія копи, вечеромъ атаковалъ Нѣжинскую сопку и д. Сыквантунь. Послѣ упорнаго боя эта важная высота, составлявшая лѣвый флангъ позиціи 17-го корпуса, осталась въ рукахъ японцевъ, вслѣдствіе чего начальникъ 35-й пѣх. дивизіи, ген.-л. Добржинскій, на разсвѣтѣ 20-го августа, отвелъ съ этого участка всѣ войска къ д. Сахутунь. Такимъ образомъ, Сыквантунская позиція, предназначенная служить осью захожденія арміи, была потеряна. Весь планъ дѣйствій былъ нарушенъ. Вмѣсто развертыванія арміи и захожденія ея плечомъ, 20-го августа предстояло взять эту позицію - ось обратно отъ японцевъ. Для достиженія этой цѣли въ распоряженіе ген. Бильдерлинга предоставлено было 44 б—на, а въ резервъ къ нимъ предназначался весь 3-й Сиб. корпусъ. Способствовать успѣху дѣйствій ген. Бильдерлинга должны были отрядъ ген.-м. Орлова (54-я пѣх. дивизія) и 1-й Сиб. корпусъ...

Однако, несмотря на то, что къ 1 часу дня 20-го августа мы имѣли у Сыквантуня тройной перевѣсъ въ силахъ противъ Куроки, а общее положеніе послѣдняго было критическое,—мы отложили атаку занятыхъ японцами Нѣжинской сопки и д. Сыквантунь, до 5 ч. вечера, въ цѣляхъ подготовки ея артиллеріей, а за это время обстановка рѣзко измѣнилась,—и не въ нашу пользу.

Отрядъ ген. Орлова, наступавшій къ югу отъ Янтайскихъ копей для содѣйствія 17-му корпусу въ атакѣ Сыквантунской позиціи, наткнулся около дер. Фаншинъ на превосходныя силы противника (12-я дивизія съ резервною бригадою), который самъ перешелъ въ наступленіе съ фронта и лѣваго фланга. Не будучи въ силахъ сдержать его, ген. Орловъ приказалъ отряду отступать къ ст. Янтай... Идти при-

ходилось по необозримому гаоляновому полю, въ которомъ отдѣльныя роты скоро потеряли взаимную связь... Выстрѣлы невидимаго противника гремѣли отовсюду... Отступленіе стало безпорядочнымъ. Когда стало извѣстно, что къ полю сраженія подходитъ 1-й Сиб. корпусъ, ген. Орловъ рѣшилъ затянуть бой... Вмѣстѣ съ командиромъ бригады своей дивизіи, ген. Фоминымъ, онъ повернулъ назадъ одинъ б—нъ, сохранившій болѣе другихъ порядокъ, и, ставъ во главѣ его, повелъ его впередъ, на японцевъ... Послѣдніе, скрытые гаоляномъ, оказались совсѣмъ близко—и враги замѣтили другъ друга въ разстояніи всего лишь 20 шаговъ. Команда «ура»—съ нашей стороны и залпъ—съ другой. Ген. Фоминъ былъ убитъ, ген. Орловъ тяжко раненъ—и б—нъ повернулъ обратно... Отступленіе стало общимъ и паническимъ... Тогда на пути движенія японцевъ въ тылъ нашей арміи и къ Мукдену стали конные отряды ген.-м. Самсонова и ген.-м. Мищенко... Спѣшенные казаки и двѣ конныя батареи своимъ огнемъ до 6 час. вечера сдерживали напоръ противника, надѣясь, что развязку боя на этомъ участкѣ приметъ на себя 1-й Сиб. корпусъ. Но ген. Штакельбергъ медлилъ движеніемъ, сосредоточиваясь и развертываясь у Сяоталіенгоу, а затѣмъ,донеся командующему арміей о численной слабости корпуса и объ утомленіи людей, — вовсе отошелъ назадъ, къ д. Лиліенгоу... Тогда послѣдовательно отступили и конные отряды Мищенко и Самсонова, угрожаемые обходомъ съ лѣваго фланга...

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ у Янтайскихъ копей завершались всѣ эти событія, у Сыквантуна начинались еще только атаки этой деревни и Нѣжинской сопки, занятыхъ японцами. Въ 6 ч. вечера мы завладѣли деревней, а потомъ и высотой... Но японцы осыпали наши войска, занимавшія ихъ такимъ жестокимъ огнемъ, что когда почти всѣ офицеры были перебиты и большинствомъ ротъ командовали фельдфебеля, стрѣлки не выдержали и въ 2 ч. ночи на 21-е августа очистили Нѣжинскую сопку. Тогда ген. Добржинскій, какъ и наканунѣ, снова очистилъ весь участокъ и отвелъ войска еще на 3 версты назадъ, къ Эрдагоу.

Такимъ образомъ, 20-го августа мы потеряли обѣ позиціи (Сыквантунскую и Янтайскую), которыя, по плану ген. Куропаткина, должны были служить опорными точками для задуманнаго имъ маневра противъ Куроки, и теперь не мы уже грозили прижать его къ рѣкѣ, а онъ грозилъ нашему пути отступленія на Мукденъ, вися на лѣвомъ флангѣ. Вѣроятность этой угрозы еще болѣе усилилась, когда отрядъ ген. Любавина, охранявшій нашъ крайній лѣвый флангъ, отошелъ назадъ, къ г. Фындяпу, подъ давленіемъ противника, двигавшагося отъ Бенсиху въ направленіи на Мукденъ. Силы послѣдняго выяснить здѣсь не удалось и онѣ были приняты за главныя силы арміи Куроки.

При такихъ обстоятельствахъ естественно возникалъ вопросъ: продолжать ли осуществленіе задуманнаго плана и вести бой за удер-

жаніе линіи Тайцзыхе, продолжая оборону Ляояна, или, очистивъ послѣдній, отвести армію къ Мукдену, на укрѣпленную позицію по лѣвому берегу Хунхе.

Ляоянъ оборонялся стойко. Его укрѣпленія составляли 8 сильныхъ фортовъ, 8 редутовъ и 21 батарея на 208 орудій—въ первой линіи; 2 форта, 4 редута, 5 люнетовъ и 3 батареи на 19 орудій—во второй и 2 форта, 2 люнета и 5 батарей на 36 орудій—въ третьей. Промежутки между фортами, люнетами, редутами и батареями были заняты окопами...

Арміи Оку и Нодзу атаковали ихъ 19-го августа. Утромъ они заняли оставленныя нами передовыя позиціи и стали передѣлывать ихъ укрѣпленія фронтомъ къ Ляояну; около полудня они начали жестокую бомбардировку города изъ осадныхъ орудій лидитными снарядами, произведшими въ немъ сильные пожары, а изъ полевыхъ—стали обстрѣливать форты и редуты; ночью—обрекогносцировали подступы къ нимъ, и на разсвѣтѣ 20-го августа повели атаку вдоль полотна ж. дороги на участокъ отъ редута Д до редута Г. Она была отбита залпами. Въ 10 час. вечера японцы повторили ее по всему фронту лѣваго участка, отъ ж. дороги до Тайцзыхе. Въ 2 часа ночи на 21-е августа и эта жестокая атака была всюду отбита нами огнемъ и взрывомъ фугасовъ, заложенныхъ на пути наступленія противника къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Волчьи ямы, выкопанныя передъ ними, оказались утромъ до верху набитыми японскими трупами...

Печальнымъ эпизодомъ этого славнаго дня была вылазка, произведенная утромъ, по приказанію командующаго арміей, 4-мя сибирскими пѣхотными полками (Барнаульскимъ, Енисейскимъ, Семипалатинскимъ и Тобольскимъ) и стоившая намъ свыше тысячи человѣкъ убитыми и ранеными. Вызвана она была слухами, будто часть арміи Оку переправилась ниже Ляояна на правый берегъ Тайцзыхе и двигается въ тылъ нашимъ укрѣпленіямъ. Цѣлью вылазки поставлено было выяснить группировку противника на участкѣ арміи Оку. Предположеніе о переправѣ японцевъ оказалось вздорнымъ.

Но участь Ляояна все равно уже была рѣшена ген. Куропаткинымъ, который рѣшилъ очистить его и отвести армію къ Мукдену.

Приказаніе объ этомъ получено было главнымъ начальникомъ обороны Ляояна, ген. Зарубаевымъ въ 7 ч. утра 21-го августа и тотчасъ же сообщено войскамъ... Но въ 9 ч. утра пришло другое: начать очищеніе фортовъ только въ сумерки... Легко понять, съ какимъ чувствомъ въ сознаніи безполезности своихъ жертвъ, безплодности своихъ героическихъ усилій должны были отстаивать войска укрѣпленія, обреченныя на оставленіе ихъ противнику. Это было жестокое испытаніе ихъ чувству долга—и они выдержали его блестяще. Всѣ атаки японцевъ и въ этотъ день, какъ въ предыдующіе, были отбиты. А ихъ

на форты 3-й и 4-й произведено было въ теченіе дня пять! Японцы подходили къ нимъ на 400 шаговъ, а часть ихъ (человѣкъ 60) прорвалась даже за линію нашихъ укрѣпленій, но была переколота штыками... Въ отбитіи штурмовъ принимали участіе даже раненые, помогавшіе тѣмъ, что подносили патроны и воду и набивали ленты пулеметовъ. Огонь нашихъ стрѣлковъ былъ такъ силенъ и безпрерывенъ, что деревянныя части винтовокъ у ствола (накладки) тлѣли и загорались, а сами стволы накалялись до такой степени, что ихъ приходилось поливать водой, чтобы имѣть возможность держать ружье въ рукахъ... Кромѣ фортовъ 3-го и 4-го, жестокой бомбардировкѣ и затѣмъ атакѣ подвергся въ этотъ день и редутъ Д, но и къ нему японцевъ подпустили только на 600 шаговъ...

Въ началѣ 8-го часа вечера огонь японцевъ сталъ стихать и атаки ихъ прекратились. Тогда въ $7^1/_2$ часовъ войска наши, по приказанію ген. Зарубаева, стали очищать укрѣпленія и отходить на 2-ю линію, а съ послѣдней—въ 11 ч. вечера и за Тайцзыхе. Противникъ, видимо, не ожидалъ столь неожиданнаго прекращенія упорной трехдневной обороны и только лишь въ полночь завязалъ перестрѣлку съ прикрывавшими отходъ главныхъ силъ охотничьими командами. Всѣ раненые, орудія и обозы были увезены, противнику не оставлено никакихъ трофеевъ, деревянные мосты чрезъ Тайцзыхе сожжены, а желѣзнодорожный мостъ подорванъ.

Этотъ день краснорѣчиво засвидѣтельствовалъ самоотверженную преданность войскъ долгу. Драться такъ геройски не для побѣды, а для отступленія способна не всякая армія!

«Сравнивая дѣйствія нашихъ войскъ подъ Ляояномъ и на восточномъ фронтѣ противъ арміи Куроки, невольно изумляешься, говоритъ полк. Черемисовъ въ своемъ очеркѣ войны,—разницѣ въ ихъ поведеніи: здѣсь необычайная стойкость и порядокъ въ частяхъ, находчивость и распорядительность начальниковъ, тамъ — растерянность и хаосъ. Между тѣмъ это были не только войска одной и той же арміи, но однихъ и тѣхъ же корпусовъ, дивизій и частью даже полковъ, такъ какъ составъ той и другой группы былъ смѣшанный. Разницу эту можно объяснить себѣ только твердостью высшаго управленія войсками въ Ляоянѣ и ясной постановкой задачъ подчиненнымъ начальникамъ, въ чемъ какъ бы ощущался недостатокъ въ восточной группѣ, гдѣ наши намѣренія были нѣсколько неустойчивы. Дѣйствительно, войска въ Ляоянѣ съ самого начала получили категорическое приказаніе командующаго арміей обороняться до послѣдняго человѣка, и это указаніе осталось руководящимъ и неизмѣннымъ на все время трехдневныхъ боевъ. Въ то же время противъ арміи Куроки мы задались энергичнымъ наступательнымъ планомъ, но стали приводить его въ исполненіе съ колебаніями и излишней осторожностью, опасаясь смѣлыхъ маневровъ со стороны противника. Наступательный порывъ очень скоро смѣнился стремленіемъ къ оборонѣ, а затѣмъ и къ отступленію» [1]).

---

[1]) В. Черемисовъ. Русско-Японская война 1904 — 1905 г.г. Изд. 2-е, 1909 года, стр. 138—139.

Этотъ отзывъ русскаго историка мы дополнимъ замѣчаніемъ со стоявшаго при арміи Куроки англійскаго генерала, сэра Гамильтона.

— Всякіе планы, говоритъ онъ, должны быть основаны на принципѣ пораженія противника. Мудрое правительство можетъ простить неудачу генералу, потерпѣвшему пораженіе вслѣдствіе широты своихъ плановъ. Но генералъ, ожидающій событій, старающійся обезпечить себя на всякомъ пунктѣ, предпочитающій лучше упустить благопріятный случай, чѣмъ взять на себя отвѣтственность, которой можно избѣжать, такой генералъ хорошъ только съ точки зрѣнія врага [1])...

Это замѣчаніе невольно приходитъ на память, читая академическія объясненія ген. Куропаткина, почему онъ рѣшилъ отвести свою армію къ Мукдену.

— При крайнемъ напряженіи нашихъ силъ и при умѣломъ руководствѣ ими со стороны главныхъ начальниковъ, говоритъ онъ, мы могли расчитывать удержаться въ Ляоянѣ и отбросить армію Куроки къ Тайцзыхе, но для этого необходимо было отвести часть переправившихся на правый берегъ войскъ (т.-е. восточной группы) назадъ и развернуть ихъ на новой линіи значительно сѣвернѣе, дабы можно было позицію японцевъ у Янтайскихъ копей атаковывать не только съ запада, но и съ сѣвера. Такое движеніе, оставляя открытымъ нашъ правый флангъ, дѣлало изолированнымъ положеніе 17-го корпуса на позиціяхъ праваго берега Тайцзыхе; противникъ могъ сбить этотъ корпусъ съ позицій и выйти въ тылъ гарнизону Ляояна... Отходъ же къ Мукдену давалъ намъ возможность выйти изъ положенія, въ которомъ мы были угрожаемы, какъ съ фронта, такъ и съ лѣваго фланга...

Пусть это удаляло насъ отъ П.-Артура, понижало духъ нашей арміи и поднимало духъ противника, — отступленіе къ Мукдену было рѣшено. Оно началось 22-го августа и было выполнено войсками «съ неимовѣрными трудностями по продвиганію артиллеріи и обозовъ», какъ доносилъ ген. Куропаткинъ. Наблюдавшій его германскій военный агентъ при нашей арміи, подполковникъ фонъ Лауэнштейнъ призналъ, что «оно было исполнено образцово» — «Мы, германцы, говорилъ онъ, не смогли бы такъ сдѣлать. «Лауэнштейнъ былъ пораженъ спокойствіемъ и терпѣніемъ нашей пѣхоты, которая по два часа стояла у мостовъ, пропуская обозы и артиллерію». Наши германскіе солдаты, признавался онъ,—спокойно простояли бы минутъ двадцать, потомъ стали бы ворчать, потомъ — ругаться, а потомъ — самовольно пошли бы, спутавъ порядокъ движенія...»

Противникъ не преслѣдовалъ. Онъ былъ такъ утомленъ и разстроенъ упорнымъ боемъ съ нами, въ которомъ побѣда его столько разъ казалась ему невѣроятной, что теперь ему было не до преслѣдованія израненаго отступающаго льва.

Въ сраженіяхъ подъ Ляояномъ мы потеряли 516 офицеровъ и 15,374 н. ч., японцы—600 офицеровъ и 16,939 ниж. чиновъ.

---

[1]) Записная книжка штабного офицера во время рус.-япон. войны. Перев. съ англ., изд. В. Березовскаго, т. II.

[2]) Въ частности трехдневная оборона собственно Ляояна намъ стоила 150 оф. и 341 н. ч. убитыми и 57 оф., 1785 н. ч. ранеными, при чемъ большая половина этихъ потерь пришлась на долю вылазки.

Разбирать подробно, почему Ляоянское сраженіе превратилось для насъ изъ побѣды въ пораженіе, мы не будемъ. Ген. Куропаткинъ указываетъ, что главною причиною отвода имъ арміи отъ Ляояна къ Мукдену было очищеніе войсками 17-го корпуса не только Сыквантунской сопки, но и позади лежащихъ высотъ. Мы не можемъ однако придавать этому частному эпизоду, какъ онъ ни значителенъ самъ по себѣ, столь важной, рѣшающей роли. Зародышъ нашего пораженія лежалъ въ пассивности образа нашихъ дѣйствій и онъ все росъ отъ той осторожности, медлительности и недовѣрія къ своимъ войскамъ, которыя являлись характерными чертами полководческой личности Куропаткина. Онѣ были столь рельефны, что ихъ подмѣтилъ даже иностранецъ, тотъ же подполковникъ фонъ Лауэнштейнъ: фактъ отступленія отъ Ляояна онъ объясняетъ именно, съ одной стороны, недовѣріемъ Куропаткина къ запасу нравственныхъ силъ своей арміи, а съ другой—страхомъ передъ призракомъ большихъ силъ Куроки.

При такихъ условіяхъ, при отсутствіи какой бы то ни было смѣлости въ замыслахъ русскаго полководца, при вялости и нерѣшительности его дѣйствій,—побѣду японцевъ нельзя назвать блестящею. Спеціалисты считаютъ, что они обязаны ею гораздо меньше своему искусству, чѣмъ нашей пассивности.

Подводя итоги исполненія военнаго плана японцевъ, слѣдуетъ отмѣтить, что выполнить его имъ въ существенныхъ его пунктахъ не удалось. Ни операціи противъ Хайчена—*для захвата ж. дороги*, ни операціи противъ Ляояна—*для пораженія русской арміи*,—цѣлей своихъ не достигли. Русская армія была побѣждена подъ Ляояномъ, но не разбита, и отошла къ Мукдену, готовая для новаго боя и по-прежнему владѣя ж.-дорожнымъ путемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ш а х е.

Донося 29-го августа въ Петербургъ объ исходѣ сраженія у Ляояна, ген.-ад. Куропаткинъ заканчивалъ свою депешу успокоительнымъ завѣреніемъ, что «въ настоящее время армія расположена подъ Мукденомъ, провела спокойно нѣсколько ночей, обезпечена довольствіемъ и готова къ новому бою».

Это заявленіе о готовности арміи къ новому бою вырвалось у к-щаго арміей, вѣроятно, для того, чтобы «позолотить пилюлю», т.-е.—смягчить дурное впечатлѣніе отъ извѣстія о новой неудачѣ и представить послѣднюю, какъ ловкій стратегическій шагъ, а не пораженіе... На самомъ дѣлѣ эта готовность была весьма относительною... На запросъ гл-щаго, ген.-ад. Алексѣева о главныхъ нуждахъ арміи ген.-ад. Куропаткинъ 25-го августа телеграфировалъ ему, что считаетъ необходимымъ: направить въ армію офицеровъ дѣйствительной службы на пополненіе некомплекта и образованіе резерва офицеровъ; обезпечить укомплектованіе нижними чинами, такъ какъ некомплектъ ихъ очень великъ; обезпечить снабженіе артиллеріи патронами; увеличить количество горной артиллеріи; образовать въ Харбинѣ сильный стратегическій резервъ, для чего выслать еще два корпуса, кромѣ предназначеннаго уже къ отправкѣ на Д. Востокъ 8-го арм. корпуса, и «во главѣ вновь посылаемыхъ на театръ военныхъ дѣйствій частей имѣть выдающихся въ нашей арміи лицъ, а не завѣдомо неспособныхъ, какъ это дѣлалось въ иныхъ случаяхъ до сихъ поръ». Затѣмъ к-щій арміей просилъ предоставить на удовлетвореніе нуждъ арміи и, въ частности, на подвозъ укомплектованій,—половинное количество всѣхъ воинскихъ поѣздовъ, при увеличеніи вообще провозоспособности ж. дорогъ Европ. Россіи и Сибири. При этомъ условіи и при сохранности Вост.-Кит. ж. дороги, ген.- Куропаткинъ признавалъ побѣду нашу несомнѣнной.

Объ удовлетвореніи всѣхъ этихъ ходатайствъ ком-щаго Манчжурской арміей, ген.-ад. Алексѣевъ сдѣлалъ надлежащія сношенія съ Военнымъ Министромъ... Однако, укомплектованія прибывали въ са-

момъ ограниченномъ размѣрѣ и къ 16-му сентября въ восьми корпусахъ, составлявшихъ Манчжурскую армію (1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й Сибирскіе и 1-й, 10-й и 17-й армейскіе), было всего 151,000 чел., а некомплектъ офицеровъ достигалъ 670 чел. При такихъ условіяхъ, въ виду возможнаго въ близкомъ будущемъ столкновенія съ противникомъ, г-щій подчинилъ временно гн.-ад. Куропаткину 6-й Сибирскій арм. корпусъ съ 4-ю Донскою казачьею дивизіею, только что прибывшіе на театръ военныхъ дѣйствій и предназначенные въ составъ 2-й Манчжурской арміи [1]). При этомъ условіи Манчжурская армія имѣла въ своемъ составѣ 261 б-нь, 143 эск., 832 полевыхъ и 126 осад. орудій и ея боевая численность доходила до 200—210 тыс. чел. [2])

Хотя ген.-ад. Куропаткинъ и считалъ эти силы «недостаточными», но заявленіе его о готовности арміи къ бою,—обязывало его идти впередъ. Къ тому же, это представлялось болѣе выгоднымъ, чѣмъ ждать атаки японцевъ, такъ какъ отстоять занятыя арміею позиціи у Мукдена было мало надежды. Онѣ имѣли весьма серьезные недостатки:

1) Лѣвый флангъ ихъ (Фулинъ-Фушунъ), вслѣдствіе изгиба р. Хунхе, восточнѣе Мукдена, былъ поданъ значительно назадъ, и успѣхъ японцевъ на этомъ флангѣ быстро выводилъ ихъ на путь нашего отступленія; 2) непосредственно позади позиціи находилась рѣка (Хунхе), допускавшая въ то время переправу только по мостамъ, а за рѣкою—большой городъ, и, наконецъ, 3) крайне нужныя для питанія желѣзной дороги Фушунскія каменноугольныя копи находились впереди позиціи и могли быть захвачены японцами.

Доблестная стойкость войскъ, проявленная на передовыхъ позиціяхъ Ляояна и при его защитѣ,—способность арміи къ высокому подъему воодушевленія идеей наступленія, давали к-щему арміей надежду на успѣхъ такового, особенно теперь, когда это воодушевленіе было осложнено и подогрѣто большимъ раздраженіемъ, царившимъ въ войскахъ, отъ вынужденнаго оставленія ими Ляояна. При такихъ обстоятельствахъ, ген.-ад. Куропаткинъ рѣшился перейти въ наступленіе. На этотъ разъ рѣшеніе это было принято имъ вполнѣ самостоятельно. По авторитетному заявленію бывшаго начальника полевого штаба намѣстника-главнокомандующаго, ген.-л. Жилинскаго, «какъ идея этого наступленія, такъ и вся исполнительная часть ея зародились и прошли внѣ какого бы то ни было вліянія ген.-ад. Алексѣева, такъ какъ послѣдній уже 3-го августа зналъ, что ходатайства

---

1) Рѣшеніе сформировать 2-ю Манчжурскую армію было принято въ Петербургѣ тотчасъ по полученіи извѣстія объ исходѣ сраженія подъ Ляояномъ. Въ составъ ея должны были войти 6-й Сиб. и 8-й арм. корпуса, 5 стрѣлк. бригадъ, 6 пластун. б-новъ, 4-я Дон. и 2-я Кавказск. каз. дивизіи и 3 драгун. полка 10-й кав. дивизіи.

2) На 6-й Сиб. корпусъ возложена была охрана тыла въ Телинѣ, который и занятъ былъ бригадою этого корпуса.

его объ отозваніи съ поста гл-щаго, наконецъ, уважены [1]).» Высочайшаго указа объ этомъ ждали со дня на день.

Противникъ нашъ за это время также получилъ значительныя подкрѣпленія и его армія насчитывала въ своемъ составѣ 165 б-новъ, 49 эск. и 612 ор., общею численностью до 180 тыс. человѣкъ.

По имѣвшимся въ штабѣ нашей арміи свѣдѣніямъ, силы эти, переправившись вслѣдъ за нами на правый берегъ Тайцзыхе между Бенсиху и Ляояномъ, сгруппировались слѣдующимъ образомъ: 6 дивизій съ соотвѣтственнымъ числомъ резервныхъ бригадъ составили центръ по линіи ст. Янтай—Янтайскія копи; 2 дивизіи, также съ соотвѣтственнымъ числомъ резервныхъ бригадъ, составили правый флангъ, расположившись на линіи Беньяпуза-Бенсиху, и такое же количество войскъ занимали лѣвый флангъ по линіи Сандепу-Шантайцзы. Позиціи на высотахъ у Янтайскихъ копей и у Беньяпузы были японцами укрѣплены.

На основаніи этихъ данныхъ выработанъ былъ слѣдующій планъ наступленія. Западный отрядъ, въ составѣ 10-го и 17-го корпусовъ (64 б-на, 40 эск. и сот., 196 ор. и 2 сап. б-на), подъ начальствомъ ген.-отъ кав. бар. Бильдерлинга, ведетъ демонстративную атаку противъ центра и лѣваго фланга японцевъ, въ то время, какъ Восточный отрядъ, въ составѣ 1-го, 2-го и 3-го Сиб. корпусовъ (73 б-на, 29 эск. и сот., 142 ор., 6 морт., 32 пулемета и 3 сап. б-на), подъ начальствомъ ген.-л. бар. Штакельберга, атакуетъ правый флангъ противника, стремясь охватить его и отбросить отъ горъ [2]). Въ общемъ резервѣ оставались 1-й арм. и 4-й Сиб. корпуса съ кон. отрядомъ ген.-м. Мищенко (56 б-новъ, 20 сот., 208 ор., 30 мортиръ, 2 сап. б-на). Для охраны фланговъ выдѣлялось 30½ б-новъ, 39 сот., 82 ор. и 1 сап. б-нъ; но изъ этого числа 19½ б-новъ, 25 сот., 64 ор. и 1 сап. б-нъ должны были принять непосредственное участіе въ атакѣ непріятельскихъ позицій: отрядъ г.-л. Дембовскаго—совмѣстно съ Западнымъ отрядомъ и отрядъ г.-л. Ренненкампфа—съ Восточнымъ [3]).

Планъ этотъ нашелъ себѣ различную оцѣнку у изслѣдователей событій русско-японской войны. Ген. штаба кап. Сухановъ считаетъ его «безусловно хорошимъ замысломъ». По его мнѣнію, «при успѣшности дѣйствій планъ этотъ могъ привести къ оттѣсненію непріятеля въ болотистую долину р. Ляохе и однимъ ударомъ окончить кампанію.

---

1) См. «Русск.-Японск. война въ сообщеніяхъ въ Никол. Ак. Ген. Штаба», ч. 1-я, стр. 246.

2) Въ случаѣ, еслибы противникъ, разгадавъ нашъ планъ, сосредоточилъ свои главныя силы къ своему правому флангу, предполагалось прорвать его центръ въ направленіи на Янтайскія копи, для чего Западный отрядъ долженъ былъ быть усиленъ 6-мъ Сиб. корпусомъ.

3) Вмѣстѣ съ отрядомъ ген. Ренненкампфа силы Восточнаго отряда достигали 85 б-новъ, 43 сот., 174 ор. и 3 сап. б-на.

Такъ какъ р. Ляохе прилегала къ нейтральной территоріи (Китай-Монголія), то противникъ, будучи прижатъ къ ней, или долженъ былъ гибнуть въ непроходимыхъ болотахъ ея долины, или же, согласно законамъ международнаго права, — положить оружіе», перейдя на нейтральную территорію [1]).

Напротивъ, ген. шт. полк. Черемисовъ находитъ, что основная идея плана не соотвѣтствовала даннымъ обстановки и разработана была неудовлетворительно. По его мнѣнію, «главный ударъ надо было направить по равнинѣ на лѣвый флангъ Ойямы, а не на правый — по горамъ». Въ подтвержденіе этой своей мысли онъ приводитъ слѣдующія соображенія: 1) лѣвый флангъ японцевъ въ стратегическомъ отношеніи былъ важнѣе праваго, т. к. за нимъ находились коммуникаціонныя линіи противника: р. Ляохе и ж. дорога; 2) наша единственная коммуникаціонная линія пролегала также въ западной равнинной части театра, поэтому, ген. Штакельбергъ, направляясь для главнаго удара въ горы къ Бенсиху, удалялся отъ своихъ сообщеній и во время операціи висѣлъ въ воздухѣ; 3) при данномъ численномъ соотношеніи сторонъ, намъ легче было одержать побѣду въ западной части театра, чѣмъ въ восточной, такъ какъ первая представляла равнину, удобную для маневрированія большихъ отрядовъ и кавалеріи; и, наконецъ, 4) организація нашей арміи была болѣе приноровлена къ дѣйствіямъ на равнинѣ, а для дѣйствія въ горахъ у насъ не было ни соотвѣтствующей артиллеріи, ни соотвѣтствующаго обоза, ни соотвѣтственной подготовки войскъ [2]).

Каковъ бы, однако, ни былъ этотъ планъ по своимъ достоинствамъ, для успѣшнаго своего осуществленія онъ нуждался прежде всего въ скрытности его отъ противника, а затѣмъ въ энергичномъ, рѣшительномъ, настойчивомъ и смѣломъ исполненіи. Ни того, ни другого не было. Мы открыто скупали въ теченіе первой половины сентября у китайцевъ тысячи лошадей и повозокъ, тысячами нанимали ихъ самихъ въ возчики войсковыхъ тяжестей, спѣшно вербовали среди нихъ переводчиковъ и проводниковъ, знакомыхъ съ путями предстоявшаго наступленія, скупали скотъ, зерно и сѣно, заказывали китайскимъ шорникамъ въ Мукденѣ тысячи вьючныхъ сѣделъ, указывая тѣмъ на предстоявшій походъ въ горы,—словомъ, мы дѣлали все, чтобы реклами-

[1]) Сухановъ. Краткій очеркъ операцій на Шахе и подъ Мукденомъ, и причины неудачъ Японской войны. 1906 г. Ревель, стр. 12—13.

[2]) Къ тому же, 1-й и 2-й Сиб. корпуса, дѣйствовавшіе до сихъ поръ преимущественно въ равнинной части театра, назначены были ген. Куропаткинымъ дѣйствовать теперь въ горахъ, а дѣйствовавшій до сихъ поръ въ горахъ 10-й корпусъ — въ составъ Западнаго отряда, на равнину. Г-нъ Черемисовъ дѣлаетъ и еще одно характерное для ген. Куропаткина замѣчаніе: «Командиръ 4-го Сиб. корпуса (ген. Зарубаевъ), обнаружившій во время предшествующихъ операцій исключительныя дарованія въ отношеніи высшаго руководства войсками, предназначенъ былъ въ резервъ». См. В. Черемисовъ.— Русско-Японская война 1904—1905 г.г. изд. 2-е. 1909. стр. 150—151.

ровать предстоящее наступленіе, словно хотѣли устрашить врага размѣрами своихъ сборовъ «въ походъ»... И китайцы, научившіеся за семь мѣсяцевъ войны понимать, для чего такъ много въ одно мѣсто собирается войскъ, свозится припасовъ и приходитъ поѣздовъ то съ краснымъ крестомъ на вагонахъ, то съ пылающей гранатой [1]), — конечно, далеко разносили вѣсть обо всѣхъ этихъ приготовленіяхъ русскихъ.

Наконецъ, о наступленіи много говорили въ войскахъ,—ибо его стали ждать, какъ реванша, тотчасъ по отступленіи отъ Ляояна. Разговоры эти усилились, когда корпуса сталъ объѣзжать главный полевой священникъ арміи и служить, какъ бы, напутственные молебны... И, наконецъ, толки и слухи получили вполнѣ опредѣленную почву и форму, когда въ войскахъ получился приказъ к—щаго арміей, помѣченный 19-мъ сентября (№ 687) и возвѣщавшій имъ о томъ, что «уже настало желанное и давно ожидаемое всею арміею время идти самимъ впередъ, навстрѣчу врагу»,—что «пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы Манчжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе»...

Итакъ, отъ вниманія японскихъ шпіоновъ, которыхъ было немало среди китайскаго населенія Мукдена:— поставщиковъ, проводниковъ, возчиковъ и переводчиковъ,—не могло ускользнуть намѣреніе наше перейти въ наступленіе. Разгадать планъ его помогла имъ случайность. Въ схваткѣ около Далинскаго перевала, происшедшей наканунѣ перехода нашего въ наступленіе, убитъ былъ, по словамъ сэра Гамильтона, «русскій штабной офицеръ», на тѣлѣ котораго японцы нашли «подробные приказы Куропаткина, предписывавшіе Штакельбергу обойти правое японское крыло и двигаться прямо на Ляоянъ». Куроки, въ руки котораго попали эти бумаги, сейчасъ же сообщилъ ихъ содержаніе маршалу Ойямѣ. Послѣдній первоначально отнесся было къ нимъ скептически, однако, когда ему было дополнительно сообщено, со словъ «надежнаго шпіона», что значительные русскіе отряды перешли р. Хунхе 4-го и 5-го октября н. ст. (21-го и 22-го сентября ст. ст.) и что большая колонна движется отъ Фушуна прямо на югъ, онъ понялъ опасность и 8-го октября н. с. (27-го сентября ст. ст.) отдалъ, какъ разсказываетъ сэръ Гамильтонъ, «простѣйшій боевой приказъ, какой когда-либо отдавался такой большой арміи: «Арміи должны, по возможности, стараться сосредоточить свои силы на своихъ позиціяхъ и быть готовыми къ контръ-атакѣ, какъ только представится удобный случай» [2]).

Въ ожиданіи этого случая японскія арміи заняли слѣдующее положеніе: Куроки двумя резервными бригадами занялъ перевалы на пути

---

[1]) Знакъ, что поѣздъ везетъ огнестрѣльные припасы, т.-е., стало быть, требуетъ особыхъ мѣръ предосторожностей.

[2]) Сэръ Янъ Гамильтонъ. — Записная книжка штабного офицера во время Рус.-Япон. войны. Перев. съ англ. Изд. В. Березовскаго, т. II. стр. 152—155.

отъ Фущуна къ Бенсиху; 2-я дивизія заняла Тумынлинскій перевалъ; гвардейская и 12-я—стали на позиціяхъ восточнѣе Янтайскихъ копей, а три резервныя бригады—южнѣе ихъ; южнѣе тѣхъ же копей сосредоточилась армія Нодзу (3 дивизіи и 1 резервн. бригада), а южнѣе д. Янтай—армія Оку (3 дивизіи и 3 рез. бригады). Кавалерійскій отрядъ ген. Акіямы, прозваннаго «японскимъ Мищенко» (7 полковъ, 3 батареи и 1 полкъ пѣхоты,) прикрывалъ лѣвый флангъ. Такимъ образомъ, противъ нашей арміи, напоминавшей въ своемъ наступленіи руку съ растопыренныии пальцами, Ойяма собралъ свои войска въ кулакъ. Собралъ—и ждалъ, когда въ развитіи своего наступленія русскіе колонны и отряды разойдутся радіусами по фронту шириною до 50 верстъ и тѣмъ сведутъ къ нулю свой численный дотолѣ перевѣсъ.

Наше наступленіе началось 21-го сентября. Первымъ выступилъ Восточный отрядъ, которому предстоялъ болѣе дальній и кружный путь—въ обходъ праваго фланга японцевъ. Онъ двинулся тремя колоннами: *правая* (1-й Сиб. корп. и часть 2-го Сиб. корп.) шла на Баньяпузу; *средняя* (3-й Сиб. корп.)—на Каотайцзы и *лѣвая* (кавалерія ген. Ренненкампфа и пѣхот. дивизія ген. Экка)—на Бенсиху.

На слѣдующій день, 22-го сентября, двумя колоннами двинулся на югъ и Западный отрядъ; *правая* колонна (17-й арм. корп.) шла западнѣе линіи ж. дороги, *лѣвая* (10-й корпусъ)—восточнѣе ея.

Наступленіе развивалось медленно и велось неэнергично. Уже 23-го сентября вечеромъ войска Западнаго отряда были остановлены к—щимъ арміею на р. Шахе и вмѣсто демонстративныхъ атакъ непріятеля, долженствовавшихъ отвлечь его вниманіе и силы отъ нашего Восточнаго отряда, они два дня занимались укрѣпленіемъ своихъ позицій... Это послѣ горделиваго-то заявленія, что «настало время подчинить японцевъ нашей волѣ»! Между тѣмъ противникъ, еще не уяснившій себѣ плана нашихъ дѣйствій и до нѣкоторой степени застигнутый нашимъ наступленіемъ врасплохъ, отступалъ по всему фронту передъ нашими войсками, не оказывая нигдѣ упорнаго сопротивленія. Однако, это обстоятельство не только не вдохновило ген. Куропаткина на болѣе энергичное и смѣлое веденіе операціи, но, напротивъ, какъ разъ въ это время у него возникло опасеніе, какъ бы японцы не прорвали нашего стратегическаго фронта между Западною и Восточною группами войскъ.

Считая наличность коннаго отряда ген. Мищенко съ приданною ему бригадою пѣхоты (изъ состава 10-го корпуса) недостаточно надежною связью между ними, к—щій арміею, чтобы парализовать возможность этого прорыва, выдвинулъ изъ общаго резерва 4-й Сиб. корпусъ и образовалъ изъ него вмѣстѣ съ отрядомъ ген. Мищенко и бригадою ген. Мау *среднюю* группу. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ операціи, въ первоначальные ея расчеты внесено было существенное измѣненіе, сразу же сократившее вдвое силы общаго резерва арміи,

долженствовавшаго парализовать случайности и въ рѣшительный моментъ, на рѣшительномъ пунктѣ поля сраженія, усилить боевую часть.

Между тѣмъ средняя колонна Восточнаго отряда, достигнувъ дер. Каотайцзы, неожиданно уперлась здѣсь въ стѣну, о которую затѣмъ разбились всѣ ея усилія продвинуться далѣе. Это была вершина Ляотхелаза, прозванная потомъ солдатами «Проклятой сопкой» и не обозначенная на картахъ, розданныхъ войскамъ для наступленія [1]).

Занятая 9-й ротой и охотничьей командой 24-го вост. сиб. стр. полка она не была оцѣнена по достоинству штабомъ 3-го Сиб. корпуса и потому обладаніе ею не было своевременно закрѣплено за нами. Японцы двумя б-нами сбили 26-го сентября съ Ляутхелазы нашу роту и охотн. команду, прочно ее заняли цѣлою бригадою съ горными пушками и пулеметами, усилили ея природныя оборонительныя свойства окопами—и въ послѣдующіе дни отразили съ нея и ея отроговъ всѣ атаки 3-го Сиб. корпуса.

Этотъ именно моментъ, когда здѣсь остановлено было обходное движеніе нашего Восточнаго отряда, Ойяма и призналъ «удобнымъ случаемъ» для производства контръ-атаки.

Вечеромъ того же дня, 27-го сентября, когда отданъ былъ Ойямою вышеприведенный лаконическій приказъ, японцы перешли въ наступленіе. Въ то время, какъ Куроки сдерживалъ натискъ Восточнаго отряда и парировалъ его обходное движеніе, арміи Оку и Нодзу обрушились на нашу Западную группу войскъ, въ свою очередь пытаясь охватить нашъ правый флангъ. Къ концу дня 28-го сентября имъ удалось зайти лѣвымъ флангомъ уже почти на 45°. Въ послѣдующіе дни, 29-го и 30-го сентября, японцы продолжаютъ этотъ охватъ. И мы отъ наступленія переходимъ къ оборонѣ. Ойяма снова овладѣваетъ иниціативой дѣйствій. Восточный отрядъ отказывается отъ дальнѣйшихъ попытокъ обойти правый флангъ и 30-го сентября отходитъ назадъ, утрачивая даже соприкосновеніе съ противникомъ. Послѣ ряда упорныхъ боевъ, потерявъ 46 орудій, и Западный отрядъ 29 сентября отходитъ на намѣченную для него уже ранѣе позицію на р. Шахе. Впереди остался только центръ нашъ, усиленный частями 1-го арм. корпуса, взятыми изъ резерва.

Японцы продолжаютъ энергичныя атаки и утромъ 1-го октября прорываютъ фронтъ 10-го арм. корпуса. Дѣло принимаетъ для насъ совершенно критическій оборотъ. Для спасенія его к-щій арміею беретъ изъ центра 22-ю пѣхотн. дивизію (изъ состава 1-го арм. корп.) и лично вводитъ ее въ дѣло. Энергичною атакою дивизія выбиваетъ

---

[1]) Авторъ, находившійся въ періодъ описываемаго наступленія при войскахъ 3-го Сиб. корпуса, лично испыталъ достоинства этой карты, которая никакъ не могла служить вѣрнымъ и достаточнымъ путеводителемъ.

японцевъ изъ занятыхъ ими позицій, возстанавливаетъ фронтъ 10-го корпуса. и затѣмъ отходитъ на линію Шахе, куда уже отошли войска центра. Верстахъ въ 5—6 впереди всей арміи, на Яншутэнскихъ высотахъ, остается лишь 37-я пѣх. дивизія (того же 1-го арм. корп.), до которой приказаніе объ отходѣ назадъ случайно не дошло. Японцы замѣчаютъ это, быстро сосредоточиваютъ къ фронту нашей одинокой дивизіи три своихъ дивизіи изъ арміи Нодзу, выставляютъ противъ праваго ея фланга 24 орудія, а противъ лѣваго—48 и стремительно ее атакуютъ, громя съ фронта остальной своей артиллеріей. Дивизія держится стойко... Около 1 ч. дня доходитъ, наконецъ, и до нея приказъ объ отступленіи. Но выполнить его теперь уже нѣтъ возможности: отходить подъ натискомъ трехъ японскихъ дивизій, охватывающихъ фланги, равносильно гибели всей дивизіи. Рѣшено ждать сумерекъ и отступать подъ ихъ покровомъ. Но нѣтъ уже силъ ихъ дождаться. Около 3-хъ часовъ дня угроза охвата превращается для злополучной дивизіи въ опасность быть окончательно окруженной... Къ тому же отрядъ ген. Мишенко, единственно поддерживавшій дотолѣ дивизію и охранявшій ея лѣвый флангъ, будучи не въ силахъ болѣе держаться, также отходитъ... Тогда только 37-я дивизія рѣшается очистить Яншутэнскія высоты и начать отступленіе... Занимая послѣдовательно три арріергардныя позиціи, пробиваясь подъ конецъ штыками, дивизія къ ночи 1-го октября отошла къ Эрдагоу, потерявъ въ этотъ день изъ 7800 чел. н. чин.—4000 чел. и изъ 200 офицеровъ—120 чел. День 2-го октября прошелъ въ артиллерійской перестрѣлкѣ. Въ то время, какъ на Восточномъ фронтѣ соприкосновеніе сторонъ было очень слабое, на Западномъ—онѣ стояли одна противъ другой на разстояніи орудійнаго выстрѣла, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ—вплотную, «до штыковъ».

Эта близость была, конечно, соблазнительна для дѣятельныхъ японскихъ начальниковъ—и ночью на 3-е октября японцамъ удалось сбить два полка 22-й пѣх. дивизіи съ занятой ими на лѣвомъ берегу Шахе, между дер. Сандепу и дер. Сахетунь, т. н. «сопки съ деревомъ». Потеря этой высоты, командовавшей нашей позиціей на правомъ берегу, очень ухудшала наше положеніе. Рѣшено было во что бы то ни стало взять ее обратно. Для этого к-щій арміею къ вечеру 3-го октября собралъ отрядъ силою въ 25 б-новъ (22-я пѣх. дивизія, 19-й, 20-й и 36-й вост.-сиб. стр. полки), подъ начальствомъ ген. м. Путилова, который къ утру 4-го октября и овладѣлъ этою сопкою послѣ отчаяннаго рукопашнаго боя... При этомъ впервые въ эту кампанію нами были взяты японскія орудія, числомъ 11-ть, 1 пулеметъ и много зарядныхъ ящиковъ.

Этимъ эпизодомъ собственно и закончилось многодневное сраженіе на Шахе. Ген. Куропаткинъ собирался, было, 5-го октября возобновить, наконецъ, наступленіе, откладывавшееся имъ со дня на

день... Но донесенія о сильномъ утомленіи войскъ и о недостаткахъ въ боевыхъ припасахъ заставили его еще разъ отказаться отъ этого намѣренія. Ойяма также считалъ сраженіе законченнымъ; его войска также сильно нуждались въ отдыхѣ и укомплектованіи [1]). И потому обѣ стороны энергично занялись укрѣпленіемъ занятыхъ ими позицій.

Къ причинамъ «нерѣшительнаго исхода» боевъ на Шахе ген. ад. Куропаткинъ относитъ:

1) Недостаточно искусное распоряженіе начальникомъ Восточнаго отряда (ген. бар. Штакельбергомъ) большими предоставленными ему силами, которыя давали ему надъ противникомъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, почти тройное превосходство въ силахъ.

2) Отсутствіе твердаго руководства боемъ со стороны начальствующихъ лицъ Западнаго отряда.

3) Неудачныя дѣйствія и малую энергію командира 19-го арм. корпуса...

4) Неудачныя дѣйствія начальника 31 пѣх. дивизіи, нѣсколько разъ безъ нужды отводившаго назадъ находившуюся подъ его непосредственнымъ начальствомъ бригаду 31-й пѣх. дивизіи.

5) Недостаточную стойкость нѣкоторыхъ частей войскъ.

6) Разрозненныя дѣйствія 5-го Сиб. корпуса, притянутаго на правый флангъ Западнаго отряда.

Обвиняя, такимъ образомъ, въ неудачномъ исходѣ наступленія войска и, главнымъ образомъ, подчиненныхъ ему генераловъ, ген. Куропаткинъ оговаривается, что «старшія начальствующія лица — ген. Штакельбергъ и ген. Бильдерлингъ, получая лишь задачи, распоряжались совершенно самостоятельно».

Иначе объясняетъ нерѣшительный исходъ этого сраженія прусскій генер. штабъ, усердно и объективно изучающій Русско-Японскую войну. По его мнѣнію:

съ русской стороны, управленіе боемъ можетъ служить лишь отрицательнымъ примѣромъ. Нерѣшительность русскаго главнокомандующаго всего ярче обнаруживается въ его распоряженіи резервами. Всюду его преслѣдуетъ неудача, такъ какъ онъ не рѣшается ввести ихъ въ бой сразу. Едва онъ успѣваетъ отдать приказаніе, какъ немедленно его возвращаетъ назадъ или отмѣняетъ. Кульминаціонный пунктъ въ этомъ отношеніи представляетъ директива, данная въ ночь съ 26-го на 27-е сентября 6 Сибирскому корпусу, поддержать Западный отрядъ, и заканчивающаяся слѣдующими роковыми словами: «Помните только, что вы мой стратегическій резервъ». Всѣ приказанія были черезчуръ подробны и мелочны...

Въ противоположность русскимъ, японскіе начальники проявляютъ такую самостоятельность и такъ не боятся отвѣтственности, что ихъ главнокомандующій можетъ ограничиваться короткими, точными, прямо лаконическими приказаніями. Ойяма все время сохраняетъ иниціативу въ своихъ рукахъ и не поддается волѣ противника. А между тѣмъ распоряженія его не всегда можно признать правильными.

И въ этомъ сраженіи мы встрѣчаемся съ прорывомъ непріятельскаго фронта—новымъ доказательствомъ невѣрности теоріи, утверждающей, что это при современномъ

---

[1]) Въ бояхъ на Шахе и мы и японцы потеряли почти поровну,—почти по 50 тыс. чел.

вооруженіи невозможно. Если прорывъ не имѣлъ роковыхъ послѣдствій для русскихъ, то это объясняется изолированностью отдѣльныхъ боевыхъ участковъ, слабостью резервовъ у малочисленныхъ японцевъ и замѣчавшимся по временамъ и у нихъ ослабленіемъ энергіи.

Сраженіе, въ концѣ-концовъ, прекратилось вслѣдствіе обезсиленія обѣихъ сторонъ, что особенно заслуживаетъ вниманія при той высокой степени энергіи и упорства на сторонѣ японцевъ и упорства и храбрости русскихъ. Но у японцевъ эти качества были соединены съ методикой, напоминающей способъ веденія войны Веллингтона. Они не привыкли быстро использовать свой успѣхъ. Каждый успѣхъ, каждую захваченную полосу земли они закрѣпляли за собою возстановленіемъ порядка и лопатой. Этимъ они гарантировали себя отъ контръ-ударовъ, но зато упускали случай использованія достигнутыхъ результатовъ. Здѣсь же, конечно, сказывалось и то, что они атаковали съ значительно меньшими, чѣмъ у русскихъ, силами [1]).

Тѣмъ болѣе, стало быть, приходится пожалѣть, что «управленію русскими войсками недоставало энергіи и, если и можно здѣсь говорить о «методѣ», то «въ самомъ худшемъ смыслѣ слова».

Въ своемъ «неизмѣнномъ оптимизмѣ», какъ характеризуетъ прусскій ген. штабъ настроеніе ген. Куропаткина, послѣдній находитъ, что «переходъ нашъ въ наступленіе, произведенный хотя и недостаточными, сравнительно съ японскими, силами, выдвинувшій общій фронтъ нашихъ позицій на 20 верстъ отъ Мукдена, значительно улучшилъ наше стратегическое положеніе и далъ намъ выиграть время въ $4^1/_2$ мѣсяца».

Иначе оцѣнивалъ результаты нашего наступленія ген.-ад. Алексѣевъ. Онъ находилъ, что, потерявъ около 45 тыс. человѣкъ и продвинувшись впередъ на нѣсколько верстъ, мы заняли позицію менѣе выгодную, чѣмъ занимали раньше; японцы же, вызванные нами къ переходу въ наступленіе, создали еще новый рядъ укрѣпленій на пути къ Ляояну, чѣмъ затруднили наши будущія дѣйствія. А главное, Манчжурская армія не приблизилась ни на іоту къ достиженію своей цѣли,—къ выручкѣ П.-Артура.

10 октября 1904 г. эта рознь во взглядахъ на положеніе арміи двухъ ея вождей окончилось: ген.-ад. Алексѣевъ неоднократно и настойчиво просившій объ увольненіи его съ поста гл-щаго, освобожденъ былъ отъ обязанностей такового. Онѣ были возложены на г.-ад. Куропаткина, который, получивъ теперь «полную мочь» власти, могъ, наконецъ, показать, на что онъ способенъ безъ помѣхи и стороннихъ вліяній. Но онъ не торопился этого сдѣлать.

На театрѣ войны наступило томительное, тяготившее всѣхъ затишье, нарушавшееся только, въ сущности—безцѣльною, артиллерійскою и ружейною перестрѣлкою да дѣйствіями отдѣльныхъ батальоновъ и охотничьихъ командъ. Войска рыли въ полумерзлой землѣ окопы и батареи да строили себѣ землянки, въ которыхъ жили, какъ троглодиты,

---

[1]) Цитирую по передачѣ содержанія труда прус. ген. штаба, сдѣланной въ «Рус. Инвалидѣ» (1909 г. №№ 261 и 262).

похожіе на нихъ и своимъ безобразнымъ внѣшнимъ видомъ:—въ безформенныхъ грязныхъ полушубкахъ, китайскихъ халатахъ и курткахъ, въ свалявшихся и пропитавшихся пылью папахахъ, разсадникахъ насѣкомыхъ, и кто—въ валенкахъ, кто—въ порыжѣлыхъ ссохшихся сапогахъ, кто—въ раздобытой случайно китайской обуви.

Снабженіе войскъ теплой одеждой было, повидимому, одной изъ главныхъ заботъ въ это время ген. Куропаткина. Но дѣло налаживалось плохо. Вагоны съ полушубками мѣсяцами шли изъ Кіева, Москвы, Казани и въ ожиданіи ихъ скупались пестрыя китайскія куртки, не защищавшія ни ногъ, ни горла.

Сильнѣе всего ощущался арміей недостатокъ въ теплой обуви. Было почти нормальнымъ явленіемъ, что на роту въ 140 — 150 человѣкъ имѣлось только 25 — 35 паръ валенокъ, которые и переходили съ ногъ на ноги людей, посылавшихся или на сторожевую службу, или въ охотничій поискъ противъ японцевъ.

И чѣмъ дальше шло время въ этомъ бездѣйствіи, тѣмъ сильнѣе росли деморализація арміи, упадокъ ея духа и дисциплины. Одурѣвъ отъ двухмѣсячнаго сидѣнья въ полутемныхъ, дымныхъ землянкахъ-норахъ, истомившись однообразіемъ жизни и тяжелыми земляными работами, солдаты уходили съ позицій въ тылъ, бродили по унылой равнинѣ между Шахе и Хунхе, забирались въ уцѣлѣвшія кое-гдѣ китайскія деревни и пробирались даже за Мукденъ, къ Харбину. Для ловли этихъ дезертировъ и мародеровъ на этапахъ были сформированы изъ казаковъ особыя команды, прозванныя «гаолянными», которыя должны были осматривать окрестности, задерживать и возвращать ихъ въ полки.

А между тѣмъ еще совсѣмъ недавно тѣ же люди бѣжали изъ Харбина на передовыя позиціи. Бѣжали—въ буквальномъ смыслѣ слова, томясь бездѣйствіемъ въ тылу и горя желаніемъ подраться съ японцами.

Теперь такихъ «бѣглыхъ» уже не было больше. Бездѣйствіе подтачивало силы всѣхъ. Развилась карточная игра. Участились случаи растратъ казенныхъ денегъ. «Дружескія бесѣды» за стаканомъ вина все чаще стали кончаться ссорами. Книгъ не было. Газеты приносили запоздалыя на мѣсяцъ, полтора новости—и новости невеселыя... Письма, единственная связь арміи съ далекой родиной и близкими людьми, терялись и засылались Богъ вѣсть куда... Телеграфъ былъ заваленъ работой и отвѣта на телеграммы надо было ждать недѣлями. Жизнь слагалась въ какой-то сплошной сѣрый тяжелый кошмаръ.

И въ этомъ кошмарѣ самымъ мучительнымъ призракомъ была судьба осажденнаго П.-Артура. Борющійся безпрерывно, онъ стоялъ въ душѣ каждаго мучительной укоризной.

Въ самомъ штабѣ гл-щаго значительная часть офицеровъ генеральнаго штаба сознавала необходимость и даже возможность послѣ прибытія части подкрѣпленій, атаковать японцевъ въ ноябрѣ или въ первыхъ числахъ декабря. Однимъ изъ нихъ былъ даже представленъ

ген. Куропаткину особый докладъ, въ которомъ всесторонне разбиралось существующее мнѣніе, будто паденіе Артура не можетъ оказать особо важнаго вліянія на исходъ войны и что мы будемъ считаться въ данномъ случаѣ только съ моральными послѣдствіями этой новой неудачи. Соглашаясь съ этимъ, полков. Линда доказывалъ, что эти моральныя послѣдствія будутъ очень значительны, такъ какъ съ потерей Артура наша армія уже не будетъ видѣть ясной цѣли для быстрыхъ операцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, что пріостановка военныхъ дѣйствій выгодна только японцамъ, такъ какъ главная цѣль ихъ—задержать нашу армію до паденія Артура, когда они непремѣнно притянутъ къ маршалу Ойямѣ армію Ноги и, такимъ образомъ, усилятся еще тысячъ на 50—60. Онъ говорилъ, наконецъ, что, не имѣя ни политическихъ, ни стратегическихъ причинъ для наступательной зимней кампаніи, японцы останутся въ выжидательно-оборонительномъ положеніи до паденія Артура или до весны. Пока силы японцевъ раздѣлены, заключалъ онъ, пока духъ ихъ подавленъ нескончаемой осадой Артура, они не могутъ расчитывать на рѣшительный успѣхъ на сѣверѣ—и въ этомъ наша *временная* выгода.

Но всѣ эти доводы не могли сломить колебаній ген. Куропаткина, особенно ярко проявившихся въ вопросѣ о набѣгѣ нашей конницы въ тылъ японской арміи,—и наступленіе все откладывалось.

Признавая положеніе крѣпости серьезнымъ, вслѣдствіе малаго запаса патроновъ къ скорострѣльнымъ орудіямъ и вѣроятности овладѣнія японцами почти разрушенными фортами № II и № III, ген. Куропаткинъ въ одномъ изъ своихъ донесеній въ Петербургъ, въ половинѣ ноября 1904 г., все-таки пытался утѣшить безпокоившихся за участь Артура тѣмъ соображеніемъ, что и послѣ овладѣнія японцами этими двумя фортами оборона можетъ продолжаться съ большимъ упорствомъ на промежуточныхъ позиціяхъ между главною (Центральною) оградою и линіею фортовъ. Онъ увѣрялъ, что «ружейныхъ патроновъ достаточно, продовольственныхъ запасовъ хватитъ еще на пять мѣсяцевъ».

Совершенно забывая, что Артуръ пережилъ всѣ тѣ сроки своего существованія, которые ему назначались ранѣе,—ждали конца его сперва въ іюлѣ, потомъ въ августѣ, потомъ въ октябрѣ,—что всему бываетъ предѣлъ и что судьба Артура возложена всецѣло на его отвѣтственность, ген. Куропаткинъ продолжалъ утверждать, что участь Портъ-Артура и впредь будетъ во многомъ зависѣть отъ степени упорства войскъ. Эту мысль онъ иллюстрировалъ соображеніемъ, что «утомленныхъ стрѣлковъ скоро будутъ смѣнять моряки, подобно тому, какъ это было въ Севастополѣ».

Понимая, однако, что этимъ все-таки своихъ обязанностей относительно Артура не устранишь, ген. Куропаткинъ признавался, все-таки, что главная надежда отстоять Портъ-Артуръ заключается въ

выручкѣ его гарнизона войсками Манчжурской арміи съ суши и дѣйствіями 2-й Тихоокеанской эскадры съ моря.

Оставляя пока въ сторонѣ этотъ послѣдній факторъ выручки Артура, посмотримъ, какъ ген. Куропаткинъ смотрѣлъ на первый.

Признавая выручку Артура столь необходимой, что «важенъ каждый день», онъ сознавалъ, конечно, что для того, чтобы помочь осажденной крѣпости, надо прежде всего разбить три японскія арміи.

До сихъ поръ соотношеніе нашихъ и японскихъ силъ, по мнѣнію ген. Куропаткина, не было, однако, таково, чтобы мы могли разбить ихъ. По мѣрѣ подхода подкрѣпленій къ намъ, усиливались и японцы,—какъ новыми формированіями, такъ, въ особенности, весьма быстрою присылкою значительныхъ укомплектованій, дававшихъ возможность поддерживать въ арміи полный боевой составъ. По имѣвшимся въ половинѣ ноября свѣдѣніямъ, предполагалось, что противъ насъ дѣйствуютъ десять японскихъ дивизій, въ составѣ которыхъ многія резервныя бригады постепенно развернулись изъ 6-ти батальоннаго въ 12-ти батальонный составъ.

«Такимъ образомъ, писалъ ген. Куропаткинъ, японскія дивизіи по своему боевому составу сильнѣе большинства нашихъ корпусовъ, ослабленныхъ боями подъ Ляояномъ и на Шахе. Мы до сихъ поръ далеко не окончили пополненіе своихъ потерь подъ Ляояномъ, потери же наши на Шахе можно надѣяться пополнить только въ январѣ. Въ настоящее время мы все еще не имѣемъ достаточнаго превосходства въ силахъ для обезпеченія успѣха при переходѣ въ наступленіе... Съ подходомъ всѣхъ частей 8-го арм. корпуса *въ двадцатыхъ числахъ декабря* получимъ не только превосходство надъ японцами въ числѣ батальоновъ, но и нѣкоторое превосходство въ числѣ штыковъ».

Задавшись первоначально цѣлью довести всѣ роты арміи до состава не менѣе 150 штыковъ, ген. Куропаткинъ считалъ возможнымъ уже въ первыхъ числахъ декабря достигнуть этой цѣли. Къ тому же времени онъ надѣялся снабдить всю армію теплою одеждою.

«Несомнѣнно, замѣчалъ онъ, что для нанесенія японцамъ болѣе вѣрнаго пораженія нашей арміи было бы выгоднѣе пополниться почти до полнаго боевого состава и получить еще три стрѣлковыхъ бригады и весь 16-й корпусъ, но эти силы могутъ сосредоточиться къ Мукдену только къ половинѣ января. Поэтому, *въ цѣляхъ болѣе быстрой выручки Портъ-Артура, я предполагаю уже въ первыхъ числахъ декабря, не дожидаясь даже стрѣлковъ, перейти въ наступленіе. Рискъ большой, но оправдываемый положеніемъ Портъ-Артура*».

Откладывая движеніе на выручку Портъ-Артура еще на мѣсяцъ и называя это «болѣе быстрой выручкой», ген. Куропаткинъ едва ли сознавалъ дѣйствительное положеніе Артура. На это указываетъ и невѣрная оцѣнка имъ какъ бездѣйствія противника, такъ и своего собственнаго положенія. Вотъ что онъ писалъ въ томъ же донесеніи по этому поводу.

«Если въ этотъ мѣсячный срокъ японцы сами перейдутъ въ наступленіе, то, отразивъ ихъ, мы перейдемъ въ наступленіе немедленно. Занявъ позиціи на Шахе, мы

получили *значительныя выгоды*, ибо даже, въ случаѣ неудачи, за нами находится сильно укрѣпленная Мукденская позиція, на которой мы можемъ остановить японцевъ до подхода къ намъ всѣхъ подкрѣпленій. Мы расширили районъ для довольствія нашихъ армій, охранили Мукденъ съ его могилами отъ разрушенія (!) и—что тоже весьма важно—прикрыли Фушунскія каменноугольныя копи, гдѣ собрано до пяти милліоновъ пудовъ угля... Нынѣ, въ теченіе октября и ноября, до самыхъ копей проложена вѣтка въ 42 версты и уголь уже поступаетъ на желѣзную дорогу. Кромѣ того, мы приступили къ прокладкѣ полевой желѣзной дороги отъ фушунской вѣтки по направленію къ Далинскому перевалу для облегченія довольствія войскъ восточной группы какъ нынѣ, такъ и особенно при наступленіи впередъ».

«Мы дѣятельно готовимся къ переходу въ наступленіе, заключаетъ Куропаткинъ свое донесеніе,—подвигая впередъ всѣ необходимые намъ запасы, организуя перевозочныя средства, подготовляя средства для принятія до 50 тысячъ раненыхъ. Позиціи наши укрѣпляются, проводятся большіе колонные пути»...

Предполагая, что японцы ранѣе овладѣнія ими Портъ-Артуромъ перейдутъ въ наступленіе, ген. Куропаткинъ, очевидно, совершенно не придавалъ значенія неоднократнымъ сообщеніямъ нашихъ различныхъ агентовъ, что японцы прежде всего и во что бы то ни стало хотятъ взять Портъ-Артуръ, что овладѣніе имъ (а не Мукденомъ съ его могилами) есть дѣло національнаго самолюбія, національной чести Японіи. Иначе онъ понялъ бы, что центръ тяжести войны лежитъ на Квантунѣ, что армія Ойямы есть только огромная ширма, прикрывающая осаду Артура и что дѣйствія противъ Манчжурской арміи до паденія Артура — только грандіозная демонстрація. Въ результатѣ этихъ заблужденій мы потеряли Артуръ какъ разъ ко времени предположеннаго для его выручки наступленія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Портъ-Артуръ.

16-го сентября въ П.-Артурѣ была получена депеша ген. Куропаткина, извѣщавшая объ исходѣ Ляоянскаго сраженія. Хотя она и заканчивалась увѣреніемъ, что «нѣсколько пополнивъ убыль въ войскахъ и въ артиллерійскихъ запасахъ и усилившись первымъ корпусомъ», онъ, ген. Куропаткинъ, въ началѣ сентября перейдетъ «въ энергичное наступленіе», но этому новому обѣщанію «скорой», «сильной» и «энергической» выручки уже болѣе не вѣрили. По крайней мѣрѣ, «душа» осажденной крѣпости—и на этотъ разъ прибавимъ—*ея совѣсть*, ген. Кондратенко уже черезъ два дня послѣ полученія вышеупомянутой депеши, 18 сентября, написалъ ген. Стесселю слѣдующее замѣчательное письмо:

«Въ настоящее время, пока П.-Артуръ держится, наши неудачи на другихъ театрахъ войны нельзя еще считать особенно унизительными, но если къ этимъ неудачамъ присоединится потеря П.-Артура и находящагося здѣсь флота, то въ сущности кампанія безвозвратно проиграна и нашъ военный неуспѣхъ принимаетъ унизительные для нашего государственнаго достоинства размѣры. Расчитывать на своевременную выручку П.-Артура нашей арміей или флотомъ едва ли возможно. Единственнымъ почетнымъ выходомъ является заключеніе теперь, до паденія П.-Артура, мирныхъ условій, которыя несомнѣнно можно до паденія П.-Артура установить не унизительными для народнаго самолюбія. Очень вѣроятно, что Государю доносятъ о событіяхъ, освѣщая ихъ нѣсколько въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Истинное, правдивое вѣрноподданническое донесеніе, можетъ быть, устранитъ большую бѣду отъ нашей родины. Посему, какъ высшій представитель здѣсь государственной власти и лицо, облеченное царскимъ довѣріемъ, не признаете ли вы возможнымъ шифрованной телеграммой на Высочайшее Имя донести объ истинномъ положеніи дѣла здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ. Настоящее письмо мое и написано только въ виду постояннаго сердечнаго отношенія вашего ко мнѣ и моей глубокой увѣренности въ необходимости такого шага для блага Россіи».

Этимъ письмомъ ген. Кондратенко обнаружилъ не только большое гражданское мужество и большой государственный умъ, широко и смѣло охватывавшій событія, но и почти пророческую прозорливость.

Наканунѣ боевъ на Шахе, онъ писалъ въ П.-Артурѣ, что «нашъ военный неуспѣхъ принимаетъ унизительные размѣры»... И, дѣйстви-

тельно, неудачный исходъ нашей попытки перейти въ наступленіе былъ несомнѣнно унизительнѣе нашего побѣдоноснаго отступленія отъ Ляояна... А затѣмъ размѣръ и унизительный характеръ нашихъ неудачъ все прогрессируетъ: капитуляція П.-Артура, мукденскій погромъ и «Цусима» со сдачею въ плѣнъ эскадры Небогатова... Въ неясныхъ, смутныхъ образахъ, быть можетъ, все это уже носилось предъ духовнымъ взоромъ Кондратенки, но они недоступны были прозрѣнію Стесселя, человѣка совсѣмъ иного склада, иного духа... Послѣдній сказалъ Кондратенкѣ по поводу его письма, что писать Государю не можетъ... Тогда для Кондратенки осталось лишь дороже продать свою жизнь и заставить японцевъ дороже купить обладаніе крѣпостью.

25-го сентября онъ обратился къ войскамъ сухопутной обороны крѣпости со слѣдующимъ приказомъ:

«Прошу Начальниковъ участковъ обратить вниманіе ротныхъ командировъ и разъяснить нижнимъ чинамъ, что упорная оборона крѣпости, не щадя своей жизни, вызывается не только долгомъ присяги, но весьма важнымъ государственнымъ значеніемъ П.-Артура, какъ мѣстопребыванія Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ.

«Упорная оборона, до послѣдней капли крови, безъ всякой даже мысли о возможности сдачи въ плѣнъ, вызывается сверхъ того тѣмъ, что японцы, предпочитая сами смерть сдачѣ въ плѣнъ, внѣ всякаго сомнѣнія произведутъ въ случаѣ успѣха общее истребленіе, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на Красный Крестъ, ни на раны, ни на полъ и возрастъ, какъ это было ими сдѣлано въ 1895 при взятіи Артура.

«Подтвержденіемъ изложеннаго можетъ служить постоянная стрѣльба ихъ по нашимъ санитарамъ и добиваніе нашихъ раненыхъ, случай котораго имѣлъ мѣсто даже 22-го сего сентября при временномъ занятіи Сигнальной горы.

«Вслѣдствіе весьма важнаго значенія Портъ-Артура, не только Государь и вся наша Родина съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за ходомъ обороны, но и весь міръ заинтересованъ ею, а потому положимъ всѣ наши силы и нашу жизнь, чтобы оправдать довѣріе нашего обожаемаго Государя и достойно поддержать славу Русскаго оружія на Дальнемъ Востокѣ».

Внушить гарнизону мысль объ упорной оборонѣ крѣпости,—«до послѣдней капли крови»—было уже психологическою необходимостью, ясно сознанною ген. Кондратенко. Гарнизонъ жилъ и дрался съ мыслью о выручкѣ. Ею бредили во снѣ и галлюцинировали на-яву. Одни ясно видѣли въ морѣ множество кораблей и увѣряли товарищей, что «это—эскадра Рожественскаго»; другіе—слышали громъ пушекъ позади японскихъ позицій и увѣряли, что «это—Куропаткинъ пробиваетъ себѣ дорогу къ Артуру»... Извѣстіе, что Манчжурская армія отступила отъ Ляояна къ Мукдену не могло, конечно, не стать достояніемъ молвы—объ этомъ могли позаботиться и сами японцы путемъ подметныхъ писемъ—и упадокъ духа, который оно могло произвести, надо было предупредить и парализовать.

Событія показывали, что хотя неудача августовскаго штурма и побудила японцевъ перейти къ постепенной правильной инженерной

атакѣ Артура, но искушеніе—ускорить ходъ событій штурмомъ было велико, да этого требовало и общественное мнѣніе Японіи... Поэтому гарнизону надлежало проявить большую выдержку въ инженерной борьбѣ съ осаждающимъ врагомъ и мужественную стойкость противъ его атакъ и бомбардировокъ.

Вторая половина августа прошла для него въ организаціонной работѣ: спѣшно укрѣплялась вторая оборонительная линія; Китайская стѣнка, на которую постепенно перемѣщался центръ обороны, усиливалась траверсами, утолщалась, обстраивалась блиндажами; артиллерія исправляла матеріальную часть и пополняла боевые запасы и личный составъ; кое-гдѣ ставились новыя батареи; перепутавшіяся въ горячкѣ отбитія штурма части приводились въ порядокъ и перемѣшались съ одного участка на другой; въ виду близости противника, находившагося въ 300 шагахъ, это можно было дѣлать только по ночамъ; формировался новый «Комендантскій» резервъ, такъ какъ 4-я в.-сиб. стр. дивизія, составлявшая крѣпостной резервъ во время штурма, вся влилась въ боевую линію; наконецъ, организовывалось болѣе стройное управленіе обороной Восточнаго фронта, во главѣ которой, за болѣзнью ген. Горбатовскаго, временно сталъ ген. Надѣинъ. Наша тактика въ это время свелась къ слѣдующему: борьба крѣпостной артиллеріи съ осадными батареями противника; ночью вылазки по всему фронту небольшими командами охотниковъ, и хотя рѣдкая, но постоянная бомбардировка занятыхъ японцами редутовъ 1-го и 2-го, не позволявшая имъ на нихъ утвердиться. Затѣмъ противъ редутовъ поведена была и минная война. Хотя минными ходами мы и не дошли до противника, но все же минныя работы принесли пользу въ томъ смыслѣ, что показали противнику готовность гарнизона къ активной оборонѣ.

На Сѣверномъ и Западномъ фронтахъ крѣпости также шла въ это время созидательная работа.

Что же дѣлали въ это время японцы?

Послѣ неудачнаго штурма японская артиллерія яростно бомбардировала портъ и городъ. Растерянность и усталость японцевъ въ первые дни послѣ штурма сказалась въ томъ, что они оставили незанятымъ участокъ Китайской стѣны, между редутами, и онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ нейтральнымъ.

Шесть дней не предпринимали японцы активныхъ дѣйствій.

Наконецъ, около 20-го августа изъ крѣпости замѣтили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желтенькія полоски, которыя оказались частицами 1-ой японской параллели. Затѣмъ, японскія траншеи появились въ двухъ пунктахъ: противъ Водопроводнаго редута и противъ форта № II.

Затѣмъ противникъ сапою продвинулся къ востоку отъ форта II-го,—противъ Куропаткинскаго люнета и бат. Б., и здѣсь почему-то закончилъ свои сапныя работы.

Вообще, въ этотъ періодъ осады японцы не проявляютъ еще ни большой правильности въ веденіи инженерной атаки, ни большой энергіи ея. Они, видимо, не потеряли еще надежды покончить съ крѣпостью однимъ ударомъ—и ровно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго штурма, 6-го сентября, атакуютъ открытою силою на Сѣверномъ фронтѣ,—Кумирнинскій и Водопроводный редуты, а на Западномъ—Высокую и Длинную горы...

Подъ прикрытіемъ страшнаго огня своей осадной артиллеріи, японцы подкатили къ Водопроводному редуту горное орудіе и съ дистанціи въ 100 шаговъ начали его громить, разбивая блиндажи, коверкая пулеметы, срывая брустверъ [1]). Около 8 ч. веч. они заняли передній фасъ редута и поставили на немъ пулеметъ... Шесть разъ гарнизонъ его бросался въ атаку, но безуспѣшно: чтобы дойти до противника, имъ приходилось подъ огнемъ этого пулемета проходить сначала черезъ ворота, а потомъ по открытому мѣсту внутренней площадки. Въ полночь мы занимали уже лишь кусочекъ задняго фаса редута,—при чемъ всѣ контръ-атаки попрежнему были безплодны,—и въ 3 ч. 47 м. ночи ген. Кондратенко приказалъ очистить Водопроводный редутъ. Узнавъ объ этомъ утромъ 7-го сентября, гарнизонъ Кумирнинскаго редута, видя надвигающіяся на него штурмовыя колонны японцевъ,—отступилъ.

Одновременно съ открытіемъ огня противъ Водопроводнаго и Кумирнинскаго редутовъ, японцы, въ 5 ч. веч. 6-го сентября, начали обстрѣливать Высокую гору, лежащую къ с.-востоку отъ нея Длинную гору и расположенные далѣе къ востоку форты № IV и V и укрѣпл. 5-е. На Высокой къ этому времени было 4—5 ротъ 5-го в. сиб. стр. полка, двѣ, три 6″ пушки въ 120 пуд., полевая и мелкая скорострѣльная артиллерія. Главнымъ руководителемъ ея обороны былъ командиръ 5-го полка, полк. Третьяковъ.

Подъ прикрытіемъ своего огня, противникъ 6-го же сентября атаковалъ Длинную гору, но взять ее удалось ему лишь къ полудню 7-го числа. Тогда положеніе на Высокой горѣ стало весьма затруднительнымъ, такъ какъ Длинная командуетъ надъ Высокой и съ нея можно обстрѣливать тылъ послѣдней... Въ теченіе дня 7-го сентября обѣ стороны сходились на Высокой почти на дистанцію штыка... Ихъ раздѣляла только стѣна труповъ, черезъ которую они перебрасывались бомбочками. Въ полночь японцы атаковали лѣвый флангъ Высокой,

---

[1]) Н-къ штаба отряда обороны Восточ. фронта, ген. шт.-кап. Степановъ, наблюдая атаку Водопров. редута, высчиталъ, что надъ нимъ въ теченіе одной минуты—разрывалось отъ 10 до 14 снарядовъ, изъ коихъ 3—4 давали при разрывѣ черный дымъ, т.-е. были снаряжены мелинитомъ. Вечеромъ ему пришлось видѣть защитниковъ редута, отравленныхъ ядовитыми газами въ состояніи почти столбняка. (См. «Рус.-Япон. война на сушѣ и на морѣ». Изд. В. Березовскаго; вып. VII-й. «Портъ-Артуръ», составили Ф. В. Степановъ и В. А. Апушкинъ).

но были снова отбиты—и съ большимъ урономъ. Атаки продолжались всю ночь, весь слѣдующій день 8-го сентября и опять всю ночь на 9-е число... Японцы, видимо, не жалѣли жертвъ для овладѣнія Высокой, направивъ на нее цѣлую дивизію и нѣсколько резервныхъ бригадъ [1])... Но Высокая оборонялась отчаянно и доблестно—и стойкостью нашихъ войскъ была спасена.

Утромъ 9-го сентября взводу скорострѣльной артиллеріи удалось скрытно занять позицію такъ, что явилась возможность обстрѣливать съ тылу б-ны японской пѣхоты, собранные у подошвы Высокой горы для новой атаки ея. Эффектъ огня этого взвода былъ поразительный: цѣлая бригада бросилась бѣжать, бросая въ паникѣ ружья и устилая трупами свой путь. Паника распространилась по всей линіи атаки. Подъ вліяніемъ ея японцы очистили уже занятые ими окопы и блиндажи, оставивъ въ нихъ 2 пулемета и 1 орудіе. Вечеромъ они попытались было атаковать Высокую, но силы ихъ были надорваны и мы легко отбили ихъ атаку. [2]) Ею и закончился сентябрьскій штурмъ, стоившій намъ убитыми: 11 офицеровъ и 457 н. ч. и ранеными 36 оф. и 2132 н. ч.; по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ китайцевъ, японцы потеряли съ 6-го по 10-е сентября отъ 15 до 20 тыс. человѣкъ.

Потерпѣвъ новую неудачу, японцы опять съ остервенѣніемъ принялись за бомбардировку. Центръ тяжести осады они перенесли теперь на Восточный фронтъ противъ фортовъ №№ II и III и укр. 3. На Западномъ фронтѣ, — противъ Высокой, — японцы притихли, ведя работы только со стороны Длинной горы, да и тѣ пріостановили въ 600 шагахъ. На Сѣверномъ фронтѣ — мы по-прежнему углублялись въ землю, а непріятель понемногу подвигался къ намъ траншеями.

Въ ночь на 15 сентября японцы заложили передъ фортомъ № III окопъ, который въ теченіе 11-ти сутокъ переходилъ изъ рукъ въ руки и только 26-го числа окончательно остался за японцами.

17 сентября они начали обстрѣливать крѣпость изъ 11 дм. гаубицъ. Эффектъ отъ разрыва снарядовъ этого калибра (20 пуд.) былъ ужасный, подобный взрыву порохового погреба. Никакія сооруженія не могли противостоять этимъ снарядамъ.

Въ ночь на 22 сентября, японцы атаковали Сигнальную горку, впереди нашего праваго фланга, и заняли ее, но утромъ, при помощи

---

[1]) Нами введено было для поддержки гарнизона Высокой всего 28 ротъ.

[2]) О настроеніи японцевъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма, найденнаго на убитомъ подъ Высокою японцѣ:—«служба подъ Артуромъ тяжела, гоняютъ съ одного мѣста на другое, работы по горло, а успѣховъ не видно; третій день беремъ какую-то горку и не можемъ взять,—изъ полка болѣе половины выбыло, офицеровъ совсѣмъ нѣтъ».

крѣпостной артиллеріи, были сбиты, и Сигнальная горка осталась за нами до конца осады [1]).

Въ ночь на 24 сентября, т. е. черезъ $2^1/_2$ мѣс. отъ начала осады японцы вошли въ мертвое пространство форта № II и съ «этого момента надо считать, что гласисъ форта находился уже не въ нашихъ рукахъ».

Въ ночь на 29 сентября японцы захватили неустроенные нами тыловые окопы укр. 3-го. Подоспѣвшій во-время начальникъ участка, подполк. Сайчукъ съ ротою моряковъ, бывшею у него въ резервѣ, выбилъ японцевъ, но только послѣ троекратной штыковой работы. Однако, пользуясь темнотой, они засѣли въ оврагѣ, лѣвѣе нашего расположенія, и укрѣпились.

3 октября, днемъ, противникъ сильно обстрѣлялъ изъ 11 дм. гаубицъ капониръ № 3; гарнизонъ его не выдержалъ и отошелъ, но получилъ приказаніе вернуться. Послѣ нѣсколькихъ контръ-атакъ половина капонира была вновь занята нами, въ другой же остались японцы. Такое положеніе сохранилось до 13 октября.

6 октября нами на гласисѣ форта II впервые были услышаны плотничныя работы противника; съ нашей стороны устраивался крытый ходъ къ форту и ставились во рву проволочныя загражденія. Въ ночь на 8 октября съ форта № II произведена была вылазка, выяснившая, что японцы идутъ подъ фортъ двумя минными галлереями.

Такъ прошелъ мѣсяцъ со дня окончанія второго штурма крѣпости — и вотъ японцы снова дѣлаютъ попытку взять ее открытою силою. На этотъ разъ они предпосылаютъ штурму тщательную, 4-хъ дневную артиллерійскую и инженерную подготовку его.

Съ утра 13-го октября японская артиллерія громитъ фортъ № II—11″ бомбами, а батарею Б—6″ бомбами. Затѣмъ огонь распространяется на фортъ № III, укрѣпленіе 3-е и Заредутную батарею.

Этимъ огнемъ противникъ нанесъ намъ значительный матеріальный вредъ, а главное—надломилъ моральныя силы защитниковъ, вслѣдствіе чего, при первомъ-же стремительномъ натискѣ японцевъ, они почти вездѣ оставили свои окопы.

Ночью, несмотря на наши контръ-атаки, японцы утвердились въ капонирѣ 3-мъ, на гласисѣ форта № III и въ окопахъ впереди укр. 3-го. Входъ во рвы оказался въ ихъ рукахъ—и они могли приступить къ штурму укрѣпленій, но этого имъ казалось еще мало. Неудачи двухъ штурмовъ, стоившія очень дорого, научили ихъ считаться съ доблестью гарнизона и быть осторожнѣе. Продолжая непрерывно бомбардировку укрѣпленій, японцы утромъ 15-го октября взрывами сдѣлали

---

[1]) При обратномъ занятіи окоповъ обнаружилось, что японцы добиваютъ нашихъ раненыхъ, о чемъ и упомянулъ ген. Кондратенко въ приказѣ по войскамъ сухопутной обороны отъ 25 сентября, за № 36.

отверстіе въ стѣнѣ капонира форта № II и проникли въ него. Будучи выбиты оттуда, они въ ту же ночь двумя взрывами обвалили потолокъ и стѣну капонира форта II, образовавъ обвалъ, по которому можно было спускаться рядами по 2—3 человѣка.

Наши попытки въ ночь на 16-ое октября овладѣть окопами впереди форта III и укр. 3 не увѣнчались успѣхомъ. Зато японцамъ удалось подвезти за ночь на ближнюю дистанцію къ укрѣпленіямъ отъ батареи В. до Курганной батареи 16 горныхъ орудій и на разсвѣтѣ 17-го октября подорвать правый капониръ форта № III.

Этимъ подготовка къ штурму и была закончена. Въ 11½ часовъ утра японцы открыли шрапнельный огонь; въ 11 ч. 50 м. они повели наступленіе на Куропаткинскій люнетъ и бат. Б и въ 12 ч. 45 м. дня спустили лѣстницы во рвы фортовъ II и III. Черезъ 5 минутъ на брустверѣ бат. Б. мелькнулъ было японскій флагъ, но сейчасъ же былъ сбитъ, а въ 1 ч. дня защитники батареи и вовсе грудью опрокинули ворвавшагося на нее врага... Въ то же время японцы пошли на штурмъ форта III, а нѣсколько позднѣе и на укр. 3-е. Встрѣченные страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, они, какъ шальные, бросились назадъ... Но, оправившись, вторично атаковали укр. 3-е. Моментъ оказался благопріятнымъ: отъ разрыва снаряда на укрѣпленіи произошелъ пожаръ, загорѣлись наши заряды, стали рваться сложенные тутъ же бомбочки и снаряды—и японцамъ удалось занять неполный фасъ брустверa... Фортъ II, капониръ 2-й и Куропаткинскій люнетъ также были заняты японцами, но черезъ полчаса ихъ оттуда выбили; а затѣмъ было взято нами обратно и укрѣпленіе 3-е... Однако японцы все-таки успѣли утвердиться на его гласисѣ.

Въ этотъ день штурмъ не повторился, но ночь на 18 октября прошла въ усиленной артиллерійской и ружейной перестрѣлкѣ; японцы, очевидно, хотѣли помѣшать огнемъ нашимъ работамъ по уборкѣ раненыхъ и починкѣ разрушенныхъ укрѣпленій. Неудача, испытанная японцами 17-го октября, видимо, подорвала ихъ энергію, и они, не желая зарываться, ограничили 18-го числа свои дѣйствія штурмомъ форта II. Но и онъ окончился неудачею. Японцамъ удалось занять лишь совершенно разрушенный капониръ 2-й. Съ потерею его форты II и III остались связанными лишь Китайской стѣнкой; редуты №№ 1 и 2 и капониры №№ 2 и 3 были уже въ рукахъ противника.

Крѣпость уцѣлѣла въ третій разъ, хотя спасеніе и было куплено довольно дорогою цѣною: мы потеряли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 85 офицеровъ и 4430 н. ч.

Таяла численность гарнизона, слабѣли его физическія силы, изнуряемыя безпрерывною работою и поддерживаемыя уже кониною, а духу его одно за другимъ посылались тяжелыя испытанія.

Пришло извѣстіе, что наступленіе Манчжурской арміи окончилось неудачею и что Балтійская эскадра еще далеко... Главнокоман-

дующій (ген. ад. Куропаткинъ) по-прежнему лишь надѣялся «съ прибытіемъ подходящихъ подкрѣпленій атаковать противника и двинуться впередъ, будучи увѣренъ, что геройскія войска Артура продержатся» [1]).

И они еще разъ оправдали эту увѣренность. Послѣ неудачныхъ отдѣльныхъ попытокъ укрѣпиться на форту II-мъ—6 ноября, захватилъ фортъ III-й—7-го ноября, Куропаткинскій люнетъ и батарею Б—10-го ноября, японцы 13-го ноября отважились на новый штурмъ.

Непріятельская артиллерія съ утра стала громить Восточный фронтъ, отъ Курганной бат. до бат. А., при чемъ Курганная, укр. 3-е, фортъ III, бат. Б и Куропаткинскій люнетъ подверглись особенно сильному обстрѣлу.—Въ $11^1/_2$ ч. японцы примкнули штыки и ровно въ полдень одновременно по всей линіи бросились на штурмъ. Всюду они были встрѣчены огнемъ нашей пѣхоты и артиллеріи. «Произошло что-то, не поддающееся описанію—разсказываетъ участникъ событій этого дня.—Артиллерія ревѣла: непріятельская стрѣляла по резервамъ, горжамъ укрѣпленій и по 2-ой линіи обороны; наша—отражала штурмъ на близкомъ разстояніи. Все заволокло туманомъ дыма и поднятой снарядами земли...»

Пять разъ пытались японцы ворваться на фортъ II-й, но безуспѣшно. Каждый разъ ихъ встрѣчали сильнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, а потомъ пришлось пустить въ дѣло мелинитовыя шашки, бомбы и шаровыя мины, произведшія между японцами панику....

Также нѣсколько разъ противникъ бросался на Куропаткинскій люнетъ и батарею Б. До люнета ему даже дойти не удавалось, а окопъ впереди батареи Б., хотя и былъ имъ первоначально захваченъ, но къ вечеру очищенъ. Бой за него былъ особенно горячъ: было пущено въ ходъ все... Когда не стало патроновъ, ручныхъ гранатъ и пироксилиновыхъ шашекъ, обѣ стороны стали бросаться камнями, кирками, лопатами, обломками ружей... Въ концѣ концовъ мы выбили японцевъ и изъ этого окопа... Но подъ покровомъ темноты имъ удалось подкрасться къ Курганной батареѣ, ворваться на нее и овладѣть орудіями... На помощь малочисленному гарнизону подоспѣли работавшія вблизи роты... Онѣ штыками выбили японцевъ съ батареи, но тѣ залегли за бруствероmъ ея и стали бросать мелинитовыя шашки. Прогнать ихъ оттуда было дѣломъ труднымъ. Дали знать начальнику обороны фронта, ген. Горбатовскому, который немедленно вызвалъ очередную полуроту резерва и приказалъ ей: — «бѣгомъ, на Курганную». Полурота (всего 45 чел.) исполнила приказъ въ точности: бѣгомъ добѣжала до Курганной и съ крикомъ «ура» бросилась передъ нею въ оврагъ, какъ потомъ оказалось—въ тылъ японцамъ... Темнота, внезапность атаки, громовое «ура» сыграли свою роль: японцы, полагая, что ихъ атакуетъ не 45 чел., а

[1]) Депеша ген. Сахарова отъ 19 октября 1904 г.

въ десять разъ больше, въ паникѣ бросились бѣжать... Четвертый штурмъ Артура былъ отбитъ повсюду.

Стойкая оборона укрѣпленій Восточнаго фронта побудила японцевъ попытать счастья снова на Западномъ фронтѣ. Чтобы замаскировать этотъ переносъ дѣйствій, противникъ въ теченіе всего 14-го ноября усиленно обстрѣливалъ Восточный фронтъ и дѣлалъ видъ, что хочетъ повторить атаку форта III-го и укрѣпленія 3-го. Въ то же время онъ усиленно бомбардировалъ Высокую и Плоскую горы... Въ теченіе цѣлой недѣли жестокія бомбардировки ихъ смѣнялись отчаянными штурмами... Особенно яростно лѣзли японцы на Высокую гору, важность обладанія которою обѣ стороны отлично понимали. Гора переходила изъ рукъ въ руки безпрерывно. Роты стрѣлковъ, матросовъ, дружинниковъ, даже госпитальныхъ служителей шли одна за другою на вершину Высокой—и не возвращались назадъ. Священники и іеромонахи служили въ окопахъ молебны, обходили войска, призывая на нихъ помощь Всевышняго и воодушевляли ихъ на продолженіе упорной обороны [1])...

Вотъ какъ характеризуетъ бои за Высокую объективный наблюдатель ихъ, англійскій военный корреспондентъ при японской арміи, Эллисъ Ашмедъ Бартлеттъ [2]).

«... Въ теченіе трехъ дней — 19-го, 20-го и 21-го ноября (ст. ст.) артиллерія не прекращала бомбардировки, осыпая снарядами гребень Высокой горы и все на ней разбивая въ щепы. Какъ русскіе могли держаться—необъяснимо: храбрость ихъ, какъ обороняющейся пѣхоты, никогда не подвергалась болѣе суровому испытанію и никогда они не отвѣчали на вызовъ врага болѣе доблестно и самоотверженно.

«... Борьба за Высокую гору была битвой гигантовъ: ни одна страна въ самую славную эпоху своей исторіи никогда не выставляла въ поле солдатъ, которые дрались бы съ такимъ упорствомъ, храбростью и безусловнымъ презрѣніемъ къ жизни, какъ русская и японская пѣхота въ теченіе этихъ дней...»

На 22-е число Ноги назначилъ рѣшительную атаку Высокой... Въ распоряженіе ген. Саито дано было для этого 8 б-новъ...

«Поставленная на карту ставка была такъ велика, говоритъ тотъ же Эллисъ Бартлеттъ,—и отбитая еще разъ атака была бы такимъ несчастіемъ, что были приняты всѣ предосторожности, чтобы обезпечить успѣхъ... Рѣшено было поднять энтузіазмъ людей до высшей степени... Полковыя знамена были собраны въ лощинѣ, по которой должны были проходить войска въ боевую линію; каждый б-нъ, идя мимо, долженъ былъ остановиться и салютовать своимъ знаменамъ; при этомъ люди клялись, что они либо возьмутъ высоты, либо не вернутся назадъ...»

Въ 1 ч. 50 м. дня они бросились на штурмъ Высокой—и встрѣтили на этотъ разъ слабое сопротивленіе. Наши войска очищали Высокую гору.

---

1) То были священники: 5-го вост. сиб. стр. п. о. Василій Слюнинъ и 27-го полка о. Анатолій Мшанецкій, іеромонахи: брон. «Побѣда»—о. Никодимъ и крейсера «Баянъ»—о. Анатолій.

2) См. его книгу—«Осада и сдача П.-Артура», перев. съ англ. подъ редакціей полк. Хвостова, изд. В. Березовскаго, стр. 296—324.

«— Нельзя выражать удивленія, говоритъ Бартлеттъ, по поводу отступленія русскихъ, ибо на вершинѣ Высокой горы, вслѣдствіе непрерывной бомбардировки, было совершенно невозможно держаться: даже мышь не могла бы найти себѣ здѣсь безопаснаго укрытія».

Для удивленія нѣтъ и повода: доблестные защитники Высокой покидали ее теперь не потому, что не могли далѣе держаться, а по приказу ген. Кондратенко. Послѣдній же отдалъ его потому, что дальнѣйшее упорство въ оборонѣ этого пункта, при неравенствѣ шансовъ борьбы, становилось уже безразсуднымъ. Ноябрьскіе штурмы стоили гарнизону убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 153 офицеровъ и 6586 нижн. чиновъ. Японцы,—хотя и потеряли на одной Высокой горѣ отъ 9 до 10 тыс. чел. убитыми и ранеными [1]), все же могли возмѣстить убыль людей присылкой подкрѣпленій изъ Японіи. Гарнизонъ же П.-Артура лишенъ былъ этой возможности—и для того, чтобы затянуть оборону всей крѣпости, приходилось дорожить каждымъ солдатомъ...

Занятіе Высокой горы было первымъ серьезнымъ успѣхомъ японцевъ за 4 мѣсяца тѣсной осады крѣпости. Бартлеттъ сравниваетъ чувства японскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, вступившихъ на гребень вершины Высокой горы, съ чувствами французовъ, когда они впервые, въ 1812 году, увидѣли передъ собой Москву.

«Тутъ только японцы могли оцѣнить грандіозность и огромное значеніе своего успѣха: впервые они увидѣли передъ собою, на самомъ близкомъ разстояніи, ту цѣль, изъ-за которой они боролись такъ долго и такъ храбро. Передъ ними открылась гавань и русскія военныя суда, стоящія на якорѣ. Они сознавали, что большая половина работы сдѣлана: крѣпость можетъ еще держаться, но суда обречены на гибель. Гавань не давала защиты судамъ; чтобы не быть потопленными на мѣстѣ якорной стоянки, русскія суда должны были сейчасъ же выйти въ море и встрѣтиться съ эскадрой адм. Того, когда Балтійская эскадра находилась еще на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль...»

И—внутренній рейдъ сталъ могилою нашей эскадры. По возможности очистивъ Высокую отъ нѣсколькихъ тысячъ труповъ, заражавшихъ гніеніемъ воздухъ, японцы устроили на ея вершинѣ наблюдательный постъ, соединили его телефономъ съ своими осадными батареями и къ вечеру 23-го ноября открыли огонь 11-ти дюймовыми бомбами по кораблямъ нашей эскадры.

И они, одинъ за другимъ, исковерканные, обгорѣлые, погружались на дно... Только «Севастополь», подъ командой кап. фонъ-Эссена, рѣшилъ погибнуть въ бою: онъ вышелъ на рейдъ, выдержалъ отчаянную борьбу съ японскими миноносцами и, получивъ серьезныя поврежденія, былъ затопленъ своимъ командиромъ на 20-ти саженной глубинѣ. Съ затопленныхъ судовъ боевые запасы были свезены на берегъ,

---

[1]) По свѣдѣніямъ Эл. Бартлетта.

команды и офицеры пополнили ряды защитниковъ крѣпости, минеры занялись выдѣлкой бомбочекъ, а машинисты—отливкой снарядовъ...

—«Конечно, горестно такъ потерять свой флотъ, писалъ к. адм. Виренъ ген. Стесселю, который 24-го ноября потребовалъ отъ него полнаго уничтоженія затопленныхъ судовъ и выхода въ море уцѣлѣвшихъ—но если Богъ дастъ намъ отстоять крѣпость до выручки съ суши, то я увѣренъ, что всѣ безпристрастные люди въ П.-Артурѣ скажутъ, что безъ той помощи, которую далъ флотъ, П.-Артуръ былъ бы уже давно въ рукахъ непріятеля».

Съ паденіемъ Высокой—началась агонія осажденной крѣпости, наступило «начало конца», какъ выразился, говорятъ, самъ Кондратенко, отдавая приказъ объ очищеніи этой горы. И, дѣйствительно, Артуръ сталъ нести одну за другою тяжкія утраты: 2-го декабря на фортѣ № II погибъ самъ ген. Кондратенко, вмѣстѣ съ наиболѣе дѣятельными своими сотрудниками: полк. Науменко, военными инженерами Рашевскимъ и Зедгенидзе; 5-го декабря мы потеряли и самый фортъ № II. Японцы произвели три взрыва фугасовъ подъ его брустверомъ и безпрерывною въ теченіе дня бомбардировкою разрушили его почти до основанія. Послѣ геройской защиты его, стоившей намъ за одинъ этотъ день 200 чел., фортъ этотъ, по приказанію ген. Фока, безъ вѣдома коменданта, но съ разрѣшенія ген. Стесселя, былъ нами взорванъ и очищенъ вечеромъ того же дня [1]).

Въ ночь на 16-е декабря, по приказанію ген. Фока былъ очищенъ нами и фортъ № III, послѣ того, какъ противникъ подорвалъ его брустверъ, захватилъ его ретраншаментъ, и всѣ попытки гарнизона выбить его съ форта окончились неудачею.

Новый начальникъ сухопутной обороны, ген. Фокъ, вообще, не проявлялъ уже такого упорства въ удержаніи атакованныхъ укрѣпленій, какъ ген. Кондратенко. Да и самъ по себѣ это былъ человѣкъ другого склада характера и другихъ взглядовъ на военное дѣло. Цзиньчжоускій бой поколебалъ его авторитетъ въ войскахъ. Находясь со времени его не у дѣлъ, онъ занялся своеобразною литературою—«замѣтками», въ которыхъ обнаружилъ саркастическій умъ и очень спутанное представленіе о военномъ дѣлѣ. Эти «замѣтки», въ которыхъ писалось обо всемъ, что дѣлалось въ Артурѣ и на его позиціяхъ, въ которыхъ пѣхотнымъ генераломъ давались совѣты артиллеристамъ, морякамъ, инженерамъ, минерамъ и въ которыхъ, не стѣсняясь въ словахъ, критиковались дѣйствія всѣхъ начальниковъ обороны, внушили только Стесселю преувеличенное представленіе о познаніяхъ и способностяхъ Фока, остальныхъ же онѣ или незаслуженно обижали, или ссорили между собою и вообще вносили въ семью защитниковъ

---

[1]) Гарнизонъ его вышелъ въ составѣ 18 чел.

раздоръ и раздраженіе. Честолюбивый, самоувѣренный и рѣзкій въ обращеніи съ подчиненными, ген. Фокъ являлся полною противоположностью ген. Кондратенко и если тотъ заслужилъ наименованіе «души обороны», то Фока звали ея «злымъ геніемъ».

Очищеніе форта II-го было первымъ моральнымъ потрясеніемъ гарнизона, какъ отрицаніе до тѣхъ поръ твердо внѣдрявшагося генераломъ Кондратенко правила: «гарнизонъ укрѣпленія погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ», т. е. защищаетъ его до послѣдняго человѣка, а послѣдовавшее затѣмъ очищеніе форта III-го дѣлало положеніе наше на Восточномъ фронтѣ особенно тяжелымъ. Въ общей системѣ обороны этого фронта фортъ № III былъ тактическимъ ключомъ позиціи, такъ какъ находился въ исходящемъ углу фронта. Съ потерею его линія обороны разрывалась на двѣ части—и противникъ клиномъ врѣзывался въ наше расположеніе.

Ни для кого изъ защитниковъ крѣпости не представляло сомнѣнія, что для спасенія форта III-го генераломъ Кондратенко приняты были бы самыя рѣшительныя мѣры и отстаиваніе его, какъ и форта II-го, было бы дѣломъ всего гарнизона, а не только тѣхъ ротъ, которыя занимали эти укрѣпленія.

Въ виду создавшейся вновь обстановки, ген. Стессель 16-го же декабря собралъ военный совѣтъ изъ старшихъ начальниковъ въ крѣпости, адмираловъ, командировъ полковъ и начальниковъ штабовъ дивизій. Большинство высказалось за необходимость держаться, т. е. продолжать упорную оборону крѣпости. Начальникъ артиллеріи крѣпости, ген. Бѣлый заявилъ, что снарядовъ хватитъ еще на два штурма. По мнѣнію генер. Смирнова, оборона крѣпости должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ съѣденъ послѣдній сухарь, а муки хватитъ еще на $1^1/_2$ мѣсяца. Ген. Фокъ высказался неопредѣленно. Начальникъ штаба ген. Стесселя, полк. Рейсъ въ обширной рѣчи развивалъ мысль, что Артуръ выполнилъ уже свое назначеніе и въ отношеніи флота, и въ отношеніи Манчжурской арміи. Дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, безцѣльно и безразсудно, ибо можетъ повлечь за собою со стороны японцевъ, при послѣднемъ штурмѣ, рѣзню больныхъ, раненыхъ и мирнаго населенія. Самъ ген. Стессель находилъ, что оборона крѣпости фактически возможна только на *основной линіи*, на второй же линіи, по его мнѣнію, врядъ ли возможно долго продержаться [1]).

Заключивъ военный совѣтъ выраженіемъ своей благодарности участникамъ его за мужественныя мнѣнія и за готовность продол-

---

[1]) Подъ «основной линіей» слѣдуетъ понимать линію фортовъ, укрѣпленій и батарей, построенныхъ еще до осады. «Вторая линія» начата была лишь въ августѣ и къ декабрю была почти закончена, т. е. разрозненныя траншеи были соединены ходами сообщенія въ одну линію.

Gravüre Mezzotinto Brukman München.

ОТСТУПЛЕНІЕ ОТЪ МУКДЕНА.

Съ картины художника А. В. Маковскаго.

Cliquez ici pour télécharger

ΑΥΤΟΒΙΟΓΡΑΦΙΑ ΤΟΥ ΜΑΡΚΟΥ

Cliquez ici pour télécharger

№ 7.

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛ
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА.

жать оборону, ген. Стессель въ тотъ же день донесъ телеграммою Государю, что «крѣпость продержится лишь нѣсколько дней,—у насъ снарядовъ нѣтъ»... Такимъ образомъ, судьба крѣпости, видимо, была уже предрѣшена. Черезъ день же произведенъ былъ и опытъ частичной капитуляціи... Когда утромъ 18-го декабря японцы взорвали брустверъ укрѣпленія 3-го, а отъ детонаціи въ потернѣ укрѣпленія взорвался вслѣдъ затѣмъ запасъ бомбочекъ и ракетъ и разрушилъ казематы,—около сотни защитниковъ было погребено подъ ихъ развалинами.

Заживо погребенные, они, по телефону, чудесно уцѣлѣвшему при взрывѣ, запросили штабъ обороны Восточнаго фронта, что имъ дѣлать. Ген. Горбатовскій разрѣшилъ имъ съ наступленіемъ темноты покинуть укрѣпленіе. Стессель же, узнавъ отъ Горбатовскаго о положеніи дѣлъ на 3-мъ укрѣпленіи, разрѣшилъ остаткамъ его гарнизона сдаться... И въ 1 ч. 15 м. дня, на укрѣп. 3-мъ, дѣйствительно, былъ выкинутъ бѣлый флагъ... [1]) Это былъ первый случай сдачи укрѣпленія и гарнизона его, стоявшій въ полномъ противорѣчіи съ принципомъ ген. Кондратенко: «гарнизонъ гибнетъ вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ». До сихъ поръ форты, батареи, укрѣпленія и окопы очищались нами, когда защищать ихъ не было уже возможности; они взрывались, остатки гарнизона ихъ, какъ ни были они малы, отходили, унося съ собою все, что можно. 18-го декабря на укрѣпленіяхъ Артура впервые былъ поднятъ бѣлый флагъ...

А вечеромъ того же дня, по докладу ген. Фока и вопреки мнѣнія коменданта, ген. Стессель приказалъ очистить Китайскую стѣнку, составлявшую теперь послѣднюю основу оборонительной линіи, и отвести войска на 2-ю оборонительную линію (Лаперовская, Владимірская и Митрофаньевская горы). Основаніемъ этой импровизированной линіи обороны служили: на лѣвомъ флангѣ—Курганная батарея, а на правомъ—Б. Орлиное Гнѣздо. Послѣдняя гора, хотя и считалась тактическимъ ключомъ новой позиціи,—столь важнымъ, что со взятіемъ ея японцами продолженіе обороны крѣпости считалось невозможнымъ,—укрѣплена однако не была, а гарнизонъ ея въ ночь на 19-е декабря состоялъ всего изъ 22-хъ стрѣлковъ. Къ утру его усилили охотничьей командой человѣкъ въ сорокъ...

По зареву пожара, вспыхнувшаго на передовой линіи, съ которой отступали наши войска (горѣли блиндажи, кѣмъ-то подожженные), японцы обнаружили очищеніе нами Китайской стѣны и съ разсвѣтомъ повели наступленіе на Б. Орлиное Гнѣздо. Сперва они засыпали гору градомъ снарядовъ всевозможныхъ калибровъ, а затѣмъ и сами «полѣзли» на нее... Ружейнымъ огнемъ, бомбочками и шты-

---

[1]) Два офицера и нѣсколько нижн. чиновъ, находившіеся въ горжевой казармѣ, просидѣли въ ней до вечера и, раскопавъ себѣ выходъ, ночью бѣжали на Курганную батарею.

ками доблестные защитники горы отбили пять штурмовъ. Въ 3 ч. 20 м. дня японскій снарядъ попалъ въ кучу бомбочекъ и произвелъ страшный взрывъ, выведшій изъ строя почти всѣхъ защитниковъ горы, въ томъ числѣ и доблестнаго ея коменданта, подполк. Галицинскаго. Помощникъ его, подпоруч. Гринцевичъ остался съ 3-мя н. чинами... Дальнѣйшее сопротивленіе было немыслимо—и онъ очистилъ гору.

Но еще ранѣе, чѣмъ въ штабѣ ген. Горбатовскаго убѣдились въ потерѣ нами тактическаго ключа позиціи, ген. Стессель отправилъ къ ген. Ноги парламентера съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Принимая во вниманіе положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, я нахожу дальнѣйшее сопротивленіе П.-Артура безполезнымъ и во избѣжаніе безполезныхъ потерь я желалъ бы вступить въ переговоры о сдачѣ. Если Ваше Превосходительство согласны, то прошу назначить уполномоченнаго для этой цѣли, который могъ бы обсудить условія и порядокъ сдачи и избрать мѣсто, гдѣ мой уполномоченный могъ бы съ нимъ встрѣтиться».

Если добавить, что ген. Стессель, рѣшаясь вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости, не только не собралъ для обсужденія этого своего намѣренія военнаго совѣта, хотя бы изъ нѣкоторыхъ находившихся по близости начальниковъ, но даже не увѣдомилъ объ отправкѣ этого письма ни коменданта крѣпости, г.-л. Смирнова, ни начальника эскадры, к.-адм. Вирена, которые узнали объ этомъ офиціально лишь поздно вечеромъ,—то понятно будетъ выраженіе Бартлетта, что «паденіе укрѣпленія 3-го дало Стесселю поводъ для капитуляціи, за который онъ ухватился съ неприличной торопливостью...»

Столь же «неприличную торопливость» проявилъ и ген. Фокъ, испросивъ разрѣшенія ген. Стесселя, вслѣдъ за отправкою парламентера, очистить Куропаткинскій люнетъ, батарею Б и Малое Орлиное Гнѣздо. Начальникъ обороны Восточнаго фронта, ген. Горбатовскій, понимая важность удержанія въ нашихъ рукахъ этихъ пунктовъ, пытался было протестовать противъ этого распоряженія, но угрозою Фока «принять побудительныя мѣры», вынужденъ былъ это сдѣлать.

Очищеніе этихъ укрѣпленій еще болѣе ухудшало положеніе крѣпости и дѣлало оборону ея еще болѣе трудною въ томъ случаѣ, если бы переговоры о капитуляціи не привели ни къ чему. Японцы это поняли—и оказались несговорчивыми. Впрочемъ, уполномоченный ген. Стесселя, начальникъ его штаба, полк. Рейсъ, ведя эти переговоры, исходилъ изъ того положенія, что «все равно ничего не подѣлаешь,—они побѣдители»—и не проявилъ надлежащей энергіи въ отклоненіи японскихъ требованій. 20-го декабря, въ дер. Шуйшуинъ, капитуляція крѣпости была имъ подписана вмѣстѣ съ представителемъ флота, кап. I р. Щенсновичемъ, и въ силу ея «русская армія и флотъ, добровольцы и чиновники въ крѣпости и на веркахъ П.-Артура» объявлялись военно-плѣнными; всѣ форты и батареи, военные корабли, пароходы и шлюпки, оружіе, склады, лошади и всѣ прочіе военные мате-

ріалы, равно какъ деньги и другіе предметы, принадлежащіе русскому правительству, подлежали сдачѣ въ настоящемъ ихъ видѣ японской арміи...

По этой капитуляціи 23-го, 24-го и 25-го декабря передано было японцамъ 23131 человѣкъ *нижнихъ чиновъ* и 747 *офицеровъ*,, явившихся на передаточный пунктъ [1]); *орудій:* годныхъ—357, негодныхъ—352; *снарядовъ:* годныхъ—145,705; негодныхъ—46,948; *ружей* разныхъ сортовъ: годныхъ—36,800; негодныхъ—21,500; *патроновъ*: годныхъ—4,640,800, негодныхъ — 4,344,800 [2]), *лошадей* — 1920, *угля каменнаго* — 80000 тоннъ и *продовольствія* (муки, крупы, рису, чаю, сахару, сушеныхъ овощей, соли, консервовъ мясныхъ, сухарей, уксусу, бобовъ, чумизы)—на полтора, два мѣсяца [3]).

Что сдача крѣпости была рѣшена Стесселемъ безповоротно, на какихъ бы то ни было условіяхъ, слѣдуетъ заключить изъ того, что ранѣе, чѣмъ переговоры о ней состоялись и актъ капитуляціи былъ подписанъ, онъ 19-го же декабря отправилъ Государю телеграмму о томъ, что «крѣпость должна капитулировать»... «Почти 11 мѣсяцевъ непрерывной борьбы, писалъ онъ, истощили всѣ силы сопротивленія... Люди стали тѣнями».

Что моральныя и физическія силы гарнизона были надломлены, это не подлежитъ сомнѣнію: на его глазахъ погибъ флотъ, погибъ ген. Кондратенко, одна за другою переходили въ руки противника позиціи, обильно политыя кровью ихъ доблестныхъ защитниковъ, все тѣснѣе сжималось кольцо непріятельскихъ траншей, окоповъ, батарей, все явственнѣе обозначался ходъ его минныхъ работъ, все напряженнѣе становилось ожиданіе взрыва «на воздухъ...» А «выручка» съ сѣвера все не шла, тогда какъ къ противнику двигались все новыя подкрѣпленія... Довольствіе было скудное, такъ какъ не было мяса и только два раза въ недѣлю давали по $^1/_4$ фунта конины на человѣка... Цынга мѣшала заживленію ранъ... Близость противника, находившагося въ нѣсколькихъ шагахъ, дѣлала условія жизни въ укрѣпленіяхъ, засыпаемыхъ пулями и снарядами, забрасываемыхъ бомбочками и окуриваемыхъ ядовитыми газами, невозможными: люди жили

---

[1]) Въ это число не вошли раненые, находившіеся въ госпиталяхъ; изъ этого же числа по вѣдомостямъ штаба находилось на фронтѣ всего лишь 12.180 чел. Гдѣ были остальные? На судѣ ген. Стессель и Рейсъ утверждали, что цифра сданныхъ возросла до 23 тыс. вслѣдствіе того, что многіе раненые и больные вышли ко дню сдачи изъ госпиталей, чтобы быть въ плѣну «со своими». Трудно допустить, чтобы такихъ явилось на сдаточный пунктъ—11 тыс. чел. Приходится просто заподозрить точность учета людей штабомъ ген. Стесселя.

[2]) По справкѣ, добытой нашимъ воен. агентомъ въ Японіи отъ япон. воен. министерства. (См. «Дѣло о сдачѣ кр. П. Артуръ японскимъ войскамъ въ 1904 г.»; отчетъ, изданный подъ редакціей В. А. Апушкина В. Березовскимъ, стр. 413.

[3]) По даннымъ предварит. слѣдствія по дѣлу о сдачѣ П.-Артура. (См. обвин. актъ, приложен. къ «Воен. Сборн.» за 1908 г., № 1).

въ тѣсныхъ темныхъ потернахъ, казематахъ и блиндажахъ, цѣлыми недѣлями не раздѣваясь, не умываясь, не мѣняя бѣлья, не смѣя сдѣлать шагу безъ опасенія быть замѣченнымъ зоркимъ противникомъ и—подстрѣленнымъ имъ...

Но тѣмъ ярче на этомъ мрачномъ, безотрадномъ фонѣ жизни выступаетъ сила духа, проявленная въ послѣдніе дни обороны защитниками фортовъ II-го и III-го укрѣпленія 3-го, Китайской стѣны, Б. Орлинаго Гнѣзда и позицій Западнаго фронта, атакованныхъ цѣлою японскою дивизіею 19-го декабря одновременно съ атакой Б. Орлинаго Гнѣзда, и удержанныхъ нами до момента сдачи. До самой послѣдней минуты они дрались по долгу присяги—«до послѣдней капли крови», истинными героями.—«Сопротивленіе русскихъ на вершинѣ Б. Орлинаго Гнѣзда 19-го декабря, говоритъ англійскій военный корреспондентъ при японской арміи, Бартлеттъ,—не было похоже на сопротивленіе людей, готовыхъ сдаться...» [1])

Послѣдній защитникъ этой горы, подпор. Гринцевичъ разсказывалъ на судѣ, что солдаты, все время къ нему приходившіе, по 5—6 человѣкъ, съ бомбочками, говорили:—«Пришли умирать на Орлиное...»—И умирали героями...

Понятно, что при такомъ подъемѣ духа гарнизона и характерѣ его сопротивленія, рѣшеніе Стесселя сдаться явилось полною неожиданностью даже для самихъ японцевъ. Вотъ, что разсказываютъ иностранные военные корреспонденты, состоявшіе при осадной арміи Ноги, о впечатлѣніи, произведенномъ ею: по словамъ Джемса, «глубоко было изумленіе всѣхъ, отъ генерала до рядового, когда въ долинѣ развернулся бѣлый флагъ и осада кончилась. Новость, что Стессель желаетъ капитулировать, распространилась, какъ пожаръ...» [2])

Норригаардъ разсказываетъ, что въ тотъ самый день, когда послѣдовала сдача П. Артура, офицеры штаба Ноги говорили ему, что паденіе крѣпости ожидается ими не ранѣе $1^1/_2$—2-хъ мѣсяцевъ. Они полагали, что Стессель, очистивъ Восточный фронтъ, сосредоточитъ войска на Западномъ и Южномъ секторахъ, гдѣ укрѣпленія были еще достаточно сильны, чтобы удержать осаждающихъ еще нѣкоторое время. Поэтому «предложеніе русскихъ о сдачѣ явилось неожиданнымъ, хотя и очень пріятнымъ сюрпризомъ для японцевъ» ко дню Новаго года (по н. ст.) [3]).

Наконецъ, вотъ что пишетъ Бартлеттъ:—«Подъ утро 18-го (31-го) декабря, я думаю, ни одинъ человѣкъ въ арміи Ноги не предполагалъ, что паденіе П.-Артура такъ близко». Даже послѣ взятія

---

[1]) Э. А. Бартлеттъ, стр. 372.

[2]) Д. Джемсъ. Осада П. Артура, перев. съ англ. С. П. Б. 1907 г. стр. 122.

[3]) Б. В. Норригаардъ. Великая осада. Перев. съ англ. Б. Серебренникова, изд. В. Березовскаго, стр. 245.

укрѣпл. № 3, японцы думали, «что пройдетъ еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, пока наступитъ конецъ...» [1])

И всѣ эти авторы согласны въ оцѣнкѣ заключительнаго акта славной обороны.

— «Осада П. Артура—страшная драма, говоритъ Норригаардъ, но наиболѣе драматическій моментъ ея—отсутствіе конца... Крѣпость сдали, быть можетъ, предусмотрительно, но несовсѣмъ красиво—и оборона, разсказы о которой передавались бы изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ объ одномъ изъ величайшихъ подвиговъ въ исторіи всего міра, была обезславлена...» [2])

— «Не будутъ осуждать Стесселя только гуманисты, замѣчаетъ Бартлеттъ, которые восхваляютъ каждый поступокъ, избавляющій отъ пролитія крови. Но тѣ, кто видитъ дальше окружающаго—тѣ, кто старается уяснить себѣ вліяніе настоящаго на будущее, а, главнымъ образомъ, тѣ, кто на войнѣ исключаетъ всѣ соображенія, кромѣ достиженія конечнаго успѣха, скажутъ, что въ поведеніи Стесселя проявлено слишкомъ мало дальновидности и широко понимаемаго патріотизма...» [3])

Значеніе капитуляціи крѣпости было огромно. Она освобождала 100-тысячную японскую армію для дѣйствія на Манчжурскомъ театрѣ войны, гдѣ Ноги не замедлилъ появиться и сыграть рѣшающую роль въ битвѣ подъ Мукденомъ. Она лишала въ то же время нашу Манчжурскую армію ясной, всѣми видимой конкретной цѣли дѣйствій—освободить Портъ-Артуръ.

«Съ паденіемъ П.-Артура, говоритъ нашъ извѣстный военный писатель, В. Новицкій,—всѣ почувствовали, что утраченъ какой-то внутренній смыслъ нашей борьбы съ Японіей и съ этого дня, несмотря на то, что въ матеріальныхъ условіяхъ войны, рѣшавшейся на главномъ театрѣ, не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ,—вся страна стала отворачиваться отъ этой войны, какъ отъ какого-то скучнаго, всѣмъ надоѣвшаго и безнадежнаго предпріятія. Казалось, что изъ великаго дѣла вынута была оживлявшая его сердцевина и осталась лишь одна шелуха, ее обволакивавшая, но теперь уже разрушенная, ненужная...» [4])

Таково было моральное значеніе Портъ-Артура и вотъ почему защищать эту крѣпость надо было до послѣдней крайности, дорожа каждымъ лишнимъ днемъ обороны, ибо она давала глубокое удовлетвореніе странѣ, оскорбленной въ своей національной гордости неудачами войны, и причиняла въ то же время нашему счастливому въ Манчжуріи сопернику много заботъ, разочарованій и потерь [5]).

Ген. Стессель не пожелалъ раздѣлить тяжести японскаго плѣна вмѣстѣ съ гарнизономъ и, даже не простившись съ нимъ, уѣхалъ въ Россію. 16-го февраля 1905 г. онъ прибылъ въ С.-Петербургъ, а че-

---

1) Э. А. Бартлеттъ, стр. 370.

2) Норригаардъ, стр. 257—258.

3) Бартлеттъ, стр. 456.

4) «Послѣсловіе къ П.-Артурскому процессу». Сборникъ статей. С.П-Б. 1908.—«Значеніе П.-Артура въ общемъ ходѣ войны».

5) По словамъ Бартлетта, японцы потеряли подъ П.-Артуромъ 94.000 чел. (стр. 463).

резъ мѣсяцъ, 13-го марта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе «образовать для разсмотрѣнія дѣла о сдачѣ кр. Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ слѣдственную комиссію». По даннымъ, собраннымъ ею, генералы Стессель, Смирновъ, Фокъ и Рейсъ по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 28-го апрѣля 1907 г., были преданы Верховному военно-уголовному суду, который и призналъ ген. Стесселя виновнымъ въ томъ, что онъ «сдалъ крѣпость японцамъ, не употребивъ всѣхъ средствъ къ дальнѣйшей ея оборонѣ» [1]). Опредѣливъ ему за это дѣяніе смертную казнь безъ лишенія правъ, судъ вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ ходатайствовать предъ Высочайшею властью о замѣнѣ этого наказанія Стесселю заточеніемъ въ крѣпость на десять лѣтъ. Одновременно съ Высочайшею конфирмаціею этого приговора (при чемъ ходатайство суда было уважено) опубликованъ былъ 5-го марта 1908 г. Высочайшій приказъ Арміи и Флоту, въ которомъ и оборона крѣпости и сдача ея нашли себѣ высоко-авторитетную оцѣнку. «Геройская оборона Портъ-Артура», удивлявшая весь міръ стойкостью и мужествомъ гарнизона, признавалась «внезапно» прерванною «позорною сдачею крѣпости» и «Верховный Судъ, карая виновника сдачи, вмѣстѣ съ тѣмъ въ полномъ величіи правды возстановилъ незабвенные подвиги храбраго гарнизона»...

[1]) Генералы Смирновъ, Фокъ и Рейсъ оправданы судомъ, первый—по обвиненію въ томъ, что не принялъ мѣръ противодѣйствія сдачѣ крѣпости, а послѣдніе—по обвиненію въ томъ, что содѣйствовали Стесселю въ сдачѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Набѣгъ на Инноу—Сандепу—Мукденъ.

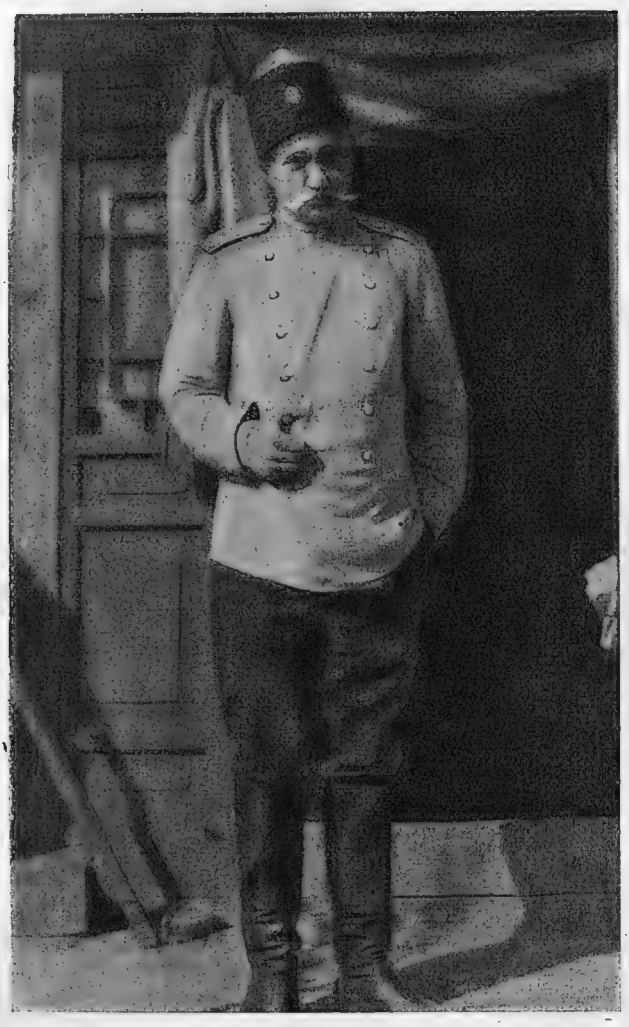
Какъ издавна, всѣмъ ходомъ войны, ни подготовлялось русское общество къ факту паденія Портъ-Артура, все же вѣсть о капитуляціи его явилась неожиданностью и потрясла всю Россію... Но особенною болью отозвалась она въ рядахъ Манчжурской арміи, сознававшей всегда, что на ней лежитъ святой, нравственный долгъ выручки своихъ боевыхъ товарищей. И если въ глубинѣ Россіи паденіе Портъ-Артура вызвало толки о дальнѣйшей безцѣльности войны и поставило на очередь вопросъ, не своевременно ли заключить миръ, то въ арміи чувствовали иначе: «Портъ-Артуръ долженъ быть отмщенъ, позоръ его капитуляціи долженъ быть смытъ побѣдой...

Ударъ, нанесенный достоинству Россіи и славѣ арміи, дѣйствительно, былъ слишкомъ силенъ и обиденъ, чтобы не требовать отвѣта... Конечно, наилучшимъ и наиболѣе достойнымъ отвѣтомъ былъ бы немедленный переходъ всѣхъ трехъ Манчжурскихъ армій въ наступленіе.

Этого требовали не только политическія соображенія—поднять престижъ Россіи—и психологическія побужденія — отмстить, но и стратегическія: надо было спѣшить разбить противника, пока къ нему не подошло подкрѣпленіе, въ видѣ арміи Ноги, и численный перевѣсъ былъ за нами. И къ этому, казалось, можно было приготовиться за три мѣсяца бездѣйствія!..

Но и на этотъ разъ событія застигли насъ врасплохъ: мы оказались неготовыми реагировать на нихъ достойнымъ образомъ, а гибель Портъ-Артура сама по себѣ не настолько потрясла Куропаткина, чтобы вызвать въ душѣ его бурю сложныхъ чувствъ, рождаемыхъ такимъ несчастіемъ, такимъ униженіемъ родныхъ знаменъ и торжествомъ соперника... Оно не создало въ немъ ни подъема энергіи, ни рѣшимости отчаянія. Впечатлѣнія отъ портъ-артурской катастрофы хватило лишь на то, чтобы рѣшиться, наконецъ, послать въ тылъ японцамъ отрядъ ген. Мищенко.

Задуманъ былъ этотъ набѣгъ ген. Куропаткинымъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Для своего успѣха онъ нуждался, конечно, во внезапности появленія нашей конницы въ тылу японскихъ армій, т.-е. въ тайнѣ его подготовки, энергіи и быстротѣ выполненія... Но такъ какъ главнокомандующій два мѣсяца колебался съ осуществленіемъ этой идеи, то о набѣгѣ стали говорить не только въ арміи, но даже въ Петербургѣ... И вотъ теперь ген. Куропаткинъ, наконецъ, рѣшился его осуществить, „чтобы отвлечь общія мысли отъ участи Артура, чтобы смягчить хоть чѣмъ-нибудь произведенное этой капитуляціей впечатлѣніе на армію, Россію да и на весь политическій міръ“ [1]).



Ген.-адъют. П. И. Мищенко.

Съ этою цѣлью, подъ начальствомъ ген.-ад. Мищенко, сформированъ былъ конный отрядъ, въ составѣ 72½ сот. и эск., 4-хъ кон.-охот. командъ, при 22 орудіяхъ, силою до 7 тыс., и ему поставлены были задачи: произвести капитальную порчу желѣзной дороги въ раіонѣ Хайченъ—Дашичао—Гайчжоу, чтобы задержать перевозку арміи Ноги изъ Портъ-Артура,—захватить Инкоу, уничтожить собранные тамъ японцами запасы и поселить панику въ тылу японской арміи.

---

[1]) Ген. шт. кап. Мих. Свѣчинъ.— «Набѣгъ коннаго отряда ген.-ад. Мищенко на Инкоу.» Изд. 1907 г., стр. 70—71.

Утромъ 27-го декабря отрядъ, раздѣленный на три колонны, выступилъ изъ Сыфонтая и двинулся на югъ по лѣвому берегу Ляо-хе. Тотчасъ же на всемъ протяженіи отъ Давана до Ляояна зажглись огромные костры, и столбы густого чернаго дыма поднялись къ небу. Это китайцы-шпіоны давали японцамъ знать, что русскіе идутъ... Послѣ небольшихъ, но горячихъ боевыхъ столкновеній у д.д. Калихе, Сандакана и у г. Ньючжуана, отрядъ нашъ 29-го декабря подошелъ къ Инкоу и 30-го декабря, съ наступленіемъ вечера, атаковалъ ж. д. станцію.

Штурмъ не удался. Движеніе нашей штурмовой колонны (полк. Харановъ) было обнаружено японцами и они съ 900 шаговъ открыли по ней сильнѣйшій пачечный огонь... Вслѣдствіе выяснившейся невозможности, безъ новыхъ огромныхъ потерь, овладѣть станціей, полк. Харановъ прекратилъ штурмъ ея и отвелъ свою колонну къ главнымъ силамъ [1]). Къ утру 31-го декабря для отряда сложилась слѣдующая обстановка: со стороны Дашичао къ Инкоу спѣшно двигались 5 японскихъ б-новъ; у Ньючжуана сосредоточивался значительный японскій отрядъ изъ всѣхъ родовъ оружія, чтобы преградить дорогу нашему отряду; теплая погода могла окончательно испортить и безъ того ненадежный ледъ на Ляохе, правый берегъ которой намѣчался при неудачѣ наиболѣе безопаснымъ путемъ отступленія.

Поэтому, считая вторичную атаку Инкоу и движеніе на Дашичао не сулящими успѣха, а дальнѣйшее пребываніе отряда на лѣвомъ берегу Ляохе, между рѣкою и желѣзною дорогою, рискованнымъ, ген. Мищенко въ тотъ же день, 31-го декабря, началъ отступленіе и въ ночь подъ новый, 1905 годъ, благополучно перевелъ всѣ три колонны на правый берегъ Ляохе.

Японцы послѣдовали на этотъ берегъ только за восточною колонною (ген.-м. Телешева), которая и выдержала 1-го января, у Санчахе, упорный бой, заставивъ непріятеля прекратить преслѣдованіе. 3-го января отрядъ благополучно возвратился въ Сыфонтай и 6-го числа былъ расформированъ.

Отплаты за Портъ-Артуръ не вышло. Результаты набѣга были незначительны и несущественны: захвачено около 600 повозокъ японскаго обоза съ продовольствіемъ, взято въ плѣнъ 19 ч. и уничтожено въ бояхъ и на заставахъ — 500 — 600 японцевъ, сожжены у Инкоу склады дровъ и фуража, испорченъ желѣзнодорожный путь у Хайчена и между Дашичао и Инкоу, при чемъ произведены крушенія—у Хайчена — поѣзда, у Инкоу — паровоза. Обстоятельство это хотя и вызвало задержку въ отправкѣ арміи Ноги съ Квантуна въ Манчжурію, но не надолго. 2-го января 1905 г., въ составѣ 4-хъ дивизій и

---

[1]) Мы потеряли при этомъ штурмѣ: убитыми 4 оф. и 57 н. ч., ранеными, контуженными и безъ вѣсти пропавшими: 20 оф. и 262 н. ч.

2-хъ резервныхъ бригадъ, всего около 100 тыс. чел., она двинулась на сѣверъ и въ началѣ февраля присоединилась къ войскамъ марш. Ойямы.

Малоуспѣшность набѣга объясняется: несвоевременностью его, неудовлетворительною, спѣшною его организаціею, походившею скорѣе на импровизацію,—и неправильно поставленною задачею его.

Въ октябрѣ, когда впервые родилась мысль о набѣгѣ, не только въ деревняхъ, но и на поляхъ еще можно было найти значительные запасы для довольствія людей и лошадей. За истекшіе съ того времени два мѣсяца они значительно убавились, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе исчезли; это вынудило придать отряду большой обозъ, сильно замедлявшій быстроту его движенія. Единство отряда нарушено было включеніемъ въ составъ его частей, дотолѣ мало знавшихъ другъ друга; многія части лишь наканунѣ выступленія въ набѣгъ поступили въ подчиненіе ген. Мищенко, который долженъ былъ уже въ походѣ знакомиться съ ними и ихъ начальниками; отрядъ обремененъ былъ многочисленной артиллеріей и огромнымъ обозомъ (1500 вьюковъ съ продовольствіемъ [1]).

Вмѣсто пролета черезъ тылъ противника ураганомъ, разрушающимъ пути, сжигающимъ запасы, уничтожающимъ отдѣльные команды, заставы и посты и нигдѣ не останавливающимся, не задерживающимся, отряду былъ навязанъ бой за овладѣніе важнымъ стратегическимъ пунктомъ—Инкоу.

Успѣхъ набѣга былъ бы, вѣроятно, больше, если бы ген. Куропаткинъ въ то же время отвлекъ вниманіе японцевъ отъ своего тыла какой-либо демонстраціей на фронтѣ или просто хотя бы усиленіемъ артиллерійскаго огня. Ничего этого сдѣлано не было. Армія бездѣйствовала.

Подготовка ея къ наступленію началась вслѣдъ за окончаніемъ шахейскихъ боевъ. Главное вниманіе было обращено на увеличеніе ея численности.

Къ 12 октября въ 252 б-нахъ состояло 140000 чел.; въ октябрѣ прибыло около 8000 н. ч.; въ первой половинѣ ноября—до 5000 н. ч.; въ концѣ этого мѣсяца прибыло еще 12000 чел., а въ декабрѣ—уже 60000 ч., такъ что къ началу января общая численность арміи достигала уже 300,000 штыковъ. Въ организаціонномъ отношеніи эти силы были раздѣлены теперь на три арміи. *Первою* — командовалъ ген. Линевичъ (127 б-новъ, 43 сот. и эск., 360 пол. ор., 12 мортиръ, 8 пулеметовъ и 5 сап. б-новъ); *второю* — ген.-ад. Гриппенбергъ (120

[1]) Ген. Куропаткинъ настаивалъ еще на томъ, чтобы, кромѣ вьючнаго обоза съ 2-хдневнымъ запасомъ, отрядомъ былъ взятъ съ собою еще транспортъ двуколокъ съ 2-хдневнымъ запасомъ для лошадей и 4-хдневнымъ для людей, и, сверхъ того, желалъ имѣть на людяхъ еще 2-хдневный запасъ людского и конскаго продовольствія... (См. Мих. Свѣчинъ, «Набѣгъ на Инкоу»..., стр. 17—19).

б - новъ, 92 эск. и сот., 412 пол. ор., 24 морт., 4 осад. ор., 20 пулем. и 3 сап. б-на) и *третьею*—ген. отъ кав. бар. Каульбарсъ (72 б - на, 18 эск. и сот., 294 пол. ор., 54 морт., 56 ос. ор., 12 пулем. и 3 сап. б - на); общій резервъ составляли 42 б - на при 120 ор. и 4 пулеметахъ.

Силы противника опредѣлялись приблизительно слѣдующимъ образомъ: армія Куроки—68 б-новъ, 21 эск., 204 ор.; армія Нодзу—50 б-новъ, 11 эск., 168 ор.; армія Оку—60 б-новъ, 29 эск., 234 ор.; армія Ноги—72 б-на, 5 эск., 156 ор. и отрядъ Кавамуры, сосредоточивавшійся противъ нашего крайняго лѣваго фланга изъ войскъ, находившихся въ Кореѣ,—въ 15—20 тыс. Общая численность ихъ была почти равна нашей численности. Такимъ образомъ, за три мѣсяца бездѣйствія на Шахе мы не сумѣли создать себѣ численнаго перевѣса—и виновата въ этомъ не столько малая провозоспособность жел. дороги, сколько пассивность нашей стратегіи, не сумѣвшей использовать время, пока П.-Артуръ удерживалъ подъ своими стѣнами стотысячную армію Ноги и превосходство въ силахъ было на нашей сторонѣ. Бѣда была въ томъ, что оно всегда казалось нашему полководцу «слишкомъ недостаточнымъ для обезпеченія успѣха нашего наступленія при тѣхъ особенно трудныхъ условіяхъ, которыя создавались сильно укрѣпленными позиціями японцевъ и холодной безснѣжной зимой...»

Разработка соображеній для перехода въ наступленіе началась въ концѣ ноября. Однако «во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ до 11-го декабря, говоритъ г. В. Новицкій, гл-щій не давалъ никакой опредѣленной идеи для предстоящаго наступленія..., онъ повидимому, уклонялся отъ составленія какого-либо стратегическаго плана. А въ его упорныхъ, частыхъ требованіяхъ отъ командующихъ арміями «соображеній» ясно сквозило желаніе, чтобы ему подсказали рѣшеніе...» [1]) Его и подсказалъ гл - щему ген. Гриппенбергъ. Въ «соображеніяхъ» своихъ, представленныхъ ген. Куропаткину 11-го декабря, к-щій 2-ю арміею предлагалъ нанести непріятелю главный ударъ на его лѣвомъ флангѣ, гдѣ мѣстность болѣе благопріятствовала наступательнымъ дѣйствіямъ и гдѣ мы, охватывая нѣсколько непріятельское расположеніе, имѣли уже выгодное исходное положеніе для обхода этого фланга.

Остальныя арміи должны были содѣйствовать этому удару и затѣмъ перейти въ рѣшительное наступленіе, когда дѣйствія на главномъ пунктѣ разовьются...

Съ идеей ген. Гриппенберга согласились всѣ остальные командующіе арміями, и она легла впослѣдствіи въ основу всѣхъ распоряженій гл-щаго.

Труднѣе оказалось опредѣлить время перехода въ наступленіе. И по этому вопросу ген. Куропаткинъ въ своихъ колебаніяхъ, видимо,

---

[1]) В. Ѳ. Новицкій—«Сандепу». Стратегическій очеркъ наступленія 2-й Манчжурской арміи въ январѣ 1905 г. Изд. В. К. Шнеура, стр. 10.

искалъ опоры въ мнѣніяхъ к-щихъ арміями. Спрошенные по этому поводу въ началѣ декабря, они дружно отвѣтили гл-щему, что необходимо дождаться прибытія всѣхъ частей 16-го арм. корпуса. Спрошенные вторично, по полученіи извѣстія о сдачѣ П.-Артура, они остались въ общемъ при прежнемъ мнѣніи, хотя уже допускали возможность начать наступательныя дѣйствія въ періодъ сосредоточенія этого корпуса, не ожидая конца его. Наконецъ, 4-го января 1905 г. состоялось у гл-щаго послѣднее общее совѣщаніе съ к-щими арміями, на которомъ еще разъ обсуждался планъ и время перехода въ наступленіе,—и 6-го января вопросы эти были окончательно рѣшены предписаніемъ гл-щаго.

Первоначальною цѣлью наступленія ставилось оттѣсненіе японскихъ армій за р. Тайцзыхе съ нанесеніемъ имъ возможнаго пораженія. Первоначальнымъ предметомъ для дѣйствія избиралась армія Оку. Способомъ дѣйствія указывался охватъ лѣваго фланга этой арміи. Въ зависимости отъ успѣха дѣйствій 2-й и 3-й армій по овладѣнію лѣвымъ флангомъ расположенія японцевъ на Шахе должны были начинаться и развиваться дѣйствія 3-ей и 1-й армій противъ позицій, занятыхъ арміями Нодзу и Куроки. Первымъ днемъ наступленія было назначено 12-е января, а первою задачею было поставлено овладѣніе Сандепускимъ раіономъ съ 4-мя укрѣпленными пунктами:— Сандепу—Лидіатунь—Татай—Тиньяцзы. Съ этою цѣлью 1-й Сиб. корпусъ (взятый изъ 1-й арміи во 2-ю) долженъ былъ, обойдя лѣвый флангъ непріятеля, овладѣть всѣми деревнями до Сумапу включительно и затѣмъ, выдѣливъ бригаду для атаки Сандепу съ юга, поддержать, такимъ образомъ, атаку этой деревни съ запада, возложенную на 14-ю дивизію (8-го корпуса). 15-я же дивизія (того же 8-го корпуса) и весь 10-й корпусъ должны были удерживать японцевъ отъ поддержки ихъ лѣваго фланга артиллерійскимъ огнемъ на фронтѣ. Сводно-стрѣлковый корпусъ (ген. Кутневичъ) составлялъ резервъ атакующихъ войскъ.

Чтобы выиграть время и застигнуть японцевъ врасплохъ, 1-й Сиб. корпусъ перешелъ въ наступленіе ночью съ 11-го на 12-е января и до разсвѣта еще овладѣлъ двумя укрѣпленными деревнями, дѣйствительно заставъ японцевъ совершенно врасплохъ. Затѣмъ послѣ цѣлаго дня упорнаго боя онъ овладѣлъ еще двумя деревнями и въ томъ числѣ очень важнымъ для противника стратегическимъ пунктомъ, дер. Хегоутай.

Однако атаки Сандепу 12-го января произвести не удалось. Предназначенная для этой цѣли 14-я пѣх. дивизія, передъ самымъ переходомъ въ наступленіе, была распоряженіемъ ген. Куропаткина двинута на поддержку коннаго отряда ген. Мищенко, которому поручено было уничтожить небольшой непріятельскій отрядъ, силою до $2^1/_2$ тыс. чел., появившійся въ первыхъ числахъ января между р. Хунхе и Ляо-

хе. Изъ этой экспедиціи 14-я дивизія, по настоянію ген. Гриппенберга, вернулась къ своей арміи лишь утромъ 12-го января, сильно утомленною. Атаку Сандепу пришлось отложить на 13-е число. Съ утра этого дня до полудня артиллерія 14-й дивизіи обстрѣливала деревню, подготовляя атаку. Въ 1 ч. дня дивизія повела наступленіе, но скоро вынуждена была пріостановить его вслѣдствіе сильнаго сопротивленія, оказаннаго японцами изъ с. с. Сандепу, Баотайцзы и Лидзявопа. Бригада 1-го Сиб. корпуса, назначенная для содѣйствія атакѣ съ юга, была на пути сама сильно атакована японцами и на поддержку ей изъ армейскаго резерва двинута была 2-я стрѣлковая бригада. Вслѣдствіе пріостановки наступленія бригады на Сандепу съ юга, между нею и 14-ю дивизіею, двигавшейся къ Сандепу съ запада, образовался разрывъ, въ который японцы и устремились, чтобы зайти намъ въ тылъ. Для противодѣйствія имъ и заполненія интервала сюда двинута была послѣдняя часть резерва—5 стр. бригада, а въ 3 ч. дня начальникъ атакующаго отряда, командиръ 8-го корпуса, ген. Мыловъ приказалъ 14-й дивизіи и вовсе пріостановить наступленіе... Но войска, ввязавшіяся въ бой, сдѣлать этого уже не могли и медленно продвигались впередъ. Въ 5-мъ часу вечера главныя силы дивизіи ворвались въ селеніе и послѣ упорнаго сопротивленія противника, уже въ совершенной темнотѣ, окончательно въ немъ утвердились. Послано было донесеніе, что Сандепу нами взято. Но скоро наступило сперва сомнѣніе въ этомъ, а потомъ и разочарованіе. Въ 500—600 шагахъ отъ занятой нами деревни оказалась другая, сильно укрѣпленная и занятая противникомъ, который сильнымъ огнемъ сталъ поражать наши войска, залегшія среди пылающихъ фанзъ... Впослѣдствіи оказалось, что ими занято было не Сандепу, а небольшой ея выселокъ—Баотайцзы. Но полки 14-й дивизіи, уже утомленные походомъ, тяжкимъ боемъ, порѣдѣвшіе отъ потерь и перепутавшіеся въ темнотѣ въ узкихъ улицахъ выселка, не были способны для атаки новаго, сильно укрѣпленнаго пункта. Къ тому же, по словамъ г. В. Новицкаго, «некому было принять общаго руководства боемъ, потому что никого изъ высшихъ начальствующихъ лицъ здѣсь не было и ночью невозможно было разыскать ихъ» [1]). На военномъ совѣтѣ изъ командировъ частей рѣшено было очистить ночью деревню, чтобы съ утра не подвергнуться въ ней разстрѣлу. Рѣшеніе это было приведено въ исполненіе, и дивизія, по частямъ, незамѣтно для противника, покинула деревню и, отойдя на западъ, заняла то положеніе, въ которомъ находилась утромъ 13-го января. 1-й Сибирскій корпусъ въ теченіе всего этого дня упорно отстаивалъ занятый имъ Хегоутай отъ безпрерывныхъ и яростныхъ атакъ японцевъ—и удержался въ немъ.

---

1) В. Ѳ. Новицкій. «Сандепу», стр. 44—46.

Гл-щій не только не облегчилъ и въ этотъ день тяжелое положеніе 2-й арміи при помощи 1-й и 3-ей армій, которыя спокойно оставались на своихъ позиціяхъ, но даже сдерживалъ, безъ вѣдома ген. Гриппенберга, и безъ того вялыя дѣйствія 10-го корпуса и 15-й дивизіи (8-го корпуса), имѣвшія цѣлью, послѣ тщательной подготовки огнемъ, атаковать д. Лидіатунь.

Вслѣдствіе этого уже съ утра слѣдующаго дня вся наступательная операція пошла на убыль. Боевыя дѣйствія въ теченіе 14-го и 15-го января въ общемъ уже не имѣютъ наступательнаго характера и заключаются лишь въ медленной и копотливой подготовкѣ атаки Сандепу, откладываемой со дня на день. Только 1-й Сибирскій корпусъ въ теченіе 2-хъ дней и 1 ночи ведетъ упорный бой за удержаніе Хегоутая. Ген. Штакельбергъ обнаруживаетъ при этомъ чрезвычайно активный образъ дѣйствій. Для удержанія за собою Хегоутая, онъ пытается взять прикрывающую это селеніе съ юга группу деревень, называемыхъ Сумапу, но всѣ атаки нашихъ войскъ, называемыхъ Оку въ своемъ рапортѣ «бѣшеными», не достигаютъ цѣли: Сумапу остается въ концѣ концовъ въ рукахъ японцевъ... Однако движеніе ихъ впередъ все же было остановлено. Да и ген. Церпицкій, долго сдерживаемый гл-щимъ, переходитъ, наконецъ, 15-го января съ своимъ 10-мъ корпусомъ, по собственной иниціативѣ, въ наступленіе и овладѣваетъ деревнями Лабатай и Сяотайцзы, а 15-я дивизія беретъ Бейтайцзы... Занятіе этихъ деревень создало для насъ чрезвычайно выгодное положеніе по отношенію къ Сандепу, которое оказывалось разобщеннымъ теперь съ сосѣднею укрѣпленною позиціею японцевъ—у Лидіатуня и охваченнымъ нами съ востока.

«Въ этотъ день, 15-го января, говоритъ полк. Черемисовъ, японцы находились въ такомъ же отчаянномъ положеніи, какъ и подъ Ляояномъ. Лѣвое крыло ихъ съ переходомъ въ наступленіе 10-го корпуса было окружено и подавлено численно. Маршалъ Ойяма вполнѣ сознавалъ свое критическое положеніе и возможность катастрофы на слѣдующій день, въ особенности, если войска ген. Гриппенберга будутъ поддержаны однимъ, двумя корпусами...» [1]

Но въ противоположность нашему вождю, легко отказывавшемуся отъ своихъ плановъ и активныхъ дѣйствій не только при каждомъ рѣшительномъ шагѣ противника, но и при одномъ слухѣ о немъ,—Ойяма не теряетъ мужества. Какъ и подъ Ляояномъ, опасность положенія придаетъ ему лишь смѣлость и дерзость отчаянія—и онъ приказываетъ арміи Оку произвести общую контръ-атаку.

---

[1]) См. его—«Русско-Японская война 1904—1905 гг.» 2-е изд., стр. 225.—Въ своемъ донесеніи объ этихъ бояхъ Ойяма писалъ:—«Утромъ 15-го января русскіе обстрѣливали тылъ японскаго центра. Сраженіе продолжалось цѣлый день и всю ночь 15-го января. Японцы повсюду были придавлены численностью русскихъ...»

Но уже неоднократно убѣдившись въ стойкости русскихъ войскъ, онъ ожидалъ, что и на этотъ разъ атакующія колонны постигнетъ печальная участь.—«Всѣ онѣ были готовы къ тому, что будутъ уничтожены», писалъ въ своемъ донесеніи Ойяма,—и тѣмъ не менѣе онъ двинулъ ихъ впередъ, на гибель. Японскія войска въ теченіе ночи съ 15-го на 16-е января произвели четыре сильнѣйшихъ штурма Хегоутая, но всѣ они съ огромнымъ для противника уономъ были отбиты 1-мъ Сиб. корпусамъ и 2-ю стр. бригадою.

Въ то самое время, когда Ойяма отдавалъ приказъ о послѣдней, рѣшительной контръ-атакѣ нашихъ позицій,—и ген. Гриппенбергъ дѣлалъ послѣднія распоряженія по овладѣнію Сандепу, уже находившемуся въ кольцѣ расположенія нашихъ войскъ...

И вдругъ, неожиданно для всѣхъ, получается приказаніе гл-щаго: «войскамъ 2-й арміи отойти на свои позиціи въ виду обнаруженнаго, наступленія значительныхъ силъ противника противъ нашей 3-й арміи»...

— «Не знаю, говоритъ ген. шт.-кап. Сухановъ въ своей книгѣ [1]),—откуда были получены эти свѣдѣнія и какъ была провѣрена ихъ правдоподобность, но войскамъ центра, въ которомъ пришлось быть и мнѣ, объ этомъ сосредоточеніи ничего не было извѣстно; напротивъ, мы были увѣрены, что японцы оттянули изъ центра поддержки къ своему лѣвому флангу, на что указывала шаткость ихъ на позиціяхъ центра: послѣ нашего орудійнаго огня они въ паникѣ бѣжали съ передовыхъ позицій, наши войска готовились перейти въ наступленіе, но оно не было разрѣшено»...

— «Возможность наступленія японцевъ, по словамъ г. В. Новицкаго, настолько угнетала всѣ мысли гл-щаго, что въ отдаваемыхъ имъ въ эти дни распоряженіяхъ гораздо больше говорится о возможныхъ дѣйствіяхъ врага, о которыхъ можно было только фантазировать, чѣмъ о нашихъ дѣйствіяхъ, представлявшихъ собою уже вполнѣ реальный факторъ кровавой борьбы... (Сандепу, стр. 53).

Такъ какъ и во 2-й арміи никто не вѣрилъ слухамъ о наступленіи японцевъ, относя ихъ всецѣло на счетъ всѣмъ вѣдомой впечатлительности гл-щаго ко всему, что касалось дѣйствій непріятеля [2]),-то; ген. Гриппенбергъ пытался протестовать противъ его распоряженія объ отступленіи и отдалъ таковое по арміи только послѣ 4-хъ телеграммъ гл-щаго объ опасномъ положеніи 3-ей арміи и по 3-му же его приказанію—отступить, съ прибавленіемъ словъ: «немедленно отправить назадъ всѣ учрежденія, а войскамъ отступить въ эту же ночь».

«Позднею ночью, со всевозможными предосторожностями, чтобы не подвергнуться преслѣдованію непріятеля, разсказываетъ г. Новицкій, участникъ этихъ событій, части 1-го Сибирскаго, Сводно-стрѣлковаго и 8-го корпусовъ, а также наша конница и Ляохейскій отрядъ, перешли на новыя назначенныя имъ мѣста... Отступленіе затруднялось

---

1) Сухановъ. «Краткій очеркъ операцій на Шахе и подъ Мукденомъ.» Ревель, изд. 1906 г., стр. 29—30.

2) В. Ѳ. Новицкій. «Сандепу», стр. 62.

уборкой и перевозкой раненыхъ, число которыхъ въ этотъ день было весьма значительно [1]). Стояла морозная темная ночь, и у всѣхъ, отъ корпуснаго командира до рядового, на душѣ было холодно и мрачно. Армія съ болью въ сердцѣ покидала запорошенную снѣгомъ обширную равнину, такъ обильно смоченную ея кровью, такъ манившую своей ширью туда, на востокъ, гдѣ, казалось, лежала цѣль всѣхъ ея страстныхъ стремленій къ побѣдѣ»... [2])

Операція наступленія была прервана. Начатая при весьма благопріятной обстановкѣ—численномъ перевѣсѣ нашемъ надъ противникомъ и неожиданности для него нашего перехода въ наступленіе,—веденная невполнѣ искусно, но близкая уже къ побѣдѣ доблестными дѣйствіями войскъ, она ничего не дала въ конечномъ своемъ результатѣ, кромѣ новаго глубокаго разочарованія арміи въ способностяхъ вождей—если не дать ей побѣду, то, по крайней мѣрѣ, не вырывать ее у ней. Ген. Куропаткинъ главной причиной нашей неудачи считаетъ «пренебреженіе къ серьезной подготовкѣ штурма Сандепу, свидѣтельствующее какъ бы о недостаткѣ должнаго и вполнѣ заслуженнаго нашимъ противникомъ уваженія къ нему...» Но всѣ остальные писатели, отмѣчая недостатки управленія боемъ со стороны ген. Гриппенберга, единодушно винятъ въ неудачѣ январьскаго наступленія самого ген. Куропаткина, страдавшаго *излишкомъ* «уваженія» къ врагу и потому слишкомъ чуткаго и впечатлительнаго къ слухамъ о немъ. Умомъ понимая необходимость перехода въ наступленіе, онъ духомъ своимъ тяготѣлъ къ оборонѣ, къ пассивному образу дѣйствій... Потому-то всѣ его распоряженія и въ эти дни были такъ двойственны и такъ неискренни, что дали поводъ заподозрить его въ томъ, что онъ «искалъ благовиднаго предлога» для пріостановки наступленія [3]). И такъ какъ слухъ о наступленіи японцевъ противъ нашего центра, явившійся обоснованіемъ приказа гл-щаго отступать, ничѣмъ не подтвердился и вздорность его выяснилась на другой же день, 16-го января, то намъ понятно возмущеніе ген. Гриппенберга такимъ нелѣпымъ и насильственнымъ концомъ 4-хдневныхъ кровавыхъ усилій его арміи. Возмущеніе это пріобрѣло особую остроту и приняло личный характеръ, когда въ 5 ч. утра 16-го января, тотчасъ же по отходѣ войскъ отъ Хегоутая и Сандепу, получилось письмо гл-щаго, быть можетъ даже заготовленное наканунѣ, въ которомъ за неудачу операціи обвинялись: войска—въ медленности дѣйствій, а шесть старшихъ начальниковъ—въ разныхъ упущеніяхъ и въ неисполненіи разныхъ его,—гл-щаго, указаній.

---

[1]) Общее количество потерь, понесенныхъ 2-ю арміею во время боевъ 12—15 января, опредѣляется въ 12,000 чел. убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Много раненыхъ замерзло, такъ какъ въ эти дни стояли сильные морозы (18—20°) при рѣзкомъ вѣтрѣ.

[2]) «Сандепу», стр. 63.

[3]) В. Ѳ. Новицкій. «Сандепу», стр. 65.

Въ этихъ несправедливыхъ и жестокихъ обвиненіяхъ такъ ярко сказалось отсутствіе у ген. Куропаткина критическаго отношенія къ собственнымъ своимъ дѣйствіямъ, такая вѣра въ свою непогрѣшимость и такая склонность во всѣхъ неудачахъ винить всѣхъ другихъ, что ген. Гриппенбергъ призналъ дальнѣйшую дѣятельность свою совмѣстно съ ген. Куропаткинымъ совершенно невозможною. Въ то же утро онъ обратился въ Петербургъ по телеграфу съ просьбою объ отчисленіи его отъ должности к-щаго 2-ю Манчжурскою арміею и, получивъ приказаніе немедленно прибыть въ Петербургъ, покинулъ армію [1]).

Вслѣдъ за ген. Гриппенбергомъ вынужденъ былъ покинуть армію и ген. бар. Штакельбергъ, отчисленный отъ командованія 1-мъ Сиб. корпусомъ, по выраженію гл-щаго «за вредныя для дѣла дѣйствія», которыя нынѣ всѣми иностранными и русскими военными писателями о минувшей войнѣ признаются блестящими и обнаруживающими, на этотъ разъ, въ печальномъ героѣ Вафангоу—вѣрное пониманіе военнаго дѣла и правильные пріемы въ рѣшеніи боевыхъ задачъ. Война послужила, очевидно, для этого генерала хорошею школою, но когда онъ въ ней выучился и закалился, то оказался вреднымъ для пассивной стратегіи ген. Куропаткина [2]).

Временно армія наша лишилась и третьяго генерала, имя котораго было самымъ обаятельнымъ на войнѣ,—Мищенко. Дѣятельно содѣйствуя со своимъ коннымъ отрядомъ наступленію 2-й арміи, онъ врѣзывается глубоко въ расположеніе противника, отбрасываетъ японцевъ къ Ландунгоу и здѣсь, 14-го января, налетаетъ на сильные резервы арміи Оку и останавливаетъ ихъ движеніе къ атакуемому Штакельбергомъ Сумапу... Завязывается горячій бой, въ которомъ Мищенко, лично ободрявшій цѣпь спѣшенныхъ казаковъ, получаетъ тяжелую рану въ ногу. Конный отрядъ лишается своего славнаго начальника—и въ послѣдующемъ Мукденскомъ сраженіи уже не играетъ той активной роли, какая требовалась отъ него въ эти страдныя для нашей арміи дни.

* * *

Отведя войска 2-й Манчжурской арміи отъ Хегоутая и Сандепу, ген. Куропаткинъ не отказался однако отъ мысли осуществить задуманное наступленіе.

Согласно съ мнѣніями всѣхъ командующихъ арміями, и на этотъ разъ наступленіе должно было совершиться по тому же плану, по

---

[1]) Въ командованіе 2-ю арміею вступилъ ген. отъ кав. бар. Каульбарсъ; командованіе 1-ею арміею временно принялъ ген. отъ кав. бар. Бильдерлингъ. Впослѣдствіи уже, послѣ Мукденскаго сраженія, к-щимъ ею былъ назначенъ ген. отъ инф. Батьяновъ.

[2]) Командиромъ 3-го Сиб. корп. назначенъ былъ ген.-л. Гернгроссъ.

которому мы дѣйствовали въ сентябрѣ—на Шахэ и въ январѣ—подъ Сандепу. Первоначальною цѣлью наступленія опять ставилось отѣсненіе японскихъ армій за рѣку Тайцзыхэ съ нанесеніемъ имъ возможнаго пораженія. Первоначальнымъ предметомъ для дѣйствій опять избрана была лѣвофланговая армія Оку. Способомъ дѣйствій опять намѣчался охватъ лѣваго фланга названной арміи.

Начать наступленіе должна была опять 2-я армія и опять атакой Сандепу. Опредѣленіе перваго дня наступленія Куропаткинъ предоставилъ Каульбарсу. Первоначально онъ былъ назначенъ 10 февраля, но затѣмъ, «вслѣдствіе утомленія войскъ 2-й арміи отъ усиленныхъ работъ по укрѣпленію позиціи», согласно ходатайства ген. Каульбарса, отложенъ былъ на два дня.

Къ этому времени наши арміи были расположены:

На правомъ флангѣ, по линіи Сыфонтай—Чжаньтань—Холянтай, протяженіемъ въ 23 версты,—*2-я армія* (1-й Сиб., 8-й и 10-й армейскіе и Св.-Стрѣлковый корпуса, бригада 3-го Сиб. кор. и сводная бригада 5-го Сиб. кор.), силою въ 126 б-новъ, т.-е. 75—85 тыс. штыковъ; *въ центрѣ*, по линіи Холянтай—Линшинпу—Сахепу—Шанланцза, протяженіемъ въ 16 верстъ,—*3-я армія*, (5-й Сиб. корпусъ, безъ одной бригады; 17-арм. корпусъ и одна дивизія 6-го Сиб. кор.), силою въ 72 б-на, т.-е. 45—53 тыс. штыковъ, и *на лѣвомъ* флангѣ, по линіи 46 верстъ—Шанланцза—Люцзянтунь—Эрдагоу—Ліученгутунь и далѣе по правому берегу Шахэ до Гаутулинскаго перевала—*1-я армія* (1-й арм. кор., безъ одного полка; 4-й, 2-й и 3-й сиб. корпуса, послѣдній безъ одной бригады; 71-я пѣх. дивизія, отдѣльная Сибирская резервн. бригада и 2 забайкальскихъ пѣшихъ б-она), силою въ 128 б-новъ, т.-е. 75—85 тыс. штыковъ. Отдѣльные отряды 1-й арміи стояли у Цинхечена и Синцзинтина, охраняя ея флангъ. Въ стратегическомъ резервѣ оставались 16-й арм. корпусъ (въ окрестностяхъ Угольнаго разъѣзда), 72-я пѣх. дивизія (за правыми флангами 3-ей и 1-й армій—у с. с. Тасудяпу и Юсантунь) и 146 пѣх. Царицынскій полкъ (за правымъ флангомъ 1-й арміи, у с. Хуаньшань), всего 44 б-на, т.-е. 26—30 тыс. штыковъ.

Вслѣдствіе тревожныхъ донесеній командира Отд. корпуса Заамурскаго округа пограничной стражы, ген. Чичагова въ концѣ января 1905 г. о томъ, что въ Монголіи, преимущественно противъ участка ж. д. Гунчжулинъ—Куанчендзы, появились значительныя скопища хунхузовъ и отряды японской конницы съ артиллеріей, угрожающіе нашему единственному желѣзно-дорожному пути, гл-щій для охраны его двинулъ въ тылъ бригаду 41-й пѣх. дивизіи и всю Донскую каз. дивизію, и кромѣ того предоставилъ въ распоряженіе начальника тыла арміи, ген. Надарова 15 тыс. запасныхъ н. ч., изъ числа слѣдовавшихъ на укомплектованіе арміи 80 тыс. человѣкъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ для усиленія войскъ Приморской области и гарнизона Владивостока, относительно которыхъ, послѣ паденія П.-Артура, опасенія усилились, направлена была туда изъ 1-й арміи Сводная бригада (6 б-новъ).

Въ итогѣ мы имѣли подъ Мукденомъ къ началу февраля—370 б-новъ пѣхоты, 142 эск. и сот. кавалеріи, 1100 полевыхъ и горныхъ орудій, 200 осадн. оруд. и 88 пулеметовъ, всего 220—250 тыс.

---

[1]) 30-го января японцы дѣйствительно напали на ж. д. сѣвернѣе ст. Гунжулинъ и взорвали ж.-д. мостъ. Въ тотъ же день близъ монгольской границы отрядъ нашей погранич. стражи имѣлъ жаркое дѣло съ значительными силами японцевъ и хунхузовъ.

штыковъ. Японцы имѣли противъ насъ—263 б-на 66 эск., 900 пол. и гор. орудій, 170 осадн. ор. и около 300 пулеметовъ, всего 300—350 тыс. штыковъ. Силы эти распредѣлялись такъ: противъ нашего праваго фланга стояли арміи Оку и Ноги (106 т.); противъ центра—Нодзу (60 тыс.); противъ лѣваго фланга—арміи Куроки и Кавамуры (92 т.); въ стратегическомъ резервѣ у Ойямы было 33 тыс. штыковъ.

Днемъ перехода нашей арміи въ наступленіе избрано было, какъ уже сказано выше, 12-го февраля. Японцамъ это стало извѣстно и они, какъ всегда, поспѣшили захватить иниціативу дѣйствій въ свои руки. 8-го февраля они первыми перешли въ наступленіе, избравъ первоначальнымъ предметомъ своихъ дѣйствій 1-ю армію.

Вначалѣ это наступленіе не отличалось особой энергичностью. Но уже 11-го февраля японцы сосредоточиваютъ противъ 3-го и 2-го Сиб. корпусовъ и Цинхеченскаго отряда значительныя силы, вынуждаютъ послѣдній къ отступленію и угрожаютъ обходомъ лѣваго фланга Гаотулинской позиціи. Ихъ атаки становятся все яростнѣе и настойчивѣе... Для противодѣйствія имъ—«съ цѣлью не только остановить противника, но и развить активныя дѣйствія», гл-щій перебрасываетъ съ праваго фланга на лѣвый на поддержку 1-й арміи 1-й Сиб. корпусъ и часть своего стратегическаго резерва, всего 54 б-на. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій наступленіе арміи Куроки и Кавамуры было остановлено. Цѣною потерь до 40 т. чел., японцамъ удалось за это время, съ 8-го по 19-е февраля, оттѣснить лишь нашъ Цинхеченскій отрядъ [1]) и завладѣть Далинскимъ переваломъ. Перевалъ этотъ, лежащій на пути къ Фушуну и Мукдену, имѣлъ для нихъ важное стратегическое значеніе, но японцы были уже обезсилены и продвинуться впередъ не могли. Всѣ ихъ атаки не только на крайній лѣвый флангъ нашей 1-й арміи, но и противъ ея центра были отбиты. Не помогла имъ и осадная артиллерія, бросавшая ежедневно по 3000 снарядовъ на наши позиціи... Отбивъ 16-ю атаку, войска 1-го арм. корпуса сами перешли въ наступленіе и гнали японцевъ до главныхъ ихъ позицій... Къ 20-му февраля японцы прекратили всякія активныя дѣйствія противъ нашего праваго фланга, вслѣдствіе чего 1-й Сиб. корпусъ былъ возвращенъ на лѣвый флангъ, въ свою 2-ю армію. Въ 1-й арміи царило такое бодрое, приподнятое успѣхами настроеніе, что, считаясь съ нимъ, ген. Линевичъ просилъ у гл-щаго разрѣшенія перейти со всею арміею въ наступленіе. Переходъ этотъ не состоялся, по признанію ген. Куропаткина,—«вслѣдствіе преувеличенныхъ донесеній о силахъ противника»...

Неудача, постигшая японцевъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, заста-

---

[1]) Первоначально имъ командовалъ ген. Алексѣевъ. Послѣдняго смѣнилъ ген. Ренненкампфъ. О дѣятельности его см. книгу: г.-л. Ренненкампфъ—«Мукденское сраженіе. 26-дневный бой моего отряда. Спб. 1908 г. Изд. В. Березовскаго.

вила Ойяму перенести центръ тяжести своихъ дѣйствій противъ нашего праваго фланга.

Здѣсь, въ первые дни февраля, пока 1-я армія отражала наступленіе японцевъ, дѣло ограничивалось перестрѣлкой и частными переходами въ наступленіе отдѣльныхъ частей. По безсвязности и разрозненности дѣйствій они успѣха не имѣли. Такъ, напр., въ ночь на 13-е февраля войска 17-го корпуса взяли съ боя ж.-д. мостъ на Шахе, но удержать его не смогли, такъ какъ не были поддержаны сосѣдними частями; 14-го февраля части 2-й арміи атаковали предмѣстье Сандепу, взяли его, но за собою не удержали по той же причинѣ. Отъ общаго же наступленія 2-й арміи, лежавшаго въ основѣ плана операціи, отказались сразу же, какъ и въ дни сентябрьскаго наступленія. И иниціативой дѣйствій снова завладѣлъ Ойяма, который, мѣняя свободно центры тяжести своихъ ударовъ, заставляетъ теперь наши корпуса метаться съ одного атакованнаго фланга на другой.

Свѣдѣнія о сборѣ противъ 2-й арміи за Сандепу у Сяобейхэ значительныхъ непріятельскихъ силъ (предполагалось — арміи Ноги) обязывали ген. Каульбарса быть особо бдительнымъ и сильнымъ на правомъ флангѣ расположенія своей арміи—на сильно укрѣпленной Сыфонтайской позиціи. Но 13-го февраля онъ очищаетъ эту позицію и уводитъ занимавшіе ее полки частью въ армейскій резервъ, частью на лѣвый берегъ рѣки Хунхэ, а частью на правый. Вмѣсто пѣхоты эта позиція занимается конницей, что ослабляетъ нашу развѣдку. Такимъ образомъ, въ то время, когда японцы начали движеніе съ лѣваго берега на правый къ с. Калама, въ обходъ нашего праваго фланга,—наша 2-я армія начала обратное движеніе съ праваго на лѣвый берегъ.

Первое донесеніе о появленіи значительныхъ колоннъ японской пѣхоты на лѣвомъ берегу Ляохэ было получено 15-го февраля; въ то же время стали получаться свѣдѣнія о движеніи японцевъ и по правому берегу Ляохэ, а также о появленіи ихъ отрядовъ въ Синминтинѣ.

Требовалось принять быстрыя мѣры для встрѣчи обходящихъ японскихъ войскъ на пути ихъ къ Мукдену. Генералъ Куропаткинъ 15-го же февраля приказалъ ген. Каульбарсу принять немедленно мѣры къ точному опредѣленію силъ противника у Калама, намѣреній его и направленія движенія. 18-го февраля онъ повторилъ это приказаніе и предложилъ бар. Каульбарсу составить предположеніе о наилучшемъ способѣ дѣйствій. Наконецъ, утромъ 20-го февраля гл-щій въ третій разъ просилъ ген. Каульбарса выяснить, гдѣ находится лѣвый флангъ арміи Ноги.

«Ни одно изъ этихъ приказаній, заявляетъ нынѣ ген. Куропаткинъ, выполнено не было, въ результатѣ чего главнокомандующему приходилось основывать свои рѣшенія на недостаточныхъ и невѣр-

ныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ и расположеніи японцевъ, дѣйствовавшихъ на правомъ берегу р. Хунхэ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Каульбарсъ «ни 14-го, ни 15-го, ни 16-го февраля не представилъ своихъ соображеній о томъ, какой планъ дѣйствій онъ предполагалъ бы принять для лучшаго обезпеченія праваго фланга всѣхъ трехъ армій отъ обхода войсками арміи Ноги».

Сборъ достаточныхъ силъ для отраженія этого обхода требовалъ нѣсколькихъ дней, почему было важно выставить, не теряя времени, къ западу отъ Мукдена сильные заслоны, пріостановить наступательное движеніе передовыхъ частей противника и уже подъ прикрытіемъ этихъ заслоновъ произвести сборъ силъ, необходимыхъ для перехода въ наступленіе. Главнокомандующій предполагалъ возможнымъ, опираясь на позиціи 3-й арміи, съ отводомъ праваго ея фланга на линію Линьшинпу-Шоуялинцза, оставить для обороны участка (между 3-й арміей и р. Хунхэ и участка на правомъ ея берегу) противъ частей арміи Оку—всего 48 батальоновъ; остальные же 48 батальоновъ 2-й арміи перевести на правый берегъ и, подкрѣпивъ ихъ 24 батальонами 16-го корпуса и 32 батальонами, собранными изъ 3-й и 1-й армій, двинуть для дѣйствій противъ арміи Ноги.

Командованіе войсками, собиравшимися на правомъ берегу Хунхэ, было поручено ген. Каульбарсу, при чемъ ему нѣсколько разъ было указано на особую важность быстрыхъ и энергичныхъ дѣйствій противъ обходящихъ войскъ, угрожавшихъ Мукдену и нашему единственному пути сообщенія.

Вмѣсто этого, ген. Каульбарсъ 16-го февраля производитъ въ непосредственной близости противника сложный и странный маневръ: сводному стрѣлковому корпусу онъ приказываетъ перейти съ праваго берега рѣки Хунхэ на лѣвый, а 8-му корпусу—съ лѣваго на правый. Маневръ этотъ былъ выполненъ только въ одной части: стрѣлковые полки ушли съ праваго берега на лѣвый, очистивъ важный участокъ фронта 2-й арміи — Чжантань-Чандіопа, а 8-й корпусъ на правый берегъ не попалъ. Японцы воспользовались этимъ и быстрымъ движеніемъ впередъ, вдоль праваго берега р. Хунхэ, оттѣснили наши относительно слабыя части, остававшіяся на правомъ берегу.

Затѣмъ ген. Каульбарсъ пріостановилъ уже начатое движеніе сводной дивизіи ген.-м. Голембатовскаго, высланной къ Салинпу, какъ заслонъ, и этимъ лишилъ возможности, уже 17-го февраля, собравъ у этого пункта 48 батальоновъ, остановить голову японскихъ колоннъ. Наконецъ, 5-я стрѣлк. бригада, г.-м. Чурина, двинутая по приказанію главнокомандующаго для дѣйствій противъ арміи Ноги, распоряженіемъ же ген. Каульбарса 18-го февраля была пріостановлена въ долинѣ Хунхэ, на правомъ берегу, и не попала въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ арміи Оку.

Всѣ эти распоряженія ген. Каульбарса въ виду начавшагося

наступленія японцевъ на правый флангъ 2-й арміи—оставленіе с. Сыфонтай, уводъ войскъ съ праваго берега Хунхэ, смѣна втянувшихся уже въ бой корпусовъ и задержка уже слѣдовавшихъ къ Мукдену войскъ, по словамъ ген. Куропаткина, не только открыли японцамъ возможность свободно продвигаться вдоль праваго берега рѣки Хунхэ, но и замедлили подходъ къ угрожаемому фронту подкрѣпленій изъ 2-й арміи.

Утромъ 17-го же февраля ген. Каульбарсъ передаетъ большую часть конницы, предназначенной дѣйствовать противъ обходной арміи Ноги, подъ начальство ген. фонъ-деръ-Лауница для дѣйствій противъ арміи Оку. Вслѣдствіе этого распоряженія наша конница была разбита на двѣ группы, и противъ обходящихъ колоннъ арміи Ноги оставался только ген.-м. Грековъ съ 20 сотнями и эскадронами; но и онъ въ тотъ же день безъ видимой причины бросаетъ наблюденіе за головами колоннъ Ноги и никѣмъ не тѣснимый быстро уходитъ отъ Салинпу за дорогу изъ Синмингтина въ Мукденъ. Всѣдствіе этого, сборъ нашихъ силъ у Салинпу конницею не прикрывался, и ген. Топорнинъ, ведшій 17-го же числа атаку этого пункта, дѣйствовалъ «въ темную». Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствовалъ успѣшно и 18-го утромъ удачно продолжалъ начатую наканунѣ атаку на Салинпу.

Но 18-го утромъ въ отрядъ Топорнина прибылъ ген. Каульбарсъ и, «въ виду обозначившагося обхода праваго фланга нашихъ войскъ, безъ какого-либо давленія со стороны противника, приказалъ отступать къ западнымъ мукденскимъ укрѣпленіямъ, гдѣ войска и расположились, не занявъ, вопреки полученнымъ указаніямъ, ни насыпи старой желѣзной дороги, ни укрѣпленной позиціи западнѣе с. Линминсанза».

Отдавая ген. Топорнину приказаніе объ отступленіи, ген. Каульбарсъ вмѣстѣ съ тѣмъ не принялъ мѣръ, чтобы установить и поддерживать связь съ бригадою 41-й дивизіи ген. Биргера, выдвинутой къ с. Каулитунь на Синмингтинской дорогѣ для противодѣйствія глубокому обходу противника вдоль рѣки Ляохэ. Между тѣмъ отступленіе нашихъ войскъ отъ Салинпу ставило эту бригаду въ тяжелое положеніе. Противникъ быстро надвигался, охватывая западный нашъ фронтъ, и уже 18-го февраля, перейдя частью силъ большую Синмингтинскую дорогу, сталъ угрожать Мукдену съ сѣвера. Возвращавшаяся отъ Каолитуня бригада эта послѣ неупорнаго боя отошла къ станціи Хушитай.

«Отходъ прямо къ Мукдену,—говоритъ ген. Куропаткинъ,—ставилъ наши войска въ очень невыгодное положеніе, давая возможность японцамъ, продолжая обходъ, дѣлать его все болѣе глубокимъ и опаснымъ». Но ген. Куропаткинъ признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что все же къ полудню 19-го февраля мы располагали достаточными силами для перехода на правомъ берегу Хунхэ въ рѣшительное наступленіе.

Поэтому, прибывъ въ Мукденъ 18-го февраля, онъ подтвердилъ генералу Каульбарсу необходимость не терять ни одного дня и 19-го февраля атаковать противника. Но и этого приказанія командующій 2-й арміей не исполнилъ, ссылаясь на неприбытіе еще на правый берегъ частей 2-й арміи. Между тѣмъ, въ его распоряженіи было 119 баталіоновъ, и если онъ бездѣйствовалъ съ ними, то, вѣроятно, только потому, что «не зналъ, гдѣ расположены ввѣренныя его командованію войска».

Бездѣйствіе 2-й арміи слѣдуетъ понимать однако только въ смыслѣ непроявленія активности. Въ смыслѣ же пассивности части 2-й арміи продолжали дѣйствовать по-прежнему.

Такъ, въ ночь на 19-е февраля части 2-й арміи очистили важное с. Сухудяпу, а ген. Ивановъ въ то же время, безъ боя, отвелъ войска своей 15-й дивизіи съ порученной ему для обороны позиціи между Хунхэ и правымъ флангомъ 3-й арміи, который, такимъ образомъ, былъ обнаженъ. Остававшіяся же на правомъ берегу части этой арміи (бригада 5-го Сиб. корпуса и 9 сотенъ конницы) близъ с. Тунчензы перешли на лѣвый берегъ.

Въ теченіе потеряннаго нами для наступательныхъ дѣйствій дня 19-го февраля армія Ноги продолжала свой, становившійся глубокимъ и для насъ опаснымъ обходъ. Поэтому гл-щій вновь приказалъ ген. Каульбарсу 20-го числа атаковать лѣвый флангъ противника, сосредоточивъ для сего достаточныя силы. Для этой цѣли былъ образованъ особый отрядъ силою въ 49 батальоновъ подъ начальствомъ командира 1-го Сиб. корпуса, ген. Гернгросса [1]). Но сосредоточеніе этого отряда совершалось крайне медленно и только около 2-хъ часовъ дня онъ двинулся съ линіи Сахедза-Хоуха. Японцы и на этотъ разъ не дождались нашего перехода въ наступленіе, и пока отрядъ ген. Гернгросса медленно собирался, они сами атаковали лѣвый флангъ 2-й арміи и правый флангъ 3-й, чтобы, разобщивъ ихъ, прорваться къ переправамъ на Хунхэ и къ ж. дорогѣ.

«Обезпокоенный, по выраженію ген. Куропаткина, преувеличенными донесеніями ген. Церпицкаго объ упорныхъ атакахъ японцевъ» и полагая, что главная опасность угрожаетъ ему съ запада отъ Оку, ген. Каульбарсъ не только пріостановилъ наступленіе отряда ген. Гернгросса до выясненія результатовъ боя на лѣвомъ флангѣ 2-й арміи, но и ослабилъ этотъ отрядъ на 16 б-новъ, высланныхъ къ лѣвому же флангу арміи. Такимъ образомъ, имѣя 20-го февраля въ своемъ распоряженіи на правомъ берегу Хунхэ 113 батальоновъ, ген. Каульбарсъ «опять бездѣйствовалъ».

---

[1]) 1-й Сиб. корпусъ къ этому дню только что прибылъ съ нашего лѣваго фланга на правый, сдѣлавъ 65-ти-верстный переходъ.

21-го февраля у ген. Каульбарса было 116 батальоновъ, но и въ этотъ день онъ «почти бездѣйствовалъ». Правда, въ виду требованія гл-щимъ энергичныхъ дѣйствій, наступленіе нашимъ правымъ флангомъ продолжалось; но веденное еще съ меньшими, чѣмъ наканунѣ, силами (33 б-на), притомъ крайне неэнергично и разрозненно, оно было остановлено упорнымъ сопротивленіемъ японцевъ у с. Люцзяхуань. Не введя въ бой всѣхъ войскъ отряда ген. Гернгросса, командующій 2-й арміею остановилъ наступленіе и приказалъ перейти къ оборонѣ.

Въ результатѣ, несмотря на значительность силъ 2-й арміи и прибывшія къ ней подкрѣпленія въ составѣ 50 б-новъ, мы за три самыхъ важныхъ дня, 19, 20 и 21 февраля, продвинулись впередъ нашимъ правымъ флангомъ только на нѣсколько верстъ и остановились, перейдя и на западномъ фронтѣ къ оборонѣ. Въ частности уже 21-го февраля въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ арміи Ноги, не было ни одного б-на изъ 2-й арміи, а между тѣмъ ихъ должно было дѣйствовать 40 (16 б-новъ дивизіи Голембатовскаго, 16 б-новъ, отряда ген. Топорнина и 8 б-новъ бригады Чурина). Всѣ 96 б-новъ 2-й арміи 21-го февраля были расположены для обороны противъ войскъ арміи Оку.

«Такое распредѣленіе войскъ,—говоритъ ген. Куропаткинъ,—совершенно не соотвѣтствовавшее обстановкѣ и поставленной ген. Каульбарсу задачѣ—остановить армію Ноги, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ неудачи дѣйствій нашихъ войскъ подъ Мукденомъ».

Начиная съ 20-го февраля, японцы произвели рядъ атакъ на наши позиціи западнаго и сѣвернаго фронта. На лѣвомъ флангѣ западнаго фронта всѣ атаки ихъ всюду были отбиты войсками генераловъ Церпицкаго и Гершельмана, силою въ 49 батал., а въ центрѣ этого фронта—непріятель имѣлъ частичный успѣхъ, заставивъ 22-го февраля части 25-й дивизіи на время отступить изъ д. Юхуантунь. Но на сѣверномъ фронтѣ, наиболѣе опасномъ для насъ, японцы достигли серьезныхъ успѣховъ, овладѣвъ 22-го и 23-го февраля цѣлымъ рядомъ деревень (Цуанванче, Цаохатунь, Паодяотунь, Падяза и Тхентунь). Отсюда противникъ неоднократно атаковалъ нашъ сѣверный отрядъ генерала Лауница (25 б-новъ), занимавшій с.с. Тахентунь—Сантайцзы—Кунцзянтунь. Въ то же время японскія колонны продвигались все глубже на сѣверъ и 22-го февраля ихъ передовыя части показались уже въ 10 верстахъ отъ ст. Хушитай. Для противодѣйствія этому движенію главнокомандующій направилъ къ с. Цуэртунь отрядъ полковника Борисова изъ 6 баталіоновъ.

Чтобы обезпечить отходъ арміи къ Тѣлину, на случай если бы не удалось отбросить армію Ноги, гл-щій вечеромъ 22-го февраля отдалъ приказаніе 1-ой и 3-ьей арміямъ, занимавшимъ слишкомъ выдвинутое положеніе, отойти ночью на наши укрѣпленныя позиціи южнѣе Мукдена—у Фулина и Фушуна.

«Съ болью и злобою въ сердцѣ, пишетъ участникъ этого отступленія, наши войска очищали тѣ позиціи, которыя они своею кровью отстояли отъ яростнаго напора японцевъ, о чемъ свидѣтельствовали груды непріятельскихъ труповъ, валявшихся предъ окопами... Вмѣсто съ нетерпѣніемъ ожидаемаго перехода въ наступленіе,—опять отступленіе! Японцы, кажется, не вѣрили въ свое счастье, такъ нерѣшительно слѣдовали они за отступающимъ» [1].

Потерпѣвъ неудачу въ своихъ попыткахъ остановить обходившую нашъ правый флангъ армію Ноги первоначально на линіи Салинпу—старая насыпь желѣзной дороги, а затѣмъ по линіи большой Синминтинской дороги, гл-шій рѣшилъ еще разъ попытаться остановить этотъ обходъ на линіи Кусатунь—Цуэртунь, а при благопріятныхъ условіяхъ и перейти въ наступленіе съ этой линіи.

Для этой цѣли 24-го февраля мы располагали отрядами: полковника Борисова (6 бат.), занявшаго с. с. Тунчанцза, Кусатунь и Сеситунь,—ген.-м. Артамонова (9 бат.)—у с. Цуэртунь, и ген.-лейт. Гершельмана (14 бат.), взятаго изъ резерва 2-й арміи и направленнаго къ с. Цуэртунь, всего 29 баталіонами.

Общее командованіе этими силами было поручено командиру 8-го корпуса, ген.-лейт. Мылову, которому гл-щій указалъ 24-го февраля, совмѣстно съ войсками ген. Лауница, атаковать с. Тхеинтунь. Атака эта велась, однако, разрозненно, безъ тщательной развѣдки и соглашенія съ ген. Лауницемъ и успѣха не имѣла. Къ тому же сильная буря, поднявшая тучи песку, затрудняла дѣйствія войскъ. Японцы, утвердившись въ с. Тхеинтунь и отчасти въ с. Сантайцзы, продолжали наступленіе на сѣверо-востокъ.

Такимъ образомъ, и 24-го числа противникъ не былъ отброшенъ съ наиболѣе угрожавшаго намъ направленія. Между тѣмъ вечеромъ того же дня получено было донесеніе о подходѣ еще утромъ противника къ р. Хунхэ, преимущественно противъ участка Фулинъ—Сяофанщинъ, занятаго слабыми частями 1-ой арміи, 4-го и 2-го Сибирскихъ корпусовъ.

Считая положеніе опаснымъ и полагая, что «при дальнѣйшемъ промедленіи отходомъ къ Тѣлину, нѣсколько нашихъ корпусовъ, наиболѣе выдвинутыхъ къ югу и юго-западу, будутъ отрѣзаны, гл-щій вечеромъ того же 24-го числа приказалъ въ ночь на 25-е февраля начать отступленіе къ Тѣлину [2].

---

[1]) Сухановъ. Краткій очеркъ операцій на Шахе и подъ Мукденомъ, стр. 47.

[2]) По свидѣтельству военнаго корреспондента итальян. газеты «Corriero della Sera» при японской арміи, Луиджи Барцини, «японскія арміи были поражены неожиданнымъ отступленіемъ русскихъ послѣ продолжительной и геройской обороны... На нѣкоторыхъ пунктахъ боя было такое впечатлѣніе, что сраженіе безусловно потеряно» (японцами); «Ноги находился подъ Мукденомъ въ томъ же положеніи, какъ Куроки подъ Ляояномъ...» У японцевъ «всюду начиналъ чувствоваться упадокъ духа» («Японцы подъ Мукденомъ», пер. съ итальян., изд. В. Березовскаго).—«По японскимъ описаніямъ те-

Въ этотъ же роковой день, 24-го февраля, японцы прорвали около с. Кіузанъ расположеніе нашей 1-ой арміи, отбросивъ отъ этого пункта части 4-го Сибирскаго корпуса. Командиръ сосѣдняго, 2-го Сибир. корпуса, ген. Засуличъ отнесся къ этому прорыву пассивно и, продолжая занимать позицію на р. Хунхэ у с. Сяофаншинъ, только загнулъ свой правый флангъ. Противникъ же распространился по долинѣ Сесышуа-Хушинпу, и сдѣланная ночью попытка выбить его изъ послѣдняго селенія успѣха не имѣла.

За ночь съ 24-го на 25-е февраля положеніе наше еще болѣе ухудшилось: на правомъ флангѣ японцы отбросили отрядъ полковника Борисова къ с. Сяогоуза, а противъ Сантсейцзы ворвались въ рощу императорскихъ могилъ; на востокѣ значительные отряды японцевъ появились въ виду Мандаринской дороги, назначенной служить путемъ отступленія 3-й арміи. Одинъ изъ прорвавшихся сюда японскихъ отрядовъ, съ высотъ у с. Синдягоу, открылъ даже артиллерійскій огонь по этой дорогѣ у с. Тава.

Между тѣмъ отданное еще 20-го февраля приказаніе объ отводѣ обозовъ своевременно не было исполнено, и теперь часть обозовъ 2-й и 3-й армій, вытянувшись изъ-подъ Мукдена лишь въ ночь на 25-е февраля, задержала отходъ 5-го и 6-го Сибирскихъ и 17-го арм. корпусовъ. Прорвавшіеся у Кіузана японцы съ утра 25-го числа начали сильно тѣснить лѣвый флангъ войскъ ген. Мейендорфа (1-й арм. корп.). Высылаемыя на подкрѣпленіе войска дѣйствовали разрозненно и были оттѣснены на сѣверо-западъ. Къ 10 ч. утра войска ген. Мейендорфа находились въ полномъ отступленіи и не на сѣверо-востокъ, а на сѣверо-западъ къ Мандаринской дорогѣ, которую и перешли между сс. Тава и Пухе. Части 6-го Сиб. корпуса начали отступать преждевременно и этимъ обнажили правый флангъ 1-го армейскаго и лѣвый флангъ 17-го армейскаго корпусовъ. Вмѣсто фронта на югъ, имъ пришлось занять позиціи фронтомъ на юго-востокъ. Послѣ горячаго боя эти части, силою до 30 баталіоновъ, также были вынуждены преждевременно отступить и отошли не къ с. Тава, а къ западу отъ Мандаринской дороги, южнѣе его. Этимъ отходомъ японцамъ былъ открытъ доступъ къ Мандаринской и далѣе къ желѣзной дорогѣ на участкѣ между Мукденомъ и Унгентунемъ. Выдвинувшись на этотъ участокъ около 2 час. пополудни, когда не только арьергарды, но и хвосты главныхъ силъ 2-й арміи еще не прошли с. Вазые, японцы взяли во флангъ наши войска, вслѣдствіе чего мы оставили и с. Сантайцзы, быстро занятое японцами. Тогда между с.с. Вазые и Сантайцзы образовалось дефиле шириною менѣе чѣмъ въ четыре версты, черезъ которое и должны были пробиваться части 2-й и 3-й армій, пора-

---

перь выясняется, говоритъ и г. Сухановъ, что въ этотъ день утомленіе японцевъ достигло высшей степени...

жаемыя съ двухъ сторонъ. [1]) Нѣкоторыя части (отряды ген. Ганенфельда и Соллогуба), пытавшіяся пробиться восточнѣе этого дефиле, погибли или были взяты въ плѣнъ.

Къ 10 час. утра разстояніе между японскими войсками, дѣйствовавшими къ западу отъ желѣзной дороги (Тунчанцза - Тхенитунь) и прорвавшимися къ Мандаринской дорогѣ съ востока (Синдягоу), составляло всего 10 верстъ. Необходимо было не допустить дальнѣйшаго сжатія раіона отступленія 2-й арміи, остановивъ наступленіе противника къ желѣзной дорогѣ съ запада и особенно съ сѣверо-запада.

Для этого гл - щій выдвинулъ изъ своего резерва два отряда: 18 батальоновъ подъ начальствомъ ген. Зарубаева и 10 батальоновъ 72-й пѣх. дивизіи. Первый отрядъ надежно прикрылъ желѣзную дорогу между станціями Хушитай и Сантайцзы, а второй — остановилъ наступленіе противника и поддержалъ правый флангъ отряда ген. Артамонова. Организація обороны Мандаринской дороги у с. Тава возложена была гл - щимъ на ген. Дембовскаго. Продержавшись здѣсь съ утра до 4 час. пополудни, ген. Дембовскій очистилъ позицію и вынужденъ былъ уклониться къ западу отъ нея. Съ наступленіемъ темноты бой стихъ.

Ночью войска продолжали отступленіе подъ прикрытіемъ арьергарда ген.-лейт. Мылова и отряда ген. Зарубаева и 26-го февраля начали занимать позицію въ 12 верстахъ южнѣе Тѣлина на р. Фанхэ.

28-го февраля передовыя части противника подошли къ этой позиціи, и 1-го марта ее атаковали, но были отбиты съ большимъ урономъ.

Двухнедѣльные бои сильно разстроили многія части войскъ, особенно 2-й и 3-й армій. Надо было собрать массу отдѣлившихся отъ своихъ частей ниж. чиновъ, надо было разобраться въ обозахъ и паркахъ, часть которыхъ ушла за Тѣлинъ, надо было пополнить боевые запасы, а для этого необходимо было выиграть пространство между нами и японцами. Эти причины и обнаруженный нашею конницею обходъ противникомъ по правому берегу Ляохе (на Факумынъ) праваго фланга нашихъ армій заставили гл - щаго отказаться отъ принятія боя у Тѣлина, и 1-го марта онъ отдалъ приказъ объ отступленіи всѣхъ армій на Сыпингайскія позиціи.

Во время всѣхъ этихъ боевъ, длившихся безпрерывно двѣ недѣли, мы потеряли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими: генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ — 2,165 и нижнихъ чиновъ — 89,300. Кромѣ того, мы потеряли 34 орудія, главнымъ образомъ—при отступленіи, вслѣдствіе паники, скопленія обозовъ на переправахъ и переѣздахъ.

---

[1]) 1-я армія, отдѣлившаяся послѣ прорыва японцевъ у Кіузаня отъ остальныхъ армій, отступили въ полномъ порядкѣ.

Мы изложили здѣсь событія грандіозной по своимъ размѣрамъ битвы по труду ген. Куропаткина,—по скольку онъ сталъ уже достояніемъ гласности—чтобы имѣть возможность привести его сужденія о причинахъ этой новой нашей неудачи. Таковыми онъ считаетъ:

1) Вѣроятное превосходство силъ противника надъ нашими;

2) слишкомъ позднее обнаруженіе нашею конницею обхода противникомъ нашего праваго фланга, когда «значительныя колонны японской пѣхоты появились уже у с. Калама», на одной высотѣ съ правымъ флангомъ нашихъ позицій;

3) совершенно недостаточную энергію к - щаго 2-й арміей въ дѣлѣ отраженія обходившей насъ арміи Ноги, вслѣдствіе чего мы потеряли семь наиболѣе важныхъ дней, съ 16-го по 23-е февраля;

4) совершенно недостаточную освѣдомленность к - щаго 2-й арміей о силахъ и расположеніи противника, обходившаго правый флангъ 2-й нашей арміи, вслѣдствіе чего нѣкоторыя распоряженія гл - щаго являлись излишними или ошибочными;

5) непринятіе к - щимъ 2-й арміей, при полной къ тому возможности, должныхъ мѣръ къ возстановленію нарушенной большимъ перемѣшиваніемъ войскъ корпусной, дивизіонной и бригадной организаціи и необразованіе имъ резерва изъ 10-го арм. корпуса, чѣмъ возстанавливалась бы организація другихъ корпусовъ и къ чему 23-го февраля была полная возможность;

6) отставленіе имъ же 19-го февраля отъ командованія своими корпусами генераловъ Мылова (8-мъ), Топорнина (16-мъ) и Кутневича (свод. стрѣлк.), безъ замѣны ихъ другими лицами, вслѣдствіе чего бездѣйствовали и штабы этихъ корпусовъ;

7) отмѣна имъ атаки отрядомъ ген. Лауница 25-го февраля д. Тхенитунь, облегчавшей отступленіе арміи, безъ доведенія о томъ до свѣдѣнія гл - щаго;

8) совершенное непониманіе имъ обстановки, что видно изъ того, что, теряя время, растягиваясь кордономъ, дѣйствуя только оборонительно, онъ, видимо, не признавалъ опаснымъ появленіе арміи Ноги сѣвернѣе Мукдена и обходъ ею нашихъ позицій;

9) недостаточную 25-го февраля энергію начальствующихъ лицъ 3-й арм. въ преодолѣніи препятствій на путяхъ отступленія ея частей и пассивное отношеніе ихъ къ выходу японцевъ къ Мандаринской дорогѣ, выразившееся въ томъ, что вмѣсто атаки противника колонны 3-й арміи уклонились къ западу на пути отступленія 2-й арміи;

10) неисполненіе начальствомъ 2-й и 3-й армій отданнаго гл - щимъ еще за нѣсколько дней до начала отступленія приказанія объ отводѣ въ тылъ къ сѣверу обозовъ, очутившихся впослѣдствіи чуть не въ боевой линіи, что и вызвало потерю нами значительнаго числа орудій, зарядныхъ ящиковъ и повозокъ;

11) недостаточную энергію начальника 2-й Сиб. пѣх. дивизіи и командира 2-го Сиб. арм. корпуса (ген. Засулича) въ воспрепятствованіи какъ прорыву противника у Кіузаня, такъ и къ дальнѣйшему распространенію его частей на сѣверъ отъ Мандаринской дороги.

Впрочемъ главнымъ виновникомъ Мукденской неудачи ген. Куропаткинъ называетъ въ своемъ отчетѣ самого себя по слѣдующимъ основаніямъ:

1) онъ не проявилъ должной настойчивости въ сборѣ предъ началомъ операціи возможно большаго стратегическаго резерва;

2) онъ оказалъ излишнее довѣріе донесеніямъ ген. Чичагова о сборѣ значительныхъ отрядовъ японской конницы и хунхузовъ для нападенія въ тылу у насъ на желѣзную дорогу, для которой онъ ослабилъ себя ко времени рѣшительнаго боя на бригаду пѣхоты и казачью дивизію;

3) онъ недостаточно энергично боролся противъ перемѣшиванія частей войскъ и по ходу боя вынужденъ былъ подчасъ самъ способствовать такому перемѣшиванію;

4) убѣдясь въ пассивности и малой энергіи командующаго 2-й арміей, онъ не принялъ на себя лично командованіе войсками на правомъ берегу Хунхе и такимъ образомъ не обратился въ командующаго арміей; въ другомъ случаѣ онъ не обратилъ себя въ корпуснаго командира и, наконецъ,

5) онъ не взвѣсилъ должнымъ образомъ относительнаго настроенія нашихъ и японскихъ войскъ и качества начальствующихъ лицъ, вслѣдствіе чего упорствовалъ въ надеждѣ побѣдить японцевъ: несмотря на неудачныя дѣйствія 17—22-го февраля войскъ 2-й арміи, онъ, гл - щій, отдалъ приказъ объ отступленіи позже, чѣмъ то слѣдовало сдѣлать; вѣра въ побѣду войскъ 2-й арміи подъ Мукденомъ должна была исчезнуть у него днемъ раньше — и тогда отступленіе армій могло совершиться въ полномъ порядкѣ.

Несмотря на все кажущееся безпристрастіе этихъ самообличеній ген. Куропаткина, все же ясно стремленіе его главную отвѣтственность за неудачу возложить на ген. Каульбарса.

— «Но не изъ злой же воли,—говоритъ ген. шт. полк. Шеманскій въ своемъ разборѣ мукденской операціи,—г. Каульбарсъ упустилъ и не исполнилъ части порученій: очистилъ с. Сыфонтай, увелъ войска съ южнаго берега Хунхе, затѣялъ «шассе круазе» (какъ выразился ген. Куропаткинъ) войскъ смѣною ихъ, замедлилъ высылку 48 б-новъ въ резервъ, отмѣнилъ 18-го атаку Салинпу съ отводомъ Топорнина ближе къ Мукдену...

— «Навьючивать на человѣка явно не шибкихъ способностей и энергіи безъ числа порученій—значитъ поступать неискусно», — говоритъ г. Шеманскій, отмѣчая, что «всего вниманію ген. Каульбарса поручалось для весьма сложной, поспѣшной и кипучей дѣятельности дюжина отдѣльныхъ частей, страшно разбросанныхъ и плохо съ нимъ связанныхъ». — «Тутъ легко ждать промаховъ и странно имъ только удивляться... Взяться самому за организацію операціи противъ японскаго обхода было бы проще» [1]).

Мы полагаемъ, что основныя причины неудачи и на этотъ разъ были все тѣ же: отказъ отъ иниціативы наступленія, подчиненіе своихъ дѣйствій волѣ противника и забвеніе вѣрнаго психологически суворовскаго правила: «атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ...»

---

1) А. Д. Шеманскій.—«Мукденская операція рус.-япон. войны 1904—1905 гг.». Военное сообщеніе, сдѣланное въ собраніе офицеровъ ген. штаба варшав. воен. округа. Брестъ-Литовскъ, 1909 г., стр. 36—37.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Цусима. — Миръ.

Потрясенное размѣрами «мукденскаго погрома», взволнованное слухами о паникѣ, разстройствѣ и деморализаціи арміи послѣ этой новой неудачи, извѣрившееся въ возможность добиться хоть одной побѣды въ этой роковой для насъ войнѣ, русское общество снова очутилось на распутьѣ своихъ судебъ. Снова, какъ и послѣ паденія П.-Артура, оно глухо волновалось, въ душѣ своей рѣшая роковой вопросъ, что больше отвѣчаетъ пользамъ и чести Россіи: продолжать ли безславную войну, въ которой наши катастрофы росли въ своемъ размѣрѣ и значеніи, какъ снѣжный комъ,—или теперь же заключить безславный миръ, пока новое военное несчастіе не дастъ нашему счастливому противнику право и возможность продиктовать его позорныя условія... Но чаша горькихъ униженій, опредѣленная судьбою, не была еще осушена до дна. Рокъ требовалъ отъ насъ новой, страшной гекатомбы. Война продолжалась. Во главѣ манчжурскихъ армій былъ поставленъ новый вождь: ген. отъ инф. Линевичъ, доблестное поведеніе арміи котораго въ мукденскихъ бояхъ и порядливое отступленіе которой среди паники, хаоса и разстройства остальныхъ двухъ армій одно служило намъ хоть слабымъ утѣшеніемъ въ несчастіи [1])... Вторая тихоокеанская эскадра продолжала свой путь... И человѣческое сердце, столь склонное къ надеждѣ, снова стало вѣрить, что ген. Линевичъ есть именно тотъ вождь, который, «не мудрствуя лукаво» сложными маневрами армій и вѣрой въ «стратегическія линіи», дастъ намъ, наконецъ, побѣду одною лишь своею непреклонною волею, упорствомъ въ достиженіи ея и вѣрой въ силу духа арміи... Казалось, что «исторія повторяется» — и снова методичнаго, но несчастнаго «Барклая» смѣнилъ «старикъ Кутузовъ»... Передавали изъ устъ

[1]) Назначеніе ген. Линевича состоялось 2 марта, т.-е. черезъ 4 дня послѣ мукденскаго сраженія. Ген. Куропаткинъ по собственному желанію остался при арміи и былъ въ скоромъ времени назначенъ командующимъ 1-ю манчжурскою арміею.

въ уста, какъ, объѣзжая армію, Линевичъ вызвалъ впередъ георгіевскихъ кавалеровъ и, снявъ фуражку, поклонился имъ со словами:— «Кланяется вамъ низко моя сѣдая голова. Надѣюсь, что, какъ и прежде, вы не покроете ею позоромъ, что побѣдимъ врага...» И вспоминали при этомъ слова Кутузова при объѣздѣ имъ нашей арміи подъ Царевымъ-Займищемъ: «Съ такими молодцами отступать!.. Помилуй Богъ!..»

Вѣрили, что эскадра Рожественскаго, удивлявшая уже міръ своимъ походомъ вокругъ береговъ Европы, Африки и Азіи, удивитъ его и побѣдою надъ непобѣдимымъ дотолѣ флотомъ адмирала Того и сокрушитъ его господство въ Тихомъ океанѣ... На ней, на этой эскадрѣ, и сосредоточились послѣ мукденскаго погрома, обезсилившаго нашу армію въ Манчжуріи, всѣ упованія русскаго общества. Обольщенное газетною шумихою, поднятою нѣкоторыми воинственными публицистами, непосвященное въ порядки, царившіе подъ шпицемъ нашего адмиралтейства, оно вѣрило въ эту «армаду», полагая, что эта «послѣдняя ставка» въ нашей столь затянувшейся и злополучной игрѣ съ Японіей хорошо расчитана и достаточно сильна...

Мысль объ усиленіи нашего флота въ Тихомъ океанѣ возникла съ началомъ войны. Хоть поздно, но естественно и властно ее поставили событія—и въ концѣ февраля 1904 года приступили къ ея осуществленію. Въ составъ новой тихоокеанской эскадры были предназначены 4 броненосца типа «Князь Суворовъ», бр. «Наваринъ», крейсеры «Адм. Нахимовъ», «Олегъ», «Свѣтлана», «Изумрудъ» и «Жемчугъ» и нѣсколько миноносцевъ... Къ нимъ долженъ былъ присоединиться возвращавшійся съ Дальняго Востока «для капитальнаго ремонта въ Кронштадтскомъ портѣ» отрядъ судовъ к. адм. Вириніуса: бр. «Ослябя», крейсеры «Аврора» и «Дмитрій Донской» съ нѣсколькими миноносцами... 12-го апрѣля 1904 г. командовать этою эскадрою назначенъ былъ ген. ад., вице-адм. З. П. Рожественскій.

Герой русско-турецкой войны, онъ пользовался во флотѣ репутаціей человѣка съ тяжелымъ, но сильнымъ характеромъ; — строгаго, подчасъ даже грубаго командира, но знающаго свое дѣло,—суроваго, но справедливаго исполнителя закона... Эти качества проложили ему путь къ высокому посту начальника главнаго морского штаба... И теперь, когда возникъ вопросъ объ отправкѣ 2-й тихоокеанской эскадры на Д. Востокъ, всеобщее вниманіе остановилось на немъ. Вспомнили его блестящій «показъ» стрѣльбы учебнаго артиллерійскаго отряда судовъ Балтійскаго флота императору Вильгельму подъ Ревелемъ, наканунѣ войны—и, какъ образцовому моряку-артиллеристу, ввѣрили осуществленіе послѣдней надежды Россіи. Но и его недюжинной энергіи, властной требовательности, близкаго знанія той административной машины, которая именуется главнымъ морскимъ штабомъ, и рѣдкой честности оказалось недостаточно для того, чтобы преодо-

лѣть косность, рутину и «канцелярскіе порядки» въ дѣлѣ созданія новой «армады».

Работы по достройкѣ новыхъ судовъ и подготовкѣ къ далекому и отвѣтственному плаванію старыхъ кораблей шли однако «далеко не въ той мѣрѣ, какъ это было бы возможно,—говоритъ г. Кладо,—если бы дѣйствительно съ этимъ считали нужнымъ торопиться».

«За семь мѣсяцевъ, даже считая начало работъ съ I марта, можно было изготовить и бр. «Слава» и перемѣнить артиллерію на «Наваринѣ», «Нахимовѣ», «Александрѣ II», «Николаѣ I» и «Памяти Азова», привести въ полную исправность «Адм. Сенявинъ», «Адм. Ушаковъ» и «Ген. Адм. Апраксинъ» и приготовить значительное количество миноносцевъ, которые и такъ уже давно находились въ постройкѣ...»[1]).

Слабость качественнаго и количественнаго состава снаряжаемой эскадры съ самаго начала возбуждала опасенія многихъ за успѣхъ предпріятія. Опасенія эти усилились послѣ морскихъ боевъ портъ-артурской эскадры 28 и 1 августа, приведшихъ ее къ разрушенію, и послѣ сраженія подъ Ляояномъ, отступленіе отъ котораго, казалось, обрекало Портъ-Артуръ на близкую гибель. Стали колебаться, отправлять ли уже вторую тихоокеанскую эскадру по ея назначенію — и 30-го августа 1904 г., въ Петергофѣ, состоялось по этому вопросу совѣщаніе. Если вѣрить г-ну Кладо, то «огромное большинство» его участниковъ высказалось противъ посылки эскадры,—«но ее отстоялъ адм. Рожественскій, упорно возставшій и въ это время противъ всякихъ ея подкрѣпленій»[1]).

Мы, однако, склонны усомниться въ утвержденіи этого послѣдняго обстоятельства почтеннымъ морякомъ-публицистомъ, явно не расположеннымъ къ адм. Рожественскому, въ его характеристикѣ и оцѣнкѣ его дѣятельности. Мы имѣемъ основанія думать, что адм. Рожественскому лучше другихъ были извѣстны недостатки снаряжавшейся имъ эскадры, органическіе недостатки всего нашего флота и всей постановки у насъ военно-морского дѣла,—вся трудность поставленной ему задачи и весь минимумъ возможностей успѣшнаго ея выполненія, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній полагать, что онъ не сознавалъ той отвѣтственности, которую несъ въ качествѣ вождя этой эскадры. Мы не имѣемъ, правда, документальныхъ данныхъ утверждать, что онъ не только не скрывалъ отъ тѣхъ, кому то вѣдать надлежало, всей рискованности предпріятія, но молва настойчиво передавала, что онъ лишь подчинился приказу идти, «вѣрный долгу, никому не уступать чести быть первымъ въ рядахъ людей, добровольно идущихъ къ кровавому расчету»[2]).

---

[1]) «Русско-японская война на сушѣ и на морѣ», вып. VIII, стр., 227. Изд. В. Березовскаго.

[2]) Вл. Семеновъ. «Расплата», стр. 272.

Во всякомъ случаѣ же, несомнѣнно что съ пути онъ доносилъ съ солдатской прямотою, что «надежды на успѣхъ онъ не имѣетъ» [1]).

Адмиралъ З. П. Рожественскій.

Это было ясно для всѣхъ, даже иностранцевъ, и одинъ изъ англійскихъ адмираловъ за нѣсколько дней до цусимскаго сраженія вы-

[1]) Его же. «Цѣна крови».—«Вѣстникъ Европы». 1909 г. май, стр. 80.

разился, что «Рожественскій ведетъ свою эскадру съ чувствомъ человѣка, идущаго на собственныя похороны». И въ этомъ чувствѣ безнадежности крылась уже одна изъ причинъ цусимской катастрофы.

Вотъ какими штрихами обрисовываетъ г. Вл. Семеновъ въ «Расплатѣ» состояніе 2-й тихоокеанской эскадры:

— Почему это взяли съ собою «Сисой»?—спрашиваетъ авторъ старшаго механика кр. «Князь Суворовъ» [1]).—Вашъ отрядъ 18-узловой, а вѣдь онъ, дай Богъ на 14.!

Скорость тутъ не играетъ роли: «Сисой» свои 14 дастъ, а на «Бородинѣ», при ходѣ 12 узловъ, уже грѣются эксцентрики; что же касается «Орла», то онъ вовсе не успѣлъ сдѣлать положенныхъ испытаній и на какую его скорость можно разсчитывать,—совершенно неизвѣстно... «Суворовъ», «Александръ» и «Ослябя»—ну, эти, пожалуй, 15—16-узловые...

— Ну, а «Наваринъ» и «Нахимовъ» съ ихъ пушками въ 35 калибровъ на устарѣлыхъ установкахъ?.. «Донской», эта старая коробка?..

— Да кого же брать-то? Если бы можно было снарядить, прихватили бы съ собой и «Мономаха» и «Корнилова» и всякую другую рухлядь. Вѣдь это все корабли, числящіеся боевыми судами флота... Нельзя же теперь, когда началась настоящая война, объявить все это хламомъ!..

— Но «Слава», «Олегъ», «Изумрудъ»?.. Гдѣ они?..

— Про «Славу» и говорить нечего: она и черезъ годъ еще врядъ ли будетъ готова... «Олегъ», «Изумрудъ»—не только не начинали испытаній, но даже и постройкой не вполнѣ закончены... Прислали ихъ въ Ревель, но въ такомъ видѣ, что адмиралъ рѣшительно отказался навязывать себѣ на шею эту обузу... Говорятъ, догонятъ насъ въ дорогѣ [2]).

Эскадра шла безъ транспортовъ со снарядами, безъ всякаго матеріала и личнаго состава для оборудованія временныхъ базъ, безъ подводныхъ лодокъ, безъ воздушныхъ шаровъ и змѣевъ, съ однимъ лишь транспортомъ—мастерской, да и то мало исправной... Хорошо и обильно снабжена она была лишь приборами безпроволочнаго телеграфа, да углемъ, сыгравшимъ, однако, въ бою роковую роль [3]). Но единственно, чѣмъ сильна была эскадра,—и она это доказала въ бою,—духомъ личнаго состава. Онъ былъ укомплектованъ лучшими офицерами нашего флота, большинство которыхъ сами просились въ походъ, не закрывая глазъ на его трудности и малые шансы успѣха.—«Чего вамъ пожелать? Побѣды?»—спросилъ на прощанье сотрудникъ «Нов. Времени» командира кр. «Олегъ», кап. 2 р. Добротворскаго.—«Пожелайте со славою умереть»,—отвѣтилъ тотъ. И правъ былъ пѣвецъ этой роковой эскадры, погибшій вмѣстѣ съ нею, лейтенантъ К. К. Случевскій, закончившій рядъ поэтическихъ картинъ этого безпримѣрнаго похода въ письмахъ «Съ моря» слѣдующими строками:

---

[1]) Разговоръ происходилъ въ день выхода эскадры въ походъ.

[2]) «Расплата», стр. 231—232.

[3]) Объ угольныхъ погрузкахъ на эскадрѣ адм. Рожественскаго см. отдѣльную главу въ книгѣ В. Кравченко—«Черезъ три океана» (СПБ. 1910 г.).

Готовы мы къ смертельной битвѣ
За други жертвовать свои...
Услыши насъ въ Своей молитвѣ,
Да воля сбудется Твоя [1]).

I-го октября 1904 года эскадра вышла изъ Либавы. Черезъ мѣсяцъ ее отправился догонять отрядъ изъ 2-хъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ, не успѣвшихъ изготовиться къ сроку. А въ началѣ февраля 1905 г. двинулась за нею вслѣдъ и 3-я тихоокеанская эскадра, подъ командой к.-адм. Небогатова (4 броненосца: «Императоръ Николай I-й, «Адм. Ушаковъ», «Ген.-адм. Апраксинъ» и «Адм. Сенявинъ»). Формированіе ея и подготовка начались лишь осенью 1904 г. И если качественно была слаба эскадра адм. Рожественскаго, имѣя въ своемъ составѣ старыя разнотипныя суда и небронированные крейсера, половина которыхъ по своей тихоходности не годилась даже для развѣдокъ, то 3-я эскадра была еще хуже, и суда ея, еще болѣе старыя, еще болѣе разнотипныя, по справедливости названы были кѣмъ-то «калошами» [2]).

Показанія свидѣтелей, допрошенныхъ по дѣлу о сдачѣ эскадры Небогатова, дали такую картину ея подготовки и боевой готовности:

При отправкѣ изъ порта Императора Александра III (Либава) снаряды передъ нагрузкой на броненосецъ вываливали кучей на снѣгъ для того, чтобы не платить какихъ-то тамъ 3 руб. штрафа за простой вагона. Затѣмъ для перекладки снарядовъ приходилось спѣшно нанимать рабочихъ и платить имъ гораздо болѣе 3 рублей. Снарядовъ мелкихъ былъ боевой комплектъ, снарядовъ покрупнѣе—не такъ много, двѣнадцатидюймовыхъ недоставало еще болѣе [3]). Дальномѣровъ было три,—одинъ хуже другого; усовершенствованные прицѣлы были получены въ день отхода эскадры и отправились съ ней даже нераспакованными. Обращаться съ ними никто не умѣлъ... Если прицѣлы были черезчуръ новы, зато пушки были слишкомъ стары, съ поршневыми затворами, на станкахъ архаическихъ системъ, предѣльной дистанціей имѣли 51 кабельтовъ [4]) (тогда какъ японцы начинали жарить съ 70). Спасательныхъ снарядовъ было десятка два на броненосцѣ съ командой въ 600 чел., при чемъ половина поясовъ обветшала такъ, что пробка съ нихъ сыпалась.

«... Большинство матросовъ не умѣло пользоваться койкой для того, чтобы держаться на водѣ и койки ихъ перевертывали...

«... Относительно дѣйствія нашихъ снарядовъ достаточно привести показаніе офицера, шедшаго на крейсерѣ «Идзуми» въ японскій плѣнъ. Двѣнадцатидюймовый снарядъ нашъ попалъ въ каютъ-компанію крейсера, взорвался, выворотилъ какую-то рубку, переборку, лѣстницу, раздробилъ въ щепы груду дерева... и ни одна щепочка не носила слѣдовъ обжога...

---

[1]) Лейтенантъ С. (К. К. Случевскій)—Стихотворенія. Изд. 1907 г.

[2]) Три корабля съ адмиральскими именами были «броненосцами *береговой* обороны», а не дальняго плаванія. Относительно бр. «Имп. Николай I» свидѣтель по дѣлу Небогатова, шкиперъ дальняго плаванія, Преображенскій сказалъ на судѣ, что «на такомъ *старомъ* сапогѣ только и оставалось, что сдаться»... (Е. В. Дубровскій.—«Дѣло о сдачѣ японцамъ 1) мин. «Бѣдовый» и 2) «эскадры Небогатова». Отчетъ, стр. 152).

[3]) Рѣчь идетъ собственно о флагманскомъ суднѣ эскадры, бр. «Имп. Николай I».

[4]) Кабельтовъ—100 саженъ шестифутовой мѣры.

«... Офицеры, отправляясь въ походъ, отлично, знали съ какими недостаточными средствами для борьбы они идутъ, и подавали рапорты, просили, требовали. Въ лучшихъ случаяхъ требуемое давали въ недостаточномъ количествѣ (снаряды), въ менѣе благопріятныхъ отвѣчали, что требуемаго нѣтъ (спасательныя средства, усовершенствованные прицѣлы), въ худшихъ—совсѣмъ не отвѣчали... [1]).

Не мудрено, что впослѣдствіи, на судѣ г. Небогатовъ такъ охарактеризовалъ несоотвѣтствіе ввѣренной ему эскадры поставленной ей задачѣ:—«Собака не можетъ исполнить того, что требуется отъ лошади...» Естественно возникаетъ вопросъ: почему же онъ все-таки пошелъ съ такою эскадрою? И на это онъ отвѣтилъ столь же характерно:—«Прослуживъ 40 лѣтъ, аккуратно получая 20-го числа то, что полагалось,—что-жъ тутъ было разсуждать. Я пошелъ... и задачу свою исполнилъ такъ, какъ только можно было ее исполнить: порученную мнѣ эскадру привелъ въ наилучшемъ видѣ, какой она могла имѣть, къ назначенному мѣсту... Дальнѣйшее меня не касалось» [2]).

Дѣйствительно, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, обѣ наши эскадры совершили переходъ изъ Балтійскаго моря вокругъ всей Африки и Азіи въ такомъ порядкѣ, что повергли въ изумленіе весь міръ и вызвали восхищеніе моряковъ всѣхъ странъ. Ни одного поврежденнаго корабля! И это—безъ возможности гдѣ-либо произвести исправленіе или войти въ докъ, при неоходимости производить погрузки угля не только на открытыхъ рейдахъ, но даже въ открытомъ морѣ!

— «Это чудо—восклицаетъ г. Кладо,—которому никто бы не повѣрилъ, если бы оно не совершилось передъ нашими глазами. Въ этомъ случаѣ адм. Рожественскій и Небогатовъ и весь личный составъ эскадръ выказали высокое искусство. Въ особенности надо отдать справедливость нашимъ механикамъ, которые сумѣли предохранить машины и при томъ далеко не всѣ лучшаго качества,—отъ поломокъ...»

Походъ 2-й эскадры былъ омраченъ однимъ лишь эпизодомъ, т. н. «Гулльскимъ инцидентомъ». Оффиціально онъ излагается до сихъ поръ такъ: проходя Ламаншъ, эскадра наша ночью съ 8-го на 9-е октября приняла въ темнотѣ суда англійскихъ рыбаковъ, бывшія на Доггеръ-банкѣ, за японскіе миноносцы и открыла по нимъ огонь, продолжавшійся 20 минутъ: одинъ пароходъ былъ потопленъ, 2 рыбака убиты, 29 ранено. Событіе это произвело чрезвычайную сенсацію во всей Европѣ. Особенно, конечно, волновались англійскія газеты; онѣ иначе не называли эскадру адм. Рожественскаго, какъ «эскадрой бѣшеной собаки», которую необходимо либо вернуть, либо уничтожить. Но болѣе всего общественное мнѣніе Англіи было возмущено тѣмъ фактомъ, что «одинъ изъ *русскихъ* миноносцевъ до утра оставался на мѣстѣ происшествія и не оказалъ никакой помощи рыбакамъ, спасавшимъ своихъ товарищей»...

---

[1]) Е. В. Дубровскій.—«Дѣло о сдачѣ японцамъ 1) миноносца «Бѣдовый» и 2) эскадры Небогатова». СПБ. 1907 г. Стр. 146, 147, 149 и 150.

[2]) Тамъ же, стр. 171—172.

Впослѣдствіи оказалось, что этотъ миноносецъ былъ *японскій*. Автору «Расплаты», г. Вл. Семенову пришлось лежать въ Сасебо, съ командиромъ его, который, въ дни Портсмутскаго мира, не скрывалъ уже болѣе, что одновременно съ нашею 2-й эскадрой двинулся изъ Европы въ Японію—«конечно, не подъ японскимъ флагомъ» и отрядъ японскихъ военныхъ судовъ, купленныхъ, вѣроятно, въ англійскихъ верфяхъ и тамъ снаряженныхъ. Съ этого-то отряда, днемъ 8-го октября 1904 г. адм. Рожественскаго мистифицировали рядомъ сообщеній по безпроволочному телеграфу, отъ имени отставшаго отъ эскадры транспорта «Камчатка», сперва, что онъ атакованъ миноносцами, потомъ, что онъ ведетъ съ ними бой и, наконецъ, что отстрѣливаясь, уходитъ различными курсами... Весь этотъ вздоръ завершился въ 11 час. вечера 8-го октября просьбою—все отъ имени «Камчатки»—«показать мѣсто флагманскаго корабля» «Суворова» (т.-е. широту и долготу) и обозначить мѣсто эскадры прожекторомъ». Очевидно, Рождественскому готовилась участь Макарова. Когда на этотъ коварный вопросъ былъ данъ уклончивый отвѣтъ телеграммы прекратились. А ночью, замѣшавшись въ флотилію рыбачьихъ лодокъ, быть можетъ нарочно собранныхъ, миносцы этого отряда атаковали нашу эскадру.

Вѣдь, не англійскія же рыбачьи лодки причинили нашему кр. «Аврора» четыре подводныя пробоины отъ 45 и 75 миллиметровыхъ снарядовъ, оторвавшихъ руку священнику этого корабля и ранившихъ легко одного командора...

Вѣдь, не рыболовнымъ же снарядомъ была самодвижущаяся мина Шварцкопфа, найденная рыбаками въ ноябрѣ того же 1904 г. на юго-восточномъ берегу Нѣмецкаго моря...

А, когда адм. Рожественскій, узнавъ о шумѣ, поднятомъ противъ него и его эскадры англійскою прессою, опубликовалъ въ лондонскихъ газетахъ, что всѣ его миноносцы были впереди эскадры на 200 и болѣе миль,—фактъ, легко поддававшійся провѣркѣ,—и что поэтому «миноносецъ», остававшійся на мѣстѣ происшествія до утра, былъ несомнѣнно изъ числа тѣхъ, которые атаковали эскадру, и будучи подбитъ, исправлялъ свои поврежденія или поджидалъ товарищей,—шумъ сразу стихъ—и инцидентъ былъ быстро улаженъ дипломатическимъ путемъ [1]).

Въ Танжерѣ 2-я эскадра раздѣлилась: 5 броненосцевъ и 2 броненосныхъ крейсера пошли кругомъ Африки, а остальныя суда направились чрезъ Суэцкій каналъ [2]). Вся эскадра вновь соединилась въ Носси-бе, на Мадагаскарѣ, 24-го декабря 1904 г. Здѣсь ее уже ждало печаль-

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ инцидентѣ въ книгѣ г. Вл. Семенова — «Расплата» (СПБ. 1908), стр. 251—258, 265—268.

[2]) Слѣдомъ за этимъ отрядомъ прошелъ черезъ каналъ и указанный выше отрядъ японскихъ судовъ («Расплата», стр. 267).

ное извѣстіе о паденіи П.-Артура и объ уничтоженіи всей 1-й тихоокеанской эскадры. — «Очевидно, говоритъ г. Кладо, — дальнѣйшее упорство въ продолженіи пути эскадры было чистымъ безуміемъ...» [1] Но рокъ увлекалъ Россію—и Рожественскій получилъ приказаніе идти по назначенію.

25-го апрѣля, у береговъ Анама, 3-я эскадра соединилась со 2-ю— и въ тотъ же день адм. Рожественскій отдалъ по соединенной эскадрѣ приказъ, въ которомъ писалъ:—«Японцы безпредѣльно преданы престолу, не сносятъ безчестья и умираютъ героями. Господь да укрѣпитъ и благословитъ насъ исполнить завѣтъ Государевъ и кровью смыть горькій стыдъ Родины».

Пополнивъ запасы угля, эскадра двинулась на сѣверъ, направляясь къ Корейскому проливу. Ей предстояло на выборъ два пути: или идти между материкомъ и Японіей или, обогнувъ южные японскіе острова, черезъ Сангарскій проливъ прорываться во Владивостокъ. Въ первомъ случаѣ надлежало пройти узкимъ Цусимскимъ проливомъ, что сдѣлать незамѣтно было нельзя—и бой былъ неизбѣженъ; во второмъ—эскадра могла дойти незамѣченною до Сангарскаго пролива, а отъ него до Владивостока оставалось уже 350 миль; въ первомъ случаѣ бой долженъ былъ разыграться вблизи японскихъ военныхъ портовъ; во второмъ—единственный ближайшій японскій портъ-Майцзыру былъ въ 250 миляхъ, атаки японскихъ миноносцевъ были здѣсь менѣе вѣроятны, чѣмъ въ узкомъ Цусимскомъ проливѣ и, наконецъ, въ то время, какъ послѣдній могъ быть минированъ, Сангарскій проливъ былъ безопасенъ, такъ какъ его минировать нельзя. Проходъ Корейскимъ проливомъ имѣлъ лишь то удобство, что уже около Шанхая можно было отпустить всѣ транспорты, связывавшіе скорость хода эскадры и требовавшіе въ бою сильнаго конвоя. Вѣроятно это соображеніе и склонило курсъ эскадры къ Корейскому проливу. Къ сожалѣнію, привычка къ полумѣрамъ сказалась и тутъ и уничтожила и это единственное преимущество избраннаго пути. 12-го мая отпущены были въ Шанхай лишь нѣкоторые транспорты, часть ихъ («Анадырь», «Иртышъ», «Камчатка», «Корея», буксирные пароходы «Русь» и «Свирь» остались при эскадрѣ и для защиты ихъ, на случай боя, адм. Рожественскій отдѣлилъ всѣ крейсера и тѣмъ ослабилъ боевыя силы эскадры на 36—6″ орудій и на 29—120 миллиметровыхъ...—«При такихъ условіяхъ, замѣчаетъ одинъ изъ участниковъ Цусимскаго боя, — эскадра производила впечатлѣніе бойца, котораго отправляютъ на кулачный бой, предварительно надѣвъ на него вериги» [2].

---

[1] Война съ Японіей на сушѣ и на морѣ. Изд. В. Березовскаго, вып. VIII, стр. 228.

[2] См. «Послѣдніе дни 2-й тихоокеанской эскадры». Воспоминанія одного изъ участниковъ Цусимскаго боя. СПБ. 1906 г., стр. 31.

На слѣдующій же послѣ этого день, 13-го мая впервые было обнаружено присутствіе вблизи непріятельскихъ судовъ, производившихъ сигнализацію безпроволочнымъ телеграфомъ. Къ сожалѣнію, адм. Рожественскій почему-то воспретилъ «Уралу», на которомъ былъ сильнѣйшій аппаратъ этого телеграфа, спутать своимъ токомъ японскія телеграммы [1]) и потому Того могъ потомъ написать въ своемъ рапортѣ: «Хотя наша эскадра и была еще въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль отъ непріятеля, мы знали ее расположеніе и движенія такъ, какъ будто она была передъ нашими глазами».

Ночью ждали минныхъ атакъ; но японцы берегли свои миноносцы, «чтобы добивать насъ послѣ боя» [2]).

И вотъ день его насталъ. Въ 5 ч. утра 14-го мая наша эскадра вошла двумя колоннами въ Цусимскій проливъ. Занималась заря цусимскаго дня печальной памяти. Небо было безоблачно. Въ воздухѣ стояла мгла, которую не смогли разсѣять въ теченіе всего этого дня лучи солнца и которая мѣшала видѣть что-либо далѣе 70 кабельтовъ. Эскадра Того (5 броненосцевъ, 8 крейсеровъ 1-го ранга, 15 крейсеровъ 2-го ранга, 1 бр-цъ береговой обороны, 9 канонерокъ, 17 большихъ миноносцевъ и 85 малыхъ, всего 140 судовъ съ 18,000 чел. экипажа) уже стояла въ боевомъ порядкѣ сѣвернѣе о-ва Цусимы.

Въ 1 ч. 55 м. дня онъ отдалъ ей приказъ начать бой и поднялъ сигналъ:—«Отъ результата боя зависитъ судьба имперіи. Пусть каждый напряжетъ всѣ свои силы».

И въ то время, какъ наша эскадра начинала перестраиваться изъ походнаго строя въ боевой—въ одну колонну, японскія суда только еще открыли свой огонь—мѣткій, энергичный, методичный—сосредоточивая его на нашихъ головныхъ судахъ—и спутали весь нашъ маневръ. На нашихъ корабляхъ, заваленныхъ углемъ и имѣвшихъ много дерева въ своемъ составѣ, начались пожары. Первымъ вышелъ изъ строя головной корабль лѣвой колонны—«Ослябя» (кап. 1 р. Шеинъ) и въ 3 ч. 10 м. дня затонулъ носомъ внизъ. Слѣдомъ за нимъ, въ $2^1/_2$ ч. потерялъ способность управляться и головной корабль правой колонны «Князь Суворовъ»... (кап. 1 р. Игнаціусъ). На немъ начались пожары и онъ также вышелъ изъ строя. Къ $5^1/_2$ ч. онъ уже весь былъ объятъ пламенемъ и имѣлъ значительный кренъ. Находившійся на немъ начальникъ эскадры, адм. Рожественскій, былъ тяжело раненъ въ голову въ самомъ началѣ боя и въ полусознательномъ состояніи, по иниціативѣ чиновъ своего штаба, переведенъ на миноносецъ «Буйный». Командованіе эскадрой перешло къ к.-адм. Небогатову, но управлять боемъ уже было нельзя... Боевого порядка не существовало. Наши корабли метались подъ градомъ непріятельскихъ снаря-

---

[1]) Тамъ же, стр. 41. [2]) Тамъ же, стр. 38

довъ, горѣли и тонули. Около 7 час. вечера, перевернувшись своими килями кверху и блестя ими въ лучахъ заходящаго солнца, погибли броненосцы «Императоръ Александръ III» (кап. 1 р. Бухвостовъ) и «Бородино» (кап. 1 р. Серебренниковъ). Изъ команды перваго никто не спасся и никто не знаетъ, что на немъ происходило; изъ 900 чел. команды «Бородино» спасся чудомъ марсовый матросъ Ющенко... Въ 7 ч. вечера послѣ двухъ минныхъ атакъ затонулъ и «Суворовъ», одиноко стоявшій въ сторонѣ отъ боя, съ сильнымъ креномъ и окутанный дымомъ пожара...

«Этотъ корабль, разсказываютъ японцы, весь обгорѣвшій и еще горящій, перенесшій столько нападеній, разстрѣливавшійся всей эскадрой, имѣвшій одну только случайно уцѣлѣвшую пушку въ кормовой части, все же открылъ изъ нея огонь, выказывая рѣшимость защищаться до послѣдняго момента своего существованія, пока плаваетъ на поверхности воды» [1]).

Минными атаками были затоплены также броненосцы «Сисой Великій» и «Наваринъ», крейсеры «Адм. Нахимовъ» и «Владиміръ Мономахъ», вспомогательные суда, пароходъ «Русь» и транспорты «Иртышъ» и «Камчатка».

Суда честно дрались до послѣдней возможности и гибли геройски... Спасшіеся съ транспорта «Камчатки» разсказываютъ, что передъ самой гибелью его одинъ изъ механиковъ мастерской предложилъ раненому лейт. Никонову (командиръ, кап. 2 р. Степановъ былъ уже убитъ) поднять бѣлый флагъ для того, чтобы японцы, стрѣлявшіе въ этомъ бою даже по отдѣльнымъ людямъ, бывшимъ уже въ водѣ, — прекратили огонь. Но Никоновъ, уже умирая, нѣсколько разъ повторилъ въ забытьѣ:—«Все, что хотите, только не флагъ»... [2])

Къ утру 15-го мая подъ начальствомъ адм. Небогатова остались всего лишь 1 крейсеръ—«Изумрудъ» и 4 броненосца: избитый въ бою наканунѣ «Орелъ», «представлявшій изъ себя лишь груду исковерканнаго желѣза», — «Императоръ Николай I», «Ген.-Адм. Апраксинъ» и «Адм. Сенявинъ». Остальныя уцѣлѣвшія суда порознь прорывались или во Владивостокъ или въ нейтральные порта. Такъ, крейсера «Олегъ», «Аврора» и «Жемчугъ», подъ командой к.-адм. Энквистъ, ушли въ Манилу и тамъ разоружились. Броненосецъ «Адм. Ушаковъ» и крейсера «Дмитрій Донской» и «Свѣтлана», прорывавшіеся во Владивостокъ, были настигнуты непріятелемъ и послѣ боя затоплены непріятельскимъ огнемъ или самими командирами... Настигнутъ былъ и мин-цъ «Бѣдовый», на который вслѣдствіе порчи машинъ «Буйнаго» былъ переданъ адм. Рожественскій... Онъ сдался безъ боя и былъ отведенъ въ Сасебо [3]).

---

[1]) Послѣдніе часы бр. «Князь Суворовъ» подробно описаны г. Вл. Семеновымъ въ книгѣ его «Бой при Цусимѣ». СПБ. 1906 г.

[2]) См. книгу: «Послѣдніе дни 2-й тихоокеанской эскадры», стр 162.

[3]) За это отст. адм. Рожественскій, флагъ-капитанъ, кап. 1 р. Клапье-де-Колонгъ,

На разсвѣтѣ 15-го мая съ судовъ отряда Небогатова замѣтили дымки на горизонтѣ... Предположили сперва, что это наши отставшія суда... Гулъ, напоминавшій выстрѣлы, подкрѣплялъ это предположеніе соображеніемъ, что они выдерживаютъ бой съ преслѣдующимъ ихъ противникомъ—и потому Небогатовъ приказалъ отряду повернуть на выручку своихъ. Была уже пробита «боевая тревога», суда приготовились къ бою. Не взирая на ужасы пережитаго наканунѣ дня и ночь, проведенную въ ожиданіи минныхъ атакъ и утомленіе, духъ командъ былъ бодрый.—«Мы покажемъ себя не такъ, какъ артурцы»—говорили на «Николаѣ I»... Около 8 часовъ утра обнаружилось ясно, что «дымки»—непріятельскія суда. Ихъ было 28. Часть ихъ, обогнувъ нашъ отрядъ, пересѣкла ему курсъ и къ 10 часамъ окружила его. Команды наши были поражены «щегольскимъ видомъ» японскихъ судовъ, словно они и не были наканунѣ въ горячемъ бою. Это подѣйствовало удручающе, но всѣ еще готовились къ бою... Японцы первые открыли огонь съ дистанціи около 60-ти кабельтовъ... Въ теченіе какихъ-нибудь 10 минутъ «Николай I» получилъ 6 пробоинъ... Наши суда не отвѣчали: ихъ орудія были безсильны на эту дистанцію... Японцы же ближе не подходили... Тогда, послѣ короткаго совѣщанія адмирала съ чинами своего штаба и офицерами своего флагманскаго корабля, на «Николаѣ I», а вслѣдъ за нимъ и на другихъ судахъ были подняты бѣлые флаги... И остатки нашей «армады» сдались.

— Я не имѣлъ никакой возможности нанести какой-либо вредъ непріятелю,—объяснялъ впослѣдствіи Небогатовъ;—оставалось потопить корабли и спасать команду. Но былъ увѣренъ, что при этомъ погибнетъ не менѣе 75%, и не рѣшился собственнымъ сигналомъ потопить полторы тысячи своихъ подчиненныхъ... Духу не хватило! въ этомъ виноватъ... Не за себя же я безпокоился. Для меня, для адмирала, нашлись бы спасательныя средства! Нарочно захотѣлъ бы топиться, и то спасли бы... Да и японцы перваго бы подобрали, какъ трофей... Не за себя,—за нихъ! Сердце не выдержало!.. За это пусть и судятъ [1])...

фл.-штурманъ полк. Филиповскій, завѣдывавшій воен.-мор. отдѣломъ штаба, кап. 2 р. Семеновъ, фл.-офицеры мичм. Демчинскій и лейт. Кржижановскій, флагманскій минный офицеръ лейт. Леонтьевъ, командиръ миноносца, кап. 2 р. Барановъ и офицеры миноносца лейт. Вечесловъ и мичманы Цвѣтъ-Колядинскій и О. Бріенъ-де-Ласси были преданы суду особаго присутствія воен. мор. суда Кронштадтскаго порта, который, разсмотрѣвъ это дѣло въ іюнѣ 1906 года, призналъ виновными Клапье-де-Колонга, Филиповскаго, Баранова и Леонтьева въ сдачѣ миноносца непріятелю безъ боя и приговорилъ ихъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Но, принимая во вниманіе, что «нравственныя и физическія силы подсудимыхъ были подорваны безпримѣрнымъ по трудности походомъ,—потрясены гибелью многихъ судовъ эскадры и что къ сдачѣ ихъ побудило желаніе спасти жизнь адмирала, судъ ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ опредѣленнаго имъ по закону наказанія, Клапье-де-Колонгу и Баранову исключеніемъ изъ службы, а Филиповскому отставленіемъ отъ нея. Адм. Рожественскій, какъ не вполнѣ сознававшій по состоянію своего здоровья значеніе происходившихъ вокругъ него событій, и остальные подсудимые были оправданы.

[1]) Вл. Семеновъ.—«Цѣна крови». («Вѣстникъ Европы» 1909 г. іюнь, стр. 565).

Какъ и Стесселъ,—Небогатовъ оказался на войнѣ «гуманистомъ»... Тотъ боялся рѣзни раненыхъ и гражданъ П.-Артура, этотъ пожалѣлъ здоровыхъ людей—и оба забыли, что они на войнѣ, что война требуетъ жертвъ и если путемъ ихъ нельзя добиться побѣды матеріальной, то нужно стремиться, по крайней мѣрѣ, къ побѣдѣ моральной, къ выявленію такихъ духовныхъ свойствъ націи, которыя воспитываютъ въ грядущихъ поколѣніяхъ способность къ героизму, къ самопожертвованію за идею и уваженіе къ чести національнаго имени... Оправданія же Стесселя и Небогатова есть вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіе ими цѣлаго ряда такихъ историческихъ фактовъ, къ которымъ человѣчество до сихъ поръ относилось не только съ уваженіемъ, но и съ благоговѣніемъ, видя въ нихъ примѣры высокаго служенія долгу, преданности родинѣ и преобладающее значеніе духа надъ матеріей. Безумными казаться имъ должны и Леонидъ, противопоставившій 300 своихъ спартанцевъ персидскимъ полчищамъ, и Святославъ, отвѣтившій болгарамъ—«мертвые срама не имутъ», и Петръ Великій, сказавшій подъ Полтавою, что жизнь ему не дорога, — «жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи», и лейтенантъ Сакенъ, предпочевшій гибель безславію сдачи, и ген. Камбронъ, отвѣтившій на Ватерлооскомъ полѣ англичанамъ: «Гвардія умираетъ, но не сдается», и рядовой Архипъ Осиповъ, взорвавшій укрѣпленіе Михайловское, чтобы врагу достались лишь его развалины, и маіоръ Штоквичъ, державшійся 23 дня въ Баязетѣ безъ воды и продовольствія, противъ значительныхъ турецкихъ силъ, и два безвѣстныхъ матроса «Стерегущаго», предпочевшихъ затопить свой миноносецъ и затонуть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ доставить непріятелю какой-либо трофей... Между тѣмъ все это были не безполезныя жертвы на алтарѣ войны. Онѣ ковали мощь народнаго духа, создавали тотъ престижъ силы, который внушалъ страхъ и уваженіе къ народу, дорого продающему свои блага, и который сдерживалъ аппетиты хищниковъ, всегда разгорающіеся при сознаніи безсилія и слабости намѣченной жертвы. Если японцы въ эту войну вели свои операціи такъ методически и осторожно, что затянули войну на 18 мѣсяцевъ, то только потому, что ихъ гипнотизировала былая наша слава... И вотъ теперь позорною сдачею П.-Артура и судовъ небогатовской эскадры это обаяніе было разрушено. И не характерно ли, что только японцы одобрили поступки Стесселя и Небогатова, тѣ самые японцы, которые въ минувшую войну дали намъ рядъ доказательствъ, что сами они предпочитаютъ смерть сдачѣ и плѣну.—«Ничто не могло бы заставить японскаго адмирала сдаться со своими кораблями при подобныхъ обстоятельствахъ» — замѣчаетъ корреспондентъ газеты «Times». И это подтвердилъ случай съ японскимъ транспортомъ «Катихимару»... Дженъ въ своемъ трудѣ «Heresies of Seapower» также говоритъ, что «будь японцы на мѣстѣ Небогатова, они не сдались бы... Какъ ни безполезна гибель тѣхъ, кто потонулъ на «Уша-

ковѣ», но на дѣлѣ смерть ихъ при данныхъ обстоятельствахъ полезнѣе гибели въ побѣднемъ бою... Такъ долженъ былъ поступить и Небогатовъ, а не увѣнчивать цусимскую побѣду сдачею нѣсколькихъ кораблей...».

Гуманнистическія разсужденія на войнѣ—скользкій путь къ побѣдѣ—и сдача П.-Артура несомнѣнно деморализующе повліяла на всѣхъ слабыхъ духомъ и дала пагубный примѣръ Небогатову [1]).

И такъ, въ результатѣ цусимскаго сраженія—изъ 11 нашихъ броненосцевъ 7 было затоплено, 4 сдались въ плѣнъ; изъ 10 крейсеровъ—1 прошелъ во Владивостокъ, 3 спаслись въ Манилу, 2 затоплены своими командирами, 4—непріятелемъ; изъ 9 миноносцевъ: 2 прорвались во Владивостокъ, 1 ушелъ въ Шанхай и разоружился, 1 взятъ въ плѣнъ, 5 затоплены японцами; изъ 8 вспомогательныхъ судовъ: 2 взяты въ плѣнъ, 2 ушли въ Шанхай и разоружились и 4 затоплены. Въ общемъ изъ 38 судовъ эскадры потонуло 22, взято въ плѣнъ 7, ушло въ нейтральные порта и тамъ разоружилось 6 и только три достигли Владивостока. Изъ 14 тысячъ команды 5000 убито и потонуло, 6142 чел. взято въ плѣнъ и 3000 спаслось во Владивостокъ и въ нейтральные порта.

Японцы потеряли всего лишь 3 миноносца, 116 чел. убитыми и 538 ранеными; остальныя ихъ суда получили болѣе или менѣе серьезныя поврежденія, но ни одно изъ нихъ не было приведено въ негодность къ службѣ.

Такъ реально сказалось въ бою превосходство японской эскадры предъ нашей въ артиллеріи и минныхъ судахъ.

Какъ ни готовилось русское общество въ тайникахъ своей душѣ къ новой гекатомбѣ, къ новому несчастію, но размѣры катастрофы поразили всѣхъ. Они обнаружили всю глубину разложенія нашего стараго строя,—безконтрольнаго, бюрократическаго, въ которомъ все было «гладко на бумагѣ»... Это характерно проявилось прежде всего по отношенію къ «печальному герою» Цусимы—Рожественскому со стороны народа и общества. Г-нъ Вл. Семеновъ разсказываетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ о рядѣ трогательныхъ сценъ-овацій, устроенныхъ возвращавшемуся изъ плѣна адмиралу народомъ на всемъ протяженіи «великаго сибирскаго пути»—и это въ дни осеннихъ безпорядковъ 1905 года, когда дорога была въ рукахъ деморализованныхъ неудачною войною солдатъ манчжурскихъ армій. Вотъ, напримѣръ, что было на станціи Тулунъ 27-го ноября 1905 г.

---

[1]) Судомъ особаго присутствія воен. мор. суда Кронштадтскаго порта бывшій к. - адм., дворянинъ Небогатовъ и бывшіе командиры судовъ его отряда, дворяне Лишинъ, Григорьевъ и Смирновъ были приговорены къ смертной казни, которая, однако, по ходатайству суда, была замѣнена Государемъ Императоромъ заключеніемъ ихъ въ крѣпости на десять лѣтъ. Въ 1909 г. всѣ они, какъ и Стессель, по Высочайшему повелѣнію были освобождены изъ заточенія.

—«Въ 2 ч. дня опять собралась около поѣзда толпа солдатъ и рабочихъ. Прислали депутатовъ просить, чтобы адмиралъ хоть въ окнѣ имъ показался. Онъ (несмотря на морозъ—18°) вышелъ на площадку. Спрашивали его: правда ли, что изъ Россіи не хотѣли посылать ему подкрѣпленій? правда ли, что небогатовскій отрядъ въ бою вовсе не участвовалъ, а держался далеко сзади! Адмиралъ отвѣчалъ коротко и опредѣленно.—«Измѣны не было?»—выкрикнулъ вдругъ чей-то пронзительный голосъ, и чувствовалось, что для всей толпы этотъ вопросъ—самый мучительный.—«Не было измѣны! Сила не взяла, да Богъ счастья не далъ!» рѣшительно отозвался адмиралъ и, поклонившись, пошелъ къ себѣ. Вслѣдъ ему неслись сочувственные крики:—«Дай Богъ здоровья! Вѣкъ прожить! Старикъ, а кровь проливалъ! Не то, что наши! У нихъ иначе—самъ въ первую голову!»... Поѣздъ тронулся, сопровождаемый громовымъ «ура» [1]).

А когда пронеслась первая (ложная) вѣсть о смерти Рожественскаго [2]), русская печать помѣстила его некрологи, дышавшіе искренними симпатіями, уваженіемъ и сочувствіемъ. Никто не бросилъ въ него камнемъ осужденія.—«Рожественскаго побѣдили не японцы», писали въ газетѣ «Вечеръ». — «У него было драгоцѣнное въ морскомъ вѣдомствѣ имя: «честный человѣкъ»,—говорилось въ «Биржев. Вѣдомостяхъ».—«Одинъ въ полѣ не воинъ: Рожественскому выпала горькая доля искать смерти въ неравномъ бою и не найти ея», — замѣчалъ «Свѣтъ».—«Рожественскій на головномъ кораблѣ одинъ изъ первыхъ платилъ своею кровью за свои и чужія ошибки»... говорила и «Рѣчь»...

Такъ, за обнаруженіемъ грѣховъ «системы», прощены были ему недостатки крутого личнаго характера и тактическія и стратегическія ошибки.

Послѣ Цусимы стали ждать мира или возобновленія военныхъ дѣйствій на сушѣ.

Мукденская битва такъ утомила и истощила силы обѣихъ сторонъ, что ни побѣдитель, ни побѣжденный не были въ состояніи продолжать свои военныя операціи. Дабы обезпечить себѣ спокойствіе, наша армія, какъ уже было сказано выше, сосредоточившись у Телина, не остановилась здѣсь и къ 9-му марта отошла на Сипингайскую позицію между Телиномъ и Сунгари. 2-я армія составила правый флангъ, 3-я—центръ и 1-я—лѣвый флангъ; отрядъ ген.-ад. Мищенко прикрывалъ правый флангъ отъ обхода японцевъ чрезъ Монголію; отрядъ ген.-л. Ренненкампфа—лѣвый, отъ обхода на Гиринъ.

Японцы расположились сѣвернѣе Телина: армія Ноги—на лѣвомъ флангѣ, Нодзу—въ центрѣ и Кавамура—на правомъ. Арміи Куроки и Оку составили вторую линію.

Въ такомъ положеніи обѣ стороны простояли $5^1/_2$ мѣсяцевъ, все усиливаясь подкрѣпленіями, занимаясь боевой подготовкой войскъ и не рѣшаясь на возобновленіе военныхъ операцій.

---

1) См. «Вѣстникъ Европы», іюль, 1909 г.—«Цѣна крови», стр. 42—43.

2) Это было въ іюлѣ 1908 г.—телеграмма изъ Наугейма. З. П. Рожественскій умеръ 1 января 1909 г.

Вотъ какъ въ письмахъ изъ арміи обрисовывается этотъ періодъ кампаніи.

«Чувствуешь себя точно не на войнѣ и не при грозной обстановкѣ, гдѣ борьба за обладаніе клочкомъ чужой земли стоитъ столькихъ тысячъ человѣческихъ жизней. Проѣзжая верстъ 50 вдоль расположенія главныхъ силъ всѣхъ трехъ армій, выносишь такое впечатлѣніе, будто находишься среди огромнаго лагеря, гдѣ собрались войска нѣсколькихъ округовъ для двусторонняго маневра. Вездѣ идетъ спокойная жизнь съ ея мирными, обыденными интересами. Богатая растительностью сѣверная Манчжурія, покрытая холмами, особенно къ востоку отъ желѣзной дороги и вдоль самой линіи, даетъ войскамъ возможность устраиваться на сухомъ, здоровомъ мѣстѣ не только съ возможными удобствами, но даже съ претензіей на щегольство; часто видишь лагерь около небольшой рощи, съ красиво расположенными рядами палатокъ, окруженныхъ небольшими насыпями, покрытыми дерномъ и переплетомъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Обозы стоятъ отдѣльно, вездѣ прибрано, подметено, нижніе чины ходятъ опрятно одѣтыми,—любо глядѣть. Иллюзія мирной обстановки увеличивается еще тѣмъ, что маневры въ арміяхъ производятся на самомъ дѣлѣ. Конечно, мирныя занятія производятся подъ щитомъ грозныхъ укрѣпленій, которыя вѣнчаютъ этотъ огромный лагерь, и съ этихъ позицій временами отдѣльные отряды совершаютъ частичныя наступленія противъ передовыхъ силъ противника, которыя почти всегда оканчиваются достиженіемъ поставленной отряду задачи. Дня три тому назадъ, въ центрѣ нашихъ позицій, небольшой отрядъ, потѣснивъ заставы противника, взялъ штурмомъ одинъ изъ его передовыхъ пунктовъ у селенія Ма-лу-гоу, несмотря на то, что силы оборонявшагося немногимъ уступали атакующему въ численномъ составѣ; при этомъ надо имѣть въ виду, что оборонявшійся держался на холмахъ, приспособленныхъ къ трехъярусной оборонѣ. Противникъ бѣжалъ, оставивъ своихъ раненыхъ, нѣсколько человѣкъ попало въ плѣнъ...

«... Несмотря на эти мелкія стычки между отдѣльными партіями передовыхъ частей и съ хунхузами, общее настроеніе на позиціи довольно мирное. Въ одномъ мѣстѣ передовыя части на разстояніи 700—800 шаговъ купаются, моютъ бѣлье и, какъ бы по молчаливому обоюдному соглашенію, не стрѣляютъ другъ въ друга, что, впрочемъ, не мѣшаетъ каждому внимательно слѣдить за своимъ противникомъ. Не мѣшаетъ это также нашему храброму, но не особенно щепетильному въ выборѣ средствъ врагу подбрасывать на наши передовыя позиціи возмутительныя прокламаціи, имѣющія цѣлью подорвать чувства долга въ нашемъ солдатѣ. Въ одной такой прокламаціи, написанной отвратительнымъ слогомъ, начинающейся воззваніемъ: «Милостивыя Братцы и Герои на дальнемъ востокѣ!», послѣ хвалы Восходящему Солнцу, объявляется «закатъ солнца Сѣверо-Запада», «начавшаго тяжелую войну», стоившую столькихъ жертвъ и такихъ огромныхъ матеріальныхъ издержекъ; въ заключеніе же—рекомендуется бросить оружіе и уѣхать въ Россію...

«... Цусимская катастрофа произвела на всѣхъ самое тяжелое впечатлѣніе. Душою болѣли всѣ, читая извѣстія о гибели эскадры. Но изъ разговоровъ съ офицерами можно убѣдиться, что миръ кажется имъ положительно невозможнымъ. Не только закаленные въ бою старые служаки, но и молодежь, побывавшая уже въ сраженіяхъ, смотритъ на васъ съ удивленіемъ, когда вы заговорите о мирѣ.—«Помилуйте, съ какимъ лицомъ явимся мы въ Россію? Вѣдь, ни одной крупной побѣды надъ врагомъ! Японцы увѣрены въ своей непобѣдимости. Неужели армія, у которой за плечами блестящее прошлое, не дастъ имъ настоящаго урока? Прежде мы были слабѣе; теперь армія наша значительно увеличилась въ своемъ численномъ составѣ, войска рвутся въ бой... Вѣдь, цусимская катастрофа—только потерянный гадательный шансъ на нашей сторонѣ, а въ остальномъ, если, послѣ Мукдена, положеніе и перемѣнилось, то уже, во всякомъ случаѣ, въ нашу пользу: мы сильнѣе теперь и въ Манчжуріи и въ Приморской области...»

Наиболѣе крупными событіями этого періода явились: съ нашей стороны—новый набѣгъ нашей конницы, подъ начальствомъ ген.-ад.

Мищенко, въ началѣ мая въ тылъ арміи Ноги, а со стороны японцевъ—захватъ ими о-ва Сахалина въ первой половинѣ іюля.

Результаты набѣга были не велики и выразились въ уничтоженіи нѣсколькихъ интендантскихъ складовъ, нѣсколькихъ продовольственныхъ транспортовъ (всего 800 повозокъ), въ разрушеніи на большомъ протяженіи телеграфной и телефонной линій, въ истребленіи 2-хъ японскихъ ротъ, изрубленныхъ казаками, и въ захватѣ 2-хъ пулеметовъ и 234 плѣнныхъ. [1])

Размахъ набѣга опять былъ скованъ соображеніемъ необходимости сохранить конскій составъ для будущихъ рѣшительныхъ операцій арміи. Но все же, какъ первый частичный успѣхъ послѣ мукденскаго пораженія, онъ поднялъ нѣсколько духъ арміи, тѣмъ болѣе, что въ теченіе его нѣсколько разъ обнаружился явно страхъ японской кавалеріи столкнуться съ нашею [2]).

Занятія Сахалина, богатства котораго такъ давно прельщали японцевъ, ждали со дня на день въ теченіе всей кампаніи. Въ сущности, съ момента ихъ господства на морѣ, это былъ для нихъ совсѣмъ безплатный призъ. Островъ совершенно не былъ подготовленъ къ оборонѣ. Гарнизонъ его составляли 5 мѣстныхъ б—новъ, нѣсколько дружинъ, сформированныхъ изъ ссыльно-поселенцевъ и каторжниковъ, и 16 орудій. Командный составъ его совершенно не отвѣчалъ боевымъ требованіямъ, имѣя болѣе административный и хозяйственный опытъ. Во главѣ его не сочли даже нужнымъ поставить строевого генерала, а оставили командованіе въ рукахъ губернатора о-ва, ген.-л. Ляпунова, стараго военнаго юриста по спеціальному образованію. Укрѣпленныхъ пунктовъ не было. Шанцеваго инструмента было мало. Обозъ имѣлся не при всѣхъ частяхъ. Пушки были старыя и для запряжки ихъ не хватало лошадей. Огнестрѣльные и продовольственные припасы доставлены были на о-въ передъ самой высадкой японцевъ и значительную часть ихъ пришлось уничтожить за невозможностью увести вглубь о-ва [3]).

Для захвата Сахалина японцами была сформирована 15-я дивизія, ген. Харагучи (12 б-новъ, 1 эск., 18 ор. и 1 пулеметное отдѣленіе, всего 14 тыс. человѣкъ), посажена на суда въ Хакодате и 22-го іюня, подъ прикрытіемъ эскадры Катаока (2 броненосца, 7 крейсеровъ,

---

[1]) Отрядъ нашъ потерялъ въ этомъ набѣгѣ 3 оф. и 35 казаковъ убитыми и 11 оф. и 138 казаковъ ранеными.

[2]) Особенно характерно онъ проявился 3-го іюня подъ Ляонвоной, гдѣ 23 эскадрона японскихъ драгунъ Акіямы появились было предъ 10 слабыми сотнями сводной Урало-Забайкальской дивизіи. Съ радостью сотни пошли на нихъ въ атаку, но Акіама не принялъ удара и отошелъ на пѣхоту.

[3]) См. «Военный Сборникъ» 1909 г. №№ 11 и 12.—«Оборона Сахалина въ русско-японскую войну 1904—1905 г.».

2 канонерки и 30 миноносцевъ) двинута къ посту Корсаковскому. 24-го іюня японцы здѣсь высадились.

Наши незначительныя силы, раздѣленныя на 9 небольшихъ отрядовъ, не имѣя одного опредѣленнаго плана, дѣйствовали разрозненно и не могли, конечно, противостоять движенію японцевъ вглубь острова. Для веденія партизанской войны, какую предлагалъ штабъ Приамурскаго военнаго округа, никакой подготовки сдѣлано не было—и наши маленькіе отряды сдавались одинъ за другимъ.—Все это завершилось капитуляціей главныхъ силъ 19-го іюля у с. Онор[1]).

Теперь японцы могли уже, при переговорахъ о мирѣ, требовать уступки этого острова, какъ территоріи, завоеванной ими. И, дѣйствительно, съ этихъ поръ переговоры о мирѣ пошли болѣе увѣреннымъ ходомъ.

Начались же онѣ тотчасъ послѣ Цусимы. Роль посредника принялъ на себя президентъ С. Американскихъ Соединен. Штатовъ, Рузвельтъ. 26-го мая онъ обратился къ правительствамъ Россіи и Японіи съ нотою, въ которой говорилось:

«Президентъ чувствуетъ, что настало время, когда въ интересахъ всего человѣчества слѣдуетъ попытаться положить конецъ страшному и прискорбному столкновенію между двумя державами... Президентъ чувствуетъ, что всемірный прогрессъ задерживается войною между двумя великими народами, и хотѣлъ бы побудить русское и японское пр-ства не только въ ихъ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ всего цивилизованнаго міра начать непосредственные переговоры другъ съ другомъ. Президентъ изъявляетъ свою готовность сдѣлать все, что окажется въ его силахъ... хотя бы въ смыслѣ устройства свиданія между представителями Россіи и Японіи».

Предложеніе это было благосклонно принято обѣими сторонами, но прошло почти полтора мѣсяца прежде, чѣмъ уполномоченные Россіи и Японіи выѣхали для встрѣчи въ Америку. Въ теченіе этого времени на всѣ лады комментировался одинъ вопросъ: о размѣрахъ требованій побѣдительницы. Печать всего міра рекомендовала Японіи умѣренность. О томъ же взывала къ своему народу и японская оффиціозная газета «Кокуминъ». Но она была одинока. Другія японскія газеты продолжали быть воинственно настроенными. — «Жи-жи-шимпо» предостерегала отъ излишняго оптимизма; «Жоминри» совѣтовала не довѣрять дипломатіи; «Хо-ши» убѣждала японскій народъ воспрепятствовать мирнымъ переговорамъ; «Ниши-ниши» требовала энергичнаго продолженія войны—и вся Японская печать диктовала слѣдующія условія мира: три милліарда контрибуціи, присоединеніе Сахалина, Камчатки, Уссурійскаго края, Приморской области, аренда Ляодуна и П.-Артура, срытіе владивостокскихъ укрѣпленій, права собственности на В. Китайскую ж. дорогу и т. д.

---

[1]) Командующій войсками о-ва, ген. л. Ляпуновъ такъ же, какъ и ген. Стессель и адм. Небогатовъ, подлежалъ суду за это дѣяніе, но смерть (19 февраля 1909 г.) избавила его отъ отвѣтственности.

Извѣстія о подобныхъ требованіяхъ Японіи волновали, конечно, русское общество и это волненіе, эта тревога за будущее сказались въ рядѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ. Такъ, богодуховское дворянство выражало увѣренность, что не изсякла еще русская сила и доблесть, что есть еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ, и заявляло, что не требуетъ пощады, не хочетъ позорнаго мира. Воронежскіе ремесленники также просили Государя «довести войну до конца и не заключать позорнаго для Россіи мира». Хабаровская городская дума, «отъ лица жителей Приамурья»—не допускала мысли, что «русское царство признаетъ себя побѣжденнымъ и согласится на территоріальныя уступки и на уплату контрибуціи». Духовенство 5 округа оренбургской эпархіи, устами 30000 населенія, «готоваго положить животъ свой за родного Царя и многострадальную Русь», умоляло не заключать «позорнаго для Россіи мира»... Съ выраженіемъ своихъ патріотическихъ чувствъ общество обращалось и къ вождямъ нашей арміи на Д. Востокѣ. Такъ, московское мѣщанство и московскіе ремесленники послали ген. Линевичу телеграммы съ выраженіемъ увѣренности, что русская армія постоитъ еще за честь Россіи и позорнаго мира не будетъ.

Въ свою очередь и армія, въ лицѣ своихъ вождей, когда вопросъ о мирѣ сталъ на реальную почву, обращалась къ рускому обществу съ выраженіемъ своего протеста противъ мира. Ген. Куропаткинъ въ телеграммѣ на имя предводителя московскаго дворянства выразилъ сожалѣніе по поводу происходящей будто бы агитаціи земства и городовъ въ пользу мира и высказалъ свою увѣренность въ нашей конечной побѣдѣ. Командиръ одного корпуса, покрывшаго себя славою въ эту войну, просилъ представителя печати довести до всеобщаго свѣдѣнія, что «никакія неудачи не въ силахъ сломить рѣшимости всѣхъ чиновъ корпуса въ будущихъ бояхъ довести борьбу съ упорнымъ врагомъ до конца и во что бы то ни стало побѣдить его... Главнокомандующій, ген. Линевичъ былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ настроеніемъ своихъ армій.—«Я солдатъ, — сказалъ онъ корреспонденту французской газеты «Le Journal»—и долженъ исполнить приказаніе Его Величества, но всѣмъ намъ будетъ тяжело покинуть занимаемыя нами позиціи. Весьма вѣроятно, что начатые переговоры окончатся ничѣмъ и тогда придется убѣдиться въ нашей безконечной способности къ сопротивленію»... А Государю онъ всеподданнѣйше донесъ «въ опроверженіе газетныхъ слуховъ, будто армія наша совершенно окружена», что «никогда она не была въ опасномъ положеніи и фланги наши никогда еще не были обойдены японцами», что «нѣсколько разъ порывались они придвинуться ближе, но никогда имъ этого не удавалось»,—что «духъ войскъ внушаетъ своему вождю полное довѣріе» и что «арміи вполнѣ готовы къ выполненію тѣхъ задачъ, которыя могутъ имъ представиться».

На всѣ эти патріотическія обращенія Государь Императоръ изволилъ отвѣтить:—«*Русскіе люди могутъ положиться на Меня. Я никогда не заключу позорнаго или недостойнаго великой Россіи мира*».

Главнымъ уполномоченнымъ Россіи на предстоявшихъ переговорахъ былъ назначенъ Предсѣдатель Комитета Министровъ, ст.-секретарь Витте [1]).—«Близко знакомый съ общимъ положеніемъ дѣлъ, говорилось въ правительственномъ сообщеніи по этому поводу,—ст.-секр. Витте несомнѣнно будетъ стоять на высотѣ возложеннаго на него Всемилостивѣйшимъ довѣріемъ чрезвычайной важности порученія, всѣми силами ограждая интересы Россіи».

6-го іюля Витте выѣхалъ изъ Петербурга. Его проводы носили совершенно интимный характеръ, лишенный всякой оффиціальности и торжественности. Народъ отсутствовалъ. Народъ безмолвствовалъ въ сознаніи, что это «судъ удаляется постановить приговоръ».

Иначе, торжественно и пышно, провожали изъ Токіо въ Вашингтонъ перваго уполномоченнаго Японіи, барона Комура и его сотрудниковъ. Микадо обратился къ нимъ съ особымъ посланіемъ, въ которомъ предлагалъ имъ «всецѣло посвятить себя осуществленію возложенной на нихъ задачи»,—онъ принялъ ихъ затѣмъ въ особой аудіенціи и чествовалъ завтракомъ. Мѣстный дипломатическій корпусъ далъ имъ прощальный обѣдъ. Кабинетъ министровъ и весь генералитетъ собрались проводить ихъ на вокзалъ; многотысячная толпа кричала имъ «банзай».

9-го іюля Витте прибылъ въ Парижъ, 14-го на пароходѣ «Kaiser Wilhelm» отбылъ изъ Шербурга въ Америку и 20-го числа того же мѣсяца прибылъ въ Нью Іоркъ. 23-го іюля уполномоченные Россіи и Японіи сошлись на нейтральной палубѣ американскаго броненосца «Mayflower'а», познакомились, выслушали молча тостъ хозяина-президента, замѣчательный только тѣмъ, что въ немъ Японія впервые названа была «великою державою», и направились въ Портсмутъ, гдѣ въ стѣнахъ морского арсенала долженъ былъ рѣшиться вопросъ о мирѣ,—и 24-го совѣщанія начались.

Нашему главному уполномоченному пришлось прежде всего озаботиться огражденіемъ международнаго достоинства Россіи отъ ряда безтактныхъ выходокъ японскихъ дипломатовъ, проявившихъ на первыхъ шагахъ большую заносчивость побѣдителей. Такъ, бар. Комура потребовалъ себѣ первенства на оффиціальномъ пріемѣ у президента—и получилъ его только какъ ранѣе прибывшій въ Америку, въ дальнѣйшемъ же оно всюду предоставлено было Россіи, какъ старой, общепризнанной «великой державѣ», имѣющей въ Вашингтонѣ своимъ представителемъ посла, а не посланника, какъ Японія. Затѣмъ бар. Ко-

---

1) Первоначально предназначенъ былъ бывшій министръ юстиціи, въ то время посолъ нашъ въ Римѣ, ст. секр. Муравьевъ. Его болѣзнь помѣшала этому назначенію.

мура, заподозрившій достоинство и широту полномочій представителей Россіи, «забылъ» въ отелѣ свои сертификаты, оказавшіеся написанными на одномъ лишь японскомъ языкѣ, безъ перевода ихъ на французскій и англійскій. Съ русско-американской простотой, Витте успокоилъ японскихъ дипломатовъ, намѣревавшихся ѣхать за своими документами въ отель, заявленіемъ, что вѣритъ имъ на-слово, а на другой день предъявилъ по этому поводу ноту и потребовалъ занести этотъ инцидентъ въ протоколъ. Однако на «забывчивости» поведеніе японскихъ дипломатовъ не остановилось и въ томъ же засѣданіи бар. Комура, въ отвѣтъ на рѣчь Витте, сказанную по-французски, началъ говорить по-японски. Тогда и нашъ уполномоченный перешелъ съ международнаго дипломатическаго языка на свой родной—русскій.

28-го іюля японцы предъявили свои условія мира: возмѣщеніе Японіи военныхъ расходовъ (контрибуція), уступка Сахалина, выдача русскихъ военныхъ судовъ, укрывшихся въ нейтральныхъ портахъ, ограниченіе морскихъ силъ Россіи на Д. Востокѣ, уступка арендныхъ правъ на Ляодунскій полуостровъ, включая П.-Артуръ и Дальній, очищеніе Манчжуріи, обратная уступка Китаю всѣхъ привилегій, пріобрѣтенныхъ Россіей, признаніе Россіей принципа «открытыхъ дверей» въ Манчжуріи, уступка линіи ж. д. отъ Харбина до Артура и предоставленіе японцамъ правъ рыболовства въ территоріальныхъ водахъ къ сѣверу отъ Владивостока.

Первые четыре пункта этихъ требованій были рѣшительно отвергнуты нашимъ первымъ уполномоченнымъ. Тщетно Комура утверждалъ, что международный обычай лишаетъ требованіе контрибуціи оскорбительнаго характера... Витте, признавая обычай, обязывающій побѣжденнаго оплатить побѣду своего соперника, энергически заявилъ, что «Россія еще не побѣждена, война еще не кончена и ея конецъ можетъ быть не похожъ на ея начало... Но—добавилъ Витте,—признавая принципіально, что всякое дѣйствіе, направленное ко благу русскихъ подданныхъ, должно быть оплачено, Россія согласна щедро и безпрекословно возмѣстить Японіи всѣ ея расходы по перевозкѣ, содержанію и леченію плѣнныхъ.» Также тщетно добивался Комура выдачи русскихъ военныхъ судовъ, укрывшихся въ нейтральные порта. Витте назвалъ это безпримѣрное въ лѣтописяхъ международныхъ отношеній требованіе «намѣренно оскорбительнымъ» и выразилъ удивленіе, какъ оно, прямо противорѣчащее принципамъ международнаго права, могло возникнуть. Комура возразилъ, что онъ исходитъ изъ факта разоруженія русскихъ судовъ не по доброй волѣ, а вслѣдствіе преслѣдованія ихъ японскими военными судами.—«Основа такого опредѣленія и непріемлема, и неприлична,—рѣзко сказалъ Витте.—Должно принимать въ соображеніе единственно безспорный и имѣющій значеніе въ международномъ правѣ фактъ разоруженія въ нейтральныхъ портахъ, предоставляющій военнымъ судамъ права частной собственности».

Еще рѣзче отвергъ Витте требованіе ограничить размѣръ морскихъ силъ Россіи въ Тихомъ океанѣ.—«Событія уже ограничили ихъ,—сказалъ онъ.—Этотъ фактъ Россія признаетъ, но она не согласна подписать отказъ отъ права, исходящаго не отъ какой-либо земной власти». И, наконецъ, по вопросу объ уступкѣ Сахалина, Витте сказалъ, что «уступка каждой пяди земли, не составлявшей къ тому же повода къ войнѣ, являлась бы признаніемъ Россіи побѣжденной. Основнымъ же положеніемъ переговоровъ о мирѣ, прочномъ и почетномъ, является сознаніе, что Россія во всей совокупности ея государственныхъ силъ и средствъ не побѣждена».

Двѣ слишкомъ недѣли велся этотъ споръ, въ теченіе которыхъ телеграфъ не разъ волновалъ весь міръ сообщеніемъ, что «Витте уложилъ свои чемоданы и готовится покинуть Портсмутъ». И вотъ, наконецъ, настало 16-е августа, когда Витте въ послѣдній разъ спросилъ японскихъ делегатовъ, готова ли Японія отказаться безусловно отъ военнаго вознагражденія. Комура, взволнованный, оглянулся на своихъ сотрудниковъ, какъ бы ища въ ихъ лицахъ себѣ поддержки, и сказалъ:—«Японія безусловно отказывается отъ всякаго военнаго вознагражденія, но часть Сахалина и прилегающихъ къ нему о-вовъ оставляетъ за собою по праву завоеванія»... И тогда началась работа составленія и редактированія мирнаго договора. Она происходила также не безъ треній и потребовала цѣлой недѣли. 23-го августа, въ 3 ч. 47 м. дня договоръ о мирѣ былъ подписанъ уполномоченными обѣихъ сторонъ.

По этому договору Японія получила свободу дѣйствій въ Кореѣ, южную часть Ляодуна съ П.-Артуромъ и Дальнимъ, южную часть Сахалина, права на рыбную ловлю сѣвернѣе Владивостока и возмѣщеніе издержекъ по содержанію военноплѣнныхъ... Манжчурія подлежитъ одновременному очищенію ея и въ ней устанавливается торговая равноправность всѣхъ націй; Восточная Китайская ж. д. дѣлится между Россіей и Японіей и между ними возобновляется торговый договоръ...

1-го октября 1905 г. этотъ договоръ одновременно былъ ратификованъ Государемъ Императоромъ и Микадо, а 5-го октября о возстановленіи мира возвѣщено было Россіи Высочайшимъ манифестомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ призывалось благословеніе Божіе на предстоящіе обширные труды совмѣстно съ избранными отъ населенія людьми по утвержденію и совершенствованію внутренняго устройства Россіи въ добромъ сосѣдствѣ извнѣ, на Дальнемъ Востокѣ, съ вновь дружественной намъ отнынѣ Японской имперіей.

Микадо также обратился къ своему народу съ рескриптомъ, въ которомъ говорилъ, что, «найдя условія мира въ общемъ соотвѣтствующими нашему желанію», онъ ратификовалъ ихъ и—«теперь Россія опять другъ Японіи». Выражая вмѣстѣ съ тѣмъ «искреннее желаніе возстановить добрососѣдскія сердечныя отношенія между обѣими сторонами» рескриптъ констатируетъ также, что «послѣ двадцати

мѣсяцевъ войны положеніе Японіи упрочилось и ея интересы подвинулись впередъ».

Однако заключеніе портсмутскаго договора ознаменовалось въ Японіи враждебными миру демонстраціями. Въ Токіо, Кобе, Іокогамѣ, Ногайѣ и въ рядѣ другихъ городовъ состоялись шумные митинги, на которыхъ сочинялись воинственныя телеграммы маршалу Ойямѣ съ требованіемъ возобновить военныя дѣйствія и посылались петиціи Микадо съ просьбою не ратификовать договоръ. 24-го, 25-го и 26-го августа, въ Токіо, толпа разнесла редакцію оффиціозной газеты «Кокуминъ», сожгла домъ министра внутреннихъ дѣлъ и нѣсколько полицейскихъ сторожевыхъ будокъ, сбросила съ пьедестала статую маркиза Ито, забаррикадировала улицы, перегородила мосты проволочными загражденіями, разрушила нѣсколько христіанскихъ храмовъ, въ томъ числѣ и православный, убила 10 христіанскихъ миссіонеровъ и выдержала нѣсколько кровопролитныхъ стычекъ съ войсками и полиціей...

Очевидно условія мира, не вполнѣ окупая затраты маленькой страны на большую войну, чрезвычайное напряженіе ея экономическихъ и финансовыхъ силъ и обильно пролитую на поляхъ Манчжуріи кровь, не обезпечили всѣ интересы Японіи и поставили предѣлъ въ достиженіи всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовались войною... О послѣднихъ даютъ представленія отпечатанныя въ Японіи карты Д. Востока, на которыхъ наши владѣнія тамъ—Приморская область, Уссурійскій край и Камчатка—окрашены уже въ національный японскій желтый цвѣтъ... Между тѣмъ Россія осталась «великою державою», побѣжденною, но загадочною въ своей мощи, въ своихъ силахъ и въ возможностяхъ своей исторической судьбы, вступавшей съ созывомъ народныхъ представителей на путь «обновленной» жизни. Вѣдь характеренъ же въ самомъ дѣлѣ тотъ фактъ, что послѣ цѣлаго года побѣдоносной кампаніи, завершившейся для насъ «Мукденомъ», японская армія въ теченіе $5^1/_2$ мѣсяцевъ не рѣшилась перейти въ наступленіе. Очевидно японскіе генералы, офицеры и солдаты убѣдились на кровавомъ опытѣ, что съ русскими войсками можно воевать безконечно, что ихъ можно отбрасывать, разстраивать, но сломить русскую силу, побѣдить русскую армію и навсегда покончить съ русскимъ владычествомъ на Д. Востокѣ нельзя.

Это и высказалъ маршалъ Ойяма сотруднику «Ничи-ничи-шимбунъ».—«Разногласія относительно мирныхъ условій,—сказалъ онъ,—неизбѣжны, но японскій народъ долженъ помнить, что готовность Россіи продолжать войну не позволяла Японіи надѣяться на полученіе ею военнаго вознагражденія даже послѣ дальнѣйшихъ жертвъ и расходовъ. Прекращеніе военныхъ дѣйствій будетъ способствовать развитію Японіи, между тѣмъ какъ продолженіе войны исчерпало бы ея энергію и военные рессурсы...» Такого же мнѣнія былъ и адм.

Ямомото, высказавшій на совѣщаніи министра-президента Кацура съ членами обѣихъ палатъ японскаго законодательнаго собранія, что «благоразуміе требуетъ отъ страны удовлетвориться условіями заключеннаго мира, что взятіе Владивостока стоило бы гораздо больше и человѣческихъ и денежныхъ жертвъ, чѣмъ взятіе П.-Артура, и что страна должна готовиться къ тому, что Россія возродитъ на Тихомъ океанѣ сильный флотъ».

Пожелаемъ же Японіи, въ виду непрекращающихся слуховъ и газетныхъ свѣдѣній о готовности и намѣреніяхъ ея снова воевать съ нами, не забывать этихъ словъ, высказанныхъ устами столь авторитетныхъ государственныхъ людей ея.

Что касается жгучаго вопроса причинъ безпримѣрныхъ въ нашей военной исторіи неудачъ, то, конечно, онѣ лежатъ не въ отношеніи русскаго народа, русскаго общества и русской печати къ войнѣ и къ своей арміи, какъ это думаетъ ген. Куропаткинъ въ своемъ трудѣ—отчетѣ о войнѣ. Не имѣя, однако, возможности входить здѣсь въ полемику съ нимъ по этому глубоко волнующему насъ вопросу, [1]) мы выскажемъ здѣсь лишь наше искреннее убѣжденіе, раздѣляемое и другими военными писателями-историками минувшей войны, подкрѣпляемое, думается намъ, всѣмъ содержаніемъ настоящей книги,—что причиною нашихъ военныхъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей были исключительно неискусныя стратегическія дѣйствія нашихъ вождей. Наша неподготовленность къ войнѣ усугубляла лишь послѣдствія ихъ, но не обусловливала ихъ, она могла удорожить цѣну нашихъ возможныхъ побѣдъ, но не лишить ихъ насъ вовсе. Ибо не изжита еще боевая сила русскаго народа, не потеряли еще власть надъ нимъ такіе стимулы государственной жизни, какъ честь, достоинство и польза Родины, не изсякла еще исконная доблесть и стойкость русскаго офицера и солдата—и отступали они предъ врагомъ только по приказу своихъ генераловъ, только для осуществленія плановъ роковой пассивной стратегіи своего полководца.

Библиотека имени А. С. Пушкина

---

[1]) Частный отвѣтъ на это даютъ отчетъ о дѣятельности Россійскаго общества Краснаго Креста во время русско-японской войны и трудъ Т. И. Полнера—«Общеземская организація на Д. Востокѣ». (Москва. 1908 г.)

[library stamp]

Предисловіе. *Стр.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.—Прошлое русско-японскихъ отношеній 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.—Готовность къ войнѣ. 21

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.—Начало войны.—П.-Артуръ.—Тюренченъ.—Цзинь-чжоу. 46

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.—Вафангоу.—Дашичао.—Хайченъ. 72

ГЛАВА ПЯТАЯ.—П.-Артуръ 100

ГЛАВА ШЕСТАЯ.—Ляоянъ 117

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.—Шахе. 135

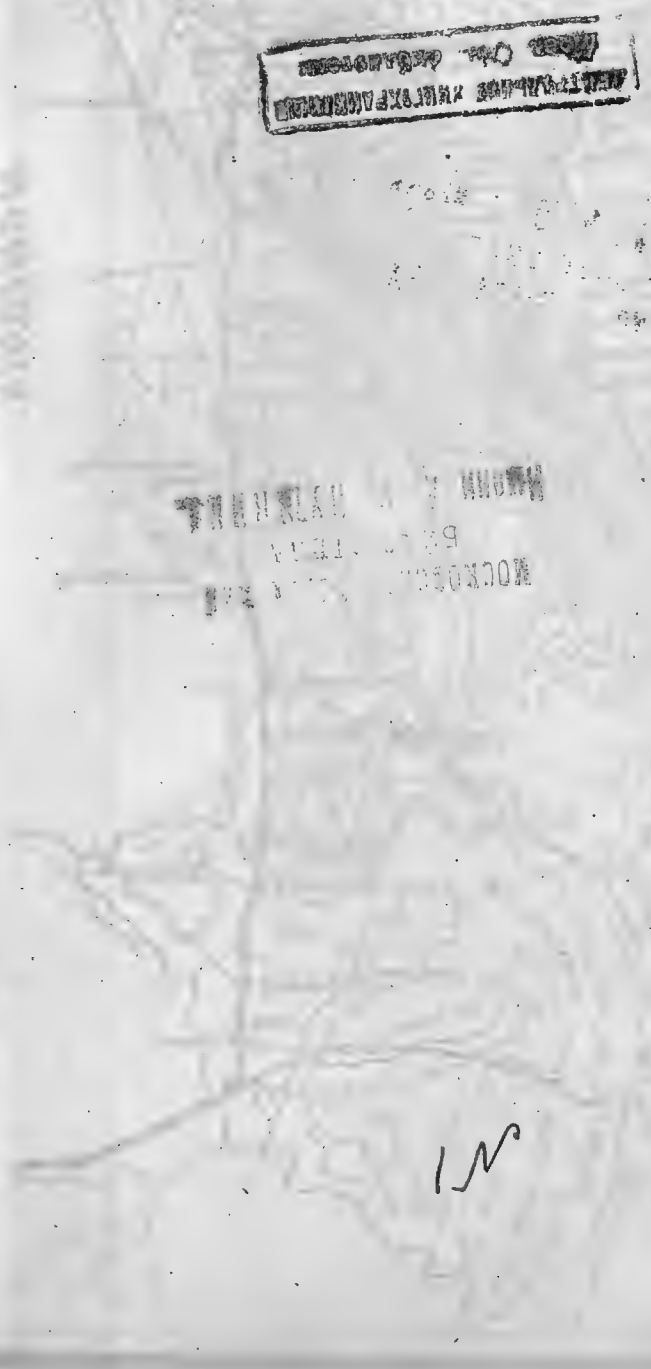
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.—Портъ-Артуръ 149

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.—Набѣгъ на Инкоу.—Сандепу.—Мукденъ . . . 167

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.—Цусима.—Миръ. 190

ТЕАТРЪ
ВОЙНЫ СЪ ЯПОНІЕЙ
въ 1904/5 гг.

Московская городская
библиотека
имени А. С. Пушкина



Шуйшуинъ
г. Сиротка
г. Передовая
г. Трехголовая
г. Боковая
г. Угловая
г. Мертвая
г. Дивизіонная
г. Длинная
г. Плоская
г. Сѣдловая
Высокая
г. Безымянная
г. Фальшивая
г. Фугасная
г. Барбетная
г. Рыжая
г. Промежуточная
г. Центральная
Фортъ IV
Фортъ V
Фортъ VI
Редутъ №2
Редутъ №3
Редутъ №4
Укр. №4
Укр. №5
Бат. лит. Д
Бат. лит. Г
Бат. лит. В
Кладбищ. импань.
Крематор. импань
Хумир ред
Водопров. ред
Новый городъ
Западн. бассейнъ
г. Лѣсная
Солеварни
г. Бѣлый Волкъ
Бат. №1
Бат. №2
Бат. №3
Бат. №4
Бат. №5
Бат. №6
Бат. №7
Бат. №9
Бат. №10
Бат. №11
Портъ-Артуръ
Соборная
г. Перепелочн
Новый Китайскій городъ
Прѣсное озеро
Укр. №3
Фортъ III
Отк. капон. №3
Редуты №2 №1
Капон. №2
Фортъ II
Б. Орл. Гнѣздо
Курган. бат.
Куропатк. люнетъ
г. Лаперовская
г. М. Орл. Гн.
г. Митрофаньевская
г. Безымянная
г. Владимірская
Каменол. Кряжъ
Бат. лит. Б
Укр. №2
г. Казачья
г. Отрожная
Бат. лит. А
г. Сахарная голова
г. Шатровая
Дагушань
г. Сяогушань
г. Большая
Укр. №1
г. Опасная
Откр. капон. №1
г. Спина Дракона
Фортъ I
Сигнальная горк
Бат. №12
г. Золотая
Бат. №13
Бат. №14
Бат. №15
Элект. утесъ
Бат. №16
Бат. №17
Бат. №18
Плоскій мысъ
Бат. №19
Бат. №20
Бат. №21
Бат. №22
г. Крестовая
Редутъ Тахэ
Саж. 500. 0. 1. 2. Версты

N 2.

Центральное книгохранилище
Моск. Губ. библиотеки